

7. 107

7. 107

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

1006 (208)

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочю братьи и Русьскій Земли.»
Владимиръ Мономахъ.

896891

1861

МАРТЪ

Центральна Библиотека ХАД
№ 945/32

ЦЕНТРАЛЬНА
БИБЛИОТЕКА
1946

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

59 a

ОГОНЬ

ВЪЗВѢЩЕНІЕ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, апрѣля 2-го дня, 1861 года.

Ценсоръ *Ст. Лебедевъ.*

1861

ВЪЗВѢЩЕНІЕ

246-211

1861

1006(28)

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССИЙСКІЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ веѣмъ Нашимъ вѣрноподаннымъ.

Божіимъ Провидѣніемъ и священнымъ закономъ престолонаслѣдія бывъ призваны на прародительскій Всероссійскій Престоль, въ соотвѣтствіе сему призванію Мы положили въ сердцѣ Своемъ объѣтъ обнимать Нашею Царскою любовію и попеченіемъ веѣхъ нашихъ вѣрноподанныхъ всякаго званія и состоянія, отъ благородно владѣющаго мечемъ на защиту отечества до скромно работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго вышнюю службу государственную до проводящаго на полѣ борозду сохою или плугомъ.

Вникая въ положеніе званій и состояній въ составѣ Государства, Мы усмотрѣли, что государственное законодательство, дѣятельно благоустроая вышнія и среднія сословія, опредѣляя ихъ обязанности, права и преимущества, не достигло равномерной дѣятельности въ отношеніи къ людямъ крѣпостнымъ, такъ названнымъ потому, что они, частію старыми законами, частію обычаемъ, потомственно укрѣплены подъ властію помѣщиковъ, на которыхъ съ тѣмъ вмѣстѣ лежитъ обязанность устроить ихъ благосостояніе. Права помѣщиковъ были донныи обширны и не опредѣлены съ точностію закономъ, мѣсто котора-

го заступали преданіе, обычай и добрая воля помѣщика. Въ лучшихъ случаяхъ изъ сего проиходили добрыя патріархальныя отношенія некрепней правдивой попечительности и благотворительности помѣщика и добродушнаго повиновенія крестьянъ. Но при уменьшеніи простоты нравовъ, при умноженіи разнообразія отношеній, при уменьшеніи непосредственныхъ отеческихъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, при выдѣленіи иногда помѣщичьихъ правъ въ руки людей, ищущихъ только собственной выгоды, добрыя отношенія ослабѣвали, и открывался путь произволу, отяготительному для крестьянъ, и неблагопріятному для ихъ благосостоянія, чему въ крестьянахъ отвѣчала неподвижность къ улучшениямъ въ собственномъ бытѣ.

Усматривали сіе и принопамятные Предшественники Наши и принимали мѣры къ измѣненію на лучшее положеніе крестьянъ; но это были мѣры, частію церѣшительныя, предложенныя добровольному, свободолобивому дѣйствованію помѣщиковъ, частію рѣшительныя только для нѣкоторыхъ мѣстностей, по требованію особенныхъ обстоятельствъ, или въ видѣ опыта. Такъ Императоръ Александръ I-й издалъ постановленіе о свободныхъ хлѣбопашцахъ, и въ Божѣ почившій Родитель Нашъ Николай I-й постановленіе о обязанныхъ крестьянахъ. Въ губерніяхъ западныхъ инвентарными правилами опредѣлены надѣленіе крестьянъ землею и ихъ повинности. Но постановленія о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ приведены въ дѣйствіе въ весьма малыхъ размѣрахъ.

Такимъ образомъ Мы убѣдились, что дѣло измѣненія положенія крѣпостныхъ людей на лучшее, есть для насъ завѣщаніе Предшественниковъ нашихъ и жребій, чрезъ теченіе событій, поданный Намъ рукою Провидѣнія.

Мы начали сіе дѣло актомъ Нашего довѣрія къ Россійскому Дворянству, къ извѣданной великими опытами преданности его Престолу и готовности его къ пожертвованіямъ на пользу Отечества. Самому Дворянству предоставили Мы, по собственному вызову его, составить предположенія о новомъ устройствѣ быта крестьянъ, при чемъ Дворянамъ предлежало ограничить свои права на крестьянъ и подыять трудности преобразования, не безъ уменьшенія своихъ выгодъ. И довѣріе Наше оправдалось. Въ губернскихъ комитетахъ, въ лицѣ членовъ ихъ, облеченныхъ довѣріемъ всего Дворянскаго общества каждой губерніи, Дворянство добровольно отказалось отъ права на личность крѣпостныхъ людей. Въ сихъ Комитетахъ, по собраніи по-

требныхъ свѣдѣній, составлены предположенія о новомъ устройствѣ быта находящихся въ крѣпостномъ состояннн людей, и о ихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ.

Сии предположенія, оказавшіяся, какъ и можно было ожидать по свойству дѣла, разнообразными, слнчены, соглашены, сведены въ правильный составъ, исправлены и дополнены въ Главномъ по сему дѣлу Комитетѣ; и составленные такимъ образомъ новыя положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ разсмотрѣны въ Государственномъ Совѣтѣ.

Призвавъ Бога въ помощь, Мы рѣшились дать сему дѣлу исполнтельное движеніе.

Въ силу означенныхъ новыхъ положеній, крѣпостные люди получать въ свое время полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей.

Помѣщики, сохраняя право собственности на все принадлежащія имъ земли, предоставляютъ крестьянамъ, за установленныя повинности, въ постоянное пользованіе усадебную ихъ оеѣдность, и сверхъ того, для обезпеченія быта ихъ и исполненія обязанностей ихъ предъ Правительствомъ, опредѣленное въ положеніяхъ количество полевой земли и другихъ угодій.

Пользуясь симъ поземельнымъ надѣломъ, крестьяне за сіе обязаны исполнять въ пользу помѣщиковъ опредѣленныя въ положеніяхъ повинности. Въ семъ состояннн, которое есть переходное, крестьяне именуется временно-обязанными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ дается право выкупать усадебную ихъ оеѣдность, а съ согласія помѣщиковъ они могутъ пріобрѣтаты въ собственность полевая земля и другія угодья, отведенныя имъ въ постоянное пользованіе. Съ таковымъ пріобрѣтеніемъ въ собственность опредѣленнаго количества земли, крестьяне освободятся отъ обязанностей къ помѣщикамъ по выкупленной землѣ и вступятъ въ рѣшительное состояннн свободныхъ крестьянъ-собственниковъ.

Особымъ положеніемъ о дворовыхъ людяхъ опредѣляется для нихъ переходное состояннн, приспособленное къ ихъ занятіямъ и потребностямъ; по истеченнн двухлѣтняго срока отъ дня изданія сего положенія, они получаютъ полное освобожденіе и срочныя льготы.

На сихъ главныхъ началахъ составленными положеніями опредѣляется будущее устройство крестьянъ и дворовыхъ людей, устанавливается порядокъ общественнаго крестьянскаго управленія, и указываются подробно даруемыя крестьянамъ и дворовымъ людямъ права и

возлагаемыя на нихъ обязанности въ отношеніи къ Правительству и къ помѣщикамъ.

Хотя же сіи положенія, общія, мѣстныя, и особыя дополнительныя правила для нѣкоторыхъ особыхъ мѣстностей, для имѣній мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и для крестьянъ, работающихъ на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ, по возможности приспособлены къ мѣстнымъ хозяйственнымъ потребностямъ и обычаямъ: впрочемъ, дабы сохраить обычный порядокъ тамъ, гдѣ онъ представляетъ обюдныя выгоды, Мы предоставляемъ помѣщикамъ дѣлать съ крестьянами добровольныя соглашенія, и заключать условія о размѣрѣ поземельнаго надѣла крестьянъ и о слѣдующихъ за оный повинностяхъ, съ соблюденіемъ правилъ, постановленныхъ для огражденія ненарушимости таковыхъ договоровъ.

Какъ новое устройство, по неизбѣжной многосложности требуемыхъ онымъ перемѣнъ, не можетъ быть произведено вдругъ, а потребуется для сего время, примѣрно не менѣе двухъ лѣтъ; то въ теченіи сего времени, въ отвращеніе замѣшательства, и для соблюденія общественной и частной пользы, существующій донынѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ порядокъ долженъ быть сохраненъ дотолѣ, когда, по совершеніи надлежащихъ приготовленій, открытъ будетъ новый порядокъ.

Для правильного достиженія сего, Мы признали за благо повелѣть:

1) Открыть въ каждой губерніи Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе, которому ввѣряется высшее завѣдываніе дѣлами крестьянскихъ обществъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ.

2) Для разсмотрѣнія на мѣстахъ недоразумѣній и споровъ, могущихъ возникнуть при исполненіи новыхъ положеній, назначить въ уѣздахъ Мирowychъ Посредниковъ, и образовать изъ нихъ Уѣздныя Мировыя Съѣзды.

3) За тѣмъ образовать въ помѣщичьихъ имѣніяхъ мірскія управления, для чего, оставляя сельскія общества въ нынѣшнемъ ихъ составѣ, открыть въ значительныхъ селеніяхъ волостныя управления, а мелкія сельскія общества соединить подъ одно волостное управление.

4) Составить, повѣрить и утвердить по каждому сельскому обществу или имѣнію уставную грамоту, въ которой будетъ нечисленно, на основаніи мѣстнаго положенія, количество земли, предоставляемой крестьянамъ въ постоянное пользованіе, и размѣръ повинностей, причитающихся съ нихъ въ пользу помѣщика, какъ за землю, такъ и за другія отъ него выгоды.

5) Сія уставныя грамоты приводить въ исполненіе по мѣрѣ утребденія ихъ для каждаго имѣнія а окончателю по веѣмъ имѣніямъ пвестити въ дѣйствіе въ теченіе двухъ лѣтъ, со дня изданія настоящаго Манифеста.

6) До истеченія сего срока, крестьянамъ и дворовымъ людямъ вребывать въ прежнемъ повиновеніи помѣщикамъ, и безпрекословно исполнять прежнія ихъ обязанности.

7) Помѣщикамъ сохранить наблюденіе за порядкомъ въ ихъ имѣніяхъ, съ правомъ суда и расправы, впредь до образованія волостей и открытія волостныхъ судовъ.

Обращая вниманіе на неизбѣжныя трудности предіріемаго преобразованія, Мы первѣе всего возлагаемъ упованіе на всеблагое Провидѣніе Божіе, покровительствующее Россіи.

За снмъ полагаемся на доблестную о благѣ общемъ ревность Благороднаго Дворянскаго сословія, которому не можемъ не пзъявить отъ Насъ и отъ всего Отечества заслуженной признательности за безкорыстное дѣйствованіе къ осуществленію Нашихъ предначертаній. Россія не забудетъ, что оно добровольно, побуждаясь только уваженіемъ къ достоинству человека и христіанскою любовію къ ближнимъ, отказалось отъ упраздняемаго вышѣ крѣпостнаго права и положило основаніе новой хозяйственной будущности крестьянъ. Ожидаемъ несомнѣнно, что оно также благородно употребитъ дальнѣйшее тщаніе къ приведенію въ исполненіе новыхъ положеній въ добромъ порядкѣ, въ духѣ мира и доброжелательства; и что каждый владѣлецъ довершитъ въ предѣлахъ своего имѣнія великій гражданскій подвигъ всего сословія, устроивъ бытъ водворенныхъ на его землѣ крестьянъ и его дворовыхъ людей на выгодныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ и тѣмъ дастъ сельскому населенію добрый примѣръ и поощреніе къ точному и добросовѣтному исполненію государственныхъ постановленій.

Имѣющіеся въ виду примѣры щедрой попечительности владѣльцевъ о благѣ крестьянъ, и признательности крестьянъ къ благодѣтельной попечительности владѣльцевъ, утверждаютъ Нашу надежду, что взаимными добровольными соглашеніями разрѣшится большая часть затрудненій, неизбѣжныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣненія общихъ правилъ къ разнообразнымъ обстоательствамъ отдѣльныхъ имѣній, и что снмъ способомъ облегчится переходъ отъ стараго порядка къ новому и на будущее время упрочится взаимное довѣріе, доброе согласіе и единодушное стремленіе къ общей пользѣ.

Для удобнѣйшаго же приведенія въ дѣйствіе тѣхъ соглашеній между владѣльцами и крестьянами, по которымъ сіи будутъ приобрѣтать въ собственность, вмѣстѣ съ усадьбами, и полевые угодья, отъ Правительства будутъ оказаны пособія, на основаніи особыхъ правилъ, выдачею ссудъ и переводомъ лежащихъ на имѣніяхъ долговъ.

Полагаемся и на здравый смыслъ Нашего народа.

Когда мысль Правительства о упраздненіи крѣпостнаго права распространилась между не приготовленными къ ней крестьянами: возникли было частныя недоразумѣнія. Нѣкоторые думали о свободѣ и забывали объ обязанностяхъ. Но общій здравый смыслъ не поколебался въ томъ убѣжденіи, что и по естественному разсужденію, свободно пользующійся благами общества взаимно долженъ служить благу общества исполненіемъ нѣкоторыхъ обязанностей, и по закону христіанскому, *всякая душа должна повиноваться властямъ предержавнымъ* (Рим. XIII. 1), *воздавать всѣмъ должное*, и въ особенности кому должно, *урокъ, дань, страхъ, честь* (7); что законно приобрѣтенныя помѣщиками права не могутъ быть взяты отъ нихъ безъ приличнаго вознагражденія или добровольной уступки; что было бы противно всякой справедливости пользоваться отъ помѣщиковъ землею и не нести за сіе соотвѣтственной повинности.

И теперь съ надеждою ожидаемъ, что крѣпостные люди, при открывающейся для нихъ новой будущности, поймутъ и съ благодарностію примутъ важное пожертвованіе, сдѣланное Благороднымъ Дворянствомъ для улучшенія ихъ быта.

Они вразумятся, что получая для себя болѣе твердое основаніе собственности, и большую свободу располагать своимъ хозяйствомъ, они становятся обязанными, предъ обществомъ и предъ самими собою, благотворность новаго закона дополнить вѣрнымъ, благонамѣреннымъ и прилежнымъ употребленіемъ въ дѣло дарованныхъ имъ правъ. Самый благотворный законъ не можетъ людей сдѣлать благополучными, если они не потрудились сами устроить свое благополучіе подъ покровительствомъ закона. Довольство приобрѣтается и увеличивается не иначе, какъ неослабнымъ трудомъ, благоразумнымъ употребленіемъ силъ и средствъ, строгою бережливостію, и вообще честною въ страхъ Божию жизнью.

Исполнители приготовительныхъ дѣйствій къ новому устройству крестьянскаго быта и самаго введенія въ сіе устройство употребятъ бдительное попеченіе, чтобы сіе совершалось правильнымъ, спокой-

нымъ движеніемъ: съ наблюденіемъ удобности временъ, дабы вниманіе земледѣльцевъ не было отвлечено отъ ихъ необходимыхъ земледѣльческихъ занятій. Пусть они тщательно воздѣлываютъ землю и собираютъ плоды ея, чтобы потомъ изъ хорошо наполненной житницы взять сѣмена для посѣва на землѣ постояннаго пользованія или на землѣ пріобрѣтенной въ собственность.

Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго.

Данъ въ Санктпетербургѣ, въ девятнадцатый день Февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ первое, Царствованія же Нашего въ седьмое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«АЛЕКСАНДРЪ»

Начинаемъ, въ *Основѣ*, отдѣлъ правительственныхъ распоряженій и постановленій важнѣйшимъ правительственнымъ актомъ,—которому нѣтъ равнаго по благотворнымъ послѣдствіямъ,—къ которому, въ теченіи вѣковъ, все прочіе акты служили болѣе или менѣе удачнымъ приготовленіемъ.

Манифестъ 19 Февраля налагаетъ побѣдную руку на стѣсенія, связывавшія свободный трудъ 23.000.000. До 5-го Марта, когда всенародно объявлена отмѣна крѣпостнаго права *навсегда*, самое появленіе на свѣтъ цѣлыхъ поколѣній крѣпостнаго народа было какъ-будто преступленіемъ: со дня своего рожденія, они уже лишены были—если не всехъ, то—по крайней мѣрѣ—нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ! Манифестъ 19 Февраля уничтожаетъ эти стѣсенія навсегда, и сколько бы ни оставалось еще сдѣлать для окончательнаго освобожденія

крестьянъ, но самое начало такого великаго преобразованія есть уже всемірная заслуга: она ставитъ тѣхъ, кто думалъ народную думу, кто содѣйствовалъ разрѣшенію крестьянскаго дѣла—и ставитъ выше всѣхъ Государя — въ ряду истинныхъ благодѣтелей человечества.

Освобожденіе крестьянъ никому не можетъ быть такъ близко какъ намъ, Украинцамъ. Мы, цѣлый вѣкъ боровшіеся противъ насильственнаго завладѣнія одного сословія другимъ во время соединенія съ Польшею,—мы, испытавшіе еще недавно несчастье—видѣть возвратъ этого искусственно—созданнаго, при Екатеринѣ II, сословнаго преобладанія въ нашемъ народѣ,—мы, безъ сомнѣнія, полнѣе, глубже и сильнѣе всѣхъ должны были почувствовать важность минуты, когда надъ огромной массой закрѣпощеннаго народа пронеслись и отозвались, въ самомъ сердцѣ, вѣчно—драгоценнѣйшія намъ слова: свобода и справедливость.

Крѣпостное право надвигалось къ намъ въ XVI и XVII вѣкѣ,—съ запада, а во второй половинѣ XVIII вѣка—съ сѣвера, но съ первыхъ зачатковъ у насъ крѣпостнаго права, во второмъ періодѣ просвѣщеннѣйшіе люди Украины всегда отрицали право душевладѣнія, и, насколько было возможно, писали и говорили противъ панскаго произвола и стѣпленія личной свободы крестьянъ.

Въ 1767 году, бывшая, подъ предѣлательствомъ графа Румянцева, Малороссійская Коллегія, въ «наставленіи» своемъ выборному въ Коммисію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія, Дмитрію Наталіну, изъявляла, что «простой народъ доведенъ до крайняго нерадѣнія мнимымъ въ свободѣ своевольтвомъ, ибо многіе бродятъ съ мѣста на мѣсто»; что все сіе можно исправить однимъ тѣмъ, когда, *при чинимой ревизіи*, гдѣ описываются дома и принадлежащія къ онымъ угодья, единожды навсегда утвердить всякой домъ и грунтъ, на примѣръ, подъ № или знакомъ—*такимъ*—дворянству, подъ *другимъ*—служивымъ, подъ *третьимъ*—мѣщанамъ, подъ *четвертымъ*—пахотнымъ поселянамъ, « съ тѣмъ, чтобы съ каждымъ такимъ дворомъ соединялась постоянная обязанность нести извѣстную службу и отбывать положенную въ окладъ повинность. При этомъ, для приведенія государственныхъ доходовъ въ порядокъ, Коллегія признала удобнѣйшимъ—»доходы расположить, до генеральнаго размежеванія земель, *съ души*». «Сими и другими средствами, всякъ дани и службы, ни-

гдѣ не избѣжить, безъ платежа нигдѣ ничего не получить.... Всякой пашенной тогда не можетъ получить свободы, доколѣ, на свое мѣсто, не доставитъ такова же дашника, или работника; а не имѣющіе собственныхъ пашенныхъ земель и служащіе по договорамъ могутъ всегда пользоваться своею свободою.» За ухоть безъ отпуска предполагалось подвергать строгимъ взысканіямъ.

Это мнѣніе, сочиненное Коллегіею въ подражаніе существовавшему въ Великороссіи порядку, было встрѣчено сильнымъ возраженіемъ со стороны другаго выборнаго денугата, Григорія Политики. Хотя, по своимъ убѣжденіямъ, Политика былъ аристократъ стараго времени и отнюдь не признавалъ за крестьянами права на владѣніе землею; тѣмъ не менѣе онъ писалъ Коллегіи такъ: »Чтобъ, до генеральнаго размежеванія земель, доходы *собираютъ съ душъ*, на сіе я никакимъ образомъ согласиться не могу; ибо сіе не только правамъ, привиллегіямъ и многими вѣками утвержденнымъ обыкновеніямъ Малыя Россіи противно, но слѣдуетъ крайнему разоренію и опустошенію, а вообще государству—къ невозвратному вреду. Опыты сего очевидны уже и чувствительны; ибо когда, въ 1764 году, бывшій Гетманъ, графъ Кирило Григоріевичъ Разумовскій, велѣлъ учинить перепись *по душамъ*, не налагая никакого сбора, то *невѣроятно, въ какой страхъ и ужасъ пришелъ отъ того Малороссійскій народъ*, и чрезвычайно началъ бѣжать въ Польшу и въ Татарскую Землю, и селиться на тамошнихъ земляхъ. Когда же, 1765 году, та перепись и отъ графа Петра Александровича (Румянцева) возобновлена, съ прибавленіемъ того, чтобъ не только переписать души, дворы и хаты, но обмѣрять земли, лѣса и всякія угодія, описать скотъ, въ прудахъ рыбу и прочее: то народъ въ большій еще пришелъ страхъ и умножалъ побѣги; ибо изъ того простой Малороссійскій народъ заключилъ что имъ больше ничего отъ того не слѣдуетъ, *какъ только записаннымъ быть въ крепости, по примѣру Велико-россійскихъ крестьянъ, а для Малороссійскаго народа и одно сіе воображеніе ужасно и неспосно....*

»Легко можно на земли и на дома наложить новыя подати; легко можно разставить нумеры, но опасно только то, чтобъ одни нумеры не остались, а людей—не будетъ. Представляемые же отъ Коллегіи средства, чтобъ уходящихъ сыскивать всеми мѣрами, наказывать, посылать на поселеніе и на каторгу, сколь насильственные суть, столь и бесполезны; ибо сіе народа, близъ границъ живущаго, не

удержитъ. Поймають одного, а десять уйдетъ. Лучше, по всемирнѣйшему Ея Императорскаго Величества намѣренію, оградить государство благоденствіемъ, а не стражею, то народъ и безъ того въ предѣлахъ своихъ останется.»

Возраженіе Григорія Политики, вѣроятно, было принято во вниманіе, но не надолго: чрезъ 15 лѣтъ, 3 мая 1783 года (И. С. Зак., № 13724), именнымъ указомъ Императрицы Екатерины II Сенату было повелѣно: » для извѣстнаго вѣрнаго полученія казенныхъ доходовъ въ намѣстничествахъ Малороссійскомъ, Кіевскомъ, Черниговскомъ и Новгородъ-Сѣверскомъ, и въ отвращеніе всякихъ побѣговъ, къ отягощенію помѣщиковъ и остающихся обитателей, каждому изъ поселенъ *остаться на своемъ мѣстѣ и званіи, гдѣ онъ, по нынѣшней ревизіи, записанъ*, кромѣ отлучившихся до состоянія сего указа; въ случаѣ же побѣговъ послѣ сего указа, поступать *по общимъ государственнымъ установленіямъ*.« Тѣ же правила были распространены и на уѣзды Слободско-Украинской губерніи, составлявшіе, въ то время, часть Харьковскаго, Курскаго и Воронежскаго намѣстничества, а равно и на Малоросіянъ, поселенныхъ въ губерніяхъ великороссійскихъ (1).

Вспомнивъ сказанное Политикою, можно—нѣтъ, едва ли намъ можно!—вообразить себѣ, что почувствовалъ Украинскій народъ, неожиданно попавшій въ неволю, отъ которой такъ долго откупался своею кровію. Чтобъ судить, какъ тяжело отозвалось закрѣпощеніе крестьянъ (даже вѣроятно—въ немногихъ, образованнѣйшихъ) нашихъ помѣщикахъ, приведемъ нѣкоторыя строфы изъ *Оды на Рабство*, сочиненной по этому случаю, въ томъ же 1783 году, авторомъ »Ябеды,« *В. В. Капнистомъ*. Тѣ стихи, которые, пробиваясь сквозь ложноклассическія выраженія *оды*, намекаютъ на событіе, повергшее народъ въ страшное униженіе, *обозначены кррсивомъ*.

Пріемлю лиру мной забвенну,
Отру лежащу пыль на ней;
Простерши руку отягченну
Желѣзныхъ бременемъ цѣпей,
Для пѣсней жалобныхъ настрою;

(1) Правила, постановленныя въ указѣ 3 мая 1783 года, были распространены на *Полуденный Край*, (въ который входила и вся Новороссія), только при Императорѣ Павлѣ, 16 декабря 1796 г. (И. С. Зак., № 63.868.

И согласи съ моею тоскою,
Унылый, томный, звукъ пролью
Отъ струнъ, рѣкой омытыхъ слезной:
Отчизны моя любезной
Порабощены восною!

Куда ни обращу зѣницу,
Омытую потокомъ слезъ,
Вездѣ, какъ скорбную вдовицу,
Я зрю мою отчизну днесъ;
Исчезли сельскія утѣхи,
Ирива рѣзвость, пляски, смѣхи;
Веселыхъ тѣней гласъ утихъ
Златныя нивы сиротѣютъ;
Поля, лѣса, мѣра пустѣютъ;
Какъ туча, скорбь легла на нихъ.

Вездѣ, гдѣ кущи, села, грады,
Хранилъ отъ бѣдъ свободы щитъ,
Тамъ тверды зиждетъ власть ограды,
И вольность узамъ тѣснить.
Гдѣ благо счастье народно
Со всѣхъ сторонъ текли свободно, —
Тамъ рабство ихъ отонитъ прочь....
Увы! судьбѣ уродно было,
Одно чтобъ слово превратило
Нашъ ясный день во мрачную ночь.

Ты зришь, Царица! се ликуетъ
Стенящій въ узахъ твой народъ;
Съ восторгомъ днесъ онъ торжествуетъ
Твой громкій на престолъ восходъ.
Яремъ свой носить терпѣливо
И молить небо, да щастливо
Ты царствуешь, народъ любя....
И ты-ль его умножиши муки,
Обременитъ цѣпями руки,
Благословящія тебя?

Но итъ:—души твоей доброты
Подвластные боготворять;
Твой кроткій судъ, твои щедроты,
Врага, преступника шадятъ;
Возможно-ль, чтобъ сама ты нынѣ
Повергла въ жертву злой судьбинѣ
Тебя любящихъ чадъ твоихъ?

И мыслей чужда ты суровых:—
Такъ что-же?—*блажь не скрываетъ новыхъ*
Подъ мнимымъ инетомъ бѣдствій сихъ?

Дашь зрѣть намъ то златое время,
Когда спасительной рукой
Верши постыдно сложивъ бремя
Съ отчизны моея драгой.
Тогда—о лестно упованье,
Прервется съ тѣхъ краяхъ стenanье,
Гдѣ съ первый разъ узрѣлъ я свѣтъ;
Тамъ, вмѣсто воплей и стenanій,
Раздастся шумъ рукоплесканій
И съ щастьемъ вольность процвѣтетъ...

Желанію Капниста суждено было исполниться только чрезъ 80 лѣтъ. Да будетъ же благословенъ день, въ который...» снято съ отчизны постыдное бремя; да упрочится взаимное довѣріе, доброе согласіе и единодушное стремленіе къ общей пользѣ; «да процвѣтетъ счастье и свобода!»

Замѣчательно, что Капнисть пораженный закрѣпощеніемъ нашего народа въ 1783 году, называетъ *отчизну—скорбною вдовицей*. Подъ впечатлѣніемъ тѣхъ же явленій крѣпостнаго быта, нашъ Шевченко (вовсе не знавшій Оды Капниста), также представлялъ Украину въ поэтическомъ образѣ печальной вдовы, освобожденіе которой отъ крѣпостнаго права, составляло внутреннюю задачу всей жизни поэта. Однажды возвращаясь послѣ отставки, изъ военной службы, въ Европейскую Россію, онъ встрѣтился, на волжекомъ пароходѣ, съ однимъ опущеннымъ на волю музыкантомъ,—и, даже въ звукахъ его скрипки, бѣдному поэту послышались «стоны крѣпостной души и — казалось ему — сливались въ одинъ потерянный, мрачный, глубокий стонъ милліоновъ крѣпостныхъ душъ.—Скоро ли долетятъ эти пронзительные вопли до тебя, Боже!» — (писалъ Шевченко, по этому поводу, въ своемъ дневникѣ.)

ВОСПОМИНАНИЕ О ШЕВЧЕНКѢ; ЕГО СМЕРТЬ И ПОГРЕБЕНИЕ.

Охъ, и радъ-же-бъ я, дитя моё,
До тебе встати, тоби порядокъ дати,—
До сира могѣла двѣри залегла,
Окѣнечка заклепила.

Свадебная сиротская пѣсня.

Не стало Шевченка! Смерть разлучила насъ навсегда съ великимъ поэтомъ...

Тарасъ Шевченко родился посреди степенъ Дѣлѣпровскихъ, и тамъ, съ молокомъ матери, всосалъ любовь къ родинѣ, ея преданья, ея поэтическія пѣсни. Грустная пѣснь послалась въ убогой хатѣ; качалась убогая *колыска*; мать прерывала пѣнье... и горячія, сердечныя слезы капали на его лицо; мать брала его на руки, повитого въ лохмотья, и плелась съ нимъ на панщину въ зной и ненастье.

Подростая немного, онъ уже слушалъ козацкія пѣсни и рассказы стараго дѣда, — современника, а быть можетъ, и сподвижника Гайдамакъ, — который выводилъ передъ его глаза кровавыя сцены, полныя ужаса и отваги. Все закаливало эту душу. Жизнь его, отъ рожденья, была наполнена то горемъ, то драмой, то поэзіей. Всѣ житейскія бѣдствія были для него не слухомъ, а дѣйствительностью; нищета и жалкая доля преслѣдовали по пятамъ и его, и все, что было ему близко. Поэтическая и дѣйствительная жизнь народа нераздѣльно отпечатлѣвались на его душѣ.

Слѣпая судьба рано взяла его въ жесткія руки, и не давала его сердцу отдыха. Оторванный пѣкогда отъ родины и семейства, заброшенный далеко отъ друзей, онъ долго изнывалъ одинокій, въ пустынѣ, въ глуши, но никогда не жаловался на свою судьбу, никогда не говорилъ о своихъ страданіяхъ.

»Невснущее горе« не измѣнило его; онъ остался чистъ сердцемъ,— онъ былъ вполне человѣкъ,—во всемъ значеніи этого слова. Поэтъ, гражданинъ, живописецъ, граверъ, пѣвецъ, — онъ вездѣ шелъ честно и разумно.

Эти дарованія совмѣстились въ немъ сколько на отраду и отдыхъ въ тяжелой жизни, столько и на еще горячайшее сознание своего безотраднaго существованія. У другаго въ жизни можно сосчитать дни горя, у него—счастливые дни.

Для Шевченка настали свѣтлыя минуты, когда, послѣ 40-ти лѣтней разлуки, онъ свидѣлся съ друзьями, съ родиной, съ родными.

Нѣжная, теплая душа его была благодарна каждому, кто любилъ его. Благодарность за участие не покидали его никогда. Обвиняемый нѣкоторыми въ неблагодарности, онъ горько былъ этимъ оскорбленъ. Однажды онъ писалъ такъ: «Пригрѣзилось, будто я освобожденъ отъ крѣпостнаго состоянія и воспитанъ на чужой счетъ. Откуда эта нелѣпная басня—не знаю. Знаю только, что она не дешево мнѣ обошлась.»—

За мою заочную любовь къ нему, Шевченко встрѣтилъ меня, при первомъ знакомствѣ, братскими объятіями, не отходилъ отъ меня, ласкалъ дѣтей, приходилъ ко мнѣ ночью и безъ церемоніи будилъ, желая насмотрѣться. «Какъ я радъ, что вижу васъ и ваше семейство,» говаривалъ онъ. Дѣти мои, которыхъ онъ прежде никогда не видалъ, трогали его до слезъ, называя по имени съ перваго свиданья: они знали его по портрету. Не время сближаетъ человѣка, а сочувствіе. Мы съ первыхъ словъ были одна семья. Пользуясь такою открытою любовью, я позволилъ себѣ высказать Тарасу Григорьевичу все мое опасеніе за дальнѣйшую судьбу его и развернулъ предъ нимъ его будущіе, еще мрачнѣшіе, дни. Слѣзы наворачнулись на глазахъ его, онъ утеръ и всхлинулъ:» Правда... *О, крий Боже! крий Боже!...*»

Здоровье поэта — художника видимо разрушалось. Грусть и душевная тоска, недовольство собою, недовольство жизнью, одолевали его. Онъ рѣдко смотрѣлъ въ глаза... На горизонтъ его надвигалась мрачная туча и уже понесло холодомъ смертельной болѣзни на его

облитую слезами жизнь. Онъ все еще порывался видаться съ друзьями, все мечталъ поселиться на родинѣ... и чувствовалъ себя все хуже.

Утромъ, 26 февраля, въ половинѣ 6-го, не стало Шевченка...

Приведемъ простой, теплый и вполне достовѣрный разсказъ А. М. Лазаревскаго о послѣднемъ днѣ жизни поэта:

«Тарасъ Григорьевичъ началъ чувствовать себя нехорошо съ осени прошлаго года. 23-го ноября, встрѣтившись у М. М. Л. съ докторомъ Э. Я. Бари, онъ жаловался особенно на боль въ груди. Докторъ, выслушавъ грудь, совѣтовалъ Тарасу Григорьевичу побережеться. Съ тѣхъ поръ здоровье его плошало со дня на день. Январь и февраль просидѣлъ онъ почти безвыходно въ комнатѣ, изрѣдка только посѣщая короткихъ знакомыхъ. Въ это время онъ продолжалъ заниматься гравированіемъ, писалъ копію съ своего портрета, бывшаго на выставкѣ, и началъ портретъ одной дамы; послѣдній сеансъ былъ въ концѣ января; онъ весело и спокойно работалъ съ 12 до 4 часовъ.

«Въ субботу, 25-го февраля, въ день именинъ покойника, первый посѣтилъ больного М. М. Л. и засталъ его въ ужасныхъ мукахъ. По словамъ Тараса Григорьевича, съ ночи у него началась сильнѣйшая боль въ груди, не позволявшая ему лечь. Онъ сидѣлъ на кровати и напряженно дышалъ. *Наниши брату Варѣоломею*, сказалъ онъ Л., *що мені дуже недобре*. Велѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ г. Бари. Выслушавъ грудь, докторъ объявилъ, что водяная бросилась въ легкія.

«Муки страдальца были неописанныя; каждое слово стоило ему страшныхъ усилій. Мушка, положенная на грудь, нѣсколько облегчила страданія, и ему прочли поздравительную депешу изъ Харькова, отъ П. Трунова; *спасибі!* только и могъ сказать покойникъ. Потомъ попросилъ открыть форточку, выпилъ стаканъ воды съ лимономъ и легъ. Казалось, онъ задремалъ; присутствовавшіе сошли въ его мастерскую (*).

Около трехъ часовъ, Тараса Григорьевича посѣтили еще нѣсколько друзей. Онъ сидѣлъ на кровати, каждыя 5, 10 минутъ вскрикивалъ, когда будетъ докторъ, и выражалъ желаніе принять ошію, чтобъ забыться сномъ. Отвѣчали, что докторъ будетъ въ три часа, но чрезъ нѣсколько минутъ онъ опять началъ тосковать, спрашивая:—

(*) Т. Гр. умеръ въ домѣ академіи художествъ, въ своей мастерской. Постель его стояла на антресоляхъ.

скоро ли прїѣдетъ докторъ. Сравнительно, ему было въ это время лучше. Когда остался у него одинъ В. М. Л., Тарасъ Григорьевичъ началъ говорить, какъ бы хотѣлось ему побывать на родинѣ, и что весной поѣдетъ онъ въ Украину... Ободряя больного, В. М. Л. приглашалъ его сдѣлать поѣздки вмѣстѣ съ нимъ въ южныя губерніи. Тарасъ Гр. слушалъ съ удовольствіемъ, охотно соглашался, замѣчая, что родной воздухъ возстановитъ его здоровье: *«Отъ лѣсъ бы до-дому, тамъ бы я може одужавъ»*. Нѣсколько разъ повторялъ онъ, какъ не хочется ему умирать. Въ это время г. Бари опять посѣтилъ больного, нашель его въ удовлетворительномъ положеніи и совѣтовалъ продолжать прописанныя средства. Больного оставили видимо успокоеннымъ.

«Въ 6 часовъ прїѣхалъ одинъ изъ друзей покойнаго съ докторомъ П. А. Круневичемъ. Больной былъ опять въ трудномъ положеніи. Онъ съ усиленіемъ отвѣчалъ на вопросы доктора и, казалось, сознавалъ уже безнадежность своего положенія.

«Къ 9 часамъ прїѣхали снова гг. Бари и Круневичъ. Они еще разъ выслушали грудь больного: вода продолжала наполнять легкія. Для облегченія страданій, поставили другую мушку. Вслѣдъ за симъ, больной получилъ вторую поздравительную денешу, изъ Полтавы: «Батьку! Полтавці поздравляютъ любого кобзаря съ именинами и просятъ: утни, батьку, орле сизий! Полтавская громада». Выслушавъ ее, больной сказалъ: *спасибі, що не забувають*. Денеша, видимо, обрадовала его. Затѣмъ доктора сошли внизъ. Оставшіеся при немъ друзьямъ Т. Гр. сказалъ: *чи не засну я, — возьми огонь!* Но минутъ черезъ пять онъ отозвался: *что тамъ?* и когда на зовъ его явились, то онъ просилъ воротить г. Бари и сказалъ ему: *у меня опять начинается пароксизмъ: какъ бы оставитъ его!* Положили на руки горчишники.

«Въ половинѣ 11-го, Тараса Григорьевича посѣтилъ М. М. Л. съ другимъ прїятелемъ; они нашли больного сидящимъ на кровати безъ огня; ему было очень тяжело. На замѣчаніе М. М. Л., что, можетъ быть, они его стѣсняютъ, Т. Гр. отвѣчалъ: *и справди такъ; мнѣ хочетья говорить, а говорить трудно*. Его оставили одного.

«Почти всю ночь провелъ онъ сидя на кровати, упершись въ нее руками: боль въ груди не позволяла ему лечь. Онъ то зажигалъ, то тушилъ свѣчу, но къ людямъ, бывшимъ внизу, не отзывался.

«Въ 5 часовъ, онъ попросилъ оставленнаго при немъ М. М. Л. слугу сдѣлать чай и выпилъ стаканъ со сливками. *Убери же ты теперь здѣсь*, сказала Т. Гр. слугѣ, *а я сойду внизъ*.

»Сошелъ Т. Гр. въ мастескую, охнулъ, упалъ, и—въ половинѣ 6-го—нашего дорогаго, роднаго поэта не стало!...»

Изъ бѣдной комнатки покойнаго распространялась страшная вѣсть по Академіи,—разливалась далѣе, далѣе, и пошла, по городу, отыскивая друзей и братій, каждому нанося рану въ сердце.

28-го февраля, утромъ, была похоронка и обѣдня. Тяжело, невыносимо—мучительно было прощанье, но, не смотря на то, какое-то отрадное чувство и свѣжесть вѣяли на душу. Храмъ былъ полонъ. Всѣ соединились братски въ одну печаль, въ одно воздыханіе. Благоговѣніе къ покойному и непорушимая тишина были кругомъ. Тутъ не было лицемерія: непритворная любовь и уваженіе къ Шевченку крѣпко сдружили насъ.

Невозвратимая утрата сѣдала тоской, давила грудь свинцомъ. Печальные и сраженные горемъ приближались мы, одинъ за другимъ, ко гробу, чтобъ надъ свѣжимъ еще тѣломъ усопшаго высказать его заслугу. Каждый и плакалъ и радовался, слушая публичную оцѣнку поэта-человѣка. Каждое сказанное слово былъ готовъ каждый изъ насъ повторить громко,—оно намъ всею принадлежало.

Мы помѣстимъ эти надгробныя слова безъ измѣненія и въ томъ порядкѣ, какъ они произносились. Пусть они напоминаютъ тотъ грустный день, въ который такъ единодушно, такъ благородно, выразились и любовь и уваженіе къ покойному Тарасу Григорьевичу.

СЛОВА НАДЪ ГРОБОМЪ ШЕВЧЕНКА.

I.

П. А. КУЛИША.

Немає зъ насъ ні одного достойного проректі рідне українське слово надъ домовиною Шевченка: уся сила и вся краса нашої мови тильки ёму одному одкрилася. А все жъ ми черезъ ёго маємо велике й дороге намъ право—оглашати ріднимъ українськимъ словомъ сю далёку зёмлю.

Такий поэтъ, якъ Шевченко, не однимъ Українцямъ рідний. Дѣбъ вінъ не вмеръ на великому Славянському мірові, чи въ Сербіи, чи въ Болгаріи, чи въ Чехахъ, — всюди вінъ бувъ би міжъ своїми.

Боявся еси, Тарасе, що врешть на чужині, між чужими людьми. Отъ-же, ні! Посередь рідної великої семьи спочивъ ти одичинкомъ вічимъ. Ні въ кого зъ Українцівъ не було такої семьи, якъ у тебе; нікого такъ якъ тебе на той світъ не провоза́ли. Були въ насъ на Україні великі во́ни, були великі правітели, а ти ставъ вище всіхъ їхъ, и семья рідна въ тебе найбільша. Ти бо, Тарасе, вчивъ насъ не люде́й изъ се́го світу згони́ти, не городі́ й се́ла ошачо́увати: ти вчивъ насъ пра́вди свято́ї животворя́щої. Отъ за сю—то нау́ку збра́лися до тебе усіхъ язикі́въ лю́де, якъ діти до рідного ба́тька; черезъ сю твою нау́ку ставъ ти всімъ імъ рідний, и провоза́ють тебе на той світъ съ плаче́мъ и жа́лемъ великимъ. Дя́куємо Бо́гу свято́му, що живемо не въ такий ві́къ, що за сло́во пра́вди люде́й на хреста́хъ распина́ли, або на костра́хъ палили. Не въ катако́мбахъ, не въ верте́пахъ збра́лися ми сла́вити великого чоловіка за є́го нау́ку пра́вдну: збра́лися ми середь білого дня, середь столи́ці великої, и всією грома́дою склада́ємо є́му на́шу щі́ру дя́ку за є́го живото́рне сло́во!

Ра́дуйся жъ, Тарасе, що спочивъ ти не на чужині, бо нема́є для тебе чужини на всій Славя́нщині—и не чужі лю́де тебе хова́ють, бо всяка добра и розу́мна душа́—тобі рідна. Бажа́въ еси, Тарасе, щобъ тебе поховали надъ Дніпро́мъ—сла́втомъ: ти жъ бо є́го любивъ и малова́въ и го́лосно просла́вивъ. Ма́ємо въ Бозі па́дію, що й се твоє бажа́ння вико́наємо. Бúдешъ лежа́ти, Тарасе, на рідній Україні, на узбере́жжі сла́вного Дніпра, ти жъ бо є́го імья́ зъ своїмъ імья́мъ на віки зьеди́очивъ... Ще жъ ти намъ zostáвивъ оди́нь завітъ, Тарасе. Ти говоривъ своїй непоро́чній му́зі:

Ми не лука́вили зъ тобою,
Ми прости́ йшли,—у насъ нема́
Зерна́ непра́вди за собою...

Великий и святій завітъ! Будь же, Тарасе, пе́вень, що ми є́го соблюде́мо и ніколи не зверне́мо зъ доро́ги, що ти намъ проложи́въ еси. Коли жъ не ста́не въ насъ спа́ги твоїмъ слідо́мъ простува́ти, коли не мо́жна бу́де намъ, такъ якъ ти, безтре́петно святу́ю пра́вду глаго́лати; то лу́чче ми мовча́тимемъ, — и нехай одні твої великі́ ре́чи гово́рять лю́дямъ во віки и віки чи́сту, немішану пра́вду!

II.

В. М. ВЪЛОЗЕРСКАГО. (*)

Обі́звемось до тебе, ба́тьку іще разъ нашою рідною мате́рною мовою, що нею ти просці́вавъ, на всю Україну, свої думи про-

(*) Рѣчь эта была произнесена не вполне.

рочи, що нею розважавъ некучу тугу свого чистого серця и ливъ у наші душі огонь святий. Підіймемъ до тебе свою тиху немощну річъ; рідна та щира, самимъ серцемъ проказана, дійде вона до тебе: ти и мертвий її почувешъ.

Чи жь справді замовкъ ти на віки? . . . Замовкъ — и сумно стало округи насъ; здалось намъ, що найкраща, найголосніша струна нашого серця разомъ порвалася у грудяхъ, — що не стало поради вірної — батька у дітей, нема крилâ широкого прикритъ и зогріть сиrotь. . . Такъ намъ здавалось, — а теперъ ми вже пеймемо тому віри: бо не замовкне во віки твій голосъ міжъ нашимъ народомъ: мовъ луна неперестанна, оддаватиметья вінъ и намъ п насчадкамъ нашимъ, поки не замре у синівъ України щирее серце, поки намъ миле ріднее слово и громадське добро. . . За твоімъ лѣтомъ и ми полетіли — и вже не сгорнемо крилъ: підіймемось разъ и вдруге; будемо летіти якъ той голубъ Ноївъ, поки не знайдемо свого пристанища.

Хто жь ти такий, що такъ орудувавъ нами за життя свого, и правивъ душею нашою и зъ сїї труни тісної? На що ти живъ у світі? чомъ не затерла тебе гіркая доля, якъ передъ тобою и за тобою позатирала вона чимало братівъ нашихъ убогихъ и безталанихъ? . . . Теперъ, зрозуміли и свої и чужі, на що здався твій вікъ недовгий. Душа душу чує; почувла душа наша, за кого ти туживъ, за кого журився и побивався якъ осужений, за кого серце твоє любяче не знало упокою ніколи, и дило гарячи братні слѣзи. Въ тихъ теплихъ слѣзахъ твоїхъ були людські слѣзи: угадавъ ти въ когô болить и що болить — и все розказавъ світу. Ти весь у твоїхъ пісняхъ прозорцхъ и мощнихъ, якъ філія на морі; весь изъ твоімъ серцемъ високимъ, кипучимъ и ніжнимъ, изъ твоею вічнію тугою за долю людськую. Твої пісні — високе слово правди и любови — не для самого тільки твого народу.

Бать, скільки зібралось доброго люду коло тебе. Різнихъ батьківъ и різнихъ язиківъ, а всі якъ брати тобі рідні, бо ти всімъ жадавъ добра и правди, а для себе дождавъ — тільки тісної могили. Убога чужа хатина, старенька одежина — отъ усе, що скористувавъ ти своїмъ життямъ гіркимъ. «Тільки ёго й доли, що рано заснувъ» . . .

«Ми не лукавили зъ тобою,» мовлявъ ти до своєї долі: «ми просто йшли: у насъ нема зерна неправди за собою». Отеежъ и твоя слава вічна и скарбъ найдорогший: сѣго вже ніщо и ніхто не одбере відъ тебе. Оце жь и твій завітъ, для насъ, для твоїхъ синівъ-Українцівъ. Якъ доживемо ми до того, що й объ насъ люде скажуть: «у васъ нема зерна неправди за собою», — оттогді настане тобі праведна наша дяка, и зъ чистихъ ділъ нашихъ спорядитея тобі віковичний пам'ятникъ. — А поки-що — оддыхай, батьку, по твоімъ життю тяжкимъ, а насъ, молодшихъ, благослови на неусташну роботу для добра України и всѣго світу! —

III.

Н. И. КОСТОМАРОВА.

Смертный одръ усопшаго поэта не окружали ни родные, ни жена ни дѣти. Одинока была его смерть, напоминавшая украинскую цѣсню:

Ой, загинула козацькая головонька
Безъ роду—родини,
Безъ вірної дружини.

Но гробъ его теперь окруженъ не чужими. Поэтъ не остался чуждымъ и для Великорусскаго племени, которое воспитало его, оцѣнило и пріютило въ послѣдніе дни его, послѣ долгихъ житейскихъ страданій. На его закатъ блеснула прощальною улыбкою любовь,— не женская любовь, часто измѣнчивая и лукавая, а безкорыстная, святая любовь душъ, способныхъ понимать изящное.

Такова сила поэзіи! Въ какой бы исключительной формѣ ни проявлялась она, какъ бы тѣсно ни соединялась она съ народностью и мѣстностью, — ея общечеловѣческой смыслъ не можетъ укрыться и сдѣлается общимъ достояніемъ.

Шевченко не былъ только поэтомъ для Украины: онъ — поэтъ сельскаго народа, воспитавшій въ себѣ поэтическое вдохновеніе его существомъ, и передававшій его образованному міру въ прекрасныхъ безыскусственныхъ образахъ, добытыхъ имъ изъ сокровищницы своей богатой природы.

Простимся съ дорогимъ поэтомъ словами украинской думы:

Слава твоя не вмере, не поляже!
Буде слава славна
Поміжъ козаками,
Поміжъ друззями,
Поміжъ рицарями,
Поміжъ добрими молодцями!
Утверди, Боже, люду Руського,
Народу Християнського,
Зъ черню Дніпровою, Низовою,
На многні літа,
До конца віка!

IV.

В. Ю. ХОРОШЕВСКАГО. (*)

Niech też Polskie słowo, krótkie ale serdeczne, zabrmi przy twojej trumnie, zacny Rusiński wieszczu! Tyś kochał swój kraj ojczysty, swój Dniepr siny, swój lud siermiężny, tyś tego ludu był dzielnyim śpiewakiem; na łzę jego tyś zawsze łzą odpowiadał — cześć tobie! Tyś pono nie lubił Polaków, ale tę niechęć ku nim sprawiły w tobie dawne ich błędy, z których na lud twój, przez ciebie gorąco umiłowany, wielkie spłynęły cierpienia; więc tój niechęci przyczyna w tém leży:

«Żeś kochał wielu, żeś kochał wiele.»

Niechże przy twojej trumnie wszelkie umilkną wyrzuty, niech tylko serdeczne brzmi słowo: cześć tobie! Za błędy ojców nie odpowiadają synowie; nie poruszajmy więc tutaj starych waśni dawno upłynionej przeszłości; powiedzmy raczej przy tych zwłokach braterskie „kochajmy się!“

Oby śmierć twoja, zacny Tarasie, i ten uroczysty a smutny obrzęd twojego pogrzebu, nowego życia były początkiem! Oby na twój trumnie kilka przynajmniej nienawiści ustało, i oby ten mały początek zradzał w przyszłości coraz więcej wzajemnego zrozumienia się, braterstwa i dawnych krzywd zapomnienia, jak małe ziarnko do ziemi wrzucone obfity plon zradza. Byłby to najpiękniejszy wieniec na cześć twoją i najwspanialszy tobie pomnik, Tarasie!

Пусть также и Польское слово, короткое, но сердечное раздастся у твоего гроба, достойный поэт Русинский! Ты любил свой край родной, свой Днѣпр синий, свой народъ сермяжный; ты былъ мощнымъ пѣвцомъ этого народа; на слезы его ты всегда отвѣчалъ слезами. Честь же тебѣ, достойный Тарасъ, честь тебѣ! Ты не любилъ Поляковъ, но нелюбие твое къ нимъ произошло въ тебѣ въ слѣдствіе ихъ давнихъ заблужденій, которыя низвели неиславшія на народъ пламенно тобою любимый, большій страданія. ... Нелюбья твоего причины въ томъ,

«Что ты любилъ многихъ, что ты любилъ много!»

Но пусть у твоего гроба умолкнуть всякіе упреки, пусть здѣсь слышится одно сердечное слово: честь тебѣ!

За ошибки отцовъ не отвѣчаютъ ихъ дѣти, не станемъ же вспоминать здѣсь про старыя ссоры давно-минушаго, а скажемъ лучше братское: «полюбимъ другъ друга!» О, если бы твоя смерть, почтенный Тарасъ, и этотъ торжественно-печальный обрядъ были началомъ новой жизни! О, если бы на твоей могилѣ умолкло хоть нѣсколько ненавистей, если бы это начало повело въ будущемъ къ постепенному взаимному, братскому уразумѣнію и къ забвенію давнихъ неправдъ, и принесло какъ зернышко, брошенное въ землю, обильный плодъ! Это былъ бы твой прекраснѣйшій вѣнецъ и величественнѣйшій памятникъ!

(*) Съ большимъ удовольствіемъ и признательностью помѣщаемъ здѣсь эту превосходную, благородную рѣчь. Она показала, что нашъ народный поэтъ внушалъ чувства справедливости соплеменникамъ нашимъ, возвышающимся надъ предразсудками.

V.

А. С. ЧУЖБИНСКАГО.

Не въ стѣну, не на могилі—
 Надъ Дніпромъ широкимъ—
 Ти заснувъ еси, Кобзарю,
 Вічнимъ сномъ глибокимъ.

Надъ Невною, підъ снігами,
 При похмурнімъ сонці,
 Ти полігъ еси, мій друже,
 На чужій сторонці.

У головахъ не посадять
 Червону калину,
 Не привіта соловейко
 Твою домовину...

Не закує и зозуля
 Де-небудь въ куточку,
 У цвітючимъ та пахучімъ
 Вишневімъ садочку...

Кругъ тебѣ чужа-чужина...
 Та не чужі люде:
 Ї кому тебе оплакати,
 Ї—и довго буде.

Покоління поколінняю
 Объ тобі розкаже,
 И твоя, Кобзарю, слава
 Не вмере, не поляже!

VI.

П. И. ТАВОЛГИ.

Плачте очі, виливайте
 До слезини, до росини;—
 Боже ти мій! Яка сила
 Пішла въ домовину...

Се той лежить, що не треба
 Було ёму злата;
 Се той, що душу її тло 'давъ,
 Безъ плати, за брата;
 І пісню сивий голубъ
 Гувъ по Україні,
 Бився крильми объ могили—
 Святіі руїни;
 То поліше по садочкахъ—
 Жалібно застогне
 Зъ дівчиною, що одъ зради,
 Якъ билина сохне;
 Зъ удівонькою потужить,
 Де дітокъ, якъ бобу,
 Кричать: »хліба!«—а тутъ нема...
 Хоть ізъ мосу въ воду!
 Комужъ діло?—безталанимъ
 Все чужій люди;
 А вінъ усімъ братікъ рідний,
 Всіхъ приймавъ на груди,
 І бідоту і вею въ злоти
 Та гіркую долю,
 Що позичише лиху
 Не дає покою.
 Въ пісні его—янголь плаче
 Про людську недолу,
 Кожну душу пригортає,
 Якъ матуся дошу;
 Да такъ щиро, та прихильно
 Зъ безталанимъ тужить,
 Що і кам'яшеє серце
 Ростопить, порушить.

Не въ хоремахъ, не въ роскошахъ
 Смерть тебе постигла:—
 У хатині орелъ сизий
 Склавъ широкі крила;
 Дві свитіни красять стіни,
 Да і то старенькі,
 Плахоткою сестриною
 Зап'яті гарненько,—
 Тільки всього!...

Ой не тільки—дивись скільки
 Зібралоя люду

Різнихъ батьківъ і языківъ...
 Зовуть тебе къ сѣду!
 Щожъ ви плачете, панове?
 Судіте! судіте!
 Про діла его громаді
 Голосно скажіте;
 Скажіте, якъ туживъ вінъ що-дешь
 За тими хто плаче,
 Якъ гримівъ звонами правди,
 Якъ щире, козаче,
 Серце ёго пало всюди
 Божою росою,—
 І прийшли ви еднатись зъ нимъ
 Чистою слёзою!

Слѣзи сїі дощѣмъ теплимъ
 Кануть въ Україні,
 Розіллятця річеньками
 І довго тектимуть.
 Ізъ нихъ туманецъ, що-ранку,
 На легенькихъ крилахъ
 Буде летіть, нести росу
 На твою могилу.
 І ростіме та могила
 Все въ гору, да въ гору
 Широкая, та нишня—
 Буде їй простору!..
 Може злетішъ ти, нашъ любий,
 На яєнихъ промінняхъ,
 На могилу, щобъ глинути
 Геть! на Україну.
 Може ўзришъ: край веселий,
 Пісня по всімъ полю
 Про Тараса—і забудешъ
 Свою гірку долю.

Гробъ не закрывали. Всякій спѣшивъ сорвать на память листъ съ лавровыхъ вѣнковъ, положенныхъ почитателями и почитательницами високаго таланта и дѣлился этою послѣднею землею памятю. Гробъ несли безъ крышки до самой могилы; траурныя дроги ѣхали порожня. Тихо, мирно шла густая толпа, напoлняя всю улицу. Въ это время посыпалъ частый снѣгъ... «*Се діти послали зъ України свої слѣзи по батькові*», сказала одна Украинка.

Въ послѣдній разъ раздалась «вѣчная память»; гробъ опустили въ могилу; разошелся причетъ церковный; наступила совершенная тишина на полчаса: гробъ зашаввали въ свинцовый ящикъ.

Здѣсь опять были сказаны рѣчи, которыя мы помѣщаемъ по порядку:

VII.

РІДНЕ СЛОВО О. А. ХАРТАХАЯ.

Чи мало зъ чимъ рівняли жисть чоловіка на сімъ грішнімъ світі! рівняли її зъ каюкомъ, що плава по сиңему морю, рівняли її зъ банькою на воді... свята правда! схопився вітеръ, зірвалась буря, пішла горами хвиля... и баньці и каюкові—капуть. Рівняли її зъ блиною у полі, зъ високимъ деревомъ, котрому черви коріння точуть,— и багацько де-зъ-чимъ рівняли... а я вже не ставъ! — Серце щемить, душа болить, волосся на голові дибомъ стоять; сумно, страшно, якъ считаешъ себе—«щобъ ти и чого живешъ»?

Усі люде виринають на світъ Божій, якъ и жодний, та не всімъ, якъ дѣ-кому, доля придалась. Доля, мовъ п'яний чоловікъ, що по ярмарку зъ пляшкою ходє; частує всякого, хто на вічі попавє: иншого до-верху налле, другому тільки чарку піднесе, а третєго и овсєй обмене,—якъ лихоманка, не розбіра на кого наскіпатья: чоловікъ чи папъ—ій все однаково. Вона не зазира нікому ні въ голову, ні въ душу, ні въ сердце. Инший до пяти ліківъ не тямє,—душа якъ вівця надъ сіномъ,—зъ старцівъ сорочку лує, жуківъ безвиннихъ ногами топче,—а вона до єго льне и коржі зъ саломъ въ зуби тичє. Одинъ, для своєй користи, радъ усею громаду у старці пустить: вона єго шанує. А инший, (бодай не казать!) самъ про себе и думати не думає, не порива очей ні на срібло, ні на золото; єго користь—правда свята, єго щастя—діло добре: того й не добача, або ще и напуститця на єго, неначє ій правда єго у поперекъ лягла: мучє єго, вьяє, зъ нігъ валяє, ганя єго по світу, якъ ловець бйрюка по-полю, не зна дє єму смерть подіять; заженє єго у такі края, куди воропъ и кістки не занієсь-би. Заженє—бо єсилу має. Доля орудує чоловікомъ, якъ швецъ шиломъ: куди ввіткне, туди й лизь; якъ добрий козакъ конемъ:—куди п'аня туди іди. Правди у неї на шага не зберетця:

«Тому вона запродує
Відъ краю до краю,
А другому оставляє
Те, дє заховаютъ!»

Подякуємъ Богові, що вінъ не давъ намъ знати, що наєъ жде за горами! бо якъ-би чоловікъ знавъ, дѣ ёго кості положуть, — не захотівъ би довго жити!

Сумно и страшно вимовить: «Тарасъ Григоровичъ умеръ!» а ще страшнѣше сказати: »На чужій чужині!« Україно, мати наша! дѣ твоя утіха, дѣ вітає и щѣ теперъ робе?.. Зомліли ніженьки, що по світу носили, зложились рученьки, що тобі служили, закрились карі очі, що на тебе, любуючи й сумуючи, гляділи, минулися думи и пісні! Переставъ твій Тарасъ слѣзи лити, стомився, заснути зхотівъ. Матінко наша, Україно, стени наші, могили, Дніпръ широкій, небо наше сине! хто вамъ пісню заспѣває и про васъ загадаєтца! хто васъ такъ щиро любитиме и за васъ душу полджить! Тарасъ Григоровичъ—у труні, снаряжений на той світъ! Затихъ и замовкъ нашъ соловейко на віки! Україно, Україно! дѣ твій сніть вірний? Мова Українська! дѣ твій батько, що тебе такъ шапувавъ, що черезъ ёго и тебе щѣ бѣльше поважати стали. Надумався, наплакався, та й годі сказавъ: тісно ёму було на сімъ світі вінъ ёго й покинувъ...

Довго тебе, тату, на Україну вижидали; якъ дощичку маваго ждали,—теперъ перестануть! Якъ сонечко ясне, що зъ-за чорнихъ хмаръ визирає, показувавсь ти на рідній землі, та не довго въ ій вітавъ усе тебе доля на чужину заклікала—и очі на чужині закрила, въ чужій землі, въ чужій труні тіло поховала. Снизъ, тату, поки правда зъ кривою силу мірять буде, поки правда запанує на світі!..

VIII.

Н. С. КУРОЧКИНА.

Еще одна могила ракрылась передъ нами! Еще одна чистая, честная, свѣтлая личность оставила насъ; еще одинъ человекъ, принадлежавшій къ высокой семьѣ избранныхъ, высказавшихъ за народъ самыя свѣтлыя его вѣрованія, угадавшій самыя завѣтныя его желанія и передавшій все это неумирающимъ словомъ, — окончилъ горькую жизнь свою, неполненную борьбы за убѣжденія и всякаго рода страданій... Вся его жизнь была рядомъ испытаній; едва подъ конецъ ему улыбнулось счастье: онъ видѣлъ начало того общественнаго дѣла, къ которому стремился всею душой... Не дожиль онъ до осуществленія тѣхъ началъ, распространенію которыхъ способствовалъ своими пѣснями... Но не будемте горевать объ этомъ... не о многихъ можно сказать какъ объ немъ: онъ сдѣлалъ въ жизни свое дѣло!

Счастье въ жизни было не для него,—его ждетъ другое, посмертное счастье—слава....

IX. (*)

ПЕРМИТЯНИНА ЮЖАКОВА.

Спи, страдалецъ, несчастный другъ бѣднаго народа! Не видаль ты ясныхъ дней въ своей жизни, потому что туманомъ покрыта была Украина!—Но ты уснулъ на зарѣ свѣтлаго яснаго дня, въ виду земли обѣтованной.

Пѣсня старой твоей родины воскресла въ тебѣ и не умретъ!—Твой Кобзарь будетъ гулять по ней за тебя и, какъ правнукъ твоего дѣда, расскажетъ *про даяню долю України!*

X.

П. П. ЧУБИНСКАГО.

Еще одна потеря въ Славянскомъ мірѣ; еще одна могила на Славянскомъ кладбищѣ.

— Угасъ великій поэтъ, угасъ человекъ, у котораго *не было зерна неправды за собою*. Но не потеряется это свѣтило посреди тѣней... Сравнивается его могила—по его грустное существованіе, его *словъ слѣзы* не погибнуть и далекіе потомки скажутъ о немъ: *недаромъ вінъ на свѣтъ родився, свою Україну любивъ!*

Прибодимъ еще нѣсколько симпатическихъ стиховъ неизвѣстнаго Псковича:

XI.

Еще прекрасная скатилася звѣзда,
Еще могучая одна угасла сила!...
Нашъ милый братъ, ты ль насъ покинулъ навсегда?..
Украина своего поэта схоронила...

(*) Эта, и слѣдующія рѣчи, не были произнесены.

Исхить же ты изъ сѣверныхъ болотъ
 Священный прахъ поэта,— и въ землѣ родной,
 Въ виду степей своихъ привольныхъ и цвѣтущихъ,
 На берегу Днѣпра широкаго, сокрой...
 То было пламенной мечтой поэта
 И не нарушишь ты высокаго завѣта,

Разстались съ могилой только въ 5 часовъ вечера.

Тишина, скромность, общая грусть при погребеніи,—поднимали въ душѣ воспоминанья родныхъ украинскихъ похоронъ. Волненье чувствъ едва сдерживалось; украинки готовы были разразиться роднымъ плачемъ. Тянуло разстаться съ покойникомъ по-своему, хотѣлось оплакивать съ причитаемъ, *голосить*. Казалось, духъ Шевченка утѣшился бы этими поэтическими рыданьями своихъ землячекъ. Этотъ порывъ въ украинкахъ былъ бы естественъ; незнакомыя лица замыкали имъ уста. Здѣсь, намъ кажется, мѣсто этому плачу. Пусть онъ выскажется, пусть огласитъ могилу—и дойдетъ на родину.

ГОЛОСИННЯ УКРАІНОКЪ.

I.

»Чого ти такъ задумався—загадався, нашъ батьку рідний! яка важка дѣла обняла твою головошку? Кому ти урочаешъ вдову—Україну и дітокъ своїхъ? Хто їхъ догляне, хто привітає, якъ ти, нашъ голубе?! Хто замовить намъ такє тепле и щирє слово, якъ твої святá душá намъ оповідала!...

Бóже!... Розвильютця садóчки—а тебе, мій голубе, и не бóде! Защебече соловейко, закує зозуля— а тебе, нашъ жалібнику, и не почуємъ....

Зъ якої жъ сторони тебе, наше сонце, вѣтати? їсти и пити не бóдемъ—тебе, сирітській нашъ батеньку, бóдемъ виглядати....

Хто жъ промовить до насъ душею, хто тихимъ своїмъ словомъ жене тугу зъ нашего сёрца?... Ти у насъ бувъ старший одъ усіхъ, а якъ заговоришь, то, мовъ, найменший братъ. Річъ твої тиха, а коріла собі всю Україну!...

Не треба тобі ні ріднихъ, ні хрещенихъ дітокъ, щобъ одпокутовать тобі містечко на тїмъ світі: ти самъ собі спокутувавъ страждучи по темнихъ братахъ своїхъ!... Не оглянувшись ми, якъ ти уже й рушивъ на Божу дорогу... мовъ заря вечірняя покотилася—замаячила—геть, и—згасла!

И жупана на тебе, якъ слідъ, не вложили, шапки зъ квіткою,

якъ поводитця, не спорядили! бояръ, світилокъ не скликали, всёго поїзда твого краснаго великаго не зїбрали. *Весїлля ти не мавъ и счастья не знавъ.*

Чи зналижъ ми, що ти на годиночку у насъ? »Оттѣкъ и тѣкъ,« кажешъ, »дїтки, робїть...« а самъ уже и у Божого порога...

Якъ згадаю тебе, мїй старший боярине, що ти й на моему весїлї сївавъ—промѣлявъ и мене рїдному слову вчивъ, то тѣкъ и замїе мое серце!... Нїкѣли вже не буде ему спочинку, хїба на годиночку, якъ паде на ёго живущая—цїлющая роса—твоя пїсня, и радїсно и болїзно змїшаютьца мої вїрнї слїзи зъ твоїми чистими святими слїзами. Сповнивъ ти наше серце якимъсь огнемъ неугаснимъ,—бажаєтця любити и любити...

Скїльки дївочихъ очей умнєтця по тобї слїзою!... Поллютця вони по всїй Україні, якъ почують, що ти, орле пашъ, покинувъ гнїздо свое, дїтокъ своїхъ, навїки. Скїльки сирїть—покритокъ закуе зозуленьками по батьковї, заступнику, оборонцю своєму!

Пакажи—жъ и моеї матерї,—сонечку моему, що зайшло одъ мене,—и батьку моему рїдному: нехай виглядають и мене за тобою... Доки вже менї тутъ пробуватнєсь, даремне землю вѣжити, хлїбъ чужий заїдати да близькихъ серцю слїзми провожати!

Який же ти у мене дорогий бувъ да хороший? а що я тобї угодного вдїяла! такє вже моє безталання...

Якъ згадаю, що твою головоньку весною калина не затїнить, сонечко наше тепленьке не пригрїє, соловейко не защебече надъ тобою, горлички, зозульки весною не прилетять, здаї дївчата веснянокъ не заспївають, запашними зїллями, м'ятою, васильками, барвінкомъ, могили не вкриють своїми дївоцькими чистими слїзами й не зрєють... то ажъ серденько мое мрє, вь душі холопє!...

Скїльки ти памъ одради давъ, а ми тобї...! Коли-бъ була знала, що ти несподївано такъ насъ покинешъ, ябъ стояла пїдъ твоїмъ порогомъ на—вколїшкахъ, квилїла-бъ, молила-бъ, слїзами-бъ его обмила, щобъ ти, мїй незабутий, сподобивъ мене почувъ ище разъ твое тихе, благословєнне, слово!...

II

Мїй братїку, мїй голубоньку!.. мїй братїку, мїй лебедоньку!.. Мїй братїку, мїй соколе!.. мїй братїку, мої утїх!..

Кѣму ти насъ уручаєшъ? И чоґо ти на насъ розсєрдився?.. Чи ми тобї що-такє зробїли, чи ми тобї що заповдїяли, що насъ ти покидаєшъ?.. Простї менє, мїй братїку, простї менє, мїй голубоньку!.. Тїльки вь насъ булѣ утїхи, тїльки вь насъ булѣ одради, що ти, нашъ голубъ сївий!... Мїй братїку, мїй голубоньку... мїй братїку, мїй соколоньку!... Кудї ти одъ насъ вїдїтаєшъ?.. То вже наші стєжеч-

ки, наші доріженьки заростуть, де ми тебе виглядали, де ми тебе визирали!.. Мій братіку, мій голубе сівий!.. Хто насъ буде научати, хто насъ буде поражати!.. Да вже для насъ въ світі правди не буде лучче відъ тебе!.. Мій братіку, мій голубоньку!.. Нікого жъ намъ теперъ буде виглядати! Нікого намъ теперъ буде виждати!.. Та ми було підемо, та ми було дівимось... а якъ побачимо, що мріє, до ми думасемъ—се ти! Наше сэрце, наша душа у тобі!

Та й устань, мій братіку! та й устань, мій голубоньку! да й подивися, якъ у тебе багачько гостей понаходило!.. Твої дружкі, твої світільки прийшли до тебе... мій братіку, мій голубе!.. Якé жъ у тебе весілья смутнє та невеселе! Які твої світількі и дружки смутні та невеселі!.. Устань же, порадь же їх!.. Встань порадь же насъ, якъ імъ коники сідлати?... Да вже-жъ імъ коники не сідлати, та вже рушники не давати!

Мій братіку, мій голубоньку!.. відкіль тебе виглядати! відкіль тебе визирати! Чи зъ пісківъ, чи зъ долинь, чи зъ широкіхъ українъ?...

Коли намъ сподіватнєсь тебе? Чи кь Різду, чи кь Великодню, чи кь Святій—Неділонці?... Кь Різду снігомъ занесє, икь Великодню водою залє, кь Святій—Неділонці травою заростє!.. Чи кь Миколи? — да й ніколи, мійбратіку, мій голубоньку, мій соколе сівий!..

Якъ б́удуть пташки щебетати, я б́уду свого братіка виглядати. Якъ б́уде зоз́уля ковати, я б́уду свого братіка дожидати... Уже-жъ зоз́уля кує—ранкує, да и ніхто зоз́улі не чує!.. Мій братіку, мій голубе! мій братіку, мій соколе ясний!..

Мій братіку, мій голубе!.. Да кланяйся моїй матінці, да кланяйся моїй голубонці низькимъ поклоньомъ та вірнимъ словомъ... щобъ насъ не забувала!

Моя матінко, мой голубонько! мой матінко, мой порадонько! мой матінко, мой зоз́уленько!.. И на—щó ви викликаєте ёго до себе!.. и чому ви намъ ёго не оставляете на потіху!?. Мой матінко, мой голубонько!.. Да й стрічайте ёго да й познавайте ёго!—свого сина сокола! Вінъ несє до васъ вісточку одъ насъ, біднихъ сиріточок!..

Примайте ёго, пригортайте до себе!..

Прощай, мій братіку! прощай, мій соколоньку!..

Могила Шевченка находится на Смоленскомъ кладбищѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ иногда снживалъ и задумывался покойникъ. Онъ даже рисовалъ это мѣсто.

Прощай, мой дорогой! какъ теперь вижу тебя—съ опущенною внизъ головою, руки въ карманы, глаза всегда грустные...

Выпущенный на волю, Шевченко ѣхалъ на пароходъ и три ночи

не смыкалъ глазъ. Оставивъ въ Астрахани свой наемный чуланъ, Шевченко отдыхалъ въ дорогѣ; онъ былъ успокоенъ дружескимъ человѣческимъ пріемомъ пароходной публики, отъ котораго давно отвыкъ. Въ своемъ дневникѣ онъ писалъ: «Всѣ такъ дружески-просты, такъ внимательны, что я отъ избытка восторга не знаю что съ собою дѣлать и, разумѣется, только бѣгаю взадъ и впередъ по палубѣ, какъ школьникъ, вырвавшійся изъ школы. Теперь только я сознаю отвратительное вліяніе десяти лѣтъ, — и такой быстрый и неожиданный контрастъ мнѣ не даетъ еще войти въ себя. Простое человѣческое обращеніе со мною, теперь мнѣ кажется чѣмъ-то сверхъестественнымъ, невѣроятнымъ». Душа его была сильно встревожена: знакомые мотивы, малѣйшее чувство, — потрясали его до глубины души. Три ночи на пароходѣ вольноотпущенный буфетчикъ игралъ на дурной скрипкѣ и Шевченко заслушивался его скорбныхъ, вопіющихъ звуковъ, и писалъ: «Три ночи этотъ вольноотпущенный чудотворецъ безвозмездно возноситъ мою душу къ творцу вѣчной красоты плѣнительными звуками своей скрипичи. Изъ этого инструмента онъ извлекаетъ волшебные звуки, въ особенности въ маруркахъ Шопена. Я не наслушаюсь этихъ общеславянскихъ, сердечно, глубоко-унылыхъ пѣсень. Благодарю тебя, крѣпостнаго Паганини! Благодарю тебя мой случайный, мой благородный!...»

Ему даже не удалось дождаться того радостнаго дня, когда миліоны народа вздохнули свободнѣе....

Что прибавить ко всему сказанному? Малороссы, Великороссіане, Поляки, мужчины, женщины, оплакали Шевченка. Оцѣнка частью сдѣлана, но вполнѣ оцѣнитея поэтъ-художникъ не теперь. Полный разборъ его жизни требуетъ годоваго труда.

Онъ былъ живая пѣснь... живая скорбь и плачь. Онъ босыми ногами прошелъ по колючему терну; весь гнетъ вѣка палъ на его голову; покоя не было этому *вдовиному сыну*. Но иногда онъ вознесся духомъ, пробуждалъ и зарождалъ, поддерживалъ и укрѣплялъ въ каждомъ — то пѣснью, то словомъ, то собственной жизнію — правду, и безграничную любовь къ *сіромлю*.

Вышедъ изъ простаго народа, онъ не отворачивался отъ нищеты и сермяги — пѣтъ, напротивъ! — онъ и насъ обернулъ лицомъ къ народу, и заставилъ полюбить его и сочувствовать его скорби. Онъ шелъ *по-нѣреду*, указывая и чистоту слова, и чистоту мысли, и чистоту жизни.

Какъ художникъ (въ прямомъ смыслѣ) онъ заслужилъ себѣ имя доброе и честное. И на этой дорогѣ онъ былъ одинъ изъ первыхъ обратившихся къ родному. Я напомишу его давній художественный трудъ: »Живописная Украина,« — потому множество другихъ рисунковъ, и особенно: »Блуднаго сына«. Въ народномъ искусствѣ ни у кого не высказалось столько сознанья, столько силы, какъ у него. Тогда, какъ другіе ловили прелесть, съ спокойнымъ духомъ писали мирный уголокъ, свадьбу, ярмарку и проч.,—его духъ волновался, страдалъ, и выливался горькими слезами, которыя потомъ обратились въ безпокойное негодованье, залитое желчью.

— Нѣкоторые, знающіе Шевченка—какъ поэта—слегка, упрекаютъ его въ однообразіи. Упрекъ этотъ несправедливъ. Его поэзія была отголоскомъ жизни, однообразнымъ на столько, на сколько однообразна жизнь народа. Онъ слишкомъ глубоко чувствовалъ, слишкомъ былъ близокъ бездольной *голоты*. Крѣпостное горе всегда стояло передъ его глазами. Душа его нашла себѣ одно созвучіе, одно подобіе—народъ.... Слова его замирали на устахъ,—вырывались одни рыданія.

Я не бачу счастливаго—
 Все плаче, все гине...
 И радъ би я схватаяся,
 Аледѣ—не знаю.
 Скризь неправда—де не гляну...
 Серце вяне, засихае,
 Замерзають слѣзи.....
 И втомівсь я, одинікий,
 На самій дорозі.
 Оттакѣ-то! не здивуйте,
 Що ворономъ кричу:
 Хмара сонце заступила—
 Я світа не бачу

Жизнь Шевченка, вся вмѣстѣ взятая, есть пѣснь. Это—печальное, высоко-художественное произведеніе. Вырванный изъ народа, онъ представляетъ собою самый поэтический его образчикъ.

Добрый до навности, теплый и любящій, онъ былъ твердъ, силенъ духомъ,—какъ идеаль его народа. Самыя предемертныя муки не вырвали у него ни единого стопа изъ груди. И тогда, когда онъ подавлялъ въ самомъ себѣ мучительныя боли сжимая зубы и выры-

вая зубами усы, въ немъ достало власти надъ собою, чтобъ съ улыбкой выговорить «спасибі», — тѣмъ, которые объ немъ вспомнили вдали, на родинѣ.

Дружеское участіе оживило умпрающаго. — Онъ отдалъ жизнь свою народу всецѣло и до смерти стоялъ у него на стражѣ, стремясь избавить его грамотой отъ нечеловѣческаго невѣжества и защищая отъ грозящаго ему насильственнаго просвѣщенія; трудовую свою копѣйку онъ отдавалъ на народъ. Съ какой радостью онъ встрѣтилъ первую Граматку Кулиша. — «Этотъ первый свободный лучъ свѣта, могущій проникнуть въ сдавленную крѣпостную голову!»... Онъ былъ сила, сплавающая насъ съ народомъ. Онъ пробудилъ насъ къ новой жизни.

Замолкли его уста.... Смерть холодомъ легла на разумное широкое чело поэта. Несчастіе тѣшилось надъ нимъ. Развитіе его послужило ему только для горшаго уразумѣнія печальнаго своего существованія.

...Разрушительной силой смерти онъ отнять отъ насъ. Кто насъ слѣдуетъ его чудную пѣснь...

Засыпана твоя могила.

....Въ кругъ тебя все могилы и двѣ дѣтскія могилы подлѣ... бѣдныя, безъ вѣнковъ, безъ крестовъ...

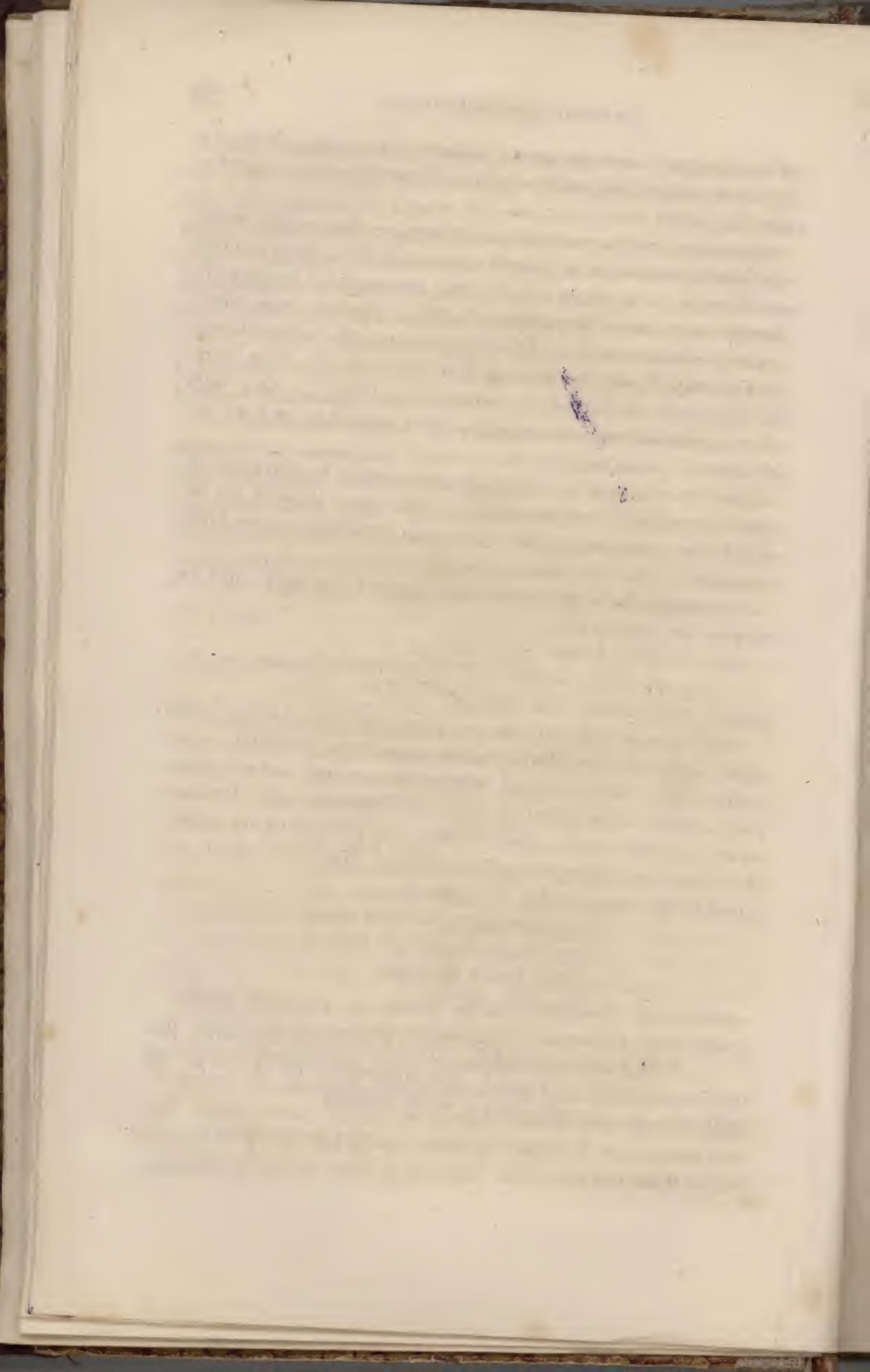
Мы дорожили каждымъ словомъ поэта при жизни; теперь — это святой долгъ cadaго. Пусть каждый припомнитъ что-нибудь, — все теперь дорого. Пусть каждый послужитъ листкомъ для его вѣка. Теперь время собирать его многозначущее жизнеописаніе. Отъ него мы не услышимъ ничего. Онъ съ собою унесъ многое на что не доставало у него силы разсказать. Онъ старался забыть свою жизнь, онъ скрывалъ ее — отъ друзей и отъ враговъ.

...Заховаю змію люту
Коло свого сердца,
Щобъ вороги не бачили,
Якъ лихо сміетця...

... Нема ворогівъ у могилі... Нѣтъ и не должно ихъ быть. Нечего скрывать печальныхъ дней Шевченка. Не въ смѣхъ они послужать, а составлять славу и честь челоука.

Л. Жемчужниковъ.

5 Марта 1861 г.

КОБЗАРЬ.

VII.

Минають дні, минають ночі;
Минає літо; шелестить
Пожовкле ліття... гаснуть очи;
Заснули думи, серце спить;
И все заснуло, — и не знаю,
Чи я живу, чи доживаю,
Чи такъ по світу волочусь,
Бо вже й не плачу й не сміюсь...

Доле, де ти? доле, де ти?
Нема ніякої!
Колі доброї жаль, Боже,
То дай злої, злої!

Не дай спати ходячому,
Серцемъ замірати,
И гниллюю колодою
По світу валятись;
А дай жити — серцемъ жити
И Тебѣ хвалити,
И Твій світъ нерукотворний
И людѣй любити...

Страшно власти у кайдани,
Умірають въ неволі;
А ще гірше — спати, спати,

И спати на волі,
 И заснути на вікь-віки,
 И сліду не кинуть
 Ніякого!.. однаково —
 Чи живъ, чи загинувъ....

Дóле, дé ти? дóле, дé ти?
 Немá ниякóі!
 Колі дóброі жаль, Бóже,
 То дай злóі, злóі!...

VIII.

Не женися на багатій, бо вижене зъ хати;
 Не женися на ўбогій, бо не будешъ спати.
 О женись на вольній волі, на козацькій дóлі;
 Яка буде, така й буде, — чи гóла, то й гóла; —
 Та ніхтó не розважає, ніхтó не питає:
 Чогó болить? и дé болить? — самъ про тée знаєшъ.
 »У двóхъ«, кажуть, »и плакати — мовъ лéгше нинáче...«
 Брешуть люде, — лéгше плакати, якъ ніхтó не бачить...

IX.

Не завидуй багатому: багатий не має
 Ні приязні, ні любóви, — вінъ все те наймає;
 Не завидуй могучому, бо той заставляє;
 Не завидуй и славному: славний дóбре знає,
 Що не ёго люде люблять, а ту тяжкú славу,
 Що вінъ крóвью та слезáми вилле на забáву;
 И молоді якъ зійдутьця, то лóбо, та тихо,
 Якъ у раю, — а дивися: ворúшитця лiхо...
 Не завидуй же вікóму, — дивись кругóмъ себе:
 Немá раю на всiмъ свiтi, — хибá-що на неби?...

X.

Ой крикнули сірі гуси
 Въ яру на ставу;
 Стала на все село слава
 Про тую вдову.
 Не такъ слава, не такъ слава,
 Якъ той поговірть,
 Що заздівъ козакъ зъ Січи
 До вдови на двірть;
 Вечеряли у світлиці,
 Медъ, вино пили,
 І въ кімнаті на кроваті
 Спочити лягли...

Не минула слава тая —
 Не марно пішла:
 Удовиця у м'ясниці
 Сіна привела...
 Вігодувала малого,
 До школи 'дала,
 А изъ школи ёго взівши,
 Коня купила;
 А коня ёму купивши,
 Сідельце сама
 Самімъ шовкомъ вишивала,
 Злѳгомъ окула;
 Одягла ёго въ червоний
 Въ жупанъ дорогій,
 Посадила на коника:
 »Глянте, ворогі!
 Подивітесь!« — Та й повела
 Коня вдѳвжъ села,
 Та й привела до обѳзу —
 Въ військо оддала...
 А сама на прощу въ Київъ
 Въ черниці пішла...

XI.

Чого́ мнѣ тяжко? чого́ мнѣ нудно?
 Чого́ серце плаче, ридає, кричитьъ —
 Мовъ дитя́ голодне?...Серце моє трудне!
 Чого́ ти бажаєшь? що́ въ тебе бо́літь?
 Чи́ пити, чи́ їсти, чи́ сна́тоньки хочешъ?
 Засни́, моє серце, навіки засни́,
 Невкритѣ, голодне... а людь нависний
 Нехай́ скаженіє... закрій́, серце, очі!...

XII.

Вітеръ въ га́ї наги́нає
 Лозу́ и топо́лю,
 Лама́ дуба, ко́тить по́лемъ
 Перекоті́-по́ле...
 Такъ и до́ля: то́го лама́,
 То́го наги́нає, —
 Мене́ ко́тить — и де́ спі́внть
 И сама́ не зна́є!...
 У яко́му кра́ї мене́ захова́ють,
 Де́ я прихили́ся — на віки засну́?..
 Коли́ нема́ до́лі, нема́ тала́ну́,
 То нікого́ й кі́нуть... ніхто́ не згадає —
 Не ска́же хоть на́-сміхъ: нехай́ спочива́є, —
 Тільки́ ёго́ й до́лі, що́ ра́но засну́въ...

Т. ШЕВЧЕНКО.

НЕ ДО ПАРИ.

I.

Якъ не живі, а ліхо не мине. Такъ уже намъ Богъ давъ, така вже доля наша...

Була въ мене небога; при мині вона й зрелá, бо сиротою zostáлася змáлечку. Я й бáтька и мáтирѣ її поховáла и оплакала; я й її рóзуму навчáла, и добрá її гледíла. У неї була и хáта слáвна, и селíдба, и скрíни такі на колéсахъ, що булó перехíлисея та й два рукóю не достáнешъ.

Жivé вона въ мене веселéнька собі, а хорóшна!.. така чернобрíва та ясноóка, та ўста румя́ві, та станóчокъ струнькíй! А що весéла була, жартовлíва!

И хазáйка зъ неї дóбра, роботáща. Якъ дíйшла вона лiтѣ своiхъ, то я безъ кло́поту хлiбъ íла: вона й зрóбить усé, и догледíть усéго, и обмiркóе все, и хáту мині звеселíть.

II.

Живемó ми отгáкеньки приязнéнько собі та лóбо. Коли—разомъ я помічати стáла, що Парáся щось самá собі дýмае та дýмае. Гóлосно словцá не скáже, вéсело не засмiéтця, не глiне. И змарнiла трóхи.

Мині вона не признаéтця, а я не питаю. Ходíла вона и на ўлицю, и на вечорнiцi. Идé булó й скáже: »Тiточко-голúбочко! я пiду до дiвчáгъ», абó тамъ кудi; а теперъ уже винурхне зъ хáти, не питаючи мeнé.

III.

Одногo вѣчора вернўлась вона така тїха, а весѣла; хоче нїби щось менї сказати, и не каже.

— Щo, Парасю-голўбонько? щo тобї дoброго тpаншлось?

А вона все варўетця мнї сказати, тїлько гїяне та счервонїе. А я все наполегаю: скажї, та скажї!

Вона встала и говoрить тодї: »Я, тїточко мїла... я вже хўтко замїжъ пїдў«.

— Бoже тобї поможї! Нехай Мати Бoжа щастя-таланъ дае!
Питаю, за когo вона дўмае....

»За Семѣна Палїя«.

— Охъ, дитїно моя! чи то жъ до-пари? — кажў.

»До пари, до лoбої вподобї!« одкаже мнї гoрдо.

IV.

А Семѣнь Палїї тої та бувъ на все село чуднїй та дївнїй. Багатїрь бувъ, а живъ якъ убoгї люде живўть. Вїнь булo не придбае, а втерїе, ярмаркўючи. Чи вїнь продае, чи вїнь купўе, то все не на корїсть собї, усїке єгo ошукae, абї хто схотївъ. Не те, щoбъ вїнь бувъ такъ-собї: розўмна въ єго голова булa, и слoвомъ вїнь булo вноїть тебe, якъ мeдомъ; а про те дївнїй, якїйся дївнїй зъ єго чоловікъ бувъ. Такїхъ людeй я її не бачила. Булo їнодї на єго нїби щось найде: лежатїме цїлїсїнькїй день у горoдї, паче недўжнїй, абo пїчь проблукae по степў, пo полю. Хто єгo знае, щo ємў!

V.

Отъ я її викладаю все тeе небoзї. А вона... Звїсно вже, щo дївчїна не вважае нї на вїщо, полюбївши. Любїть, то вже любїть. Хочъ и знае, щo бўде недoля, та не боїцца, — про свою дoлю байдўже!

Радїла я її просїла. Вона плакала, слўхаючи; а до Палїя Семѣна душа її — якъ той метeликъ до огнїю: не одженeшь, не зу-

піннишъ. Що мині робіти? Не звáжилась розлучáти, поблагослови́ла.

VI.

Та й самá радувалась, дивлючись на життя їх мiле та лю́бе. Прийдú бу́ло до нихъ у гостiну — сидять укúнци. Щó жъ то за щасли́ві! щó жъ то за хоро́ші! якъ я до ёго придивля́лась, прилюбля́лась, мо́я ма́тинко, — то вінъ мині за дитiну рiдну ставъ. Такий у ёго по́глядъ бувъ, така мо́ва, така краса́, що рiдне то́би, та й го́ді!

Прибiжить бу́ло Парася до мене на хвилиночку.... Госпо́ди, якá весéла, якá щасли́ва!

— А щó, Парасю?

»Та до́бре мині, тiточко-сёрдечко, до́бре мишi! любить вінъ мене́ дúже. И кро́ку відъ се́бе не відпуска́е; все про́сить спiва́ти. »Сидáй коло мене́, спiвáй мині, пта́шко, спiвáй!« Отъ я й спiвáю, а вінъ слúхае та дiвнiця мині въ вiчi... Щó то за óчи Госпо́дь ёму́ давъ!«

— А хазáйствечко — я́къ? — питаю.

»Та й хазáйствечко ни́чого тепeръ. До́бре, все до́бре. Я вже такъ порядкúю, такъ го́жý ёму́!... А вінъ, тiточко, вінъ усé не да́е дiла робiти, — ей-же-Бо́гу!.. По́раюсь тамъ коло пéчи, абó-що, а вінъ: »Чо́го се такъ до́вго, Парасю?«—»Та я для те́бе, го́лубе, щобъ ти смашнiйше зiвъ.«—»Байдужé«, ка́же, »мині про те, сёрденько! Ось иди́ сядь коло мене́, та обiймi, та бúдемо говорiти, якъ у свiтi жити, якъ лю́де живúть у свiтi«. И якъ почне́ вінъ, тiточко, розмовля́ти, то я й позабува́ю все, що тамъ распочала́ робiти и щó до чо́го. Схаменúсь, то ажъ со́ромъ, якá зъ мене́ госпо́дiня.... Тепeрeньки я вже розумнiша ста́ла, по́раюсь, мiю, шiю.... А вінъ, дивлю́сь, и осму́тнiе, и похму́рий такий ста́не, и не їсть, не пьe ни́чого. А я прошú, а я прошú: »Та хочъ по́коштуй, та хочъ губóю приторкнiсь! вонó до́бре, не-абi-якé.« — »Де жъ не до́бре, коли ти своїхъ ручóкъ доложи́ла, та ще й дýмокъ!« нiби смiючись изъ мене́, говорiть. А я ёго цiлува́ти, — то́ди вінъ изно́въ весéлий.«

VII.

Я було радію, слухаючи того її щебетання. Не було й гадки, щоб усе те щастя у велике ліхо повернулось. Хоч Парася вже не вчашає до мене, якь перше, та я все думаю: »Се того, що вона тамь собі у щасті та вь роскоші.« Сказано: *Добре дядькові — то й Бога забуть!*

Отъ, якось я зібралась та й пішла до нихъ у неділю. Хата зачінена. Я тоді вь садокъ, и бачу — сидять вони вкупці, тільки чогось обойко невеселі; сидять собі мовчки.

А садокъ у нихъ по горі зеленів аж до самісінької воді. Попідь садкомъ річка шіроко вь берегахъ іде. По тімъ боці життя половіють; чутко — млинъ меле, и чуюсь и бачишь — шумлять и хілятьца верби на грєблі, и на все благий вітерець тягне....

Вони підь грушою сидять. Вінъ дивитця кудись далєко, а вона на єго. Підхожу — обоє жажнулись.

»Бóже поможі! Здорові були!«

»Прóсимо!«

Вітають, говорять; а все мині здаєтця — щось не такъ вонó, якъ перше було. Посідила я вь нихъ, та й до дому беруся.

— Проведі жь менє, Парасю, — говорю їй.

Вона й пішла мене провóдити.

— Парасю, — кажу: — чогó се ви такі сєгодні? Щó вамъ такє?

А вона: »Ничóго, титочко, ей-же-Бóгу ничóго!«

И не сказала. Такъ ми й попрощалися.

Иду я собі та все думаю: »Чогó вона така неспокійна стала? Щó тамъ у нихъ коїтця? А може,« думаю, »посварилися трóхи? То й помірятця, мої голубьята.«

VIII.

И жду я її, жду; а її нема. Хочь коли на роботі й побачу, то на хвилиночку.

— Чому не прийдешь, не одвідаешь?

»Прийдú, прийдú, титочко!«

А сама все не йде, и вбачаю — марніє та й марніє Парася моя.

Идú я зновъ до неї. А зима вже морóзами крiпкими укрiшила. Прихóжу — вона вь печi распалила, а сама сидить на долiвци — и гóлову схилила, и рúки опустила. Чи жива, чи не жива?...

»Охъ, побила мою Парасю лихая година!« дúмаю.

— Парасю! — кажу.

Тодi вона звелась и стала, блiдая и понúрая.

— Скажи минi, дитя моє, скажи свою пригóду!

Вона мовчить та на пóломья дивитця. А я прошу, я прошу и плачу. Вона все тiльки на те пóломья дивитця. И дóвго я просила, а вона дивилась; а далi, обертáючи до мене гóлову: »Чоловiкъ не любить!« промóвила.

— Якъ не любить, Парасю? Богъ иеъ тобою!

»Не любить!« вiмовила, та такъ зъ души якось вiмовила, що одразу я вiри поняла.

»Перше любивъ, теперъ не любить.

— Що жъ, винъ тебе обижáе? — питаю... Мóже, бье?

»Нi, не бье, не обижáе, — тiльки не любить: не глiáne, не пожалує, не всмихнётця..

— Що се вамъ сталося? — говорю.

»И сама не знаю«, каже. »Я годила емú, я любила ёго, — та доля моя така!«

— Мóже, за що угни́ався на тебе?

»За що? Хибá я не слúхаю? Отó було у-лiтi, якъ сидимó вь садку, винъ минi показує: »Дивись, яка вода чiста! якъ у очеретáхъ гуде — слúхай!...« То я спершу було не дивлюсь, не слúхаю — не хóчу. »Лúчче я тебе поцiлюю!« було кажу емú: »щó минi тамъ дивитись!...« Бáчу, що винъ здвигає брóви, то я вже потiмъ и прислухáлась, и придивлялась, пáче бъ то зрóду тогó не бáчила, — емú на вгóду. Зновъ, умеръ тúтъ отгóй Лисенко, да вдова продавала худóбу, — я просила ёго: »Купи! дешевó купишь у неї«. А винъ минi: »Спирiтськимъ добромъ забагáтити хочешъ, Парасю!« А я емú довожу, що все однó — купи́ать люде. »Та не ми!...« Бáчу, що емú слúхати тее чогóсь гiрко, я и змóвчала собі... Нi, тiточко, я ёго слúхала, та се вже минi такé щáстя!«

IX.

А тутъ саме вінъ увійшовъ у хату. Знявъ шапку, привітався, а самъ гордий та похмурий.

»Змерзъ!« каже.

Якъ схопитця Парася!... Дмухає на огонь, и кожухъ ёго струшує, и вьєтця, якъ горлиця, коло ёго.

А вінъ—такій хорóший, я й не бачила ёго, здається, такимъ,— простягъ, гріє руки надъ поломьямъ червóнимъ. А якъ Парася навёрнетця на ёго очи горді та смутні, одвертає одъ неї очи....

Хотіла я щось порадити, сказати, та не сказала нічого, — пішла собі додому.

И скільки вже я разъ хотіла до нихъ піти, та якъ згадаю— не підú. Якъ згадаю, що стоявъ вінъ гордий та спокійний такий, матінко!... Ні, не підú! вже не помóже!

Марко Вовчокъ.

ДЗВОНА́РЬ

Оце я тепе́рь дзвона́рь ста́рий и вбо́гий; а коли́сь не та́кимъ ходи́въ. Та що зга́дувати? га́дкою не зара́дися. Та й жи́ти не скі́льки: на мою́ домові́ну дави́о вже десь ви́росло де́рево, та й переросло́; а на ва́ші домові́ни, мо́же, ще й рості́ти не почи́нало. Що́ було́ моє́, те пройшло́ и бі́ллямъ поросло́: а коли́ ча́сомъ згада́ється, то й не роспі́знаєшь, чи то самъ живъ и ба́чивъ, чи ма́лому ма́ти въ ка́зці ка́зала... Такъ ні, — не ка́зка.

А бу́ла на́ша ма́ти дя́конка, дуже́ бідна, и свої́ми рука́ми заробля́ла хлі́бъ на насъ на трѣ́хъ — на ме́не, на сестру́ Га́лю, та на До́ку. Зна́ли ми тільки панотце́ву моги́лку, а само́го не зна́ли. Було́ йде́мо у неде́лю до це́ркви, то ма́ти й пока́зує намъ на яку́сь моги́лку, и ка́же бу́ло: »Ото́ підъ бі́лимъ хресто́мъ ваш ба́тько лежи́ть,« — то ми й зна́ли.

»А який, ма́мо, вінъ бу́въ?« бу́ло пита́емо.

— Вінъ бу́въ до́брый чолові́къ, и лю́де є́го поважа́ли, — бу́ло ска́же.

»А въ чи́мъ є́го поховáли, ма́мо?

— На́ що вамъ се зна́ть, ді́ти? Поховáли є́го у чо́рній рі́зі и ка́діло положи́ли; а я є́му во́лосся розчесáла до самі́хъ плі́чъ.

Бу́ло ма́ти жу́ритця, що́ нічо́го намъ не зоста́вивъ пан-оте́ць у спáдку.

А зоста́лася пі́сля є́го ха́та та нові́ ворóта — не вє́півъ и дво́ра ти́номъ обє́стї. И господа́рство не-яке́ бу́ло: нічо́го не при́дбано; то всє́го у лю́дєй позичáли. А я тї́ми часáми підроста́въ: трéба бу́ло пі́сьма вчи́ти — а на які́ достáтки? Салда́тъ Позі́хай-

ликъ, що хлѣпцівъ вчивъ, грѣшми не бравъ, — та якá ёго й письмѣнність була? Граматикѣ усякі по верхáхъ читáвъ та часлѡвець, а изъ псалтиря вмівъ одъ *Блаженъ мужъ* та до *Вскію шаташася*. Та бувъ дѡбрій чоловікъ — и за тѣ дякувати Гѡспода.

Отѡ було й посадовити насъ коло столá на ослѡні, а їншихъ на лáві. Поберемо указкѣ въ рѣки — а указкѣ робѣвъ самъ, та кі мерѣжені та довгі, и за кожну бравъ по гáрцю ишонá, абѡ по кѣрці, — отѡ й дѣвѣтця, чи такъ указкѣ держимѡ. Коли якѣй не такъ ѡзье, то було й гукне:

»Ивáне! такъ бабѣ кѡстуръ дѣржуть...«

Абѡ до дрѣгого:

»Роззівѡ! такъ паничѣ видѣлкою курчáтъ за обѣдомъ штрикають... Озьмі звичáйненъко, та прокáзуй свѣй стихъ.«

А самъ сѣде на порѡзі, абѡ на дзѣглику та чѡботи шѣе. А бѣля ёго пѣжка римѣнна.

»А ну, дяконѣнко, прокажі-лишѣнь свѣй стихъ.«

Се, бачъ, на мѣне.

То було поблагословѣсся хрестѡмъ свѣтѣмъ и прокáзуешъ, ажъ покі не дѡйдешъ до гáспидьского *хверть-ирці-кру, херь-ирці-кру*, — такъ тобѣ пѣга и вродѣтця передъ очѣма, и язѣкъ одеревенѣе, — тѣльки укáзка трѣситця.

А любѣвъ менѣ Позѣхайликъ — цáрство ёму небѣсне, — любѣвъ якъ рѣдного, а все було лѣсне пѣжкою по-за плѣчми, а въ їншого було й колѡдкою шпурне.

»Оттакѡі! Чогѡ довбѣшъ, вѣражѣй сѣну, мѡвъ чумáкъ галѣшки? Я тебѣ...«

Скѣльки не довбáвсь, а такъ на *словотѣмлі* й зачѣнѣвся. Тѣльки було мáтері лѣхо: усѣ плáче та мѡлитця.

Та й самъ Позѣхайликъ не дѣже невѡлѣвъ насъ. Повчѣмѡсь було трѡхи, то вѣнъ и ведѣ насъ до сѣбе на горѡдъ — молодѣй бутъ поливáти, — и поливáемо: а пѡтѣмъ у лѣсь до Старосѣлѣща — рѣби ловѣти, абѡ зъ вѡлокомъ.

Самъ було вѣрѣже намъ ўдлища довгі та гнучкі, изъ бруслѣнѣни; насѣче кожнѡму бѣлої волѡснѣ, щѡбъ рѣба въ водѣ ўдѡчку не бáчила та не жáхáласъ: нарѡбе гáрнихъ пѡплавцѣвъ, та не зъ окучѣ, а зъ якѡгѡсь дѣрева, и посадовити насъ — когѡ мѣжъ осѡкѡю, де лѣнѣ лѡвлятця, комѣ мѣжъ латáтти звѣлѣтъ закидáти, де окунѣ на сѡнці грáють; їншѣй краснопѣрогъ потягáе; той себе-

лівъ та пліточокъ; — а самъ сидіть міжъ очеретáми, ұдлище зъ дóброго дубкá, пóплавець ажъ на середь óзера, — сидіть та погұкуе:

»Пётрику! не ворущісь: у тебе лускірь клюе, — тягні!..«

И вітягне лускіря.

»А! чóртивъ Гриць! яко́го óкуня впустивъ... бұдешъ тенєрь у мене до самісінького Маковія *Помілуй мя, Бóже*, вчпть.«

А самъ ажъ очеретъ ламáе! Тільки не дóвго сёрдивсь...

Оце якъ налóвимо чимáло, та въ казанокъ, — така дóбра юшка, що Гóсподи! хто провинóватився, томұ хлїбъ зъ водою, а намъ и юшка и рїба.

»Іхте, гáспидські діти, на здорóвья, та кісткáми не подавітця. А ти, Грицьку, знай...«

— Та тожъ ви мого óкуня істє, дядьку.

»Тó-то — твого...«

Та бїлшъ ужє и не гнїваецця: такій дóбрый бувъ!

Якóсь разъ сидимó ми надъ óзеромъ, та на поплавці поглядємо. А день бувъ тїхий та тєплий: хочъ би тобі листъ на дєревї заленетáвъ, и птїця не щєбєче — тїхо. Тільки и чўти, якъ рїба протн сóнця вікинетця, плєснє на сóнці, та ящїрки сухїмъ лїстєямъ шелєстятъ помїжъ травóю, абó чмїль загудє, и стїхне.

Колї слўхаємо, щось по лїсу гукáе, да такъ далєко, що и гóлосъ лєдві донєснть, а далї все блїжче та блїжче. »А, дядьку, гу!.. а, дядьку, гу!« тїлько и чўти.

Инші зъ насъ хотїли відгукнўтись на гóлосъ, такъ Позїхáйликъ не звелївъ.

»Цїтьтєс, кáже, »гáспидські!.. Катъ єго зна, що вонó такє е... Мóже щó недóбре, то глядїть, колїбъ не нагукáли.«

Колї вїйшло зъ лїсу на поляну. Дївнємось — ажъ то нашъ пїдтитáрий.

»Помагáйбї« кáже, »Стєнáновичу!«

— Спасїбї,— кáже.— Та не гомонї, дядьку: усю рїбу покóлóшковáвъ.

»Чи не зъ вáми тутъ дякончá?«

— Зъ вáми... А, бїсївъ óкунь!..

Менє мовъ уколóло.

»А нá що вáмъ єгó?«

— Благочинний — каже — наїхавъ, то дяконѣнка, бачъ, тѣе, вѣлено привесті. Вони самі знають — на що.

»Оттакі! се, бачъ, и мені треба въ слободу йти.«

— То й йдїть, коли тѣе...

Отó й пішли.

Я йду, мовъ опечений, а малé сѣрце такъ и стукотїть, — Мати Бóжа, якъ бóязко,

»Се бъ то тебѣ, хлопче, у буреу, — писарь казавъ, — коли не тѣе.«

Вопó жъ такъ и булó. Благочинний казавъ панімáтці, що бóде за мене ходáтайствувати.

И походáтайствувавъ.

Рóкївъ у два, либóнь, у три, якъ у самого благочинного підрослі діти, що вже треба булó й їх пісьмá вчїти, — и повезлі насъ у гóродъ. Прощáючись, мáти дóже плакала та наkáзувала, щобъ дóбрїй бувъ та слухъяний, Бóгу бъ молївсѣ рáно й вѣчїрть, и мáтїр не забувáвъ. И сѣстри плакали. Заплакавъ и я трóхи.

Приїхали у гóродъ на четвѣртий день. Благочинний водївъ своїхъ дїтѣй по начáлству, а я дóма сидївъ. Дáлі й менé повелї до рѣктора.

»Якъ тебѣ зовуть?« питає.

— Василькóмъ, — кажú.

»Васїлій... въ пáмьять отцá нáшого Васїлія Великого, Григóрия Богослóва... такъ?»

Я мовчú, бо тоді ще не знавъ, що не Васїлія Великого, а Васїлія Амасїйского.

»А прозивáють?«

Я мовчú.

»Якій неговіркий«, каже, »мовчлївий — taciturnus... Такъ будѣщъ же ти — *Тацитúрновъ*.«

И ставъ я Василькóмъ Тацитúрновимъ — ажъ и дóси. Тїльки дóвго не втямкú мені булó се прїзвище: оцѣ булó кликнутъ у шкóлі: Петръ Лякримѣнтовъ, Васїлій Тацитúрновъ, — то я мовъ и не чúю, бо усѣ забувáвъ собї на лихо, що я Тацитúрновъ. Такѣ чуднѣ слóво, бодáй єгó!

И почалї менé вчїти, та не такъ, якъ Позїхáйликъ вчивъ: не прóзьбою, нї грóзьбою, а червóною лóзю та гнучкóю вербóю. И бїли жъ Тацитúрнова, Мати Бóжа, якъ бїли! Та малóму усѣ не на лихо: молодѣ тїло — швїдко гóломсѣ; дитячі слѣзи — швїд-

ко виспхали; тільки на серці у дитини недобре накупало. Недобре насіння — не добромъ и зиходило. Та не одного менé бито...

А я тими часами підоста́в, та такъ же хутко! Вже сімнадцятий рікъ, и я не дитина, и въ мене думки та гадки: одна думка на добре, друга на погáne. Та нечистий нагадавъ намъ у бурсі гражданських книжокъ читати, про мирські діла та про гріхи людські. А на такі книжки запереть бувъ одъ ректора: »Лучче«, каже, »гріхъ содомський, ніжъ се диявольське наваждєннє: гріхъ по плоти — плоть сквернить, а писаннє сатанино душу погубляєть.«

Вонó жъ и менé на-віки згубило.

Якось разъ сидимó ми собі бурсаки́ та читаємо сі гріховні псалми (я вже й не згадаю, якá то книжка була), сидимó та читаємо, інші сміютьця, другі мовчять та слухають, — менé нечистий и наустивъ.

»Господи! якъ би я«, кажу, »вмивъ такі вірші складати, я бъ и въ протопопи не пішовъ...«

— И такъ не підешъ, — озвався хтось тихенько за мною.

Зиркъ, — ажъ отецъ ректоръ стоить середъ камери, косá респітєна, довга — ажъ нижче плічъ, — а самъ білий, якъ крейда. Такъ усі й помертвіли.

»Сатано, сатано... сатано!«

Я вставъ на ноги, а ноги не держуть... усé заходило передъ очима, и мовъ тёмно въ камері стало...

»Сатано, сатано, сатано!..«

Тільки я й бачивъ бурсу и вонá менé бачила.

Менé вігнали... Господи, якъ-то вже плакавъ я передъ ректоромъ, щобъ не губивъ менé, матіръ мою не вбивавъ, — не помилувавъ. Вігнали, якъ собаку.

Вийшовъ я зъ бурси — куди йти? дé дитись? А вже більшъ ні до ко́го, якъ до матері. И пішовъ. А було се у Петрівку, саме тоді, якъ люде траву косять. Літо придалось добре, тепле — весело йти. И мені було весело, бо малому ліхо — пів-ліха, а надъ те ще й додому йшовъ; а дома я не бувъ съ того часу, якъ менé у бурсу одвезлі. Довго озиравъ я на городъ, ажъ поки не покривсь горюю: съ того часу я й не бачивъгорода, та більшъ вже и нічого не бачивъ, окрімъ своєї слободі та дзвіниці... Отó жъ и дзвонаремъ ставъ.

Чи скільки я тамъ ишовъ — не згадаю, а на шостий, чи на

сѣмий день, зъ-за горі, и на́ша цѣрка вѣглянула. Тутъ я заплакавъ, та й самъ не знаю, якими слізьми. Господи! — йду мімо Старосѣлиця, де съ Позіхайликомъ колісь рѣбу ловіли, — нема Позіхайлика міжъ очеретами, не стриміть зъ-за кущівъ ёго ўдлице довге, чорпóклинове, и хлóпцівъ немає. А рѣба, якъ и тоді, виграє на сѣнці, и зозўля кує надъ озеромъ... Сѣрце въ грўдяхъ колóтитця, якъ не вѣскоче.

Отутъ я óкуня піймавъ... И óгнище б́ўцимъ тѣлько вчѣра заліте: деєь недáвно рѣбу варіли... и муравѣйня цѣле, кудіи ми бу́ло червьяківъ кїдали та кричáли:

Муравѣй, муравѣй!
 Опъ Татáри йдуть,
 Вáшихъ дїтєй порїжуть,
 И вáші подушкї заберуть!..

А отъ и о́зеро, такє жъ тїхе, якъ тоді, колїи ще я малїмъ бувъ...

Проїшóвъ и Старосѣлиця.

Отó у насъ хáта тóпитця, и димъ вїдно; а то верба́ зеленєє у горóді въ Позіхайлика, надъ кринїцею... Мòже вони молодїй б́уть поливáють...

Колїи дивлóсь, идуть мені на-зўстрїчъ изъ слободї двї дївчинки, височєнькї та гáрні, якъ квїточкї, — порівнїлсь зо мною та й приглядáютьця, б́ўцимъ пїзнають мене. Ставъ, и очя́мъ не йму вїри...

»Гáлю! Дóко! ви мене не пїзнали?«

— Васїлечку! братїку!..

Да такъ и повїсли въ мене на шїи. Се жъ мої сѣстри!

»Васїлечку! відкїля ти?«

— Зъ б́урєи, — каж́у.

»Хибá жъ ти вже вївчивсь, братїку?« пнтáютьця.

— Нї, Дóко, — каж́у, — не вївчивсь. А мáти дóма?

»Дóма«, кáжуть. »А ми оцє йшли по кóзельцї, та тепєрь вже не пїдемо.«

— Якá ти, Гáлю, велїка стáла, висóка! и ти, Дóко...

»И ти, Вáсю, велїкий ставъ«, кáжуть.

Прихóдимо додóму. Мáти стоїть середъ дворá, закрїлась рукóю відъ сѣнця и приглядáетця.

»Се ти, Васїлю?« кáже.

— Я, мáмо.

Перехрестїлась, а на самїй лиця́ нема. Я до неї, а у самóго р́ўки й нóги тр́усятця.

»Здоровъ, синку«, каже, »якъ тебѣ Богъ приписъ?«

Я заплакавъ.

Чи не прогнівівъ чимъ Бѳга, дитятко?« мати питає: »чогѳ плачешъ?«

Я мовчү та плачу. Жаль мені її стало и за себе стїдно.

»Гѳді, Василю: хибѳ якѳ лихо спїталося? кажї, сїну.

— Менѳ, кажү, мамо, вигнали зъ бүрси.

А самъ плачу, плачу...

»Вигнали!... А за що?

— Я, мамо, книжки читавъ.

»Книжки читавъ? Такъ хибѳ за се виганяють?«

— Виганяють, кажү.

»А якъ неправа твоя?«

— Далебї, мамо, правда.

»Такъ цуръ їй, гасидьскїй бүрсї, простї Гѳсподи! Отъ, навїжѳні! за що дитїну вигнали.«

Увѳчерї приишѳвъ Позїхайликъ. Поздоровкались. Мовъ бѳтька рїдного я ѳго побачивъ.

»А попѳмъ скѳро бѳдешъ?« питає.

— Нї, — кажу, — нїколи не бѳду.

»Овѳ!—А нужъ, ну, росказуй, якъ васъ тамъ вчїли, хто вамъ указкї робивъ...«

— Тамъ, дѳдечку, — кажү — безъ указѳкъ вчятъ.

»Оттакѳ! безъ указѳкъ! такъ цуръ же їй, вѳшїй бүрсї, отъ-що!«

А сестра Гѳля її каже:

»Тамъ, дѳдечку, и читатъ не велѳть. Василя за те її вигнали, що вінъ книжки читавъ.«

— Э! шкода, каже. Оцѳ, я бѳчу, и у васъ у бүрсї такѳ жъ дїво, якъ у насъ у полкү: и охвицѳри ничѳго не читаютъ... Такї жъ и попи зъ васъ бѳдутъ!

Съ тѳго часу я вже нїгдѳ не бувъ: такъ у слободї її zostався. Приставили менѳ, спасїбї їмъ, до цѳркви дзвонарѳмъ — и отъ сѳрокъ-сїмъ лїтъ дзвонїю. Дзвонївъ и по матерї, якъ умѳрла, дзвонївъ, якъ и Позїхайликъ вмеръ, и по сѳстрахъ дзвонївъ.

А хто по моїй грїшнїй душї задзвонить?...

Д. Мордовцевъ.

СПИТСЬКИЙ ЖАЛЬ.

Охъ и жалю мій, ти мій жалю,
Охъ и жалю мій не помалу!
Упустила долю, упустила щастя,
Да ужé и не пиймаю.

Пшла у насъ поголоска, що дівчаты у *кóмнати* бѹдуть на-
бирать. По дрѹгихъ хатахъ матірки трѹсѹтця, плачуть; а по ме-
ні и нікому, а самá я и байдѹже; спроті не вáдить: усюди горе.

Я самá собі — дакъ и не знаю: чо́го жахáтьця, чо́го и ні.
Ажъ и годіна та вна́ла; іздить прика́щикъ той *сухóперний* по се-
лѹ (такъ ми ёго все звáли, бо вінъ у білому сухóперному сиртуці
ходівъ), да и зганіе насъ у двірѹ. Дѹвѹять дівчаты насъ набра́-
ли. Привезліи, покіннули въ хаті. Ждуть вони, ждуть ті дівча-
та — не клічуть до кóмнатъ: хочъ би швидчъ клікали, то не
такъ би въ гóлову шибáло. Дѹякі стоять такі бадѹрїстї, бувáли
ужé при господáхъ да попрошнѹчуванїсь, дакъ їхъ и попрогó-
нили, а дрѹгі такі понѹрі стоять, якъ віль прóти ярмá. — Дакъ
шо́ жъ, хочъ и менé вїзнуть, — ка́же Люба: — и пїдѹ: трѹба и
панáмъ послужїть! ищѹ и тебѹ бѹ, Гáлю, або тебѹ, Прїсю,
трѹба взятъ у кóмнати. — Спасїбу, ка́жуть. — А та — якъ дер-
качъ, та бувáлая Люба: — Спасїбу, — ка́же, — за рїбу, а за рáки —
нема́ и дяки... Авжежъ васъ би двохъ трѹба брать; изъ вáшого
рóду ще нїхтó не бувъ при панáхъ. — Инші смїютця, що не по
їхъ бѹде, дрѹгі лаютьця, а котрі и плачуть. Люба сїчнтця: — цить,
не плачъ, кѹпнтъ ма́ма калáчъ, мѹдомъ помáже, тобї пока́же —
самá ззість. Обїзвáлась Вївди: казáвъ цїганъ: дми, не дмї — не
къ Рїздвѹ йде — къ Великодню; понáлись ми, якъ рáки въ йтеръ —
не вїплутаємся. — Люба перебїла: Мовчїй, глухá, — менше грї-
хá! — Чо́го ви! не журїтця, дівчáта, — удáрте лїхомъ óбъ землю,
якъ я, — и пустїлась *троля*, приспївуючи:

Танцюй, коваліхо,
 Бúде тобі ліхо,
 Танцюй—не журись, —
 Матері твоїй бісь.

А Секлэта якъ вíховитця собі: — Нехай, — каже — тії плачуть,
 що замíжъ идуть, — да прóти неї, да въ бóки:

Сухé літо булó,
 Кополéль не булó.
 На сорóчку не наприяла —
 Веретинь не булó!
 Веретéна булі —
 Поламáлся;
 На сорóчку не наприяла —
 Лiновáлася....

Да зновъ, — и дýху не переведé:

На що мені музики —
 Въ мене свої язик:
 Я заграю, поскачú
 И шкóму не плачú. —

Види крузь зúби: — Курзú-верзú, Борисихо, дай кути на грéчку...
 Показілися, чи щó? — правда, що въ однóго ліхо скáче, а въ дру-
 гóго плаче. — А Секлэта зновъ почалá преставлять, якъ отó вона́ уже
 бúде у пánських будiнкахъ ходiть, изрóду тамъ не бúвши, да й пі-
 шла—дрiбь-дрiбь дрiбненько ходiть по хáті, да вiнпростаецця та за-
 пúтаецця да й упадé; и якъ у ii въ рука́хъ бúде гребiнeць трястiсь,
 якъ бúде чесать бáринню. Тутъ iншi дiвчáта ще бiльшъ стáли журiть-
 ця, ще бiльшъ сiмъ жалó завдалá. А зъ сéго да й до смiху дiйшло,
 якъ вiступила уже бувáлая Люба преставлять справдéшне дiло,
 якъ пáni радóчкомъ сидятъ, и отó вже, щобъ побáчити новобранку,
 водi потребують, бúцимъ-то питъ схотiлось усiмъ рáзомъ, якъ во-
 на подалá—однii—тá до губъ донеслá, да й поставила стака́нъ; и
 зновъ и дрúга пáni: *»и мнi, дiвочка, дай, пожай, луста«*, и трéй-
 тя, и усi такъ перебрáли: *»а у мене, — каже, — такъ и мути́т-
 ця въ голови: кому́ на плаття настúпишъ—поволочешъ за собóю, ко-
 му́ дúже нiзько, абó вiсоко поднось нiдiiмешъ, а вони—чи пiють,
 чи нi, — а черезъ стака́нeць, — каже, — дiвлятця, и чúю, —
 каже, — якъ шéпчутця: »хорошенька дiвушка, да ище не натёр-
 та«... »Бóже мii! — дúмаю: — що жъ то знáчить: не натёр-
 та? ище зо мною бúдуть щось робiть! да якъ затрúсятця у ме-*

не рúки, якъ покóтитця стакáнтъ зъ водою, якъ кíнусь я, — кáже, — вь гóлосъ, да зъ хáти, а панí такъ и покотíлись одъ смíху; а вь дрúгíй хáтí старá дíвка бáринна менé перестрíла да за ўхо, да такъ дóбре намъйшкурíла.» Такъ ми реготáлися зъ íí рóсказнíвъ!

— Оцé жь! — кáже Лúба, — якъ дóвго не клíчуть! нумъ спать лягáть, абó-щó. — А послí íí почалá спíвáть:

Два півники, два півники
Горóхъ молотíли;
Дві кúрочки, двí кúрочки
До млиná посíли;
Козéль мéле, козéль мéле,
Козá насипáе,
А манéньке козиня́тко
Ковшí одбíрае;
Степáнчикòвъ пíдъ лiпкою
У дúдочку грае,
А лисáця на полiцi
Очiцями лупъ, лупъ,
Пзiйшовши на стáблчокъ,
Нiженькáми тупъ, тупъ.
А сорóки бiлобóкi
Пiшли танцювáти,
А ворóпи, старí жóни,
Пiшли доганя́ти;
А журавéль, пiдтiкавшисьь,
Пiшовъ переймáти.

Да пiдобрáвши по́ли íí пiшла по хáтi вихилáтьця, а за нею íí дрúга кáверзниця — Секлéга. Де íí слéзи подiлись — усi вь смíху! ажъ вiнъ, той сухóперний, сусу́ль у хáту, — ми такъ и замiли. »Идiть, — кáже, — до гóринць.« Ми однá на'дну: идi ти, идi ти. Не звáжемось нiякъ итi. Сухóперний насъ межi плéчi, пёрна розiгнáлась — якъ спотикнётця, и дрúга за нею сторчé. Ми вь смíхъ, а сухóперний и собi. Пóки дойшла до гóринць, дé той и смíхъ подiвся... нáче рукою зняло. Дúмка за дúмкою кúпитця; казáвъ би свою дúмку — такъ и мóви немá. Стоiмо у дiвóчiй, — не йде нáша бáриня. Чúемо гáлась такiй! Панi бaлáкають, чашкáми бряжчáть, охъ, лiшечко! да якóго жь íхъ багáто! Дiвчáта кáжуть, »щó, якъ тудi поклiчуть? — Стулiлись ми однá до'днiеi блiзче. Не йде нiхто. Дiвчáта кóмнатнi смiютця надъ нáми, — ужé позабувáли, якъ самi колiсь трусiлись, — а у насъ сёрце якъ

птицею не вілине. Думаємо: десь вони не матеріні діти, десь вони безбатьченки — у бур'яні віросли, — уже ї мені дошкúлило, и мені сирітської обідранної своєї волі, да ї то чогось стало жаль. А вони стоять такі веселі, у *платтях* уже. Аж чéмо, — бáриня одкликається: — Палагéя! — Тутъ платтяниці почали штовхаться: «тебé кличуть. — Да ні, тебé». Бáриня въ-друге дужченько: — Палагéя! — Палагéя такъ и покотíлась у *комнати*, якъ тé перекотí-пóле, и вітромъ не доженéнь. Відтілъ несé попередъ себе *подносъ* изъ чашкáми, зъ стакáнами. Господи, — думаю, — якъ вона ёго ї не виустить! я бъ такъ и бéхнула объ помість, — якъ у її рúки не трúсятця? Скóро велідъ вийшла и пáні. За нею ї панъ; постóявъ трóшки и пiшóвъ, а пáні, поздорóвквашись, зáразъ одбрáла міжъ пáми тихъ, що уже були колись въ *комнатахъ* и оддiлила у-бiкъ. «Васъ не трéба,» каже; «ви уже були у *кóмнатахъ*.» Насъ сiмъ зостáлось. Пáні ї питае у крайнiй: «ти підешъ до мене въ услóги?» — У мене рiдъ великий, жаль кидать. — Пáні до другої: «а ти підешъ?» — Матері жаль. До трéтiй: «А ти?» — Мати старá, нездúжае: нiкому постiль послать. — «А ти (усé підъ рядъ питають)?» — Мати старá: нiкому за дробниою бýде гледiть (а її мати, бáчте, пtiшниця). Пáні усмихнúлась. «А ти?» у мене питають. Я мовчú, — стою, кажуть, блiдá такá, якъ хúстка. Менi, думаю, нiкого покидать, нiкому постiлоньки слать. А пáні кивиúла головою: «А ти? — до другої (усé чергою йдуть). У мене бáтько ї мати нездúжають. — Дiвчáта тii, що отдiленi — Федóра ї Люба — такъ и загомонiли: «Нездúжають! Оцé люде! нiхтó не хóче послужити господáмъ: ажé жъ ми служили, — дакъ хто жъ служитиме!» Пáні ї каже: «дакъ знаете — щó? помiркúйте ви самi міжъ собóю, дiвчáта, и рiши́ть, когó брать изъ васъ: я тогó ї вiзьмú.» — И вийшла. Тутъ и почали дiвчáта на насъ: «чому тобі, абó тобі, не йти! Да щiцé якъ до iхъ бáриня: якъ *iмъ* завгóдно, якъ *iхъ* мiлость (щобъ васъ звiръ иззiвъ!); ще — *самi зъ себе вибирáйте!*» Такъ и сiчутця до насъ, якъ чмарá та. А ми стоiмó мовчки и пiчимъ не порiшили. Мовчимó, якъ стiнá, — ажъ однá — охъ! — а Секлэта: — да не вдвóхъ! — Пзиóвъ почали ми у мовчанá гратъ, жúримось. И зъ другого кiнцá котрáсь: охъ, охъ! Секлэта зновъ: — не любii двохъ... —

Пáни довгенько нема. А Любка: «знаете», каже, «щó, дiвчáта: бýдемо гулять у *кúми*, у *котá* и *хазáйки*.» — Ать, чортъ знае щó, —

кажемо, — відумала; туть плакати хочетця, а вона лізе. »Отъ, каже, дурні, туть-то й розважати себе! — Ажъ туть чуємо, шамъ-шамъ плаття, — иде пані. Ми въ-ростичь. »А що ви, дівчата, порішили діло?« питає пані. Мовчимо. — »Ужé жь когось треба брать. Я бь самá вибрала, та не хочу вась обіжати. Ви знаєте лүчче 'дъ мене и достатки веікого, и душею проти свого брата не покривите. А я и пехотя зроблю не гараздъ.«

Туть изновъ Люба и товаришка її, Федора, обізвались: — отій би йтїи, отій: у її мати здужае, — ще й се літо на живівá ходїла.... Да ти жь заміжъ идешь, — такъ покинешь свою матірь, — докладajúть: — и невістка у вась молодá; торікъ весїлля гуляли.... А у тієї и у тієї батько зовсімъ здужае; а та зь родомъ носитця, якъ зь писаною торбою: ёго усюди зь собою не заберешь. — Пані й каже: »Да годї, не перебивайте мені. Ну, дівчата, не погнївайтесь же теперь: я самá собі виберу, коли самї не хотїли вибирати. Пані сіла на стўльци и почала крайню роспїтувати: чи одна дочка у матері, скїльки у її братїв, чи въ дворї, чи дома живуть; сестри — чи замужомъ, чи въ дївкахъ, братї — чи жонатї, чи парубкуютъ и чи зь матірью вкїи живуть, — якї маетки у кого, и скїльки комў годь, и якїмъ ремесвомъ орудуе, и такъ усїку попитають и отділять. Пóслї, помóвчавши, подумали, да изь середини й вибрали — менé, сиротў, и ту дрўгу дївчину, що у їхъ невістка молодá, торікъ брата, и дочка ще дрўга é замужомъ. Люде казали пóслї: — дóбре пані розсудїли, — é на кого матірь кинуть; а тїй равнó притўлку немá: веіке її смїкало, якъ горóхъ при дорóзї. — Двохъ насъ и зоставили. Тимъ усїмъ пані виняла зь гаманця грóшей и намъ обóмъ дала окрóме. Стъ того часу я й зосталась у *комнатахъ* до вїсїмнáдцятого гóду.

Змáлку тїльки свого життá й зазнаю, що все у куткў сидїла: хто булó захóче, той менé и одглўшить. Мати вмерла, — я по сёмому гóду зосталась, а батько вмерь — ще ранїй тóго. Батько якїй бувъ роботяцїи! и день и нїчь усé булó робить: хто, -хто вставъ рано, а Иванъ ужé вставъ, пісень співáе, а рубáнокъ тїлько дж-ж-ж, дж-ж-ж, — а стружкї якъ метелї здїймаютьця, а вінъ и дўху не переведе, — сїмъ и чахóтку собї, кажуть, наживъ. Ще оцé я зазнаю — якъ я чимсь собї рўку урізала, дакъ батько лáкомъ примóчувавъ: теперь що зглáну на

той шрамóкъ, дакъ и ёго згадаю, — царство ёму небесе! А мá-
тірь по тiмъ згадую, що, було, и насъ дiтeй зъ собóю забiрае,
якъ иде въ двiръ на робóту. И пáймичка у насъ була хороша,
а не повiряла на ii. Пáни дýже любiла мого бáтька: було що-
празника своeй пáски присилае розговлятьця; отъ, разъ присла-
ли, вiнъ бувъ недýжий, — съ пóлу пiдiявсь: »розговляйтесь»,
каже, »дiти«, а самъ и вмеръ. Мáти въ холéру помёрла; я не-
дýжа лежала на печi, а тутъ двi бáби коло мáтери сидiли. Однá
й каже: »умёрла Тетiйна!« а я якъ закричú! а дрýга каже: »нi,
нi, се вона заснула.« Усе менé дурiли.

Якъ умёрла мáти, якъ почали насъ грабовáть — усé nero-
блящий чортъ побрáвъ, усé пiдъ себе пiдгорнúвъ. Тепёръ уже
моя хрещёна мáти менi розказувала — що добра усякого у насъ
було!.. Бiльшть у сiхъ забрáвъ сухóперний. Полевiвъ одинъхъ бу-
ло дванадцять, ницё некрашенихъ; вóвни, одéжини скiльки, по-
лóтень: самá мáти наткала; — скiльки свiятокъ було, хустóкъ,
рiдень — все повиволiкали, — менé zostáвили безъ усёго. Нáшу
хáту оддали кúчеровi; сухóперний прислужився, бо зъ нимъ пили
й гуляли. Братъ манёнький, одъ грудeй ще, вмеръ. Дрýга се-
стрá, чотирóхъ годъ, у кúчера жила: вони зъ жiнкою и ii згу-
били, и нáшу хáту перевели... Було въ ихъ трeе дiтeй... Сестрá
моя малá, а вони на ii й накинóли двохъ годъ хлопця гледiть.
Разъ, отó, пiшли въ гóсти, а вона ёго й забрала на пiчъ да въ
чiмсь и не догледiла. Пришла кúчерiха до-дóму пiдiйши, и якъ
вхонила мою сестрú зъ пeчи—такъ вона й покотилась на пiль, а зъ
пóлу додóлу: пiсля сёго вона скóро и вмерла... Отъ же Господь
ий, лиходiйци, сёго й не збáчивъ: *хочъ не скiрeнъ, та влúченъ*...
Разъ поприходили вони зъ весiля, обeе укiнувши. Той лигъ
спать, а вона ще чогóсь пiшла у хiжу; вернулась, полiзла на
пiчъ, а на пeчи у насъ було вiкóнечко зъ кватiркою; вона на
ёму поставила каганецъ, та й заснула. Каганецъ догоривъ, гнó-
тикъ спавъ на вiкно, вiкно занялось, а-делi вiхонився огóнь изъ
кватiрки и пiшовъ, пiшовъ чухрáть очеретъ кругóмъ хáти! Пóвна
хáта дiму, — сплять вони! Тутъ шли лóде, почали стýкатьця, на-
силу добудiлись. Москáль убигъ въ хáту, съ пeчи ii стацивъ, дi-
тeй поколóшкавъ; малé, що зъ ёю на пeчи було, до половiни
пузирóмъ знялось; двохъ бiльшенькихъ за рúки ведúть, ажъ од-
но хлопья по шóстому гóду й каже мáтери: »постii, мáмо! чо-

біто́къ оди́нь забúвсь, — п вiпурснувъ изъ рукъ; за нимъ, — шукáть, — налáпали въ димú, чобiто́къ у руці, а вонó неживé. Отó во́ля Бóжа! Се, мóже, за моó сестрú такъ. Пóслi смéрти бáтька й мáтері п вонi, кáжуть, рúки погрiли коло нáшого добрá: гаманéць знайшли п шiсьдесáть карбóванцивъ грóшей, щiце звéрху й копiечка лежáла (то вже iмъ на подзвiнне), — та й за-таiли одъ насъ. Усé у iхъ погорiло, усé — п нáша хáта, до тла. *Хто чужé берé, того й Богъ побьé...* Якъ мiй бáтько ту хáту бувъ окукóбивъ! — «пе менi», — кáже, — «бúде, — такъ дiтямъ моiмъ», — склинцовáвъ iй, грúзомъ набiвъ п обстáвивъ очерéтомъ кругóмъ, щобъ теплiшъ. А садъ якiй хорóшний бувъ! вiнъ п невели́чкий — да зелéний, пахúчий: гáрний вишнячóкъ, двi я́блуни такi вели́ки надъ самiми сiньми; грúша, лили́еу три кущi вели́кихъ п рóзи кущъ: соловéй усé булó тамъ свiще, бо вонi такъ собi у кiнци сáду стояли; булó, тихéнько пiдiйдешъ, а вiнъ заплóщившись да якъ свiще! Мáти насъ п одведé, щобъ не полóхали. — Сá-жалка булá, — кали́на кругóмъ понавнесáла такъ рясно, якъ дi-вóчи слéзи: то все бáтько понасáжувавъ. П тепéрь згáдую, якъ булó гуляешъ... пáймичка полóтна бiлить, а пóслi пiдъ вишня-кóмъ сидiть — пояси́ плетé. Оцé булó я гребiнку вiзьмú, привья-жú мiчкку та й собi прядú, а бáтько кáже: «моя́ дочко, моя́ пáнноч-ко! я одкуплю́ тебé, — на во́лю вiнущу; прядi менi на ятерi — бúду рiбу тоби ловити.» Пiде рáно - рáно, язi позаставляе, духi по-закривáе, вьюнiвъ, карасiвъ наловить. А мáти кáже: «моя́ дочко, моя́ прiшечко! прядi на рушникi, на хусткi: осу́емъ да вiт-чемо.» Бáтько й скрiню гáрну на колéсахъ зробiвъ бувъ менi... Якъ-би́ давъ Богъ, щобъ вiнъ живъ бувъ, я бъ тепéрь ничiмъ не журiлась... *На жiто, мовлявъ, ора́ли, да й грéчки немáе...* Якъ ставъ вже кúчеръ жить у нáшiй хáтi, садъ усóхъ: — не-дóглядъ! вонi ёго́ не садiли, дакъ iмъ п не жалъ, а бáтько, бу-лó, всiяку гiлечку перещúпае, сухé пооби́люе, пообмáзуе... По садú, якъ пустiлась кúряча слiнотá, глухá крошiва, лопúхъ; по грядкáхъ свiри́на, гiрчи́ця, — такъ п заглúхло все: пiдешъ у садъ — тáкъ въ репчяхi п вберéся, — колóчий зробiвся, мовъ iжáкъ... П лю́дина такá бувае, що до ёго́ й не доторквéся... зъ дворá й со-бáки нáшi позбiгáли. Скóро й зовсiмъ садъ вiрубили, бадiлля тiльки стремiло. Тiльки у хáтi у iхъ такъ прехóроше булó! Бож-никi ще такъ, якъ при мáтерi, були... Двi скрiвi стояло, а

одна въ коморі, мой — батьківська. Долівка, було, мажетця, лавкі хороні, чи лінові, чи дубові, широкі... Усє спалло!.. Корівъ у насъ три було, — батько та мати запрацювали, — полéгкость їхъ душамъ! Корови наші були гарні, — міжъ усіма пізнаешъ. Якъ теперъ бачу: ліса, рудá й сівá; молокá по-багато давали, — до їхъ и відьмі не ходіли. Нашъ дідъ умівъ їхъ замовлять, — тільки трéба було три слóви сказати, якъ иті доїть; вінъ мою й матірв навчівъ. Було идé доїть, да й скаже ті три слóва. А пішли наші корови по рукахъ, зробились такі позахарчовувані, и молокá стали мало давати, бо вже й до їхъ стали ходитъ відьмі... Щó ви думаєте? якъ відьма на ко́го да розсёрдитця, уже одд́ачить. Вона хотъ чимъ, хотъ чимъ перевёрнетця. У однієї жінки сто́явъ москаль, — отъ вона зъ імъ чо́гось и посвари́лась (а вона була відьма). Лігъ вінъ спать, вона й оберну́лась мұхою: гудé да й гудé — не даé ёму спать; отъ вінъ пиймавъ її, да у пляшечку й зачинивъ. Встаé чоловікъ тієї жінки, лежить вона и не д́ише (у їхъ тільки душа вилитаé, а т́лубъ їхъ застаётця). Чоловікъ такъ жу́ритця, що вже свить, а вона не д́ише. Отъ москаль и ка́же: «жолі вона запрягн́е, що такъ робить уже б́льшъ не б́де, то я її тобі й випущу.» Отъ чоловікъ знавъ, що ёго жінка відьма, и запрягся. Москаль тоді випустивъ мұху изъ пляшечки, вона й загу́ла; а жінку стали будитъ, вона встала и зарика́сь. — А то одна відьма, неприрожд́енна, ходитъ да й ходитъ зъ то́го свиту до своїхъ д́тэй; у її невістка була, синъ жонатий, д́тки у їхъ були. Невістка якъ лягае спать — оградитъ, було, хрестомъ хату, пилъ, дитину (коліска коло по́лу у ногахъ в́сенть); отъ свекру́ха у-почі якъ прійде, то но́ги тонче-тонче невістці: такъ її н́дно, що дитина в́сенть у колісці, а доступитця не м́жна, дакъ їхъ та́къ свекру́ха заудила ходячи, що вони й хату покинули, и понові сказали. Одконали яму, — відьма лежить бо́комъ, а краса́ зъ лиця якъ не пр́сне: ка́жуть, якъ-би́ прійшли дві дочкі да потёрля червоною суконкою, то б́ засміялась. Говорять, що відьмі й на Лісу-гору злітаю́ця змовля́тьця, де що робить. У насъ одна жінка хотіла навч́тись відьмува́ть; отъ, и пішла до відьми, а відьма й ка́же: «Прихо́дь до мене въ гла́ну пічъ, да вже жъ уч́сь.» — Дóбре, ка́же. Прихо́дить та жінка. Відьма в́йшла на крильц́е та якъ св́сне! де та́я га́дина набралася: такъ сюди й лізе; а вона ка́же: «в́зьмі й по-

даїй всяку гадину...« Та вже їй одказує: — усє тобі, голубочко, оддамъ, тільки пусти зъ душею — не хочу вчїтьця... То жъ відьми встають зъ того свѣту, ато й такъ мерці ходять. На русальчнїхъ великть-день дїтєй и кунатыця не пускають, бо русалкї залоскочуть. Насъ було и въ кїнець саду не пускають, бо вони и въ саду гуляють — усї голї... се все діти нехрещенї; у гай хочъ не потикайся: хочъ и велике, то залоскочуть.

Оцє жъ якъ я забазикалась! Не про сє у насъ рїчъ була...

Забрали ото насъ *въ комнати*, — менї дѣбре було. Мѣже й тогѣ, що *што новѣго не видавъ, то й вѣтоши радъ*; зовсїмъ не такїй *чортъ, якъ єїю малюють*: тїлько разъ усєго менє пань за ўхо стрепенувъ, що бѣса по морѣзу бїгала. Пудьга тїльки була за отїми пьязьцями сидїть да шнїть: остогїдїли вони менї... Довелось менї двїчі и на вечорнїцяхъ, и на дѣсвїткахъ побувать, — довелось и покохатись, — да цѣ зъ тогѣ? *Скажї — мїхо, да й мовчї*. Такá вже дѣля моѣ, що въ мєне не загостїетця щастя... А лїбо згадать и менї вїкъ тої недѣвнїй дївчїнї...

Оцє було якъ вїсень, то вже дївчата и парубкї такъ и пропїтують на селї, де якá вдовá живє да хорѣшу хату простїрну має, щобъ їй просїть у *дѣсвїтчани матерї*, — да колї е у їй дочкá, то ще їмъ и лўчче. Инодї й дївка старá буває дѣсвїтчаною матерью, отъ якъ котѣра сирѣтою зостанетця, а хата е; и и обпрядуть и обсвїтять, — такъ и пїдживє. Дївчата, що-вївїрка и що-четверá, то й прядуть дѣсвїтчани матерї по три насми на двох-аршїннє мѣтовїло, — а лїтомъ помагáють їй полѣть, то однá, то другá, навперемїнку. Оцє, було, що-вѣчѣра, якъ порá йти на вечорнїцї, и чўешъ, то дївчата, то парубкї й кричáть — зивáють, когѣ тамъ немá: «точѣкъ, точѣкъ, побравъ хтѣсь дївѣчѣкъ!» а дївчата кажуть — «парубѣчѣкъ», якъ довго звѣчѣра не схѣдїтця. Оцє и схѣдїтця дївчата и парубкї. Дївчата й несуть и мукý, й яйця, сáло, хлїбъ: (матїркї дають), — а парубкї вжє горїаку тїльки. Дївчата прядуть-собї, а парубкї — хто рукавїцї плетє, хто веретєна рѣбїть, — хто зъ свѣтїакою: (хто еъ чимъ прїйшовъ); рѣсказують, хто цѣ бачивъ, цѣ робївъ, цѣ чувъ, абѣ й спївáють, и якъ розжартўютця, то, якъ комý, то й мнчкї повáлють. Разъ, такъ жартувáвши, на вечорнїцяхъ дївку заплáкали. Жартувáли, жартувáли, а пѣслї й кáжуть: «жумрї, Гáлю: ми по тобі голосїтнємѣо.» Та зъ смїхѣмъ и лягла. Вони зложїли їй рўки, — у дѣ-

світчаїної матері взяли намітку и покрили її, и стали усі дівчата докладати: »Галочко її голубонько, стріце наша! на-що жъ ти насъ покинула! якъ-біи жъ ми знали, що ти на останній дорозі, ми бъ тебе радили, ми бъ тобі годили, ми бъ на тебе якъ на сонце гледіли. Поглянь на насъ, ясочко наша, засвіти своїми зорами, ясними очіма!..« А парубкі собі: »чого жъ ти, Ганночко, да такъ запишлася! устбнєкъ калиновихъ своїхъ да її не одкрієшь, словонька тихого да її не промовишь!« Далі дівчата вже и годі, — стали її будити — не встає; вони її зъ лави волокти, — думка така, що дурить, — а у її її духу нема! Боже-світе, якъ полякалися! тоді вже справді въ голось ударились... Да то давня річъ...

Славно буває по вечорніцяхъ! Оце, у неділю, насіння, соняшнику понаносять дівчата, лузають, — горбу, сімья нажарять. Изъ парубківъ, хто ще не давно ставъ ходити на вечорніці и на до-світки, той такъ особнякомъ держитця коло порогу, або за столбъ; а хто вже такъ, що її покохався, той и сімья попросить, сиде коло тієї дівчини, що любить, — розмовляє зъ нею, пісєнь вкупі співають, — а тамъ уже її другі и трейті собі паруютця. Дівчата у квіткахъ, такъ повбірані, а якъ заручена, то квітки и по всякъ день не здимає; танцюють зъ парубками — тільки одляски йдуть, а музичі — такъ кохъ и наскідають грошей! Якъ вийдешъ, було, за ворота — тільки її чути тра-та-та-та-та-та, — весело такъ! музика грає... зитхєнь, та її підешъ до *комнатъ*: неволя! не робота, а неволя... Скільки ті корки та підківкі настукають голову досвітчаїній матері, що-неділі! Того тамъ, де дітей багато, не буває її вечорніць... Після парубкі натаскають соліми повну хату, світло потушать, її застають ся зъ тимъ, хто когю любить, а одинокі парубкі — за шанкі та її додому; чи світь, чи зоря, вже її повставали; парубкі соліму вінесуть, а дівчата по своїхъ хатахъ на роботу, въ помічъ матіркамъ.

Да не всякого її приймуть на вечорніці... Разъ у нашому селі біда скілася. Одинъ багатий парубокъ, ще її сирота, та дівчину піддуривъ; и вона тожъ багатого роду, у її ще три сестри було її мати. »Я, каже, на тобі оженюсь«; звісно якъ беруть — сто копєй дають, а візьмуть — и одного не дають; такъ и вінъ: не хоче братъ за себе дівчину (Івгою звали). Що вона попожурілася!... Вона зроділа сина, а вінъ — чутка пішла — що на дру-

гóму кутку залицяється. Івга й каже: »ти станешъ зъ нею підъ вінцець, — я прийду́ зъ дитиною, зінхну́ и самá на місце стану«; а мати въ судъ стала жалитьця, такъ за безчесте у ёго одібрали па́ру волівъ и па́ру ко́ней, — да щó зъ то́го!... обіди то́єи не жене́шь, усé пам'ять зоста́нетця. Йде́ Івга селомъ — її страмля́ть матірки́; а парубкі́ ёго́ до се́бе не прийма́ють: вінъ одъ вечорни́ць два го́ди одбітний бувъ. Пи́ще їй не вся́ біда сімъ скінчи́лась: понесла́ ба́ба до хреста́ дитину́, а пінь пита́є: »чи за́ко́нне? — Ні, наво́че. — А пінь стрóгний бувъ, — якъ за се на́казувавъ! Ну, до́бре,« — ка́же да цілий пістъ вона́ й говіла, все у кутóчку сто́їла, покло́ни біла... *Не дитині жь со́ромъ, а ба́тькові:* то якъ у ёго, зра́дника, о́чі не повиска́кували отъ сти́ду й жа́лю!.. *Хоро́ша чітка, ка́жуть, далéко чітна, а по́гана ще далше.* Та́ дівка, до котро́ї вінъ присва́тувався, прочу́ла про се и не пішла́ за ёго, й хусткі́ одібра́ла. Отъ вінъ дума́въ, дума́въ, да й зновъ до пёршої.

Ти вери́сь (мовля́въ), жінко, ти до любви́, ти й до розмови́,
Ти й правди́вая, ти й любима́я!...

А вона́ ёму́:

Не вери́сь, мѹжу, не вери́сь, дру́же,
Бо знуща́вся ти зъ ме́не дѹже...

Да ра́ди дитини́ вже пішла́, — лю́де умо́вили.

Мені́ жь такъ, якъ и їй, до́лі не бу́ло, да й не бу́де вже. *Не бу́ло, ка́жуть, зма́лку, то й до'ста́тку.* П'ять літь я послу́жила въ ко́мнатахъ. Па́ні куди́сь повія́лись у чу́жї зе́млі; мене́ оду́стїли. Я й жи́ла у хре́щеної ма́тері, — да скóро ви́йшла зъ ко́мнатъ, мене́ за́разъ и змо́вили за хоро́шого чоло́віка, за ба́гáтого оди́нця: ёму́ ще й го́да не ви́йшли же́нитьця, а мені́ — ві́сімна́дцятний пі́шовъ. Отъ, зроби́ли зару́ччии; я подава́ла хусткі́ и пере́йшла до ёго́ ма́тері жи́ть до ви́щця́, бо ма́тки у хре́щеної ма́тері бу́ли не вели́кі. Жи́ла я у їхъ, усé робі́ла и слѹхалась, якъ ма́тирѹ рідну́; доткли́ва во́па бу́ла, — да щó, — дума́ю: — мені́ зъ імъ жи́ть, а не зъ нею́. Отъ ви́йшли ёму́ го́да, порá ла́дитьця намъ и къ весі́ллю, а вони́ то́ді: »ми уже́ знайшли́ собі́ кра́щу дівку... Ото́ — рі́чть!... Дава́й и мене́ гнать изъ ха́ти. Я—до ёго́: »щó се ти, Микі́точку! Бо́га би́йся! чи я у те́бе зъ лиця́ спа́ла, чи брови́ зно́сїлися, чи робі́ть забу́лася? Хай«, ка́жѹ,

»твою мати Бóга не має въ животі, ато й ти за ёю ручь, тягнешь?«... *Щожъ? якé дéрево, такі й одрóстки...* Силою води не докопається...» Не по Бóжому«, кажу, »Мпкiточку, ти рóбишь!.. Я не послiдня була и не яка-нéбудь;—дáрма, що я вбóга и худéнька, якъ гiчечка, а коло мене хлóпци кúпцемъ: — знайшла бъ я собі й дрúгого не згiршь ёго! Я бъ имъ подякувала за-хлiбъ за-сiль, да ничóго бъ не сказавши, и геть изъ хáти, коли ви такі; хай вона имъ залетця. Да щó жъ, коли мой лихá година!.. А мати ёго грозьбóю наказувала:» глядiть же менi, дiти!..« тáкъ-що, булó, й цiлúсьмось, захилiвшись за двéри... á тутъ... Такий-то невiра! Покiнувъ! И повiнчавсь зъ дрúгою, а я самохiть пропáла, — упустила дóлю, — зносила свiй сóромъ, якъ батъкiвщину. Свiтъ менi завъязавъ, заiвъ мiй вiкъ рожéвий!..

Бáтько хрещёний и на óчи не пустiвъ, — цiлий годъ я чужi дворища топтáла, да вже якъ занедúжала у людяхъ, батъко й мати прийшли й забрали мене зъ дитиною до себе.

Тáкъ-то я й добивáю свогó молодóго пiдкóшеного вiку!.. Мóже й дитина ся росте менi на великi слёзи. Менé дóбри лóде не цурáлися; я слави своiей дiвоцькоi не скаляла, а тiльки ёму, зраднику, вiри поцялá... Охъ, жáлю мiй, жáлю, жáлю не по малу!..

А. Печуй-вiтеръ.

Нолбрь, 1860 р.

СНІВЕЦЬ МИТÚСА.

Словутного пѣвца Митусу, дравле за гор-
дось не восхотѣвша служити князю Данилу,
роздраного, аки связаного, приведоша...

Ипат. льтоп., стр. 180.

Гине сила Дажь-бóжого ви́ука: Татáри плондрúють,
Князи кують коромóли, не дбають обь вiрi и лю́дяхъ.
Кúритця Гáлицька воюеть, димъ до Бескúдiвъ простягся;
Впавъ Володiмiръ Воли́ньский; Кiiва вже не пiднiяти.
Князь Ростиславъ изъ Дани́ломъ не мiлюють Зéмлю Дни́стри́ньську;
Угри и Лiхи бiдi додають; въ Переми́шль набiгае
Князь Костянтинъ; коромóлуе зь нимъ на Дани́ла владiка.
Крiпшии за всiхъ въ Переми́шлi снiвeць словúтний Митúса.
Шáблi не носеть снiвeць и грудéй щитомъ не вкривае, —
Пiснями сiпле на князя, гóстрими нiби стрiлами,
Пiснями людъ стурбувавъ и хiть до вiйни пiдливае.
Краснихъ не хвалить дiвiць Митúсина пiсня шалéна,
Мiрного лю́дямъ житiя не прорóчить, не грiе одваги
На супостáта: усóбици i смúти та пiсня вивóдить.
Огъ ужé градъ Переми́шль Андри́й облягае повкáми,
Ласкаво згóду дае, — не рáдить на згóду Митúса.
Рáно въ недiлю ступáють повкi княженéцькi до штúрму:
Снiршу гарцюють стрiльци, а тамъ подаiотця *порóки*. —
Ввечерi князь въ Переми́шль уступае; закували владiку,
Сiлу взяли на потóкъ непокiрного лю́ду; подрáли
Тúли бобрóви у iхъ, и барсúчи и вóвчи прилби́ци.
Ини бiжáть по чужiнахъ; не втiкъ словúтний Митúса:
Вiвъ, що колись не схотiвъ заспiвати Дани́лови, бранцемъ

Ставъ теперъ передъ княземъ Даніломъ словутний, а б'їсть
 Давня у сёрці... не вправъ на коліна, лицé но поблділо.
 Грізно поглянувъ на ёго Даніло и мовивъ словами:
 »Гордий співа́че, сла́вний співа́че! бунто́вниче кля́тий!
 »Що, солові́ний го́лосъ зміня́въ на гадю́че сича́ння?
 »Бо́гъ дарува́въ то́бі си́лу, ти одми́нівъ її́ бісу!...
 »Чомъ, якъ Бо́гъ старо́давній, ти не співа́въ намъ про сла́ву
 »Предки́въ вели́кихъ? Чомъ не навча́въ насъ до́бру́ и со́гласці?
 »Чомъ одъ грі́хівъ не впи́нявъ перозу́мнихъ о́гненимъ сло́вомъ?«
 — Кня́же! — одві́тивъ Митуса: ось я заспіва́ю вамъ пі́сню:
 Рі́жтесь, куса́йтеся, бі́йтесь, по́ніло́мъ Русь поси́пайте,
 Пі́йте брате́рною кро́въ, умива́йтесь слéзами наро́ду: —
 Отъ до васъ до́брана пі́сня! — іншо́ї вамъ не почу́ти!
 Що васъ спива́ти? що́ вамъ співа́ти? Шкода́, опі́знались!
 По́мета за по́мету, ка́ра за ка́ру, ли́хо за ли́хо!
 Ко́нчили́сь ві́ки; сповни́лась ча́ша; грі́мъ роспали́вся:
 Судь немину́ций, судь невмо́лимий, — на́писана до́ля!
 Ко́нчили́сь ві́ки! зі́лля сухе́е о́гонь поїда́є —
 Ха́й поїда́є! ха́й пропада́є Русь изъ кня́зями!
 Бо́же прокля́ття чо́рними хма́рами ві́ситъ надъ нею;
 Хма́ри згустію́ть, ві́ки пролі́нуть, и зновъ, хочъ не ско́ро,
 Зи́ову розго́нить я́снеє со́нце тумані́въ ві́ковичній;
 Въ то́й часъ-годи́ну іншихъ пісе́нь спі́вці́ заспіва́ють,
 Пи́шимъ кня́зімъ, та не вамъ, — іншо́му Ру́ському лю́ду!...

І ЕРЕМІЯ ГАЛКА.

СТАРОВѢТСКОЕ ДВО́РИЩЕ.

ДУШЕСПАСИТЕЛЬНОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ,

посвященное *Льву Михайловичу Жемчужникову.*

I.

Не скоро — о, какъ еще не скоро! — наступитъ умное время, когда деревья, съ ихъ животворнымъ дыханіемъ, съ ихъ тѣбною и вѣчно увлекательнымъ шумомъ, сдѣлаются безусловною принадлежностью нашихъ сельскихъ и городскихъ жилищъ. Покамѣсть, мы встрѣчаемъ больше охотниковъ повалить дерево, чѣмъ посадить его и взлелѣять. Покамѣсть, мы встрѣчаемъ немного мелкихъ усадебъ, окутанныхъ освѣжительной зеленью. Гораздо чаще, на нашихъ глазахъ, тѣнистые, цвѣтущіе и пѣвучіе уголки старосвѣтской, малолюдной Украины, по милости новыхъ своихъ хозяевъ, превращаются въ скучную плоскость, на которой торчатъ только произведенія неотступныхъ нуждъ человѣка — домá, амбары, погреба, заборы. Какъ же это у мелкопомѣстныхъ, небогатыхъ земляковъ моихъ не хватаетъ на столько вкуса и любви къ живому, чтобы поддерживать вокругъ себя свѣжую зелень, или по крайней мѣрѣ щадить ее?... Вотъ, напримѣръ, нашъ страпчій. Кто не знаетъ такъ называемаго *старосвѣтскаго дворища*, которое досталось какъ-то его отцу, а потомъ и ему, на окраинѣ нашего уѣзднаго городка? Чтó касается до меня, такъ я изучилъ это старосвѣтское дворище во всѣхъ подробностяхъ: я изучилъ его, какъ пейзажъ геніальнаго мастера, влюбленнаго въ дикую свѣжесть нашихъ захолустьевъ.

II.

И не одними древними липами, сдѣлавшимися у насъ такою рѣдкостью, привлекало оно къ себѣ мое вниманіе. На томъ мѣ-

стѣ, гдѣ только узенькая *стѣжечка* извивалась передо мной по травѣ въ густой тѣни древесной, стояли когда-то козацкія хаты. Между этихъ липъ и старыхъ грушъ, поднявшихся высоко, точно кедры, — жили старосвѣтскіе козаки, извѣстные подъ именемъ *завзятыхъ*. Ихъ имена давно утрачены въ преданіяхъ, но память объ ихъ завязтости перешла къ намъ въ темныхъ разсказахъ о кровавой битвѣ, на этомъ самомъ старосвѣтскомъ двѣрницѣ, среди этихъ липъ, нависнувшихъ широкими шатрами, и древнихъ грушъ, выросшихъ на-подобіе кедровъ. Преданіе, очевидно, относится къ тому времени, когда козаки еще вѣровали въ свою *саблю булатную и пицаль семилядную*. Люди, менѣе храбрые и болѣе сметливые, вразумляли отъ времени до времени нашихъ воинственныхъ прадѣдовъ, что пора повѣсить на стѣну прославленное въ пѣсняхъ оружіе да взяться за умъ, чтобъ не погибнуть въ исторіи народовъ; но козаки, владѣльцы старосвѣтскаго двѣрница, послѣдніе уступили силѣ вещей. Они защищались по-козацки отъ людей, которые, переставъ быть козаками, сдѣлались для козаковъ опаснѣе Татаръ и Турокъ. *Ницѣ не вмѣрла козацька мѣти!* восклицали они словами Хмельницкаго (а она давно уже была отпѣта), и въ одинъ прекрасный день, рѣшась отразить силу силою, пали всѣ до одного на своемъ двѣрницѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, точно какъ-будто представлялась какая-нибудь возможность не пасть и десятию саблями отстоять дѣло, потерянное миллиономъ. Народъ не понималъ ужъ и величія этихъ послѣднихъ представителей старосвѣтской Украины, не сохранилъ даже ихъ именъ, а понятіе о мужественномъ духѣ ихъ выразилъ, съ нѣкоторой укоризною, въ словѣ: *завзятые*. Ихъ двѣрнице сохранило, однакожъ, имя *старосвѣтскаго*, хотя имъ завладѣлъ, по странной прихоти судьбы, человекъ новой формациі, и именно нашъ стряпчій. Впрочемъ нашъ стряпчій — личность историческая, не менѣе завзятыхъ. По современному взгляду на дѣла человѣческія, владѣтели почвы, напоенной козацкою кровью, кто бы они ни были, дѣлаются достояніемъ украинскаго бытописанія. Личностей, подобныхъ нашему стряпчему ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ намъ оставлять безъ вниманія: ихъ мелочные характеры интересны уже по своей противоположности съ крупными, смѣлыми чертами характеровъ, соединенныхъ съ этою почвою въ нашихъ воспоминаніяхъ. Они тоже герои: посредствомъ накопленія безчисленнаго множества этихъ мелочно

суетливыхъ, мелочно злыхъ и мелочно добрыхъ созданій кишачихъ одно на другомъ на мѣстахъ бывшей размашистой жизни, исторія выработываетъ новыя формы бытія, точно такъ, какъ физическая природа — посредствомъ разложенія органическихъ тѣлъ.

III.

Я долженъ начать исторію этого героя нашего времени съ того темнаго періода его жизни, когда онъ былъ еще ничего незначащимъ *судовымъ папичемъ*. Читателю, можетъ быть, извѣстенъ общій типъ нашего судового папича — съ папирской во рту и съ поразительнымъ отсутствіемъ здравыхъ понятій о государствѣ, обществѣ, человѣкѣ и природѣ. Страхъ потерять наследственное званіе *благороднаго* заставляетъ ихъ оставлять родовыя десятины земли на погребеніе старушки матери, или выбившагося изъ силъ отца, и подвергаться письменной работѣ — теченіе Богъ знаетъ сколько лѣтъ. Переписывая или «очищая» машинально нумеръ за нумеромъ, въ безконечныхъ тысячахъ отношений, предписаній, справокъ, повѣстокъ, они естественно утрачиваютъ лучшую долю природнаго ума и чувства, такъ что неграмотный козакъ-пахарь, въ сравненіи съ ними, не только философъ, но и поэтъ; зато приобрѣтаютъ почти навыкомъ искусство ловить въ мутной водѣ рыбу и, какихъ бы ни дослужились чиновъ, рѣдко возвращаются изъ пыльнаго и грязнаго городка доживать вѣкъ на лонѣ свѣжей хуторской природы. Силой привычки, они перерождаются въ людей, совсѣмъ не похожихъ на тѣхъ, какими вышли изъ-подъ соломенной хуторской крыши. Они ничего знать не хотятъ, кромѣ *входницъ* и *исходницъ*, и часто, продав наследственный кусокъ земли, обрамленный лѣсами, напоенный источниками, покупаютъ въ городѣ домикъ, окнами на улицу, состоящую изъ одной пыли. Проѣзжая черезъ уѣздный городокъ, вы замѣчаете лежащую на запыленномъ окнѣ канцелярскую фуражку съ кокардою и думаете: «Бѣдное чиновническое существо! за какія вины предковъ, за какія общественныя прегрѣшенія, осуждено ты всю жизнь томиться на этомъ пыльномъ припекѣ?...» Но вы попусту растрчиваете свою чувствительность. Чиновнику, добровольно промѣнявшему хутор-

ской воздухъ на эту удушливую пыль, ради чиновъ, безгрѣшныхъ доходовъ и будущей карьеры, хорошо въ городѣ. Онъ эту пыль запиваетъ пуншемъ и заѣдаетъ возбуждательными бакалеями. Да едва ли она и томить его, какъ васъ, если вы привыкли дышать воздухомъ среди садовъ, наснкъ, среди только что вспаханной или ужъ золотящейся нивы. Посмотрите: онъ и дѣтей своихъ пустилъ по своей дорогѣ, и дѣтямъ своимъ не желаетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ чиновниками. Пятилѣтніе Ваши, шестилѣтніе Пети и Оеди прикалываютъ у него къ цвѣтнымъ околышамъ своихъ дѣтскихъ фуражекъ круглую бумажку, въ подражанье отцовской кокардѣ, и веселятъ родительское сердце. Не имѣя понятія о томъ, что такое свѣжая лужайка, или зеленые древесные шатры, они играютъ среди душиной улицы такъ весело, какъ ящерицы на раскаленномъ камнѣ. Не безнокойтесь, ради Бога, объ этихъ юныхъ созданіяхъ: объ нихъ природа прежде васъ позаботилась. Она, изъ поколѣнія въ поколѣніе, всё болѣе и болѣе удаляетъ ихъ отъ ихъ первообраза, которымъ былъ, по всей вѣроятности, лѣтъ сто или болѣе назадъ, свѣжій, здоровый, простодушный и честный обитатель хаты, крытой соломой и обвѣваемой живительнымъ степнымъ, луговымъ или лѣснымъ воздухомъ. Настоятельная надобность въ охранительномъ чинѣ вырвала этого предка будущихъ чиновниковъ изъ какой-нибудь пасники, звучащей, въ солнечной свѣжести, среди цвѣтистыхъ травъ и дремлющей древесной листвы. Заботливые родители, не знавшіе на себѣ, что такое чинъ, но убѣжденные въ его необходимости для сына, великодушно сослали его въ пыльный и душный городъ отъ дышащихъ жизнью береговъ степного озера. Нелѣпный призракъ бѣдности, которая лучше городского стѣсеннаго богатства, обманчивой призракъ униженія, которое выше жалкой чиновной высоты, прогналъ его изъ просторнаго, обильнаго, вольнаго хутора, незнающаго ни поклоновъ, ни принужденія. Прошло столѣтіе—и потомки не похожи уже на предка. Они ужъ меньше ростомъ; ихъ дряблыя, сухія руки образованы природою сообразно съ ихъ назначеніемъ; самый цвѣтъ лица подходитъ у нихъ къ цвѣту городской пыли, которою они осуждены дышать, въ наказанье за нелѣпную некузвенность жизни своей. Куда бы потомъ ни забросила ихъ судьба, слѣпо награждающая успѣхомъ всякое усиліе человѣка, — въ благополучные ли бюрократы, гордящіеся

другъ передъ другомъ количествомъ *входящихъ* и *исходящихъ*, или въ счастливые бюстители городского порядка, наживающіе въ одинъ годъ капиталы, — какъ бы ни расширились потомъ ихъ мышцы, но цвѣтъ лица, однотонный съ почвой, на которой выросли ихъ канцелярскіе предки, останется въ потомствѣ вѣчнымъ свидѣтельствомъ о томъ, какъ жили и понимали жизнь эти отступники простоты, существовавшіе на то, чтобы служить живымъ укоромъ дурно понятой цивилизаціи.

IV.

Впрочемъ, въ нашемъ уѣздномъ городкѣ, между начинающею братіей судебныхъ паничей, вы можете встрѣтить еще довольно часто цвѣтущій первообразъ будущихъ благополучныхъ бюрократовъ департамента и счастливыхъ бюстителей разныхъ порядковъ. Наши дворяне еще недавно были козаками (въ чемъ они совѣстятся сознаться) и вели почти все безъ исключенія хуторскую здоровую жизнь. Села наши не очень давно еще сдѣлались позорищемъ насильственнаго труда съ одной стороны и пресыщенія городскими выдумками съ другой. Самые города наши до сихъ поръ сохранили еще во многихъ мѣстахъ наружный характеръ сельской жизни. Въ нихъ до сихъ поръ еще зелено, тѣшисто, свѣжо. Только главныя, такъ называемыя казенныя улицы, на которыя любятъ обращать окна Жиды и чиновники, напоминаютъ обоянью столичный воздухъ и съ утра до ночи дымятся знойною пылью. Природный вкусъ Украинца еще не совсѣмъ ожидѣвшаго, требуетъ, чтобы около его хаты зеленѣли вишни, черемхи или хоть вербы. Поэтому и въ уѣздномъ нашемъ городкѣ, по мѣрѣ удаленія отъ тѣхъ улицъ, на которыя особенно распространенъ такъ называемый строжайшій порядокъ, неформенныя хаты и домики окутывались болѣе и болѣе садами, а по его окраинамъ вы можете найти настоящія сельскія левады и какъ-бы отдѣльныя хуторки. Въ этихъ хатахъ, въ этихъ домикахъ, построенныхъ по собственному вкусу хозяина, между старыхъ садовъ, черезъ которые не проходила еще всеповергающая долу планировка, нерѣдко квартируютъ судебныя паничи, и двѣнадцати-часовое сидѣнье ихъ въ судѣ, на пыльномъ припекѣ, встрѣчаетъ здѣсь хоть ка-

кое-нибудь противодѣйствіе, во время отдыха, когда, надѣвъ пестрый халатъ и фуражку съ кокардою и усѣвшись подъ старой нависнувшей надъ заборомъ яблоней, они забываютъ на время нумера *входящихъ* и *исходящихъ*, и напѣваютъ подъ гитару какую-нибудь пошлую, но всё же не формерную, Ваньку-Таньку. Въ этихъ хатахъ и домикахъ, на старосвѣтскихъ двѢрищахъ, осѣненныхъ великанскими грушами, посреди произвольно выросшихъ кустовъ душистаго лиміеу, судовые паничи, удалившіеся и удаленные отъ сельской природы въ городъ на неопредѣленное число лѣтъ, представляются мнѣ, въ своихъ халатахъ и кокардахъ, чѣмъ-то въ родѣ полевыхъ цвѣтковъ, сорванныхъ гдѣ-нибудь на влажной долиніи или на опушкѣ звучащаго пѣніемъ лѣса и опущенныхъ стебельками въ воду. Я люблю страстно и меланхолически эти хаты и домики, поставленные не по плану и рѣзко отличающіеся другъ отъ друга своими физіономіями. Бродя по окраинамъ нашего уѣзднаго городка и вематриваясь въ характеръ каждаго изъ этихъ вольныхъ, хоть и убогихъ, сооруженій, дружныхъ съ растительною природою, я не могу отогнать отъ себя грустной и вмѣстѣ отрадной мысли, что въ то время, когда наши болшія, дышанія пылью и смрадомъ улицы постепенно передѣлываютъ человѣческой родъ изъ цвѣтущихъ юношей въ оливково-пыльных чиновниковъ, изъ свѣжихъ и сильныхъ людей въ худосочныя фигуры и фигурки, — физическая, а отчасти и моральная, жизнь кой-какъ удерживаетъ свою свѣжетть въ этой городской глуши, похожей на сельскую глушь. Въ одномъ изъ такихъ уголковъ судьбѣ угодно было произвестъ на свѣтъ и нашего странчаго.

V.

Отецъ его былъ знаменитымъ секретаремъ повѣтоваго суда въ нашемъ городѣ и изъ ничего составилъ было значительное состояніе, но вдругъ, по волѣ какого-то свирѣпаго ревизора, попалъ подъ судъ и лишился всѣхъ своихъ пріобрѣтеній, кромѣ старосвѣтскаго двѢрища на концѣ горста да чина титулярнаго совѣтника. Съ этимъ чиномъ, онъ поступилъ на мѣсто регистратора въ земскій судъ, — самое ничтожное мѣсто, — и продолжалъ существовать на свѣтѣ подобно тѣмъ понамъ, которые, потерявъ

своей приходъ, помѣщаются въ чужой церкви на клиросѣ и управляютъ смиренную и малоходную должность приходского дьячка. Это былъ для него родъ эпитиміи, на которой онъ и скончался, такъ какъ начальство, пойманное, въ его лицѣ, на злоупотребленіяхъ, приняло строгія мѣры, чтобъ не давать ему дальнѣйшаго ходу. У этого-то падшаго героя уѣздной бюрократіи родился когда-то сынъ, ему же имя было Никодимъ, по отчеству Трифоновичъ, а по фамиліи, несомѣнно дворянской, Коло-Меду-Палець, и сей-то Никодимъ Трифоновичъ Коло-Меду-Палець былъ нынѣшній нашъ стряпчій, обладатель старосеветскаго двѣрища, которое, долго служивъ ему для разныхъ житейскихъ надобностей, послужило наконецъ и къ пѣкаторой извѣстности его въ печатномъ мірѣ.

Отецъ Никодима Трифоновича не оставилъ ему ничего, кромѣ двѣрища завзятыхъ козаковъ, перешедшихъ въ память потомства безъ имени. Двѣрище одной стороною выходило на узкую, освѣщенную садами улицу, а другою — къ рѣкѣ, запруженной плотиною и похожей на озеро. Въ тѣни стародавнихъ липъ и грушъ стояла здѣсь хата, уцѣлѣвшая еще со времени *завзятыхъ*. Въ этой хатѣ скончался низвергнутый секретарь повѣтоваго суда; въ этой же хатѣ его сынъ додумывался до сокровенныхъ средствъ возвысится на степень достойнаго своего родителя и, пожалуй, превзойти его. Малъ и ничтоженъ зѣло былъ Никодимъ Трифоновичъ, оставшій послѣ отца двадцатилѣтнимъ юношей; но врожденный инстинктъ руководилъ его лучше предсмертныхъ отеческихъ наставленій. Всѣ свои помысленія и всю свою душу отдалъ онъ канцелярской службѣ, въ которую съ юныхъ лѣтъ былъ уже зачисленъ. Прочія стремленія, свойственныя благородному юношѣ, какъ напримѣръ вышить и повести карточную атаку на чужой карманъ, для него или не существовали вовсе, или строжайше были подчинены рвенію къ перепискѣ и составленію бумагъ. Такъ и общій всеѣмъ смертнымъ инстинктъ къ продолженію своего рода у Никодима Трифоновича выразился не въ какихъ-либо романтическихъ порывахъ и страстныхъ мечтаніяхъ, но въ спокойной готовности жениться на дѣвицѣ, которая согласится обладать его убогою хатою и раздѣлить съ нимъ темную судьбу его. Желаніе сіе высказалъ онъ, между справками и сшивкою бумагъ, одному изъ своихъ товарищей, и тотъ сейчасъ же указалъ ему

такую, въ лицѣ Катерины Лупповны, сиротствующей дщери покойнаго іерея, отца Луппа, по фамиліи Кѡвбика. Сдѣланы были справки чрезъ кого слѣдуетъ, и по справкамъ оказалось, что, съ своей стороны, Катерина Лупповна, будучи поповною безприходною и слѣдовательно не разсчитывая на сердце какого-нибудь семинариста-богослова, готова была сочетаться узами законнаго брака съ убогимъ обладателемъ старосвѣтскаго двѣрица. Катерина Лупповна была очень красивая дѣвушка. Она могла бы ослѣпить своей любовью лучшаго паробка въ селѣ и сдѣлаться козачкою на-славу; но наслѣдственное званіе даржало ее вдали отъ черноусыхъ героевъ вечерницъ; она никого не любила; она знала только, что ей надо выдти замужъ, и согласилась выдти за судового панича, хотя въ немъ не было свѣжей кровинки.

При дѣлахъ земскаго суда до сихъ поръ хранится прошеніе, сочиненное Никодиму Трифоновичу товарищами, о разрѣшеніи ему жениться. На прошеніи стоитъ пометка тогдашняго неправника: *отказати по глупости*. Бумага дѣйствительно отличалась какимъ-то вольнодумствомъ и возмущала не одного неправника, но потомъ она же обратила его неудовольствіе въ добродушный смѣхъ и расположила его больше прежняго къ Никодиму Трифоновичу. Прошеніе слово въ слово гласило тако:

»Пріемлю смѣлость покорнѣйше просить оный судъ — выдать мнѣ свидѣтельство на вступленіе въ бракъ съ дочерью покойнаго іерея Луппа, по фамиліи Кѡвбика, Катериною Лупповною Кѡвбиковой, ибо, достигли такого времени, въ которое голосъ страстной заглушаетъ голосъ природы, назначенной мнѣ Провидѣніемъ оставить не могу и не намѣренъ, по встрѣтившимся обстоятельствамъ, ибо вознамѣрилъ ревностное желаніе жениться.«

VI.

Никодимъ Трифоновичъ торжественно перевезъ свою невѣсту изъ убогой хаты вдовы-попадѣи въ убогую хату, оставшуюся на старосвѣтскомъ двѣрицѣ, благопріобрѣтенномъ его покойнымъ родителемъ. Переѣздъ былъ въ самомъ дѣлѣ торжественъ. Молодую княгиню провожали изъ ея роднаго села дружки-козачки, въ цвѣтахъ, въ лентахъ. Молодая княгиня сидѣла, посреди цвѣтущихъ

козачекъ, на скрипѣ, наполненной трудами ея рукъ. Тамъ лежали свойцы полотна, тканые заплочью и шитые рушники, мережанные сорочки и разные наряды. Все это были свидѣтельства ея практическаго воспитанія и залогои будущей хозяйственности. Вдова-попадья устроила какой могла почесть своей дочери. Еслибъ остался въ живыхъ отецъ Луишъ, безъ сомнѣнія, Катерина Лупповна ѣхала бы къ своему жейиху не на сосѣдскихъ волахъ, украшенныхъ развѣвающимися лентами: она ѣхала бы въ бричкѣ. На ней были бы не цвѣты съ огорода, а какая-нибудь старомодная шляпка. Ее провожали бы не козачки въ плахтахъ и дукачѣхъ, а хуторскія и сельскія панночки въ раздутыхъ ситцевыхъ платьяхъ. Но Никодиму Трифоновичу не видать бы ея тогда, какъ своихъ ушей: тогда бы она какъ разъ плѣнила богословское сердце и не знала бы даже о существованьи старосвѣтскаго дворища на окраинѣ города, съ его древними, высокими грушами, роскошнымъ лиліекомъ, разросшимся въ глуши, и ибжиною, волнистою травою, которую прорѣзывала кривою линіею только тропинка отъ воротъ къ хатѣ.

Никодимъ Трифоновичъ, пригласивъ къ себѣ въ бояре судовыхъ панничей, немного конфузился простонародной обстановкой своей свадьбы; но играющія румянцемъ щеки цвѣсты, черныя брови, блестящія огнемъ молодости глаза, чудесные свѣжіе зубы и стройный, высокій ростъ ея — подѣйствовали магнетически на его заявленную въ канцелярскомъ воздухѣ натуру, и простонародная обстановка свадьбы исчезла для него въ сіяньи молодой красоты, которая какимъ-то чудомъ отдается ему, точно во снѣ, въ полное обладаніе. Судовые панничей, напротивъ, были очень довольны обществомъ козачекъ. Они большею частью выросли на хуторахъ, гдѣ старосвѣтскій бытъ славянскій не уступилъ еще мѣста узенькому иѣмецкому быту, и имъ очень плохо давались мазурки и вальсы на дворянскихъ вечеринкахъ. Ознакомясь поближе съ кругомъ, въ которомъ очутились, они вспомнили хуторскія вечерницы и одинъ за другимъ начали выказывать свое искусство въ народныхъ танцахъ. Глядя на ихъ оживленные искренней веселостью лица, вы бы не повѣрили, что это тѣ самые люди, которыхъ видѣли вы въ судѣ надъ протоколами и справками. Пританьшавшая глубоко въ сердцѣ чистая козацкая кровь выступала на молодыхъ, еще не совсѣмъ увидшихъ щекахъ ихъ.

Глаза ихъ заиграли какъ у людей честныхъ, смѣлыхъ и великодушныхъ. Отпустить бы имъ только усы да надѣть еще высокія козацкія шапки, — козаки бѣ они были, а не чернильныя цѣвки!

Весной женился убогіи Никодѣмъ Трифоновичъ, и все старыя груши и яблони на его двѣрищѣ были облиты цвѣтомъ, а пустынный лнліеъ благоухалъ въ тишинѣ городского закоулка, навѣщаемый одними соловьями. Ничего не возможно было придумать лучшаго для оживленія молчаливаго, тѣнистаго двѣрища, какъ отвалить присоху отъ ветхихъ, поросшихъ мшистыми лишаями воротъ, въ которыя давно уже никто не вѣзжалъ, и впустить свадебный поѣздъ съ поющими друзьями, играющими музыкантами и танцующими боярами. Дѣти, собравшіяся толпой вокругъ поѣзда, бросились обрывать лнліеъ, наклонившіи свои вѣтви до земли, подѣ тяжестью цвѣтовъ. Но, сколько ни опустошали цвѣтущую пустыню рѣзвые шалуны, — по ней разлилось только усиленное благоуханіе, а море цвѣтовъ осталось моремъ. Я бы желалъ привести сюда кого-нибудь изъ вѣчныхъ горожанъ въ то время, когда десятки тонающихъ ногъ приняли свѣжую траву. Однимъ глоткомъ захватывалъ тамъ человекъ больше жизненной свѣжести, чѣмъ сколько въ состояніи доставить намъ все косметическія магазины. И нужды нѣтъ, что веселый шумъ разогналъ соловьевъ изъ запустѣлаго двѣрища: ночью, когда все смолкло, молодые супруги уснули въ убогой комѣрѣ подѣ такой хоръ слетѣвшихъ снова пѣвцовъ, какого не услышишь ни въ одной оперѣ....

VII.

Но остановимся на этомъ: поэзія жизни Никодѣма Трифоновича не пошла далѣе. Нѣсколько свадебныхъ дней, въ которые онъ былъ освобожденъ отъ службы, то есть отъ двѣнадцати-часоваго скрипѣнья перомъ, были для него чѣмъ-то въ родѣ пьянаго сна. Все заиграло вокругъ него, все зацвѣло, зацѣло, и его канцелярскій умъ, наполненный нумерами и справками, погрузился въ какой-то сладкій обморокъ. Богъ знаетъ, почему и въ честь какого тезоименитства, устроился вокругъ него усыпанный цвѣтами парадъ, захватившій въ себя не только его товарищей, но и цѣлую толпу пѣвучаго сельскаго народу, съ дѣвчатами и моло-

дицами, съ танцующими на диво козаками и съ пѣснями, отъ которыхъ готово было помолодѣть и пропитанное чернилами сердце. Но оно не помолодѣло.

Женясь на убогой поповиѣ, Никодимъ Трифоновичъ усугубилъ рвеніе къ службѣ, такъ что едва не ночевалъ въ судѣ. Энергія украинскаго характера равно не сокрушима, какое бѣ ни приняла она направленіе. Никодимъ Трифоновичъ засѣлъ въ судѣ, какъ шашель, и пересидѣлъ всѣхъ молодыхъ дворянъ, яростно добивавшихся перваго чина и грядущей за нимъ чиновной карьеры. Пятнадцать лѣтъ непрерывнаго труда, подобнаго тому, какой идетъ въ стѣнныхъ часахъ какого-нибудь вѣчно исправнаго присутственнаго мѣста, доказали всему земскому суду, что безъ Никодима Трифоновича существовать ему не возможно. Все, что относится къ безопасному и безостановочному движенію бумагъ, было изучено имъ въ поразительной степени. И чины, и классныя мѣста медленнымъ, но вѣрнымъ порядкомъ приходили къ Никодиму Трифоновичу, и не далеко ужъ было отъ него секретарское мѣсто. Никодимъ Трифоновичъ Коло-Меду-Палець подходилъ къ этому лакомому мѣсту тѣмъ вѣрнѣйшими шагами, что не тревожилъ уѣзднаго начальства строгою честностью и не возбуждалъ въ немъ зависти быстрымъ обогащеніемъ. Онъ все еще былъ бѣднякъ, въ сравненіи съ членами земскаго суда и даже продалъ Жидамъ — это все знали — золотыя галуны съ кунтуша, дошедшаго къ нему по наслѣдству отъ временъ козачества.

Но въ то время, когда самая крѣпкая нанка лѣтомъ и толстое сукно зимою протирались у него на локтяхъ отъ вѣчнаго сидѣнія надъ бумагами, ветхая хата его изъ пѣстки постепенно превращалась въ болѣе и болѣе уютное помѣщеніе, а въ его убогой коморѣ заводились кованныя скрини, далеко громаднѣе той, которая привезена была къ нему въ видѣ приданого. Въ сельской поповиѣ-безприданницѣ судьба послала ему кладъ, а не жену. Воспитанная въ постоянномъ трудѣ и бѣдности, она дѣятельно занялась улучшеніемъ пѣстки, въ которую онъ перевезъ ее. Все, что могутъ сдѣлать женскія руки съ глиной и меломъ, она сдѣлала, при пособіи поденщицы, и уже черезъ нѣсколько дней, послѣ вступленія ея во владѣніе мужицкимъ жильемъ, въ немъ и самый взыскательный глазъ какой-нибудь сосѣдки-чепурѣхи не отыскалъ бы ни трещинки, въ которую могъ бы спря-

таться занесенный къ намъ москалями тараканъ, ни пятнышка, обличающаго неопрятность хозяйки. Хата Никодима Трифоновича какъ-будто выпрямилась и помолодѣла, точно хозяйка какого-нибудь пахаря, которая вею недѣлю возится съ полотъемъ и домашнимъ пораньемъ, но когда въ воскресенье надѣнетъ свѣжее бѣлье и повяжетъ очинпокъ сияющею какъ снѣгъ намиткою, — сосѣди не узнають ее, стоя въ церкви, и поделѣповатя старушки, толкнувъ одна другую подъ руку, спрашиваютъ: *Чий се така молодá да хорóша молоди́ця?*

Къ бывшей поповнѣ являлись на помощь не одиѣ поденщицы. Она умѣла зазвать къ себѣ и стараго плотника Ковтуна, извѣстнаго пьяницу, который славился своимъ мастерствомъ, но, получивъ отъ кого-нибудь задатокъ, откладывалъ работу до тѣхъ поръ, пока не пропивалъ его въ шинкѣ. Не предлагая ему платы, она пригласила его выпить добрую чарку крѣпительной звѣробоевки одинъ разъ и другой, и третій, и до тѣхъ поръ зазывала и угощала его чаркой горілки и ласковымъ словомъ, пока наконецъ онъ, на ея просьбу сдѣлать починки въ хатѣ, отвѣчалъ: *Не візьмј съ тебе грошей: якъ рідній дитині, тобі помайструю!* И дѣйствительно все починки, передѣлки и улучшения въ хатѣ, въ сѣняхъ и въ коморѣ стѣнили Катрусѣ (какъ прозвали ее сосѣдки) одной звѣробоевки да вкусной стравы, которую готовила она собственными руками.

Расхвалила вдова-попадья свою дочь за хозяйливость. Никодимъ Трифоновичъ радовался молча, видя, что у него въ домѣ дѣлается полиѣе и полиѣе, какъ-бы какимъ чудомъ. На дворѣ, безъ всякаго съ его стороны участія, появились какія-то загородки, и въ нихъ захрюкали обжорливыя свиньи. Куры какъ-будто слетѣлись къ нему отъ всехъ сосѣдей; а тамъ смотри — и одинокій гусакъ вдругъ очутился семейниномъ, и вмѣстѣ съ своей долгошейю подругою водить цѣлое стадо желтыхъ гусей. Когда и какъ устроила Катруся надъ прудомъ огородъ, мужъ этого ничего не зналъ; но ея наймычка каждый день таскала что-нибудь на базаръ изъ этого огорода, и въ карманѣ у Катрусен всегда звенѣлъ запасный рубль, на который она покупала для хозяйства не то, такъ другое. Катруся, молодая, здоровая, привычная къ труду, вся превратилась въ дѣятельность, и никто изъ сосѣдей не удивлялся, увидя у нея къ зимѣ корову, которая по

утрамъ и вечерамъ подходила къ низенькому плетню передъ сѣньми, въ полной увѣренности, что ея молодая, хозяйка собственноручно угоститъ ее пойломъ.

VIII.

Трудно рѣшить, что дѣлала Катруся съ большимъ удовольствіемъ — выносила ли пойло коровѣ, или ставила на столъ миску съ борщомъ, когда ея Никодимъ Трифоновичъ приходилъ изъ суда, для того, чтобы пообѣдать, всхраниуть за перегородкой и уйти въ судъ до ночи. Вопросъ въ томъ, любила ли она его, выходя замужъ? Едвали, потому что, по убѣжденію, переходящему изъ рода въ родъ у воспитанниковъ семинарій, чистая дѣва можетъ безъ грѣха возводить очеса на красоту мужскую токмо послѣ вѣчанія. Съ своей стороны, и философъ-семинаристъ, перейдя въ богословію и чувствуя, что «голосъ страстной заглушаетъ голосъ природы», не предается тщетнымъ мечтаніямъ, но обращается прямо къ дѣйствительности и заблаговременно провѣдываетъ, въ какомъ царствѣ, въ какомъ государствѣ процвѣтають поповны съ надлежащимъ приданымъ, и лишь только кончить курсъ, прямо падаетъ на дворъ къ имѣющемуся въ воображеніи тестю, подобно соколу, устремляющемуся на добычу. Имѣющійся въ воображеніи тесть, съ своей стороны, не входитъ въ разбирательство личныхъ свойствъ давно ожидаемаго и чаемаго въ духѣ зятя, но взираетъ на семинарскій аттестатъ его и, призвавъ предъ лице свое дочь, состоящую на очереди къ выдачѣ въ замужество, объявляетъ: «Вотъ твой женихъ, Палазя, или Феся, или Ліля! Возлюби его въ сердце твоемъ.» Велѣдъ за тѣмъ затѣвается свадьба тѣмъ же порядкомъ, что и у простыхъ смертныхъ, не столь приближенныхъ къ небу и, въ простотѣ сердца, предающихся очарованіямъ любви задолго до брака.

Зная это и видя, какъ наши поповны исправно толстѣютъ по выходѣ замужъ, мы справедливо должны заключить, что онѣ любятъ своихъ мужей тою безгрѣшною любовью, какую вообще чувствуютъ къ благамъ жизни, которыми не пренебрегаютъ ни въ какомъ случаѣ. Наша Катруся приложила свое трудолюбіе сперва къ хатѣ, двору и огороду своего мужа; когда же онъ

утвердился на службѣ и начали къ нему присылаться на домъ разные гостинички, — она не только не охлаждала усердія въ доброхотныхъ дателяхъ, но и вицше поощряла ихъ приличными наставленіями.

Въ скоромъ времени появилась она одно, а потомъ и другое чадо женскаго пола, и воспитывала она ихъ никакъ не хуже любовью козачки, нагулявшейея досыта съ любимымъ паробкомъ до вступленья въ спокойныя супружескія отношенія. Весело и дѣтямъ показалось жить на свѣтѣ, когда онѣ начали бѣгать по всему тѣнистому двѣрищу и заросшему высокими травами набережью, съ котораго тяжелыя лягушки звучно прыгали въ воду. Дѣвочки считали себя ничѣмъ не лучше сосѣднихъ дѣтей, такихъ же, какъ и онѣ, босоножекъ, которыя перелазили къ нимъ черезъ плетень и вмѣстѣ съ ними играли въ вѣрона; а когда подросли, то долго были увѣрены, что имѣтъ лучшей доли на свѣтѣ, какъ жить съ матерью въ чистой уютной хатѣ (отца онѣ почти не видали) и вмѣстѣ съ нею лѣтомъ полоть въ огородѣ грядки, осенью убирать въ погребъ всякія овощи, а зимой сидѣтъ за шитьемъ, за прижею и, по ея примѣру, съ самого дѣтства заготовлять себѣ мережаные рушники, хустки, сорочки. Онѣ не тяготились никакой работой, и никакой работы не находили для себя слишкомъ грязною. Онѣ бывало завидовали наймычкѣ, что она можетъ цѣлый день плескаться на кладкѣ съ бѣльемъ, и когда подросли на столько, что могли помогать ей, то не мало гордились ролью домашнихъ прачекъ и, на кладкѣ, громко вторили ей *нісніймъ дівочимъ*. И въ голову имъ не приходило, чтобъ онѣ были чѣмъ-нибудь выше своей наймычки. Она учила ихъ жизни, пересыная свою рѣчь наставительными пословицами. Она много не пыталась горя, служба по людямъ, и спротекій хлѣбъ ея всегда бывалъ приправленъ извлеченными изъ тяжкаго опыта размышленіями. Она казалась имъ умнѣе самой ихъ матери, которая далеко не знала столько ибсеень и поговорокъ. Еще бы пять-шесть лѣтъ смиренной жизни на простой образецъ, и славныя выросли бы невѣсты на этомъ тихомъ побережьи у окраины города, и еслибы судовой паничъ изъ разряда Никодима Трифоновича нашелъ себѣ здѣсь пару, — благодатнымъ трудомъ зацвѣлъ бы скромный домикъ его; изъ скудныхъ зеренъ, посеянныхъ заботливой рукой неусыпной хозяйки, выросло бы у него, точно ка-

кимъ чудомъ, полное всякой всячины хозяйство, и мирная простота замѣнила бы у нихъ недостатокъ поэзіи.

IX.

Но Никодимъ Трифоновичъ Коло-Меду-Палець коснулся наконецъ сладостной власти, къ которой столь долго простиралъ руку, и лишь только перо его начало выводить крючковатую подпись: *Секретарь*, — весь земскій судъ началъ послушно творить волю его. Тутъ, не боясь ужъ возбудить въ членахъ зависть быстрымъ обогащеніемъ, онъ въ одинъ годъ купилъ тутъ же въ городѣ доходную водяную мельницу, на другой годъ — нѣсколько сотъ десятинъ земли, а на третій — крестьянъ на выводъ, и выросъ у него на полѣ, какъ на ладоши, хуторъ, съ овцами, коровами и пасикою. Катруся вдругъ увидѣла, что она — пани, и перестала ходить къ сосѣдкамъ въ гости. Къ ней въ хату повалила такая парадная толпа купчихъ и дворянокъ, что убогія мѣщанки и козачки боялись показать туда носъ, и даже сосѣднія дѣти перестали лазить черезъ *панскій* плетень. Какія-то суровыя, недовольныя своей судьбой дѣвчата, выбранныя секретаремъ для дворовой службы изъ купленныхъ на выводъ семействъ, давно ужъ вытѣснили отсюда нѣвучую и щедрую на пословицы и поговорки наймичку, и уже съ ними не бесѣдовали о людской жизни и ея случайностяхъ молодые секретарскія дочери; на нихъ учились онѣ барствовать. Новыя знакомки растолковали имъ, что стыдно исполнять собственными руками такія-то и такія работы, и своимъ примѣромъ круто поворотили весь ихъ домашній бытъ. Меньшая сестра ихъ, захваченная приливомъ богатства еще въ младенческомъ возрастѣ, казалась имъ деликатнѣе ихъ въ своихъ привычкахъ и склонностяхъ. У ней были нѣжныя руки; она не притворно боялась ступить босой ногой на холодный полъ, и это возбуждало въ нихъ зависть. Онѣ употребляли все усилія, чтобъ довести себя до благородной изнѣженности, но «мужичкое» воспитаніе отзывалось въ нихъ тѣмъ, что онѣ никогда не простуживались, ни отъ какой неосторожности не хворали. Ни умышленное сидѣнье долго съ вечера, ни долгое спанье въ пуховникахъ, ни даже приемы тайкомъ укусу большими порціями — ничто не

стоило съ ихъ щекъ румянца, который краснорѣчиво говорилъ о бѣганьи босикомъ по росѣ, о проклятыхъ, теперь вовсе ненужныхъ, полотнахъ, которые онѣ сами бѣлили на солнцѣ, и наконецъ о простой, здоровой, или, что все равно, мужицкой пищѣ. Отецъ ихъ купилъ у какого-то разорившагося помѣщика готовый домъ и въ одно лѣто поставилъ его и устроилъ на своемъ старосвѣтскомъ двѣрицѣ. Все было въ домѣ, какъ у помѣщиковъ, только зеркала отражали лица сельскихъ дѣвчатъ, нарядившихся барышнями! Несчастныя страдали глубоко.

На свое прошлое, на свое веселое дѣтство и отрочество онѣ смотрѣли съ отвращеніемъ, и никогда не приходило имъ въ голову сравнить, много ли выиграли онѣ въ душевномъ спокойствіи съ переменной обстановки. Какъ онѣ были тогда дружны съ своей наймычкой, которая своею житейскою опытностію и честнымъ, строгимъ характеромъ внушала имъ безотчетное къ себѣ уваженіе! и какъ ихъ теперь безпрестанно раздражала крѣпостная прислуга, неловкая, неумѣлая во многомъ, что имъ понадобилось съ переменною быта, а главное — лукавая и неусердная! Какъ онѣ спокойно являлись прежде въ ближайшую церковь, одѣтыя и воспитанныя лучше всѣхъ обитателей простой хаты! и съ какой неувѣренностью въ себѣ, съ какими опасеніями колкихъ замѣчаній, съ какими страданіями зависти или оскорбленнаго самолюбія, ѣзжали онѣ теперь въ модную церковь, куда съѣзжались всѣ аристократы! Какая у нихъ завелась было тѣсная, простодушная дружба съ сосѣдскими дѣтми, и какія осторожныя, недоувѣрчивыя отношенія установились у нихъ теперь съ новыми подругами, изъ которыхъ одиѣ имъ завидуютъ, а другія ихъ презираютъ!

Ни сами онѣ, ни ихъ мать не въ силахъ были бросить смѣлый взглядъ на сравнительное благоденствіе свое въ прошедшемъ и настоящемъ положеніи. Она, бѣдная, глядя на преобразенныхъ дочерей своихъ, всею душою радовалась, что видитъ ихъ барышнями. Она смиренно признала себя, въ сравненіи съ ними, простою женщиной, и едва считала себя достойною носить чепецъ, который онѣ цѣпляли на нее, выѣзжая съ нею въ гости, или принимая у себя гостей. Молчаливая роль въ новомъ кругу, гдѣ она не имѣла ходу съ своими хозяйственными знаніями, совершенно удовлетворяла ее. Она и на столько не была свободна отъ предубѣжденій, тяготящихся надъ подобными ей людьми, чтобы

хоть охнуть подъ бременемъ новаго быта, въ которомъ она играла роль служанки у собственныхъ дочерей своихъ. Прикрикнуть на нее и послать ее десять разъ въ догонку за неповоротливыми и неусердными крѣпостными горничными—было у нихъ дѣломъ обыкновеннымъ. Свѣжая и бодрая на склонѣ лѣтъ, благодаря, простотѣ привычекъ, которыхъ не оставила и съ переменной обстоятельностью, она бѣгала съ утра до ночи по всему дому и погоняла безъ устали свою новую челядь, радуясь сердцемъ, что дожила до барства.

И сама ея матушка, видя свою дочку въ чепчикѣ, а внучекъ въ низкихъ лифахъ и модныхъ прическахъ, много разъ обращалась къ образамъ и благодарила боговъ, что они сподобили ее видѣть собственными глазами процвѣтанье своей отрасли. Благочестивая старушка не замѣчала, что не только ея престолярная рѣчь, но и самыя молитвы, дѣлались предметомъ шутокъ между тремя граціями, затянутыми чуть ли не съ помощью кучера въ корсеты.

X.

Сколько это лѣтъ прошло съ того дня, какъ бояре отвалили бревно отъ ветхихъ, министыхъ воротъ старосвѣтскаго двѣрища и впустили свадебный цвѣтущій и поющій поѣздъ? Не менѣе двадцати лѣтъ. Никодимъ Трифоновичъ изъ смиреннаго судового панича успѣлъ въ теченіе этого времени сдѣлаться всемогущимъ секретаремъ земскаго суда, а наконецъ и владыкой всѣхъ доходныхъ дѣлъ — стряпчимъ. Но, Боже! какъ же все измѣнилось на старосвѣтекомъ двѣрищѣ! Старыхъ грушъ и яблонь давно ужъ нѣтъ, и изъ прекрасныхъ липъ уцѣлѣли только двѣ: остальные срублены, потому что именно на томъ мѣстѣ, гдѣ они разширяли свои благовоонныя сѣни, понадобилось расположить господскій домъ, амбары и конюшни. Въ этотъ дворъ, на которомъ такъ славно танцовалось когда-то по свѣжей травѣ, теперь странно заглянуть. Смотрите: вонъ тамъ, налѣво стояли кусты лиліеу. Отъ этихъ кустовъ уцѣлѣли только сухіе, недоломанные прутья, и мимо нихъ, вдоль амбаровъ, бѣгаетъ огромная цѣнная собака. Подъ

лай и тоскующій вой этой собаки засыпаютъ въ новомъ домѣ изнѣженныя дочки стряпчаго, не заботясь ни мало о соловьиныхъ треляхъ. Проходите, добрые люди, мимо! не заглядывайте больше въ старосвѣтское двѳрище! Оно и для меня потеряло всякую прелесть. Оно сдѣлалось для меня предметомъ душевспасительнаго размышленія, не болѣе.

П. Кулишъ.

20 августа, 1860.

Васильевка.

ОТРЫВКИ ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ

ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА БЪЛОКОПЫТЕНКА.

ПОСТУПЛЕНІЕ ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА ВЪ ГОРОДСКОЕ УЧИЛИЩЕ⁽¹⁾.

Мелкопомѣстное украинское дворянство, купцы и зажиточные изъ другихъ сословій, собираясь выводить своихъ дѣтей *въ міде*, обращались въ тѣ времена обыкновенно къ средствамъ самымъ несложнымъ: обучали дѣтей грамотѣ, у себя на дому или въ мѣстныхъ *школахъ*, смотря по достатку, — запасались извѣстнымъ количествомъ *карбованцівъ* или мѣшковъ съ мукою, пшеномъ и тому подобнымъ, и помѣщали, и дѣтей, и карбованцы, и мѣшки, въ какомъ-нибудь повѣтовомъ или земскомъ судѣ, на службу отечеству, на радость себѣ и на зависть сосѣдямъ; или же, вмѣсто повѣтовыхъ и земскихъ судовъ, выбирали расположенные въ ближайшихъ мѣстностяхъ полки. Если при этомъ кто-нибудь нуждался въ доказательствахъ о дворянскомъ происхожденіи, родители старались зацѣпиться и таковыми: чрезъ такой камень преткновенія въ тѣ времена легче было перескочить, чѣмъ теперь, и мало-мальски зажиточный мѣщанинъ или козакъ, при опредѣленіи сына на службу, могъ выступить дворяниномъ, хоть куда!

Случалось при этомъ, и даже очень часто случалось, что мѣстомъ для службы выбираемъ былъ какой-нибудь отдаленный городъ, напри- мѣръ Петербургъ, Кіевъ; но охотнѣе всего земляки мои ѣхали служить въ южныя наши провинціи, въ Бессарабію, Таврическую губернію, а больше всего — въ *Черноморію* и на Кавказъ. Конечно, ирчиною предпо-

⁽¹⁾ Разница въ тонѣ изложенія предлагаемыхъ теперь отрывковъ и отрывковъ, напечатанныхъ въ IV книгѣ Русской Бесѣды 1838 г., произошла, вѣроятно, отъ разности впечатлѣній, подъ вліяніемъ которыхъ писаны тѣ и другіе.

чтенія въ этомъ случаѣ чужой стороны своей было: иногда »Нѣтъ пророкъ во отѣчествіи своемъ«, особенно если пророку приходилось, посредствомъ *вышеупомянутыхъ* документовъ, добывать доказательства о дворянскомъ происхожденіи, а иногда — и пересектива возможности пріобрѣтенія большихъ чиновъ и большихъ денегъ, возможности, часто доказываемой прибылыми изъ Петербурга, Кіева, Кавказа.

Отправленіе въ далекіе края совершалось довольно разнообразно. Напримеръ, проѣзжіи офицеръ или чиновникъ, случайно попавшій къ какому-нибудь жаждущему вывести свое дитя въ люди, наставлялъ столько чудесъ о Кавказѣ или Бессарабіи, что родитель, не долго сиравлиаясь, въ нѣсколько часовъ снаряжалъ сына въ далекую дорогу и отдавалъ его *доброму чоловікові*, прося послѣдняго помѣтить сына, а сыну наказывая — *шануватьця* (вести себя хорошо) и слушаться *доброго чоловіка*. Добрый человекъ увозилъ сына, иногда очень надолго, иногда и навсегда... Случалось, что сынъ оказывался слугою у добраго человека!... Совершалось отправленіе иногда и такъ, что родители выбирали кого-нибудь изъ среды себя и отправляли дѣтей, или же навязывали ихъ какому-нибудь, пріѣзжему погостить съ Кавказа, братцу, племяннику, доброму сосѣду. Но и такъ иногда случалось, что иной отважный юноша — котомку на плечи, одинъ да съ Богомъ, — и въ какой-нибудь Петербургъ или Тифлисъ!.. иногда и тайкомъ отъ родителей!...

Худо ли, хорошо все это, и если худо, то въ какой степени — поговоримъ объ этомъ въ другое время. Дѣло въ томъ только, что такъ водилось тогда, и что съ старшими своими сыновьями поступилъ такъ и мой отецъ: одного послалъ на Кавказъ, двухъ другихъ — въ губернской городъ. Но со мною вышло иначе — рѣшился отдать въ городское училище...

Что заставило старика отдать меня въ городское училище — положительно не знаю. Думаю, что, какъ человекъ очень умный, онъ не могъ не замѣтить, что люди, хорошо грамотные, начинаютъ быть въ ходу, и потому заключилъ, что ограмотивъ сына хорошенько, т. е. *городскимъ* способомъ, легче всего выведетъ его въ люди. Къ такому заключенію ему прійти было тѣмъ легче, что къ грамотности и, вообще, къ знанію онъ питалъ большое уваженіе. Въ свое время, онъ неоднократно и со слезами умолялъ, чтобы научили его грамотѣ, а когда старикъ, дѣдъ мой, отказалъ, пустился на хитрости: добылъ себѣ позволеніе, во время говѣнья, провести три дня у дьячка, гдѣ учился родичъ, и сидя тамъ на *печи* и прислушываясь къ чтенію школярей, выучилъ наизусть церков-

ную азбуку и всё склады до *тма-мна*... Въ послѣдствіи я расскажу подробно, какъ этотъ человекъ, повидимому холодный ко всему, что выходитъ за кругъ хозяйственныхъ интересовъ, слушалъ меня, уже гимназиста, о причинахъ солнечнаго затмѣнія, грома и другихъ физическихъ явленій, о жизни иныхъ народовъ, о далекихъ странахъ, о событіяхъ давно миновавшихъ, — слушалъ, по видимому, разсѣянно, трунилъ надъ людьми, тратящими *грóші и часъ на чóрзнащо*, трувилъ надъ рассказчикомъ, а все таки слушалъ! Если, выведенный изъ терпѣнія его насмѣшками, бывало прекращаю свои рассказы, какими-нибудь окольными путями снова наводилъ разговоръ на брошенный предметъ... или же обращался къ такой методѣ: «Бáчь», говорить, «чому вони вчáтца!... А дурні батькі грóші трáтять!... Який же вамъ гáспидъ цею тягáвъ до сóбця, що знáете, скільки туді верстóвъ? Хíба чи не ворóнъ просíли?» — «Ви дúмаєте», отвѣчаетъ гимназистъ, «якъ не ворóна, то й не кáркае, якъ цею не má, то й мíрять неможна!» и пошелъ снова... А ему только того и надо: опять слушаетъ, опять трунить, опять выводить изъ терпѣнія рассказчика... А смотришь потомъ, въ какомъ-нибудь разговорѣ, невольно прорывалось у него (по доброй волѣ онъ бывало никогда не признается, что понял или убѣдился) такое разумѣніе, на примѣръ, способовъ измѣренія между небесными свѣтлами, что и иному гимназисту подобное не пользъ силу. «Эхъ, якъ-бi було менé навчiли!» иногда бывало говорить онъ въ душевной бесѣдѣ съ близкимъ ему человекомъ....

Какъ я живо помню всё обстоятельства поступленія въ училище! Какъ-будто всё это вчера происходило! Да что вчера: что вчера дѣлалось, я не могу представить себѣ съ такою выпуклостію и такъ отчетливо, какъ то, что дѣлалось тогда.

Надобно знать, что покойникъ отецъ, частію по свойственной всѣмъ Украинцамъ несообщительности, не любящей посвящать всякаго встречнаго и поперечнаго въ свои душевные интересы, любящей больше дѣлать, чѣмъ говорить... частію по самостоятельности характера, и вообще рѣдко допускающей вліяніе совѣта, а можетъ быть частію и по убѣжденію, что изъ всѣхъ окружающихъ его, близкихъ и далекихъ, никто не дастъ ему совѣта умнѣе того, какой онъ самъ себѣ дастъ, не любилъ совѣтоваться съ кѣмъ бы то ни было и о чемъ бы то ни было, — даже не любилъ совѣтоваться съ моею матерью. Предположенія его, потому, большею частію оставались въ-тайнѣ и открывались только тогда, когда приходила пора приводить въ исполненіе. Разумѣется, что чѣмъ настоя-

тельнѣе была необходимость въ ихъ исполненіи, или чѣмъ болѣе представлялось возможности встрѣтить—не говорю, сопротивленіе, противо-дѣйствіе, а неодобреніе, въ формѣ слезъ, вздоха,—тайна сохранялась тѣмъ упорнѣе... Предположеніе высказывалось за минуту до того времени, когда слѣдовало его выполнять, являлось въ формѣ догматической и какъ снѣгъ на голову: некогда ни возражать, ни сожалѣть — исполняй, и дѣлу конецъ!

Такъ онъ рѣшился поступить и въ настоящемъ случаѣ... Конечно, болѣе догадливые поняли бы, можетъ быть, по нѣкоторымъ примѣтамъ, его предположенія на мой счетъ; но матери и намъ всемъ, привыкшимъ видѣть, что старшихъ братьевъ увозятъ изъ дома, когда имъ ужъ лѣтъ семнадцать, восемнадцать, не имѣвшимъ никакого понятія, что́ это за *училища*, намъ и въ голову ничего не приходило!... Начать съ того, что вдругъ,—какъ говорится, ни съ сего, ни съ того, — мнѣ сдѣланъ былъ новенькій *нагольній кожѹшокъ*, и притомъ изъ хорошихъ годовалыхъ барашковъ; сдѣланы были пара новыхъ сюртучковъ съ соответственными принадлежностями, т. е., по обыкновенію, передѣланы изъ платья старшихъ братьевъ, для нихъ уже негоднаго. Потомъ, около того же времени, онъ позволилъ мнѣ пріостановить ученье: »Забрѣзкъ,« говорить, »заніідівся... Пехай ужѣ«, говорить, »въ училищі бѹдешь!« Ученье, конечно, было пріостановлено а слова »въ училищі бѹдешь вчѣтьця« — приняты за фразу въ родѣ »въ полкъ тебя отдамъ« и т. п. Догадливому человѣку можно было также призадуматься надъ мягкостію и снисходительностію, которыя съ нѣкотораго времени проявлялись въ обращеніи его со мною и которыхъ я, согласно украинскимъ нравамъ, не встрѣчалъ у отца съ того самаго времени, когда пересталъ быть *дитятею*, т. е. когда взялся за букварь. Но и это было мнѣ не въ домекъ! Послѣ ужъ я научился понимать старика: желѣзный характеръ не выдерживалъ и размягчался, когда приходилось наносить ударъ чѣму-нибудь чувству, а въ особенности чувству своего дитяти...

Дѣло было въ первыхъ числахъ января, въ субботу. Отецъ былъ серьбзенъ и почти цѣлый день провелъ на дворѣ: смотрѣлъ, какъ снаряжались подводы, которыя отправлялъ къ какому-то пану, вереть за сорокъ, за купленнымъ лѣсомъ; провожалъ ихъ, давалъ наставленіе: гдѣ и какъ накормить и напоить воловъ, гдѣ ночевать, кто долженъ сторожить подводы ночью, какихъ воловъ сторожъ долженъ веревкою привязать себѣ къ ногѣ, отъ воровъ... что́ долженъ дѣлать онъ, если бы, чего Боже сохрани, воръ въ самомъ дѣлѣ сталъ уводить, и веревка дерну-

ла за ногу;—гдѣ должны кормить на другой день, гдѣ онъ, отецъ, наговорить ихъ и т. д. Распожраясь отпращиваніемъ подводъ, отецъ велѣлъ приготовить и *кинські сани*, большія сани, и пару лучшихъ лошадей—признакъ, что поѣздка имѣеть важное значеніе!.. самъ наблюдалъ, какъ Грицько, плотникъ и вмѣстѣ мельникъ и *олійникъ*, осматривалъ сани, не нужно ли *завертнѣ* или оглобли перешить, *де свѣрломъ крутиють*, *де сокірою стѣкнууть*; рассказывала, какъ *орчикъ* привязать, потянулъ даже за *поборси* (постромки), крѣпко ли привязаны; сани указала, какую упряжь взять, присутствовала при ея осмотрѣ Прокопомъ, саножникомъ и вмѣстѣ кожевникомъ и скрипачемъ; присутствовала, какъ набивали *мішокъ* (1) сѣномъ, какъ вывели и чистили лошадей и пробовали, не захромала ли которая, хорошо ли ѣсть и пьеть и т. д. Мы, дѣти, все это видѣли; видѣли также, какъ мать, по приказанію отца, готовила *яцикъ* и *мішокъ* (2) и клала туда куски *сала*, жареного гуся, ножъ, вилку, хлѣбъ, булки, пироги и т. п. — все это завернутое въ бѣлѣйшія полотенца; видѣли, какъ она отперла *скриньку*, въ

(1) Веревошный мѣшокъ, въ которомъ украинцы, особенно народъ торговый, возятъ сѣно при поѣздкахъ.

(2) *Яцикъ* и *мішокъ* при сборахъ въ путешествіе, и во время самыхъ путешествій, по преимуществу означаютъ у насъ яцикъ и мѣшокъ съ съѣстнымъ (т. е. яцикъ — съ *саломъ*, *ковбасами*, вареными яйцами, мясомъ и рыбою, закаранными или отваренными и т. д., а мѣшокъ — съ хлѣбомъ, *паллициами*, *коржками* и т. д.). Потому, если, напримѣръ, украинка говорить, — конечно, если дѣло идетъ о сборахъ къ путешествію: »Ще треба яцикъ и мішокъ спорядити«— это значитъ: »Еще надо зажарить курицу, очистить *сала*, выбрать хорошихъ сельдей, спечь булокъ и т. д. и все это уложить въ яцикъ и мѣшокъ.« Вообще, земляки мои, отправляясь въ путешествіе, близкое или далекое, съѣстнымъ для себя и кормомъ для лошадей и воловъ, даже водою, любятъ запасаться въ большомъ количествѣ, если возможно, даже на все путешествіе, а мои земляки любятъ снабжать отъѣзжающихъ самымъ лучшимъ, что у нихъ есть въ запасѣ изъ съѣтнаго. За такой обычай, какъ мнѣ приходилось не разъ слышать, иные порицаютъ моихъ соотчичей: говорятъ, что это не расчетливо, и наклонность къ обжорству показывается. Расчетливо ли для моего земляка держаться подобнаго обычая, или нѣтъ, — поговоримъ объ этомъ когда-нибудь въ другое время; а здѣсь только замѣчу, что обычай этотъ имѣеть основаніе не въ нашемъ желудкѣ, а въ нашей исторіи, имѣвшей обыкновеніе постоянно ставить въ необходимость — женъ, сестеръ и матерей нашихъ дѣдовъ и прадедовъ разлучаться съ близкими ихъ сердцу... и снабжать дорогихъ отбывающихъ на дорогу всею, что было лучшаго въ вѣдомствѣ женскаго населенія бывшей Украины, а дѣдовъ и прадедовъ нашихъ ставившей въ необходимость часто перелетать безводныя и безлюдныя южныя степи, гдѣ не было въ то время, да и теперь еще очень мало, постоялыхъ дворовъ и трактировъ, и гдѣ, слѣдовательно, утолить голодь и жажду можно было, или вѣтромъ степнымъ, или тѣмъ, что несла на себѣ быстрая, какъ степной вѣтеръ, выучная козацкая лошадь.

которой хранились мѣдныя деньги, отсчитала нѣсколько рублей на мелкіе путевые расходы отцу и положила ихъ въ нестрадевый мѣшочекъ; видѣли, что она долго возилась съ *капшучками* и домашняго издѣлія бумажниками, т. е. рукавами отъ старыхъ рубашекъ, завязанными или зашитыми наглухо съ которой-либо стороны и такимъ образомъ представлявшими нѣкоторое удобство для прятанія ассигнацій; но что ужъ она тутъ дѣлала, намъ было неизвѣстно — насъ не подпускала... Отецъ дома, можетъ увидѣть, какъ мы глядимъ, сколько у него денегъ, — а подобное, куда было ему не по сердцу! Мы, дѣти, говорю, все это видѣли, дѣлали заключенія, — значить, батюшка куда-то ѣдетъ и ѣдетъ на нѣсколько дней, надолго даже, можетъ быть, — видѣли и радовались, что батюшка, этотъ суровый батюшка, который за всякія шалости бранить и наказываетъ и никогда ни за что не похвалить, никогда не ласкается и не *голубитъ*, ѣдетъ на нѣсколько дней изъ дому... Съ такимъ расположеніемъ духа мы и спать легли...

Если покойнику отцу предстояла дальняя дорога, или отиравался по какому важному дѣлу, то всегда выѣзжалъ ночью, задолго до разсвѣта, и тѣмъ раньше, чѣмъ цѣль поѣздки была серьезнѣе; а въ особенно важныхъ случаяхъ, выѣздъ изъ дому у него бывалъ сейчасъ послѣ ужина. Такъ дѣлывали, говорятъ, наши дѣды и прадѣды, такъ дѣлываютъ еще и теперь земляки мои, люди стараго порядка — таковъ стародавній обычай. Но почему обычая этого держался и отецъ — не знаю. Знаю только, что онъ держался его не потому, что онъ былъ стародавній обычай, что такъ дѣлывали дѣды и прадѣды: въ подобнаго рода дѣлахъ старикъ слѣдовалъ обычаемъ только до тѣхъ поръ, пока болѣе или менѣе сознавалъ ихъ разумность, болѣе или менѣе они нравились ему. Можетъ быть, выѣздъ ночью болѣе соответствовалъ его наклонности — больше дѣлать, чѣмъ говорить, потому что такимъ образомъ, при выѣздѣ ночью, онъ избѣгалъ, въ хуторѣ и ближайшихъ селахъ, встрѣчъ съ знакомыми, и ихъ разспросовъ, — а куда? а зачѣмъ? избѣгалъ неизбѣжныхъ въ подобныхъ случаяхъ въ украинской семьѣ слезъ и прощальныхъ сценъ, неизбѣжныхъ по тѣмъ элементамъ, изъ которыхъ она зиждется и которые выработаны историческою ея жизнію: человекъ, которому хочется спать, мало бываетъ способенъ къ сильнымъ сердечнымъ движеніямъ. Быть можетъ, отецъ мой руководствовался иногда и расчетомъ, признаваемымъ впрочемъ иными цѣлѣннымъ, — въ первый день ѣзды больше воспользоваться силами лошадей, чѣмъ въ слѣдующіе дни, такъ какъ въ первый день силы ихъ еще бодры. Можетъ быть онъ руководствовался

и тѣмъ расчетомъ, что чрезъ выѣздъ ночью несколько не разстроивается обыкновенное теченіе домашнихъ дѣлъ. Выпроводили, поплакали и заснули .. и на другой день все болѣе или менѣе пошло по вчерашнему; днемъ же выѣзжать изъ дому — для домашнихъ дѣлъ день пропалъ! Можетъ быть, и другія еще были причины: мало ли чего не прійдетъ въ сѣдую голову, пятьдесятъ лѣтъ, во все глаза, съ толкомъ и чувствомъ, глядѣвшую на человѣка и его жизнь! и глядѣвшую не сквозь системы и ученія, а просто безъ всякой *посредствующей среды*, какъ они въ дѣйствительности заявляются!

При поѣздкахъ своихъ, отецъ держался еще другого обычая, не менѣе, повидимому, страннаго, какъ и первый. Какъ бы рано старикъ ни выѣзжалъ, и какой бы праздникъ ни случился въ день выѣзда, онъ, и все выѣзжавшіе, непремѣнно должны были поѣсть — что, большею частію, равнялось настоящему обѣду. Обычай этотъ можетъ показаться еще страннѣе, если прибавлю, что пока у покойника дѣти были малы, онъ строго соблюдалъ посты, и въ праздничные дни, при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, до окончанія обѣдни, ни самъ ничего не ѣлъ, ни другимъ домашнимъ не позволялъ ничего ѣсть. Да и въ будніе дни, если не было гостей, онъ никогда не завтракалъ и не пилъ чаю (котораго, впрочемъ, и никто у насъ тогда по утрамъ не пилъ: не было обычая, чай былъ угощеніемъ, а не всеневнымъ питьемъ), — словомъ, до обѣда и *рѣски въ ротъ не бравъ* (1). За такими завтраками или обѣдами, кто пилъ водку — ѣлъ съ аппетитомъ; а мы, дѣти, если намъ приходилось въ нихъ участвовать, обыкновенно только дремали.

Дремалъ и я, сидя за столомъ, передъ выѣздомъ въ училище: и этотъ выѣздъ отецъ рѣшилъ сдѣлать ночью и предварительно позавтракавши.... Какъ меня разбудили, какъ умыли, одѣли, посадили за столъ и велѣли ѣсть, что въ это время вокругъ меня дѣлалось, — ничего не помню: сонный былъ, дремалъ.... Первое, что обратило мое вниманіе, что я началъ понимать и что, слѣдовательно, помню и теперь, это — необыкновенное состояніе матери. Она была блѣдна и ни минуты не сидѣла на мѣстѣ: сядетъ, протянетъ дрожащую руку, погладитъ меня по головѣ — и исчезла.... »Жъ, Васіюню, іжъ, дитіино мой!« — снова исчезла... Спросила, новенькихъ ли мнѣ рубашечекъ, или *приношенихъ, мякѣнкихъ*, и не дождавшись отвѣта, снова!...

(1) Т. е. росники.

Дремота моя начала исчезать, окружающее ближе придвигаться къ моему сознанию...

За столомъ только отецъ и я, да стулъ и приборъ для матери; остальной семьи никого нѣтъ.

Отецъ серьезенъ, очень серьезенъ; ни слова не говорить, не отрываетъ глазъ отъ тарелки, ни разу не взглянулъ ни на меня, ни на мать...

Я одѣтъ попраздничному; возлѣ, на стульяхъ, простыня съ моимъ бѣльемъ, и другимъ платьемъ...

Отъ времени до времени изъ кухни выглядываютъ головы, съ какимъ-то любопытствомъ смотрятъ сюда, особенно на меня...

Мною тоже овладѣло какое-то любопытство, даже безпокойство. Я началъ быстрее поворачивать голову къ матери, когда она входила: «Что случилось? что все это значитъ?» — «Ничога, Васіюню, ничога! їж!» тихо, — и я опускалъ голову къ тарелкѣ, боязливо поглядывая на отца...

Узелъ мой готовъ, завтракъ конченъ, сани провизжали мимо оконъ, гнѣдой жеребецъ заржалъ и затопалъ передъ крыльцомъ...

— Порá! сказалъ старикъ, подымаясь съ мѣста и по прежнему ни на кого не глядя: — Оди́нь ёго!...

Мать бросилась ко мнѣ, и начала снаряжать меня: дрожащими руками надѣла на шею дорогую кашемировую шаль, *бабинскую*, которой и сама никогда не надѣвала... нагольный кожѹшокъ, и поверхъ воротника другую бабинскую шаль... Какъ руки у нея путаются, какъ медлятъ она! Отецъ давно ужъ готовъ: *кожѹхъ*, покрытый синимъ сукномъ, изъ превосходныхъ сѣрыхъ барашковъ, въ одной рукѣ черная *смушѣвая* шапка, въ другой — неразлучный спутникъ его старости, *ципóкъ*; а она все еще медлятъ!

Но вотъ и я готовъ. — Ходи́мо въ свѣтлицю!

За старикомъ пошла мать, со свѣчею въ рукахъ, шатаясь, по временамъ обращая ко мнѣ взглядъ, свѣтящейся лихорадочнымъ жаромъ... За матерью — я, съ поникшею головою, съ какою-то тяжестью въ душѣ, съ темною догадкою, что что-то недоброе ожидаетъ!

— Сядьмо!

Сѣли.

Наступила минута молчанія, — охъ, какого молчанія! Никогда я не забуду этой минуты! Какъ-будто все кругомъ почувствовало, что тутъ идетъ тяжелая борьба, на чувства налагается невыносимое молчаніе, — и все притаило дыханіе!... Даже свѣча какъ-будто боялась свѣтить, бросала какой-то дрожащій, желтоватый, погребальный свѣтъ; даже ме-

бель, все неодушевленные предметы, наполнявшие комнату, как-будто притаились, прятали углы и выпуклости, жались в тѣни... Словно мертвец тутъ лежитъ, свѣчи нагорѣли, раздается унылое чтеніе дьячка, болѣе несносное, чѣмъ могильная тишина!...

Да, въ комъ-нибудь дѣйствительно должно было что-то тутъ умереть!...

»Порá! раздался снова голосъ отца:« молітца, говорить, Бóгу! и, вставши, началъ самъ креститься къ образамъ.

Мы съ матерью тоже встали и начали креститься.

»Благослові, старá, сина! Та накажі, щобъ бувъ дóбрый, розумний!...

— Нехáй тебѣ благословітъ Богъ и Мáти Бóжа, моя дитиночко!... якъ я тебѣ благословлю!...

Осѣнила меня нѣсколько разъ большимъ крестомъ.

— Не забувай Бóга и Мáтері Бóжої!... слухай бáтька, своїхъ вчителівъ!... будь дóбрый, розумний!... Не забувай и менé, моя дитиночко!...

»Порá, Васілюку, ходімъ! прервалъ съ другаго конца голосъ звучный и вмѣстѣ сдержанный...

— Поцілуй же менé, Васіюню! — начала меня цѣловать и снова крестить: — Мóже бѣ? говорить...

Я поднялъ голову — съ мольбою глядитъ на отца, что-то мнетъ въ пальцахъ, слышенъ звонъ мѣдной монеты... Я быстро поверотилъ голову къ отцу — одинъ изъ взглядовъ, которыми онъ обыкновенно отдаетъ ей секретныя приказанія...

— Оце тобі, Васіюню, дéсять шажківъ — бубличківъ, мóже, коли кúпишь!...

Послѣднее объятіе матери...

Отецъ сѣлъ въ сани; въ ногахъ постлали ему большой тулупъ, посадили меня, закутали; сверху отецъ прикрылъ еще своимъ тулупомъ... Кондрать тронулъ возжамп,—сани понеслись, визжа полозьями и скользя на заболнахъ, то въ ту, то въ другую сторону....

Старикъ мой, старикъ!... Крутъ ты подъ часъ бывалъ, суровъ, жестокъ; но я люблю тебя вспомянуть!... люблю вспомянуть даже о крутыхъ, суровыхъ и жесткихъ твоихъ поступкахъ! Вѣрно, и въ нихъ есть своя доля правды, что-то влекущее къ себѣ даже и тѣхъ, кому больше всего приходилось отъ нихъ терпѣть. А можетъ быть, не смотря на наше образованіе, мы еще на столько дѣти нашихъ отцовъ и внуки и правнуки нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, столько еще мы потомки нашей суровой старины, что намъ по сердцу и тѣ жосткія ея стороны, которыхъ

не одобряетъ наша голова, и жесткость которыхъ намъ приходилось на себѣ отвѣдывать!... Но особенно я люблю вспоминать о твоихъ поступкахъ, которые не были порожденіемъ болѣе или менѣе разнуздавшейся страсти, а происходили изъ сердечныхъ ощущеній, управляемыхъ разсудкомъ и волею. Все тогда уступало тебѣ, мудрецъ мой, все преклонялось передъ тобою!

Да, изъ дальнѣйшаго разсказа о моей незатѣйливой жизни, вы, можете быть, убѣдитесь, что отецъ мой былъ далеко не изъ дюжинныхъ людей. А пока я укажу вамъ на двѣ черты его характера, т. е. разскажу о его образѣ дѣйствованія въ двухъ различныхъ житейскихъ положеніяхъ, изъ которыхъ объ одномъ я необходимо долженъ говорить теперь же, по порядку разсказа, а разсказъ о другомъ понадобится намъ послѣ, чрезъ нѣсколько страницъ.

Вы, можете быть, думаете, что выѣхавъ изъ дому, я остался одинокимъ, нѣкому принять участіе въ моей тоскующей душѣ? Если вы такъ думаете, — вы крѣпко ошибаетесь! Этотъ суровый старикъ, устроившій все такъ, что я и слезинки не успѣлъ выронить при разлукѣ съ матерью, мать не успѣла поворковать надъ отрываемымъ отъ нея дѣтищемъ, наглядѣться на него въ послѣдній разъ, не позволявшій и себѣ обнаружить признаковъ чувства и оцѣнивавшій чувства другихъ, — съ отъѣздомъ изъ дому, когда дитя осталось у него одного на рукахъ, превратился въ самую пѣжкую мать, въ самую заботливую сестру. Словомъ, старался замѣнить для него все и всѣхъ... и, конечно, при своемъ знаніи человѣческаго сердца, при своемъ умѣ и опытности, успѣвалъ въ этомъ на столько, на сколько другому успѣть никакъ бы не удалось. Всѣ дѣтскія потребности и прихоти имъ были предусматриваемы и предупреждаемы съ величайшей заботливостію; онъ былъ болтливъ, какъ самая болтливая нянька, разсказывалъ сказки и разныя интересныя событія изъ собственной жизни, игралъ со мною, позволялъ выбираться изъ моего гнѣзда въ тулупѣ, садиться на кóзла и т. д. И замѣчу, онъ дѣлался такимъ ласковымъ не въ эту только поѣздку, но и послѣ, когда ему случалось отвозить меня въ городъ, и когда мною овладѣвала тоска... Помѣтивъ меня въ училище, онъ не поѣхалъ сейчасъ домой, а отправился верстъ за пять отъ города къ одному своему знакомому и прожилъ тамъ нѣсколько дней, чтобы только ежедневно навѣщать меня... Но объ этомъ рѣчь впереди, а теперь

Э П И З О Д Ъ.

Надобно вамъ сказать, что въ хуторѣ у насъ завелся такой обычай: общество избавляло отца отъ всякаго рода натуральныхъ повинностей, а отецъ за это кормилъ и поилъ Временныя Отдѣленія, засѣдателей, — словомъ, властей. Обычай этотъ съ теченіемъ времени сдѣлался до того извѣстнымъ всемъ, что каждая власть, прибывъ въ хуторъ, отправлялась прямо къ отцу и располагалась тамъ, какъ у себя дома или у себя на квартирѣ. Если власть была заѣзжая и не знала о существующемъ обычаѣ, съ нимъ знакомили ее возницы, и *передовые* козаки, и власть всё таки попадала къ намъ. Равнымъ образомъ сдаваема была на руки отца всякая военная власть, долженствовавшая квартировать въ хуторѣ, если только эта власть была значительнаго ранга и, слѣдовательно, была съ значительнымъ развитіемъ потребностей на удобство помѣщенія и т. д., или же, хотя и не имѣла значительнаго ранга, но была съ сильно развитою склонностію: шумѣть, оставаться ничѣмъ недовольною, — склонностію къ пинкамъ, зубочисткамъ, зуботычкамъ, подзатыльникамъ, треушинамъ — словомъ, ко всемъ такимъ вещамъ, о которыхъ въ уставѣ о земскихъ повинностяхъ ничего не упоминается, но къ которымъ однако мы, всѣ власти, питаемъ большое расположеніе, и которыми, при случаѣ, присыщаемъ себя въ сласть.

Прійдетъ бывало отаманъ: — Бѣдьте ласкави, Пегрѣ Василѣвичъ, возьміть собі тогѣ уша (1), що у Голованя!

»А хіба що?

— Та така й така річъ.

»Ну, коли такъ, сількись (2).

И *ушъ* переселялся къ намъ.

Ну, такъ однажды, около того времени, какъ меня отвезли въ училище, къ намъ попалъ подобный Ушъ.

Дѣло было наканунѣ Духова дня, вечеромъ. Комнаты и сѣни малыхъ хатъ, въ которыхъ мы проводили тогда лѣто, убраны были липовымъ и кленовымъ *клѣчаньямъ*, пучками *ивоздіківъ*, *васильківъ*; полы устланы только-что пакошеною травою. Окруженные зеленью и благоуханіями травы и цвѣтовъ, мы сидѣли въ сѣняхъ за столомъ и ве-

(1) Земляки мои называютъ иногда людей военнаго званія *ушами* и *кабишами*, за часто употребляемые ими слова *ужъ*, *кабышъ*.

(2) *Сількись* — пусть себя.

село ужинали... Покойникъ отецъ любилъ ужинать лѣтомъ, если не на открытомъ воздухѣ, то покрайней мѣрѣ въ сѣняхъ, при открытой двери на огородъ.

Вдругъ дверь, выходящая на дворъ, съ шумомъ отворилась, и въ сѣни ввалился хуторской атаманъ Грицько, — запыхавшійся, безъ шапки, съ приподнятымъ спереди чубомъ, не говорившимъ, а просто кричавшимъ, что къ нему только что прикасалась чья-то чужая рука, и рѣшительно не съ тѣмъ, чтобы его пригладить.

— Здѣлайте Божеску милость, Петро Васіловичъ!... заговорилъ Грицько, оставляя на другое время привѣтствія: »хлѣбъ та сіль! Добрій-вечірѣ, бѣдьте здорові зъ симъ днемъ!«

»А що тамъ такѣ? отозвался отецъ, оставляя ложку и поворачиваясь къ Грицьку.

— Москалі прийшли на постѣй, такъ одінь такий офицеръ, що вже й до Івана водівъ, и до Устенка, и до Паліводи: »Тѣсно!« кричѣть, та й годі, хоть ти въ вічі йому плюй!... И колибъ що нѣтне, сказавъ, продолжалъ Грицько изливать душу: — ато якъсь фря така, мізерне, маленьке... А лаетця жъ то, не при хлѣбі святѣму згѣдуючи... тьфу!... И въ вічі такъ и січетця!... Та ще й до чуба...—и Грицько махнулъ рукою и кивнулъ головою, какъ обыкновенно дѣлають земляки мои, когда чувства ихъ принимаютъ другое направленіе, не земляками моими обыкновенно выражаемое: »Да что говорить! пусть ужъ Богъ ему простить!«

»Ну, сількись, веді ёго! отозвался отецъ, вставая изъ-за стола.

— Та вінъ тутъ, у васъ за ворітьми!... Я заразъ, спасібі вамъ!...

Черезъ нѣсколько минутъ влетѣлъ въ сѣни крошечный офицерикъ конныхъ егерей, киверъ на бекрень, сабля гремитъ, весь въ пыли... Не кивнувши никому головою, онъ прямо къ отцу.

— Ты хазяинъ? давай квартиру, да жива!...

»Заразъ, заразъ!« спокойно, но серьезно отвѣчалъ отецъ, и поворотившись къ матери: »Велі, старá (¹), одперти ті хати ...«

— Какія хаты? перебилъ офицеръ:—вѣрно сыро, гадко!... Знать ничего не хочу, миѣ сухую, чистую давай квартиру, тутъ давай! — и покосился на растворенную дверь кухни, изъ-за которой выглядывали нѣсколько паръ любопытныхъ глазъ женскаго ея населенія.

»Колі вамъ хѣтетця тутъ — и тутъ мѣжна!« сказалъ невозмутимо

(¹) Въ Украинѣ мужъ и молодую жену называетъ иногда старѣю.

старикъ: »вотъ выбирайте, какую хотите! — и взявъ со стола свѣчу, началъ показывать офицеру *світлицю* и *кімнату*.

— Я эту возьму! сказалъ тотъ вошедши въ *кімнату*.

»Чи сю, то й сю! мой старá зъ дѣтьми лѣже въ свѣтлицѣ — васъ не побезпокоять: у меня маленькихъ дѣтей нѣтъ; а миѣ поставять кровать въ сѣняхъ возлѣ кухни, — всѣмъ дѣло бѣде!

Какъ невозмутимо и упорно смотрѣлъ онъ при этомъ ему въ глаза!..

Офицеръ, кажется, не совсѣмъ былъ доволенъ такими распоряженіями, сердито началъ отщипывать саблю и кричать на деньщика, чтобы скорѣе вносилъ вещи.

Отецъ поставилъ свѣчу на столъ, вышелъ въ сѣни, и мы снова принялись за ужинъ, хоть уже не такъ весело, какъ прежде: вѣрно военному элементу ужъ *на родѣ написано* быть вездѣ возмутителемъ тихихъ семейныхъ и гражданскихъ радостей!

Черезъ нѣсколько минутъ офицеръ снова появился въ сѣняхъ, но уже безъ кивера, сабли и другихъ военныхъ принадлежностей, съ разстегнутымъ сюртукомъ, безъ жилета и галстука.

— Нужно и лошадямъ моимъ дать мѣсто!

»И лошадямъ найдемъ мѣсто!« отвѣтилъ старикъ, и поворачивая голову къ кулибъ, прибавилъ: — Хлопцы, покажите вотъ пхнему денщику, гдѣ ясли.

— Какъ, *ясли?* снова возвысивъ голосъ нѣсколькими тонами выше: — Мои лошади стоять у яслей не привыкли, ночью дождь можетъ пойти!

»А въ конюшнѣ можно ихъ поставить?«

— Конечно!

»Ну, такъ выведите, хлопцы, изъ конюшни своихъ лошадей и поставьте къ яслямъ, а въ конюшню деньщикъ...«

— Да у меня и кучеръ есть.

»Ну, такъ пусть кучеръ! Да что нужно, расскажите, помогите! Можетъ статья, сѣна, соломы нужно, и сѣна и соломы нмѣ!«

По зову отца, *Оксѣтій* и *Антій* выскочили изъ кухни и, выслушавъ его приказаніе, *вѣбрикомъ* пустились черезъ сѣни; а офицеръ, видимо сбитый съ толку, потеръ себѣ лобъ, потеръ правою рукою лѣвую, выше локтя, и, не зная, что дальше тереть, потеръ еще одну пуговицу на сюртукѣ... какъ-будто въ разсѣянности нащипилъ на нее петлю противоположнаго лацкана, — и такимъ образомъ, застегнутый уже, постоявъ еще нѣсколько мгновеній, пошелъ въ *кімнату*.

Мы переглянулись, едва удерживая хохотъ (отъ неоднократныхъ повтореній подобныхъ сценъ, мы, увы, даже самые малолѣтніе, понимали ихъ значеніе), а отецъ—какъ ни въ чемъ не бывало: ѣсть себѣ преспокойно, и хоть бы тѣнь улыбки или огорченія! серьезнѣе только, сдержаннѣе обыкновеннаго; а когда денщикъ, внесши въ кімнату послѣднія вещи, вышелъ оттуда и затворилъ за собою дверь, поднявъ голову и указавъ матери глазами, сначала на стоявшую на столѣ миску, а потомъ на дверь кімнаты.

— Чувешъ, якъ тебѣ звать, будь ласкавъ!...

»Иваномъ-сь, матушка!«

— Спитай, будь ласкавъ, Иване, своего пана, чи не хоче повечерять: у насъ бѣде що.

»Слушаю-сь!« и чрезъ нѣсколько минутъ возвратился съ отвѣтомъ, что де »его благородіе приказали благодарить, поужинають, только немножко позже, а сейчасъ приказали, то есь чайничокъ, то есь чай кушать.«

Снова взглядъ отца, снова предложеніе матери—самоваръ, дескать, есть. »Да ужъ ты, Иванъ, будь ласкавъ, говоришь, не хлопочи, отдохни — послѣ дороги вѣрно усталъ; и повечерять потомъ съ кучеромъ дивчата вамъ дадутъ... Оришко, Васько!« и т. д.

— Поркорвѣше благодаримъ-сь! вы, то есь, матушка, знаете нашу!

Поужинали; насъ, дѣтей, тотчасъ уложили въ свѣтлицѣ, на *долівці, покотомъ*, и отецъ наказавъ намъ не *пустувать* (не шалѣть), а спать, не шумѣть. Какъ офицера поили чаемъ, какъ подавали ему ужинать — мы уже не слышали....

На другой день я всталъ, по обыкновенію, рано, и умывшись и одѣвшись, тотчасъ, и тоже по обыкновенію, пустился въ огородъ, къ разнымъ хозяйственнымъ заведеніямъ: надо же посуетиться, сюда-туда пометаться, покувыркаться, разбросать избытокъ жизни и благосостоянія дѣтской души, вѣчно льющейся черезъ края, а особенно при хорошемъ состояніи здоровья, послѣ сладкаго сна, нѣжной ласки матери, при очаровательной обстановкѣ весенняго украинскаго утра; надо и щенковъ посмотрѣть, и съ Борбѣсомъ поваляться на травѣ, избѣгать *стінку*, (¹) гоняясь за соловьями, заглянуть въ леваду, много ли за ночь подросли *полуніці*.

(¹) *Стінка* — роща, расположенная по отлогостямъ горы надъ рѣкой.

Отец ходилъ уже по огороду... Какъ теперь вижу его: высокій, полный, въ бѣлой какъ снѣгъ рубахѣ, въ бѣлыхъ какъ снѣгъ штанахъ съ *очкурѣмъ* и въ сапоги, въ картузѣ, съ *цинкомъ* въ рукѣ: туда посмотреть, туда заглянуть... Тутъ помолчать—хорошо, значить, все; а тутъ поворочить. «Дурень Остапъ, и ворить не причинявъ, телата повилазять.» Но, видимо, старикъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа: даже погладилъ меня по головѣ, когда я очутился какъ-то возлѣ. Прекрасное весеннее утро, въ праздничный день, на украинскомъ хуторѣ, хоть кого разшевелить, хоть что заставить забыть!..

Какъ вотъ денщикъ изъ конюшни: — Здравія желаю, Петръ Васильевичъ!

Какъ, скажу мимоходомъ, мы скоро узнаемъ, хорошо помнимъ имя и отчество человѣка намъ нужнаго или полезнаго!

— Здорѣвъ, здорѣвъ!

Сѣ, то; съ праздникомъ поздравили другъ друга... даже взаимно освѣдомились, какъ спалось, не кусали ли блохи, которыхъ, снова скажу мимоходомъ, у насъ въ Украинѣ чуть ли не столько, сколько въ Петербургѣ клоповъ и таракановъ. Все бы кажется хорошо; но у отца уже исчезло прежнее открытое выраженіе, сдѣлался какъ-то серьезнѣе, сосредоточеннѣе: какъ-будто ему припомнился цѣлый рядъ нашихъ *ріднихъ* пословицъ и поговорокъ: «Не вірь, бо вонѣ звірь, хоть не вкуєшь, то злякѣ»; «Одъ Москалія полі вріжъ, та тікай» и т. д.

«Гдѣ бы, Петръ Васильевичъ, овса у васъ купить?»

— Гм!... Опѣго вже не скажѣ тобѣ, до новѣго ще далѣко, — а прошлогодній выкормленъ, распроданъ... А если и есть у кого, поѣхали въ церковь, или собираются, не продадутъ!

«Экая бѣда! Баринъ встанетъ — отчего, молъ, то есь?...»

Молчаніе....

«Нѣтъ-ли, то есь, у васъ, Петръ Васильевичъ?»

— Чомъ нема?...

«Нельзя ли, то есь... баринъ, то есь, встанетъ....»

— Возьми, Оксѣнтю, ключъ одъ инбарціа, да набери імъ лантухъ ⁽¹⁾!

Офицеръ спалъ, когда мы уѣхали въ церковь.

Когда воротились, тотчасъ явился, въ свѣтлицу, но уже не нахальнымъ квартирантомъ, а гостемъ, прилично одѣтый, говорящій отцу, ма-

(1) *Лантухъ* — большой мѣшокъ, въ который можетъ помѣститься русская четверть.

тери и сестрамъ *вы* и, въ добавокъ, порядочно сконфуженный. Разговоръ, впрочемъ, какъ-то не клеился: между гостемъ и хозяевами было непріятное воспоминаніе, мѣшавшее сближенію. Наконецъ офицеръ всталъ итти къ себѣ.

— Вы рано, или поздно обѣдаете?

»Вы очень добры... я, право, не заслужилъ... Ахъ, чуть не забылъ поблагодарить васъ за овесъ. Сколько я долженъ?«

Вышла сцена, надъ которою можно и не смѣяться.

— Нічого! говоритъ старикъ.

»Какъ, ничего?«

— Такъ, нічого, та й годі!

Словомъ, отецъ не хотѣлъ взять за овесъ денегъ, по той простой причинѣ, что у насъ, въ Украинѣ, и теперь рѣдко съ васъ возьмутъ за то, что васъ, вашу прислугу и вашихъ лошадей напоили и накормили, да и то развѣ въ деревняхъ, лежащихъ по большимъ дорогамъ; а въ тѣ времена — вы могли изѣздить Украину, »вдвинъ и впоперекъ«, не истративъ на корма ни копѣйки. Офицеръ съ своей стороны не хотѣлъ взять даромъ овесъ: — Это, говоритъ, рѣшительно было бы ни на что не похоже!

— Ну, — сказалъ старикъ, — его видимо началъ смѣшить этотъ споръ... поднялъ брови и, смотря въ землю, склонилъ на бокъ голову, — признакъ, какъ и вообще у украинцевъ, юмористическаго настроенія, готоваго разразиться рядомъ шутокъ, наивныхъ и, повидимому, глуныхъ вопросовъ, нелѣпыхъ предложеній и предположеній и т. п. — Ну, говоритъ, коли вже вамъ такъ хочѣтця, — сількись, давійте гроні: сѣгодні у насъ овесъ по сороківці (¹) лантухъ.

Дѣло кончилось обниманіями и цѣлованіями... Скоръ на дружбу, какъ и скоръ на грубость и оскорбленіе.

Съ этого времени офицеръ сталъ совершенно нашимъ семьяниномъ и, впродолженіе нѣсколькихъ дней квартированья, съ нами обѣдалъ, ужиналъ, завтракалъ; приводилъ къ намъ обѣдать и ужинать своихъ товарищей и своего эскадроннаго, или какъ тамъ его; толковалъ съ отцомъ, который очень любилъ слушать рассказы людей многовидѣвшихъ, бродилъ съ нимъ по полямъ, огородамъ; всѣ заботы о его хозяйствѣ перешли на руки матери: что нужно, — перемыто, что нужно — вычищено, почищено. Словомъ, его принимали, какъ принимаютъ бывшего долго въ

(¹) По гривеннику.

отсутствіи семьянина, и выпровожали потомъ въ походъ, какъ выпровожаютъ семьянина.

Также скоро сошелся со всеми и деньщикъ Иванъ, и скоро и охотно поступилъ въ число домочадцевъ. Состоя давно уже на службѣ, онъ часто проживалъ въ разныхъ мѣстностяхъ Украины и всею душою любилъ этотъ прекрасный край и добрыхъ и честныхъ его обитателей, какъ это, впрочемъ, и всегда случается съ простонародьемъ великороссійскимъ, прожившимъ довольно долго въ *Хохландіи*. Избавленный матерью отъ заботъ о баринѣ, но дѣятельный по природѣ, онъ не оставался въ бездѣйствіи и, какъ дѣлаваютъ добряки-холостяки его лѣтъ и состоянія, обратился къ намъ, дѣтямъ, особенно ко мнѣ и къ покойнику меньшому брату: носилъ насъ на спинѣ, показывалъ разные фокусы шуркомъ, дѣлалъ изъ дерева танцующихъ солдатъ, и т. п. Мы очень его полюбили, и какъ истые дѣти и внуки своихъ отцовъ и дѣдовъ, тотчасъ дали ему прозваніе: прозвали его *Тоесъ*, за часто употребляемое имъ въ разговорѣ *то есть*, произносимое имъ *то есь*. Добрякъ несколько не обижался, а напротивъ, его очень забавляло, что *хохлята* перекрестили его изъ Ивана въ Тоеся: — Вишь-ты, пострѣлята! то есь, я говорю *то есь*, а они, то есь, и зовутъ меня Тоесъ!... говаривалъ онъ и принимался хохотать самымъ громоподобнымъ хохотомъ....

Что-то съ тобою сталося, добрый Тоесъ?!.. Выслужилъ ли ты свои двадцать семь лѣтъ и воротился въ какую-нибудь Костромскую или Пермскую, долеживать указные годы жизни на полатахъ, нянчить безсильными руками дѣтей братнихъ, сестринныхъ, можетъ быть, и своихъ? или торчать у дверей какой-нибудь Казенной, или какого-нибудь Губернскаго, снимать шинель у его превосходительства — гражданскаго генерала?... Или же ждать двадцать семь лѣтъ тебѣ показалось слишкомъ долго, и ты, неся барину на пикеть трубку, задѣлъ лбомъ летѣвшую польскую пулю?... или, разсердивъ отца-командира, былъ немножко тово, и въ лазаретъ, а оттуда — *туда*, идѣ же нѣсть ни того, ни сего, ни онаго? То ли, или это съ тобою сталося? Молчишь!... Эхъ вы, тоеси! и живеть — молчить, и умираеть — молчить, и въ могилѣ лежить — молчить.... На, вотъ тебѣ, Тоесъ! отъ того, то есь, хохленка — помнишь? то есь, памятникъ тебѣ, слеза то есь....

Одинъ только кучеръ (забылъ, какъ его звали) не сошелся у насъ ни съ кѣмъ, и не только не сошелся, а даже сталъ всемъ непримиримымъ врагомъ. Причиною была отчасти его натура, вѣчно и всемъ недовольная и щедро разсыпавшая на все стороны обидныя побранки, а

при случаѣ и кое-что подѣйствительнѣе обидныхъ побранокъ; а отчасти и то, что недавно еще прїѣхалъ изъ своей Орловской что ли, не научил-ся еще считать хохлатыхъ и безбородыхъ тоже носящими образъ и подобіе Божіе.... Можетъ быть, тутъ имѣло значеніе и еще одно обстоятельство, о которомъ разсказывалъ Тоеся.

Во время своего путешествія изъ деревни къ барину, гдѣ-то въ Черниговской губерніи, остановился онъ переночевать у какого-то зажиточнаго козака. Путешественникъ сначала велъ себя прилично; но послѣ, когда за ужинкомъ поднесли ему нѣсколько чарокъ *наської* (1), бранчивая натура взяла свое, и онъ, держа въ рукахъ чарку противъ свѣта, такой спичъ сказалъ своимъ хозяевамъ: — «Пѣтъ, говорить, правды на свѣтъ, нѣтъ, какъ хошь! Ужъ не мы ли люди, а Богъ не далъ намъ ефтакой! а вы, и мазѣпинъ духъ....» Хозяевамъ, конечно, не понравился такой поворотъ краснорѣчія, слово по слову, пошли и «чубы проклятые» и «обливанцы», и дѣло кончилось дракою.... Естественно, что проишествіе это, при первомъ, такъ сказать, знакомствѣ съ Україною, не могло расположить кучера въ пользу ея обитателей.

Какъ бы то впрочемъ ни было, никто не сошелся изъ нашего двора съ этимъ человѣкомъ. Сначала дѣло ограничивалось неприязненными взглядами, а потомъ пошло и далѣе. Онъ звалъ всѣхъ проклятыми нехристями, мазѣпиннымъ духомъ (конечно, объ этомъ ни офицеръ, ни отецъ ничего не знали), а — мы цапомъ. «Цапъ, цапъ! козю, козю!» кричали цѣлою толпою дѣти, бросая ему въ слѣдъ клочки травы или соломы; «Цапъ!» звенѣлъ своимъ звонкимъ голосомъ Оксентій изъ сарая; «Цапъ!» ревѣли цѣлымъ хоромъ молотники изъ клуни; «Цапъ, цапюкъ!» пицала красавица Ганна въ слуховое окошечко кладовой, — и все это заканчивалось всеобщимъ хохотомъ, раздававшимся изъ оконъ, изъ дверей, изъ за уголъ, справа, слѣва, а больше всего изъ конюшни, громоподобнымъ хохотомъ Тоеся.... Бѣднякъ до того иногда раздражался, дотога выходилъ изъ себя, что хваталъ колъ и пускался за кѣмъ попало, или же,

(1) Т. е. нашей (водки). Въ украинскомъ языкѣ есть и мѣстоимѣніе *нашъ*, вполне соответствующее русскому *нашъ*. *Наській* же означаетъ нашъ только въ смыслѣ *не иностранный, нашъ, народу принадлежащій и по происхожденію, и по употребленію* и т. п. Слово это употребляется чаще всего безъ существительнаго (напримѣръ, когда Украинецъ увидитъ на чужой сторонѣ шапку украинскую, говоритъ: «та се наська!») и притомъ почти всегда съ интонаціею голоса, свойственною только украинскому юмору, вмѣстѣ и ласкающему и хохочущему, — ласкающему нѣжно, хохочущему безобидно....

что чаще всего случалось, — такъ какъ многими опытами убѣдился онъ, что не его ногамъ угнаться за быстрыми ногами хохлятъ, — бросаль шанку оземь и въ бѣшенствѣ тошталъ ее ногами

. . . это былъ Рѣготивъ-хуторъ! Хаты, *хліві*, *токі* ⁽¹⁾ и другія принадлежности украинскаго хутора размѣстились по ложбинѣ, не посовѣтовавшись ни съ законами пересѣченія прямыхъ линій подь прямыми углами, въ формѣ шахматной доски, — ни съ условіями однообразія, — ни даже со вкусомъ профѣжающихъ, или съ чѣмъ бы то ни было вкусомъ: дескать, какъ мы вамъ покажемся, если мы помѣстимся тутъ вотъ и тутъ, а вы будете тамъ, на горѣ, или тамъ у окошечка? а размѣстились, гдѣ кому на умъ взбрело: гдѣ поприютнѣе, или гдѣ попривольнѣе, гдѣ пораздолнѣе, гдѣ посподручнѣе. Оттого ложбина съ Рѣготовымъ-хуторомъ, въ зимнюю пору, казалась съ горы безмѣрной величины *пѣчвами* съ мукою, въ которыя какой-то проказникъ метнулъ гореть гречневыхъ отрубей, а пожалуй и сажн. . . Тьфу! ни одной улицы, гдѣ, лихою тройкою, доброму мѣлодцу можно бы изъ конца въ конецъ, не поварачивая! . . . ни одной улицы, гдѣ возвышенный чей взглядъ могъ бы прямо-прямо, по прямой линіи! . . и упереться въ пустынность и безлюдье заселковъ! . . .

— А онъ, Васильку, и наші підводи! — говоритъ Кіндрать, указывая *ужалномъ* ⁽²⁾ внизъ.

»Де?»

— Та онъ же!

»А и справді! . . .«

И я несказанно обрадовался, что скоро буду межъ *нашими*

— Ище й кибітка якѣсь стоить тамъ! добавилъ Кіндрать.

Мы спустились внизъ и поворотили къ подводамъ.

— Добрідень, хлѣнци! сказала отецъ подводчикамъ: — добрідень!

»Добрідень и вамъ, панѣче!« отвѣтили, кто былъ постарѣе.

— Съ прѣзникомъ будьте здорови!

»Спасібі, бѣдьте й ви здорови!«

— А щѣ, все благополучно?

»Да слава Богу, благополучно все.«

— Слава Богу! — повторилъ и отецъ, и, обращаясь къ Грицькѣ, прибавилъ: — возьми-ка его отсюда.

(1) *Токі* — гѣмна.

(2) *Иужално* — кнутовище.

Грицько вытащилъ меня и поставилъ возлѣ саней. Съ непривычки къ дальнимъ поѣздкамъ, я отсидѣлъ себѣ ноги и съ трудомъ держался на нихъ. Впрочемъ, кое-какъ добрался до Оксентія, который, стоя возлѣ воловъ, давно ужъ мнѣ улыбался издали и подавалъ какіе-то сигналы.

— Онъ подивітця лишень туді!—говорить, когда я приковылялъ къ нему поближе, показывая рукою на кибитку, стоявшую тутъ же, возлѣ хаты, и которую мы замѣтили еще съ горы.

Я поворотилъ голову: кибитка прекрасная, и лошади прекрасныя, и кучеръ хорошо одѣтъ...

«Еслибъ намъ такую!»

— Да вы посмотрите на кучера!...

Я началъ смотрѣть и на кучера: борода длинная, смотрѣть на насъ, ухмыляется...

«Цапъ!..» вскрикнулъ я, совершенно збывъ, что недалеко и отецъ.

Дѣйствительно, это былъ цапъ! «Гора зъ горою, кажуть, не зходитця!» Велѣдъ за тѣмъ показался изъ избы и баринъ его....

Нѣтъ необходимости рассказывать подробности этой встрѣчи. Скажу только, что послѣ квартированья у насъ, офицеръ, какъ я узналъ изъ рассказовъ, векорѣ сильно заболѣлъ и гдѣ-то долго лежалъ въ госпиталѣ, что во время этой болѣзни онъ по какимъ-то причинамъ долженъ былъ подать въ отставку, а полкъ между тѣмъ ушелъ въ Польшу, а съ нимъ и Тоесь, и что теперь онъ возвращается на родину.

Мы здѣсь простояли часа три (подводы впрочемъ скоро отправились далѣе), и офицеръ съ покойникомъ отцомъ много выпили тутъ и рому, привезеннаго офицеромъ, и водки, купленной гдѣ-то тутъ же въ хуторѣ, такъ много выпили, что офицеръ на сани попалъ уже не самъ, а его вынесли, а отецъ даже попросилъ у хозяина *люльки* и выкурилъ цѣлую трубку махорки.

Да, на счетъ попоекъ отецъ былъ изъ людей стараго закала! Будучи человекомъ вообще весьма трезвымъ и не любя, что называется, бражничанья, онъ, если уже былъ въ необходимости пить, напримѣръ, при встрѣчѣ съ пріателемъ, котораго давно не вдалъ, столько могъ глотать разныхъ спиртуозностей, что другіе, потерявъ всякую способность продолжать далѣе, уносимы были съ поля битвы, а онъ — какъ ни въ чемъ не бывало!... Оживлеише только становилея, пробуждалось только какое-то неопреодолимое желаніе забыться, закружить голову въ гло-

таніи новыхъ спиртуозностей, въ табачномъ дыму, а за отсутствіемъ всего этого — въ быстрой ѣздѣ...

Въ молодые лѣта онъ курилъ постоянно табакъ, и тогда у него водились прекрасныя трубки; но послѣ, хозяйственныя и семейныя заботы, а главное — нежеланіе, чтобы сыновья переняли (¹) эту привычку, неурядную, по его словамъ, во всѣхъ отношеніяхъ, а при неосторожности, и опасную, онъ пересилилъ себя, трубки и табакъ раздарилъ и совершенно пересталъ курить.... Но если случалось подгулять — *люльку!* махорка, виргинскій или какой ни пошало — подавай! и курилъ старикъ и разсказывалъ про свою молодость и про разную *давнину*, до тѣхъ поръ, пока не начинала кружиться голова. Тогда люлька прочь и — въ постель!

И ѣздить шибко онъ не любилъ и *нехазлііа*ми называлъ тѣхъ, кто ѣздитъ шибко: верхомъ всегда шагомъ, а въ повозкѣ или бричкѣ — маленькою рысцою. Но если подгулялъ и особенно если подгулялъ выше того градуса, съ котораго обыкновенно начиналъ курить, и если въ такую пору приходилось ѣхать — «торкай, торкай!» ворчалъ онъ возницѣ, — что уже значило: гони стеньяковъ, сколько выскочатъ легкія ихъ ноги! Замѣчу еще, что «торкай!» и «люльку!» являлись у старика и тогда, когда онъ глубоко былъ чѣмъ огорченъ, оскорбленъ, разгнѣванъ.

Дальнѣйшее путешествіе наше, вѣроятно, не представляло для меня ничего занимательнаго, потому что, въ памяти моей осталось не болѣе двухъ-трехъ картинъ.... Особенно одна картина сильно врѣзалась въ память.

Лошади едва передвигаютъ ноги, устали, даже гнѣдой жеребецъ усталъ... дѣло подъ вечеръ, погода *смурал*; ни жилá, ни деревца, а только равнина и равнина снѣжная.... И на всемъ этомъ какой-то тусклый, какъ-будто съ жолтымъ отливомъ, колоритъ... въ какомъ представляется все, когда или скорбь тяжелая у человѣка на душѣ, или нескончаемый недугъ томить его — сидитъ у окна, и безъ цѣли и участія глядитъ въ него, перенося унылый взглядъ отъ одного предмета къ другому.... И то скучно, и оттуда не ждатель утѣшенія!...

Грустный тонъ, бѣдная картина! Но отчего эта бѣдная картина могла пережить нѣсколько десятковъ лѣтъ и сохраниться въ памяти? Богъ вѣсть! Не могу припомнить ни тогдашняго состоянія своей души, и ничего предъидущаго или послѣдующаго: только въ какой-то мгливой дали снѣжное

(¹) Вѣроятно, я и всѣ мои братья отъ того и вышли такіе *куріі*.

пространство, лошади едва передвигаютъ ноги, какіе-то путники — туда, къ темному горизонту....

Знаю, мои друзья, что опять начинаю вдаваться въ подробности скучныя и для васъ неинтересныя, но снова повторяю, что сказалъ вначалѣ моихъ записокъ, въ *Родословной съ отцовской стороны* (1): »Разсказываю эти подробности не для васъ, а для себя: такъ пріятно болтать о невозвратномъ дорогомъ дѣтствѣ! Прямомъ, воспоминанія дѣтства, съ лѣтами, болѣе и болѣе стираются, — прикрѣпить же ихъ перомъ и черниломъ: на старость пригодятся подмоложивать черствую ея жизнь, какъ принадобляются зимою засушенные лѣтомъ грибы« (2). Будемъ же прикрѣплять все, что ни попадетъ подъ перо! И на этотъ разъ прикрѣпимъ къ бумагѣ воспоминанія свои о гнѣдомъ жеребцѣ.

Я сейчасъ сказалъ: »даже гнѣдой жеребецъ усталъ«. Вы, можетъ быть, удивились этому *даже*, зная, что жеребцы въ ѣздѣ утомляются скорѣе всякой другой лошади? Не удивляйтесь! въ этомъ отношеніи, о гнѣдомъ жеребцѣ нельзя судить по жеребцамъ, какихъ мы обыкновенно теперь встрѣчаемъ. Это былъ прямолинейный потомокъ тѣхъ украинскихъ скакуновъ, на которыхъ предки наши переѣзжали задніпровскія степи, пускались въ наѣзды на Крымцевъ и, обремененные добычей, уходили отъ всевозможныхъ преслѣдованій: крѣпкій, быстрый, неутомимый! Однажды, зимою, покойникъ отецъ съ Андреемъ Бѣлоусомъ, большимъ любителемъ хорошихъ лошадей, возвращались изъ гостей, Андрей Васильевичъ на своей разудалой тройкѣ, а покойникъ — на гнѣдомъ жеребцѣ. Оба были навеселѣ, и имъ пришла охота пуститься въ перегонъ. Остановились, выровнялись и помчались.... Андрей Васильевичъ по гладкой дорогѣ, а покойникъ *манівцѣмъ*, по нетропутому снѣгу.... Почти три версты мчались, и тройка Андрея Васильевича не только не могла опередить гнѣдого, но даже поровняться съ нимъ, не смотря на то, что гнѣдой, какъ я сказалъ, шель не по дорогѣ, а *манівцѣмъ*, что онъ былъ запряженъ *въ великі сани* и что на этихъ саняхъ сидѣлъ человекъ, могшій, по своей массивности и тяжести, потягаться, пожалуй, и съ самимъ Тарасомъ Бульою.... Въ дѣтствѣ я самъ неоднократно ѣздилъ на гнѣдомъ (онъ былъ необыкновенно тихъ и послушенъ), леталъ на немъ по степу — ити-

(1) Эта часть записокъ Василія Петровича не издана въ свѣтъ.

(2) Не выпущено мною это мѣсто сколько для связи съ послѣдующимъ, столько и для того, чтобы читатель изъ словъ самого Василія Петровича могъ видѣть значеніе заключающихся въ ней подробностей, относительно ихъ достовѣрности.

ца, вихорь!... Быстротою, выносливостію, крѣпостію, неутомимостію, онъ превосходилъ всѣхъ лошадей отцовскаго табуна, какіе когда-либо у него были прежде и послѣ. Одной только онъ уступалъ лошади, *Бѣлосору*, но это былъ конь! Я вамъ разскажу и о немъ.

Вы, можете быть, знаете, что въ Украинѣ попадались прежде, и даже теперь иногда попадаютъ, лошади, которыхъ мои земляки называютъ *бараньскі* (баранскіе). Почему онъ такъ называется—никто не могъ мнѣ объяснить: «Бараньскі, та й годі!.. батьки й діди звали бараньскими, и ми такъ звемо». Непремѣнная ихъ принадлежность: короткій некрасивый хвостъ, едва достающій до колѣнъ, короткая грива, иногда некрасивая, а иногда лоснящаяся, волнистая, небольшая длина и небольшой ростъ, способность держаться въ хорошемъ тѣлѣ, быстрота, выносливость, рысистость. Вотъ изъ этой-то баранской породы въ отцовскомъ табунѣ была одна *матка* (рыжей масти, съ прекрасною волнистою гривою). Много у нея было дѣтей, но замѣчательнѣе всѣхъ были двое: темно-сѣрой масти меринъ, *сивозалізій*, какъ у насъ говорятъ, и другою меренъ свѣтло-сѣрой масти, именно *Бѣлосоръ*, такъ прозванный за свои бѣлые глаза. Сивозалізого почти не помню: помню только, какъ ввалился на нашъ дворъ цѣлая толпа проходившихъ черезъ хуторъ линейныхъ козаковъ и купили его за 75 червонцевъ (цѣна по тогдашнему времени необыкновенно высокая); Бѣлосора же я помню хорошо, хоть ѣздить на немъ никогда не осмѣливался, по причинѣ безмѣрной быстроты его бѣга. Онъ такъ быстро бѣгалъ, что даже гнѣдой жеребецъ не могъ угнаться за нимъ, и не только тогда, когда Бѣлосоръ пускался во всю прыть, но и когда онъ несся рысью. Помню, однажды, въ лѣтніе сумерки, пустились мы съ Оксентіемъ въ степь, я—на гнѣдомъ жеребцѣ, а онъ—на Бѣлосорѣ... Какъ теперь вижу эту, обаятельную для меня, картину моего дѣтства!.. вотъ-вотъ нагошо, вотъ уже гнѣдой почти достаетъ головой Оксентія; но Оксентій гикнетъ, Бѣлосоръ вытянетъ шею, закачается, и черезъ нѣсколько секундъ и слѣдъ простытъ!.. опять догоню—опять исчезнетъ быстроногій... только далеко впереди слышится топотъ, да что-то бѣлое дрожить впереди, словно призракъ ночной въ сѣдомъ туманѣ...

Вернитесь, озвітєся, мїта мої!..

На Бѣлосорѣ совершались иногда такіа, наиримѣръ, поѣздки. Разъ покойникъ отецъ былъ у одного пана, вереть за сорокъ пять или за пятьдесятъ (это было въ зимнюю пору, за мѣсяць или за полтора до

моего отправленія въ городскую школу). Довольный, что ему удалось заключить тамъ одну сдѣлку, и немножко подгулявшій, старикъ не захотѣлъ почевать въ гостяхъ и — послѣ ужина — домой: »торкай!...« Къ полуночи онъ былъ уже въ хуторѣ! Подвигъ этотъ Бѣлозора покажется еще громаднѣе, если, съ одной стороны, припомнимъ, что ѣхали ночью и что, слѣдовательно, какъ обыкновенно бываетъ въ ночныхъ поѣздкахъ, главная тяжесть поѣздки выпала на долю коренного, а съ другой стороны, если прибавлю еще, что дорога, по которой ѣхали, была узенькая, вьющаяся въ лозахъ и очеретахъ, и что, слѣдовательно, скакуны, какъ тоже обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, больше мѣшали Бѣлозору, чѣмъ помогали.

Поѣздка эта, впрочемъ, была причиною гибели бѣднаго Бѣлозора. Приѣхавъ домой поздно, подгулявшій старикъ, противъ своего обыкновенія, не наблюлъ, какъ распорядились съ измученными животными, а возница ограничился только тѣмъ, что, расірегши, прицѣпилъ ихъ къ пустымъ яслямъ и улегся спать. Жажда заставила бѣднаго Бѣлозора перервать поводъ, и прямо къ рѣкѣ, къ *ополонкѣ*.... Къ утру у Бѣлозора явился *паксѣдникъ*, а къ вечеру бѣдняга издохъ.... Уже на что покойникъ отецъ былъ тугъ на слезы, но и онъ плакалъ надъ добрымъ животнымъ, которому и цѣны никто не умѣлъ у насъ *сложитъ*!... Бѣлозоръ зарыть былъ въ глубокую яму, и пока земля сверху не замерзла, по ночамъ стояла сторожа: этимъ почтили память добраго животного, чтобы собаки или волки не могли разрыть ямы и не растащили бы по лѣсамъ и очеретамъ костей, созданныхъ природою для широкихъ степеней и вольныхъ раздоловъ

Утро ⁽¹⁾ было теплое; въ воздухѣ носился легкій туманъ; лошади ступали тяжело, сани скользили невесело.... Словомъ, обстановка была изъ тѣхъ, которыя располагають душу къ печальному, или къ *кислому*, настроенію, какъ выражаются Поляки.

Сидя по прежнему у ногъ отца, я болѣе и болѣе сосредоточивался въ себѣ, съживался, такъ-сказать, и духовно, и тѣлесно... зарывался поглубже въ тулушы и угрюмо молчалъ, хотя по природѣ былъ любопытенъ и любилъ разузнавать обо всемъ, что встрѣчалось мнѣ въ первый разъ, хотя отецъ, по видимому, расположенъ былъ болтать со мною

(1) Разсказъ о приѣздѣ къ пану, у котораго купленъ лѣсъ, какъ проведена ночь и проч., нами пропускается, какъ непредставляющій особеннаго интереса. Здѣсь Василій Пегровичъ, впервые, изъ аханій и соболѣзнованій *паній*, болѣе или менѣе узнаеть, что такое городское училище....

и удовлетворять моему любопытству, и новыхъ предметовъ представлялось много. Это, напримѣръ, множество обгоняемыхъ нами подводъ, ѣдущихъ въ ту же сторону, куда и мы, и нагруженныхъ дровами, очерегомъ, мѣшками съ хлѣбомъ, — чьи онѣ, куда ѣдутъ, за чѣмъ? или, что это за подводы, запряженные, не парюу воловъ, какъ дѣлается у насъ, а однимъ воломъ? ⁽¹⁾ И какъ это смѣшно, и какое ярмо смѣшное!...

Вотъ какая-то перекладина впереди дороги, нестрая, на столбахъ! Мы остановились, какіе-то пьяные обыскиваютъ, нѣтъ ли у насъ водки... Вотъ потянулись по обѣимъ сторонамъ дома — я ихъ не разглядѣлъ хорошенько, не до нихъ мнѣ... Вотъ и площадь какая-то: евреи и еврей, а тамъ какія-то длинныя *коморы*, отецъ говоритъ — лавки... «Лавки?...» охъ, когда бъ про училище забылъ!...

Вотъ снова въ какую-то улицу, — впереди церковь, тутъ, вѣрно, гдѣ-то и училище... вѣрно, тутъ меня бросать!...

Я перевелъ духъ тогда только, когда, у самой церкви, лошади поворотили круто направо, начали спускаться съ горы, и впереди открылись луга, поля, — видъ за городъ...

«Вѣрно забылъ про училище!» и я сидѣлъ еще неподвижнѣе, не смѣлъ и пошевелинуться, боясь напомнить о себѣ...

На полгорѣ лошади поворотили налѣво, мѣстность становилась безлюдною — съ одной стороны оврагъ, а съ другой — высокій валъ, — и только по склону послѣдняго лѣзились еще кое-гдѣ небольшіе домики... «Се вже за городъ?» осмѣлился наконецъ я отозваться. — «Направо!» раздалось, какъ бы мнѣ въ отвѣтъ, надъ головою, и лошади, своротивъ съ дороги, шагомъ пошли по тропинкѣ, прорѣзанной вдоль отлогости вала и заканчивающейся сквозными ворѣтами...

Какъ мы взѣхали на маленькій дворъ, какъ остановились, вошли въ хату, — ничего не помню. Воспоминанія мои начинаются съ того времени, когда мы были уже въ хатѣ и сидѣли съ отцомъ на лавкѣ.

Возлѣ насъ, съ правой стороны, стояла и чистила рыбу очень стройная, дѣвушка, лѣтъ пятнадцати или шестнадцати, съ рябоватымъ отъ оспы, но довольно красивымъ и пріятнымъ лицомъ, — Устя, мой будущій врагъ и мучитель, а напротивъ насъ, за верстатую, ткачъ Хомѣ, высокій, тощій, съ орлинымъ носомъ, съ добродушнѣйшимъ, какое только можно себѣ представить, лицомъ... съ небритою бородою и съ небольшою лысиною по самой срединѣ головы, вслѣдствіе чего верхняя ея

(1) Т. е. бовкунѣмъ.

часть напоминала нѣсколько соломенные покрышки на ульяхъ: сверху гладкія закругленные, а внизу широкія, растопыренные, — Хома, мой будущій другъ и защитникъ отъ Усти... Устя и Хома, особенно послѣдній, очевидно, давно были знакомы съ отцомъ и разговаривали съ нимъ, какъ давно знакомые. Изъ разговоровъ ихъ я узналъ, что Устя — хозяйская дочка, — что она изъ сомовъ приготовитъ *юшку*, какое намѣреніе отецъ, большой любитель рыбы и рыбныхъ блюдъ, очень похвалилъ, — хозяйинъ въ какомъ-то караулѣ, а хозяйка на базарѣ булки продаетъ...

Вообще, первое впечатлѣніе этой свѣтленькой хаты и встрѣченныхъ тамъ людей было какое-то располагающее.

Черезъ нѣсколько минутъ отецъ обратился ко мнѣ: — А ну, говорить, Васильку, пойдемъ!...

Мы пошли... Долго мы шли и пришли къ той церкви: инстинктъ не обманулъ меня, что училище тамъ, возлѣ этой церкви.

Вошли въ какой-то дворъ.

— Здѣсь живетъ смотритель? — спросилъ отецъ какого-то человѣка, хлопотавшаго по двору, отставнаго солдата и, какъ я послѣ узналъ, училищнаго сторожа.

»Здѣсь!«

— Дома онъ?

»Дома!«

Черезъ нѣсколько секундъ мы очутились въ низенькой, но просторной комнатѣ, плохо освѣщенной дневнымъ свѣтомъ, и предъ нами какой-то *панъ*, тощенькій, угрюмый, съ длинными руками и узенькими полосками волосъ на щекахъ... Я сей-часъ догадался, что этотъ панъ — смотритель, какъ его называлъ отецъ. Лѣвою рукою онъ придерживалъ полы своего стеганнаго ситцеваго халата, а правою чесалъ его спинку... Славныя это были руки! съ ними еще не разъ прійдется намъ встрѣтиться.

— Что вамъ нужно? — спросилъ панъ у отца.

Старикъ объяснилъ, въ чемъ дѣло, и подалъ какія-то бумаги. Смотрѣлъ въ нихъ, смотрѣлъ, ворчалъ - ворчалъ, и заключилъ сердитымъ: »нельзя!«

Слѣдуютъ доказательства, что — можно, но рѣчь прервана новымъ »нельзя«, еще болѣе сердитымъ.

»Авось-либо!« радостно подумалъ я...

Отецъ немного подумалъ... потомъ полѣзъ въ карманъ, вытащилъ *капшукъ*, развязалъ, вынулъ нѣсколько карбованцовъ и положилъ ихъ на столъ. »Прошу«, говоритъ, »покорно!«

Панъ искоса взглянулъ на столъ, потомъ, тоже искоса, но ужъ нѣсколько меланхолически, на боковое окно, и наконецъ устремилъ суровый взглядъ на меня.

— Чему ты учился?

Я смѣшался и началъ смотрѣть на отца.

— Кажи жъ, щó ти вчивъ!

»Я училъ «О добромъ сынѣ», «Какъ Маша клала въ ротъ иголки и булавки....»

Хотѣлъ было даже рассказывать содержаніе этихъ исторій.

— Дуракъ! Арифметикъ и Закону Божию учился?... Ну, какъ Авраамъ хотѣлъ заклать Исаака?

»Ножемъ!« прошепталъ я едва слышимымъ голосомъ.

— Но-жеемъ!! прошепталъ и смотритель, передразнивая меня... — Дуракъ! по повелѣнію Божию, а не пожемъ! Нѣтъ, заключилъ онъ, обращаясь къ отцу: — его нельзя принять — онъ и въ первый классъ не годится.

Отецъ молча вынулъ и положилъ на столъ еще нѣсколько карбованцовъ.

— А читать ты умѣешь?

»Умѣю!«

— И церковное умѣешь?

»Умѣю!«

— Ну, прочитай! и сунулъ мнѣ подъ носъ «Чтеніе изъ Евангелистовъ».

Я прочелъ нѣсколько строкъ.

— Хорошо! читаетъ хорошо! пожалуй въ приходское можно бы.

Снова нѣсколько карбованцовъ.

— Ну, хорошо ужъ, хорошо! Пусть ходитъ! Только вамъ надобно еще побывать у учителя: онъ *тоже добрый человекъ*.... Чего нельзя—нельзя, а что можно—можно!... Мы рады, если къ намъ *хорошіе* ученики....

А вѣдь, если сказать правду, его, этого смотрителя, любили и дѣти, и родители: первые потому, что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ не злой человекъ, по крайней мѣрѣ сравнительно съ остальнымъ училищнымъ штатомъ, а послѣдніе, что онъ велъ дѣла свои, какъ говорится, на чистоту, не ломаясь, ясно показывая, чего нужно.... А что онъ любилъ чужіе карбованцы — кто же изъ насъ не любитъ ихъ, такъ ли, или иначе?! Это ужъ у насъ въ крови, должно быть, такой порядокъ.... Вѣдь правду я го-

ворю? Моя рѣчь къ вамъ, Александръ Степановичъ и Иванъ Николаевичъ, къ вамъ А. Б. В. et cetera!

Приходимъ къ учителю. Александръ Прохоровичъ, съ трубкою въ зубахъ, сидитъ на стулѣ и, очевидно, готовится къ послѣбѣденному сну.

Но полно, мои друзья! на одинъ разъ слишкомъ много объ этомъ!

Когда вышли отъ Александра Прохоровича, отецъ: »Ну«, говоритъ, »вотъ ты, Васильку, и въ училищѣ!«

Воротились на квартиру

. Начали собираться къ обѣду. Но просьбѣ отца, Хома принесъ *горілки*, сѣли за столъ.

За обѣдомъ ѣли, пили, вели бесѣду: ѣли юшку съ молодыми сомами, пили горілку и вели бесѣду о чемъ? не знаю: скорбная душа моя была въ это время далеко, далеко!...

Пообѣдали.

— Защемо жъ! говоритъ отецъ и, взявши въ правую руку *пляску*, а въ лѣвую чарку, налилъ немножко водки и подавъ мнѣ: — Віиний!

Я не зналъ, чтó дѣлать.

— Віиний, віиний! сѣгодня годітця тобі, сѣгодня твій день.

Я вишилъ.

Отецъ снова налилъ, но ужъ полную чарку, поднесъ ее ко рту и тихо заговорилъ: — Царство жъ небесное моимъ родителямъ!.. не хотіли вони мене вчить—спасіоі и за те!... А я хочу, щобъ ти вчився—чүешъ? хочу.... Учїея-жъ дѣбре! дѣбре, сїну, вчився — чүешъ? щобъ потїхою бувъ мäterі на старїсть....

Я заплакалъ.

— Якъ вївчїеся дѣбре и бѣду я на тїмъ свїті—згадай коли нѣбудь и мене, нелихїмъ слѣвомъ—не ледіщо, мовъ, бувъ у мене батько!...

Я заплакалъ еще сильнѣе.

— Не плачь, сїну, не плачь!.. не плачь!...

Но я плакалъ и плакалъ... и изъ-за стола встали, и лошадей подали отцу, и простились мы съ нимъ, и выѣхалъ онъ за дворъ, а я плакалъ....

Но когда Хома хотѣлъ затворить ворота, я съ крикомъ бросился къ нимъ: Батюшка, батюшка, не кїдайте мене!...

Старикъ послашалъ, поворотилъ голову и погрозилъ мнѣ пальцемъ!..

М. Н о м и с ь.

ОБЗОРЪ УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

III.

АРТЕМОВСКІЙ - ГУЛАКЪ.

Литературная дѣятельность Котляревскаго, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, рѣзко бросающихся въ глаза критику нашего времени, имѣла важныя послѣдствія. Своею пародіей и двумя театральными пьесами онъ напомнилъ Украинцамъ, что у нихъ есть родной языкъ не для того только, чтобъ избранить неисправнаго мужика. Даже и его пѣсня *Віють вітри* имѣеть свое историческое значеніе. Панички времяпъ Котляревскаго, дѣйствіемъ чужеземнаго воспитанія, сдѣлались неспособны понимать высокія красоты нашихъ народныхъ пѣсень и стыдились пѣть ихъ въ своемъ кругу. Пѣсню, сочиненную Иваномъ Петровичемъ, вхожимъ во всѣ знатныя полтавскіе кружки, было не стыдно сѣть за фортепьяно: то была не мужицкая пѣсня, да и чувства въ ней выражены такъ деликатно, какъ и въ романахъ Капниста. Содержаніе, тонъ и складъ пѣсни Котляревскаго пришлись по силамъ и вкусу современныхъ ему кружковъ семейныхъ, точно, какъ легкій супъ—для разстроеннаго желудка; и кто знаетъ? можетъ быть, она провела за собой не одну народную пѣсню въ то общество, которое давно уже пренебрегло звонкоголосую и прямодушную степную музу. Но крайней мѣрѣ то несомнѣнно, что другія сочиненія Котляревскаго дали законность появленью украинской простонародной рѣчи на бумагѣ. Мы знаемъ нѣсколько подражаній собственно *Енеидь*, которыя никакъ не могли добиться печати за множествомъ книжицъ, обѣщавшихъ издателямъ болѣе вѣрный

сбытъ (1). Подражанія эти начались еще при жизни Котляревскаго и, конечно, не подвинули украинской литературы ни на волос вперед; но жужжанье стиховъ украинскихъ, въ такъ называемыхъ патриотическихъ кружкахъ, дѣлало свое дѣло: оно, точно колокольчикъ сказочнаго Вадима, манило Украинцевъ въ какую-то невѣдомую имъ область, непохожую на то, что они знали въ печатномъ мѣрѣ. Можетъ быть, были и болѣе самостоятельные опыты въ стихахъ и прозѣ, съ проблесками таланта истиннаго и вкуса вѣрнаго, но оставались скрытыми отъ разбор-

(1) Въ дѣтствѣ я имѣлъ въ рукахъ разговоръ двухъ поселянъ о похоронахъ черниговскаго архіепископа. Слѣдующіе стихи, сохранившіеся у меня въ памяти, состоятъ въ самомъ близкомъ родствѣ съ *Енеидою* Котляревскаго:

Тамъ намалѣвано и пѣкло,
 Такѣ страшнѣ, що ажъ бідá.
 Оттамъ, бра, дүшно, тамъ и тѣпло!
 Смолá течѣ такъ, якъ водá, —
 Течѣ зъ гадюки, та й палáе,
 А чортъ людбѣ туді таскае.
 Лихá година за грѣхí!
 Було простүнишь хочъ не хбгя,
 Якъ прійде вийтъ до насъ воркбгя,
 Таскáтъ прикáже въ млинь михí,
 Абó у вїппицю по дрбá, —
 Забүдешъ, й плéчí що болáть....

Укажу еще на стихи подъ заглавіемъ *Вакўла Чмиръ*, написанные въ концѣ *Грамматики Малороссійскаго Нарвчїя*, Павловскаго, какъ на смѣхотворство безъ опредѣленной цѣли, въ духѣ *Енеиды*. Вотъ ихъ образчикъ:

Кричáвъ, вищáвъ,
 Стогнáвъ, пищáвъ,
 Такъ пїхтó не чүе,
 Що сей козáкъ
 У пблí такъ
 Злцдѣнно ночүе.
 Въ бідí заснүвъ;
 Якъ же скрепнүвъ
 Морбóзь, та ще кгречнй,
 Такъ и пбги
 До дорбги
 Примѣрзли и плéчí.
 Відъ сей хвүкги
 Ёгб рүки
 Заклѣкли и гүби:
 Лежítъ козáкъ,
 Якъ пбвний макъ,
 Пзцїпивши зүби.

чивыхъ цѣнителей, подобно обнародованному мною въ *Хатль* разсказу Продчука, лѣтъ двадцать или тридцать валившемуся въ хозяйственныхъ бумагахъ помѣщичьяго семейства. Что касается до печатнаго міра, то едва черезъ двадцать лѣтъ послѣ перваго изданія *Енеиды* появился преемникъ Котляревскаго въ украинскомъ стихѣ. То былъ г. Артемовскій Гулакъ.

Около сорока-пяти лѣтъ тому назадъ, грамотные земляки наши, Харьковцы, основали у себя періодическое изданіе, подъ заглавіемъ: *Украинскій Вѣстникъ*. Образцами для нихъ, очевидно, служили журналы петербургскіе и московскіе. Издатели были не въ силахъ создать своеобразный литературный органъ, и, рядомъ съ невинными статейками о Малой Россіи, о гетманѣ Хмельницкомъ, о Сковородѣ, помѣстали стихи и прозу во вкусѣ *Сына Отечества* и *Съверную Архива*, издаваемого припомнитнымъ Бугаринимъ. Возрожденіе украинской народности не было въ то время дѣломъ общаго одушевленія или глубокихъ соображеній передовыхъ умовъ. Оно совершалось болѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно, и единственнымъ украинскимъ писателемъ стоялъ, покаместъ, на пустой аренѣ Котляревскій. Но сила вещей взяла свое, и *Вѣстникъ*, только по имени украинскій, черезъ два года по своемъ основаніи, представилъ образцы дѣйствительно украинскихъ стиховъ и прозы. Неожиданно явился продолжатель дѣла, начатаго Котляревскимъ, и въ первомъ своемъ опытѣ, подъ заглавіемъ: *Панъ та Собака*, обнаружилъ, что задача украинской словесности, послѣ изданія *перелицеванной Енеиды*, сдѣлалась уже гораздо серьезнѣе. Это стихотвореніе принято было тогдашнею публикою съ восторгомъ и, не смотря на то, что авторъ подписался подъ нимъ только буквамиъй ...ъ, сдѣлало имъ его популярнымъ между Украинцами (1). Къ сожалѣнію, г. Артемовскій-Гулакъ не напечаталъ потомъ ничего равносильнаго первому своему опыту, а наконецъ и совсѣмъ пересталъ появляться въ печати. *Украинскій Вѣстникъ* прекратился въ началѣ 1821 года и сдѣлался теперь библиографическою рѣдкостью. Стихотворный разсказъ *Панъ та Собака* долго ходилъ въ рукописи, по своемъ обнародованіи въ этомъ журналцѣ, но стихи Шевченка увлекли вкусъ немногочисленныхъ любителей украинской словесности въ другую сто-

(1) Авторъ *Пана та Собаки* только въ 1827 году напечаталъ полное свое имя подъ балладою *Твердовскій*, напечатанною въ журналѣ *Славянинъ* и въ отдѣльныхъ оттискахъ.

рону, и теперъ ужъ рѣдко гдѣ можно встрѣтити знаменитое произведе-
нiе третьяго украинскаго писателя. Между тѣмъ въ исторiи нашої сло-
весности оно составляетъ явленiе, мимо котораго ни одинъ критикъ не
пройдесть не остановавшись, и потому, прежде чѣмъ показати его особен-
ности, мы представляемъ его цѣликомъ нашимъ читателямъ.

ПАНЬ ТА СОБАКА.

На зѣмлю злізла нічъ... нігдѣ ані шишірхне,
Хибá то дѣ-куди крізь сонъ що-небудь пірхне.
Хочъ въ око стрель тобі — такъ тѣмно на дворі.
Уклáвся місяць спать, нѣма ані зорі,
И лѣдві крадькомá якá малѣнька зірка
Зъ-за хмáри вигляне, ненáче мишь зъ засіка.
И небо, и землá — усѣ́, одпочивá;
Все нічъ підъ чорною запáскою ховá.
Одинъ Рябкó, одинъ якъ палѣць, не дримáе:
Худóбу пáнську, мовъ братъ рідний, доглядáе.
Бо дáрмо їсти хлѣбъ Рябкó нашъ не любивъ:
Івъ за пятѣхъ, алѣ тѣ івъ, що заробивъ.
Рябкó на пáнському дворі не спить всю нічку.
Колибъ тобі на сміхъ булó де вiдно свічку,
Аббъ въ селі де на опічку
Мáячивъ каганѣць.

Всі сплять, хропóуть,

А дѣ-які сопóуть.

Ужѣ и панотѣць,

Прилізши изъ христiнъ, до ўтрени понхáвся...
А нашъ Рябкó, кажó, все спáтки не вклавáвся.
Знай неборáкъ ганя то въ той, то въ сей кутбкѣ:
То зазирає въ курнікъ, то — дѣйко до свинóкѣ!
Спитá: чи всі такі живѣнькі порося́тка,
Индiки та качкi, курчя́тка й гусеня́тка?

То звiдтiль навиростѣць

Махáе до овѣць,

До клóни, до стiжкiвъ, до стáни, до обори;
То зновъ пазáдь чимъ дужъ, — щобъ часомъ Москалi
(А їхъ тогдi булó до хрiна на селi),
Щобъ Москалi, мовлiвъ, не вбрáлись до комóри.
Не спить Рябкó та все такъ гáвка, скаучiть,
Що сóчий сипъ, коли ажъ въ ўхахъ не лящiть!
Все дóма: якъ би то пiддóбритьця пiдъ пáна?
Не зна жъ, що не минѣ Рябкá обрадовáнна!

Якь гавъ, такь гавъ, покi свiпiло на дворi;
Тогдi Рябкi простигсь, захрiпъ въ своiй норi.
Чому жъ Рябку не спать? чи знавъ вiпъ, що зъ нимъ бiде?
Заснувъ вiпъ смiчно такъ, якъ сплять всi добрi люде,
Що щиро стережуть добра своiхъ панiвъ....

Якь ось — трусь, гiлась, крикъ!... ввесь двiръ загомiвъ:
»Цу-цi, Рябкi! на, нi! сюдi Рябкi кликнiте.«

— »Ось-бсь я, бiтечки!... чогi ви тамъ? скажiте!«

Стрибi Рябкi, вертiть хвостiмъ,

Нешаче помелiмъ,

И знай дурiенькiй скiлпть зiби

Та лиже губи.

»Уже жъ, бачъ«, дiума вiпъ, »не дiрно це въ дворi

Одъ сiмоi тоби зорi

Всi панькаютця коло мiне:

Мабуть, самъ Папъ звелiвъ вiддiть Рябку печiне

И щi зосталося варiне

За те, що, бачъ, Рябкi всю Бiжу пiчъ не славъ,

Та гiвкавъ на ввесь ротъ, злодiвiвъ одганiвъ.«

— »Цу-цi, Рябкi!« ще разъ сказiвъ одiнъ псяiоха....

Та й ханъ Рябкi за ўха!

»Кладiть Рябкi!« гукиувъ... Ажъ ось и Папъ прибiгъ.

»Лупiть Рябкi!« сказiвъ; »чухрайте!... ось батiгъ!«

— »За щi?« спитавъ Рябкi; а Папъ кричiть: »Чухрайте!«

— »Ой! ёй! ёй! ёй!« а Папъ iмъ каже: »Не вважайте!«

— »Не бiду, бiтечку!.. За щi жъ це честь така?«

— »Не слухай!« папъ кричiть; »лупiть, дерiть Рябкi!«

Деруть Рябкi, мовъ шiрiя,

На гiлась збiгласъ двiрня:

»Щi? якъ? за щi? про щi?« — Не знае нi одiнъ.

»Пустiть!« кричiть Рябкi: »не будь я песькiй синъ,

Колi вже вдiржу бiлшъ!...«

Рябкi нашъ хочъ не брiше,

Такъ що жъ? Явтiхъ Рябкi все знай по жiжкахъ чiше.

»Пустiть, швидчiй пустiть!« Папъ на ввесь ротъ гукиувъ,

Та й зъ хiти самъ умкнувъ.

»Пустiть!« гукиули всi: »Рябкi вже вдоволився!«

— »Чимъ, люде добрi, такъ оцi я провпiвся?

За щi жъ глузiдете?« сказiвъ нашъ неборакъ;

»За щi зпущаєтеся ви надо мнiю такъ?

За щi, за щi?« сказiвъ, та й попустiвъ патiки,

Патiки гiркихъ слiзъ, узiвшися за бiки.

— »За те«, сказiвъ одiнъ Рябкi зъ наймитiвъ,

»Щобъ не колбикавъ ти вночi своiхъ Папiвъ;

За те... алi щi тутъ?... ходiмъ, Рябкi, лишъ зъ хiти:

Не дуже, бачу, ротъ тутъ можна роззявлѣти.
Ходімъ, Рябко, на двіръ.»

— Пішли.

— »Се не пусте»,

Сказавъ Явтухъ Рябку: »оце тебе за те
По жижкахъ, бра Рябко, такъ гарно пошмагали,
Що Папъ изъ Паною сю цілу нічъ не спали.«
— »Чи вінешъ я сѣмъ? Чи ти, Явтухъ, здурівъ?»
— »Гай, гай!« сказавъ Явтухъ. »Рябко! ти знавсієвъ,
Ти вінешъ, бра Рябко, що нічю розбрехався:
Ти жъ знавъ, що вчора нашъ у карти Папъ програвъ!

Ти жъ знавъ,

Що хто програвъ,

Той чорта (не теперъ на споминки) здрімѣе, —
Той батька рідного, розсѣрдившись, програє!
Ти жъ знавъ, кажъ, Рябко, що Папъ не буде спать.
До чоґо жъ гавкавъ ти? на що жъ було гарчати?
Нехай би гавкавъ самъ, а ти бъ уклавсь тихенько,
Забравшись въ ожередъ, та й спавъ би тамъ гарненько.
Теперъ ти бачишъ самъ, що мокримъ вінъ радиомъ
Папався на тебе, и знай верзе притьмомъ:
Що гробшей вчора вінъ процідривъ щось не тріхи;
Що Паною черезъ те всю нічъ кусали блохи;
Що бӯцимъ вчора вінъ гратъ въ карти бъ не сідавъ,
Колибъ сѣгднішню бувъ нічъ хочъ закупивъ;
Що бӯцимъ ти, Рябко, такъ гавкавъ, якъ собака;
Що бӯцимъ по тобі походить ще й лобака;
Що бачця ти єму остивъ, надосоливъ,
И бачця вінъ тебе за те й прохворостивъ.
А бачъ, Рябко, а бачъ! не гавкай, не ганяйсь;
Ляжъ, хіришій, та й мовчи, и зъ Паною не рівняйсь.
Чоґо брехати? нехай нашъ Папъ здоровий буде,
Вінъ самъ и безъ собакъ сю панщину одбӯде.»

Послухавъ нашъ Рябко поради Явтуха.

»Нехай тяжка єму година та лиха«,

Сказавъ, »щобъ за моє, якъ кажуть, жіґо

Та ще менє и біґо!

Коли моє не въ ладъ,

То я зъ своїмъ пазадъ.

Чи баба зъ вѣза, — що жъ? велика дуже вада!

Кобілі легший візъ, сѣму кобіла й рада.»

Оттакъ сердеґа нашъ Рябко помірковавсь,

Та й спать на цілий день и цілу нічъ попхавсь.

Заснувъ Рябко, захрипъ, ажъ ожередъ трясе́тця;

Рябкú й не спітця, й не верзётця,
 Що вже Моска́лики вь ко́борі й на дво́рі
 Скрізь ни́шпорять, мовь туть во́ні й господа́рі,
 Що вовкь ягніть, а тхірь курча́токъ убіра́е....
 Ажъ туть и на дво́рі тужь-ту́жь уже́ світа́е.
 »Цу-цú, Рябко́!« туть всі, повибіга́вши зь хать,
 »Цу-цú, Рябко́! на, на!« гукну́ли якъ на гвалть.
 А нашъ Рябко́ тоби́ и ўсомь не морга́е;
 Хочь чúе, та мовь спить и мовь не дочува́е.
 »Тепе́рь-то«, дúма вінъ, »мій Па́нь всю́ нічку спа́вь,
 Бо не буди́вь ёго́ Рябко́ и не бреха́вь;
 Тепе́рь-то вінъ мені́ свою́ пока́же дя́ку;
 Тепе́рь уже́ не втре мені́, якъ вчо́ра, ма́ку!
 Неха́й цуцúкають... мене́ симь не зве́дúть,
 Поки́ самі́ сюди́ оби́дъ не принесу́ть.
 Та ще́ й тогди́, не би́сь, поскáчуть коло́ мене́,
 Поки́ возьму́ я вь ротъ хочь стра́ву, хочь пече́не!«
 — »Цу-цú!« сказа́вь ище́ Рябко́ви туть Явту́хъ;
 »Цу-цú!« зади́хавши́сь, мовь зь ёго́ пе́рло духъ.
 »Ходи́мъ, Рябко́!«

— »Эге́, ходи́мъ! Не дúже́ ква́пся,
 Самъ принеси́ сюди́.«

— »Иди́ жь хутчи́й, не ба́вся!«

— »Ба не ци́ду, Явту́хъ!«

— »Иди́, бо кли́че Па́нь!«

Сказа́вь, та й зашморгну́вь на ши́й вінъ арка́нь.
 »Чешіть Рябка́!« гукну́вь... ажъ туть іхъ щось зь деся́токъ
 Вліпи́ли зь со́теньку ки́вль Рябкú вь завда́токъ.
 »Лу́пиль Рябка́!« кричи́ть туть Па́нь, якъ наві́сний;
 Рябко́ жь нашъ тілько́ вже що те́плий та живи́й.
 Рази́вь изь ши́сть Ряба́ водо́ю одли́вали,
 И стілько́ жь разь ёго́, одли́вши, зновъ шмага́ли,
 А по́тімъ переста́ли.

Рябко́ спита́ть хоти́вь, але́ Рябкiвъ язiкь
 Бувъ вь ро́ти спúтаний, пенáче пúто́мъ зь ли́кь,
 И герготáвь щось, якъ на сiда́лі инди́кь.
 »Постiй!« сказа́вь Явту́хъ Рябко́ви, »не турбу́йся,
 Я пра́вду всю́ скажу́: »Отó, Рябко́, ша́ну́йся,
 Добра́ своїхъ Па́нивь, якъ бка, сте́режи́,
 За́рiння спать не ква́псь, вь солóму не би́жи́,
 Злоди́вь обгани́й та гáвкай на зви́рюку.
 Не гáвкавъ ти, Рябко́, — за те́ жь ми, бачь, вь нау́ку,

Изь ла́ски, зь ми́лости Па́нивь,

Вліпи́ли соте́нєкь изь пять то́би ки́вль.«

— »Чортí бь уби́вь твогó, Явту́хъ, зь Па́нами ба́тька

И дядину, и дядька
 За ласку ихъ!» сказавъ Рябко тутъ на-одрізь.
 Нехай имъ служить большъ рябий въ болоті бисъ!
 »Той дурень, хто дурнімъ идѣ Панамъ служити,
 А большій дурень — хто имъ дума угодити!
 Годивъ Рябко имъ, мовъ болячці й чпрякѣ,

А що жъ за те Рябкѣ?

Сякѣ мать та такѣ!

А до того ищѣ спорили батогами,

А за вислугу палюгами.

Чи гавкае Рябко, чи мовчки нічю спить,
 Все випадѣ такі Рябка притьмомъ побить.

Ужѣ мені, бачѣ, чи то туді — високо,

Чи то сюді — глибоко;

Повѣрнесся сюді — и тѣта гарячѣ;

Повѣрнесся туді — и тамъ-то болячѣ.

Хочъ би я тісто внісѣ псяюсі изъ діжею,

То бѣ вінъ розтѣвкѣ и ту надѣ спїною моєю.

Зѣ ледѣчимъ все бідѣ: хочъ вѣртъ-крутъ, хочъ крутъ-вѣртъ,

Вінъ найде все тобі хочъ въ черепѣчку смертъ.»

Котляревщина отозвалась въ Артемовскомъ-Гулакѣ прежде всего ямбомъ, несвойственнымъ украинской народной поэзии. Шевченко, поэтъ иной эпохи и иного полета, уклонился отъ ямба при самомъ началѣ своего литературнаго дѣла, какъ ни соблазнительно звучалъ тогда ямбъ въ прекрасныхъ стихахъ Пушкина. Во всемъ *Кобзарь*, первомъ блестящемъ своемъ опытѣ, не обратился Шевченко къ этому размѣру. Г. Артемовскій-Гулакъ раза два, въ немногочисленныхъ стихотвореніяхъ своихъ, оставлялъ ямбъ, и стихъ его отъ одного этого становился ближе къ народнымъ пѣснямъ, которыя служили для Шевченка единственнымъ образцомъ тона и вкуса.

Но, независимо отъ метра, въ складѣ рѣчи и въ манерѣ разсказа г. Артемовскаго-Гулака, отзывается также Котляревскій.

На зѣмлю злізла нічъ....

Хочъ въ око стрѣль тобі, такъ тѣмно на дворі;

Уклався місяць спать....

И лѣдві крадькомѣ якѣ малѣнька зірка

За хмѣри вигляне, неняче мши зѣ засіка.

Въ своемъ родѣ, это превосходные стихи, но они какъ-будто написаны тѣмъ же перомъ, что и слѣдующіе:

Бурхило зѣ неба, мовъ изъ бѣчки,

Що промочило до сорѣчки;

То дра́га въ-рѣстичь всі далі.
 Троїнци ста́ли всі, якъ хлі́бца;
 Імъ лúчплася невспу́ща;
 Не ра́ди п дощú бу́лі (*Енеида*, ч. II.).

У Котляревскаго есть даже стихи, буквально похожіе на начало *Пана та Собаки*:

Якъ тільки та сумра́чна, те́мна
 Ізъ не́ба злі́зла чо́рна нічъ,
 Го́дина жъ ста́ла дúже певна,
 Якъ повті́кали зірки прічъ. (*Енеида*, ч. III.)

Только эти стихи слишком ничтожны сравнительно съ стихами г. Артемовскаго-Гулака. Литературныя требованія очевидно были въ его время ужъ не тѣ, что во времена Котляревскаго, да и таланты авторовъ были не равны. Мы думаемъ, судя по первымъ опытамъ г. Артемовскаго-Гулака, что явился онъ въ наше время, съ своимъ сильнымъ и гибкимъ стихомъ и съ тою образностью, которой исполненъ юмористическій рассказъ его о Панѣ и Собакѣ, онъ оставилъ бы въ украинской словесности прочный памятникъ своего существованія. Но тогдашнее общество не оцѣнило его по достоинству, при всемъ успѣхѣ, какимъ пользовались первыя пробы пера его между любителями украинскаго слова. Въ тогдашнемъ обществѣ было еще слишкомъ много авторитетовъ, которые давали такимъ пьесамъ, какъ *Панъ та Собака*, значеніе каприза и не позволяли имъ занять какое бы то ни было мѣсто въ храмѣ россійской словесности. Молодому, начинающему писателю трудно было не поддаться общему взгляду на свое дѣло, запечатлѣнное характеромъ отдѣльной, еще не признанной народности. Что-то у него шевелилось въ душѣ противъ неключительнаго господства одной великорусской рѣчи въ грамотномъ русскомъ мірѣ; но высказалъ онъ свои понятія въ формѣ литературнаго юродства, которое пошло у насъ отъ Котляревскаго и до сихъ поръ не выводится въ украинской прозѣ; а высказавъ, онъ все таки пересталъ писать украинскіе стихи и, вѣроятно, призналъ напечатанное юношеской затѣей, недостойной ума солиднаго. Какъ бы то ни было, — теперь, когда украинская литература уже не кажется легкой затѣей праздности, намъ интересно перечитывать, какъ наши предшественники ставили вопросъ о существованіи чего-то непохожаго на великорусскую словесность. Авторъ *Пана та Собаки* присовокупилъ къ своей пьесѣ стихотворное посланіе къ Квнтѣ и объясненіе въ прозѣ къ читателямъ. Выписываемъ то и другое.

СУПІКА

до Грицька К н.

Хто, кажуть, до когó — мы до тебе, Грицькó,
 Зь суплікою прийшли: я, бачь, та мій Рябкó.
 Не дай загінуть намъ, не дай зь насъ кепковати;
 А дóки жь бóде насъ зле Пáнство зпеважати!
 Пусти насъ, Бáтечку, до хáти.

Хочь бóдимъ, Грицьку, ти на Пáна закрпівсь;
 Та зь пантелику ти, такъ якъ другі, не збивсь.
 Не звикъ ти голобелъ замість коня шмагати;
 Не все жь підъ пісь Рябкáмъ, мовлявъ ти, заглядати.
 Пусти насъ, Бáтечку, до хáти.

Хочь ти, Грицькó, пошивсь зь ріднію вь Москалі;
 Та ба, ніхтó на васъ не плаче на селі!
 Ти знаєшь, що на те собáка, щобъ брехати;
 Що й сто не збóдять їхъ тебе, якъ ляжешь спáти.
 Пусти насъ, Бáтечку, до хáти.

Хочь ти не разъ, Грицькó, кислиці вь пельку пхавъ:
 Та твій *Рябкó* одъ їхъ оскóми не чувáвъ:
 Бо óчі бáчили, що трéба куповати;
 Нехáй хочь вилізуть, а трéба доидати.
 Пусти насъ, Бáтечку, до хáти.

Пусти! Чи бачь, якъ *Песъ Рябкá* почаговáвъ!
 Коли бь ёму язикъ родімець одібравъ:
 Щобъ вінъ замість *Рябкá* до віку мавъ гарчати;
 А нашъ *Рябкó* щобъ сівъ за ёго вь кáрти грáти!
 Пусти насъ, Бáтечку, до хáти.

Чи бачь, що лéдві вже вінъ кóлші волочé;
 Що такъ зь ёгó юшіть и пáсока течé!
 Та тожь-то такъ звелівъ всю шкóру скрízь бипсáти,
 Що-тó тобі немá и кóрці де клювати.
 Пусти насъ, Бáтечку, до хáти.

Пусти! та й сканчъ до насъ тихъ навесніхъ Панівъ,
 Що вóду изъ своїхъ вивáрюють *Рябківъ*;
 Звелі імъ сгрупъ *Рябківъ* довгёнько полизати:
 Адже жь-то и надъ Песомъ повінно лáску мáти.
 Пусти насъ, Бáтечку, до хáти.

Суплікú жь сю мою ти, Грицьку, самъ читáй;
 Ледáчому и паскúдить не давáй;
 Бо якъ почне Москаль по-свбёму складати,
 Та *вотъ!* та *штіо?* та *какъ?* читáвши примовлáти;
 Тоді хочь умкáй изъ хáти.

Люди добрі и ви, панове громадо! уже, коли будете читать оцю казку, то будьте ласкові, де тільки трапитця вамъ на дорозі наткнѣтьця на *Е*, вимовляйте ёго, якъ бѣцимъ-то тамъ нарибвано *Э*: бо, бачъ, у насъ воно зъ діда зъ прадіда заведіи такъ вимовляетьця; хибѣ тільки після *голоснихъ* якихъ слівъ, отъ якъ бува часомъ після *а, е, о* и друг. та ще й зъ початку вимовляетьця мякенько, мовъ по-москѣвській. Я такі й хотівъ бувъ, щобъ замість *Е* скрізь надрюковати *Э*; та пішовъ до голови по розумъ, помірковавсь трѣхи и побачивъ: що, крий Бѣже, якъ було бъ тяжко поверху читати; одъ-того, бачъ, що наші очі ще не зѣвсімъ побратались зъ симъ яренѣдовимъ *перевертнемъ Э*. — Вонѣ-то мені, мовлявъ, про своїхъ и не страшно: уже-то нашого брата, мужика, не вчи, каже, якъ читати; такъ отъ же лихо та бѣда зъ тими Москалями! Вони хочъ що по-своєму перехристятъ, и, я жъ кажѣ, мій Рябѣкъ випе одъ ихъ добру повну: уже що я знаю, то у ёго не останетьця ні одного цілого реберця!... Сказано — Москаль! вінъ безъ *вогъ* и не стѣупить; язикъ, мовъ въ постолѣхъ; який же ёго одмінокъ второнае, що вінъ верзѣ? Оттакъ вони й книжки дрюкѣють. Уже нема ёго й на свѣті нічого кращого, якъ (цѣрство небесне) Енѣи въ нашій одѣжі; згѣ! та ба! Москаль, бачъ, порався и коло ёго, — и ёго одягнувъ по-москѣвській. Абѣ, нехай вѣжко икнѣтця хоть-бі и нашому Ш... зъ ёго Козакѣмъ⁽¹⁾. Э!... якъ-бі тільки Бѣга не побоявсь, то — бѣсѣвъ спнѣ — колибъ не те казавъ, що й... та ба!... дѣче прикусѣть язикъ. Москаль не зачепѣ — лихо, а зачѣпнѣшъ — то й дѣсять. Я тільки, бачъ, грѣшний подѣмавъ: що хто чогѣ не тѣмнѣть, то нехай и не тѣка тудѣ нѣса; нехай, я жъ кажѣ, вибачѣйте, зъ ...ою головою въ димъ не лізе.

Писавъ би й бѣльше, якъ вимовлять азбуку по-нашому, та, ей-Бѣгу, такъ тѣсно, якъ въ шинкѣ, що й повернѣтьця отгѣтъ нѣгде.

Читатель, конечно, не оставилъ безъ вниманія стиховъ, которыми г. Артемовскій-Гумаць объясняетъ (надо сказать очень неловко и нескладно) и безъ того ясный смыслъ *Пана та Собаки*. Сцены дикаго произвола, подобныя представленной у г. Артемовскаго-Гулака, видно, дѣлали и сорокъ лѣтъ назадъ сильное впечатлѣніе на благороднѣйшія натуры: иначе — эта пьеса не была бы такъ популярна въ Украинѣ не только послѣ, но и до ея напечатанія. Г. Артемовскій-Гулаць состоялъ въ литературномъ родствѣ съ авторомъ *перелицеванной Енеиды*, но, не смотря на то, одной ужъ темой перваго своего печатнаго произведенія придавъ украинскому слову достоинство, котораго оно въ литературѣ еще не имѣло. Языкъ г. Артемовскаго-Гулака также далеко чище, сильнѣе и разнообразнѣе языка Котляревскаго. Даже смѣшное у него является уже не въ каррикатурѣ дѣйствительно-

(1) Крайне нелѣпная опера князя Шаховскаго, *Козакъ Стихотворецъ*.
Н. К.

ети, а въ самомъ положеніи вещей. Простодушное, но не цѣнимое ни во что усердіе Рябка смѣшитъ насъ, не оскорбляя нашего уваженія къ личности, заключенной въ его собачью шкуру, да и самъ авторъ ужъ далеку отъ смѣха Котляревскаго: каждая черта въ юмористической его живониси имѣетъ внутренній смыслъ, который придаетъ его смѣху достоинство благородной сатиры. При этомъ вся сфера дѣйствія определена у него съ артистическою любовью къ изображаемому предмету. Это ужъ не смѣшанныя черты и краски, которыми Котляревскій изображалъ народный бытъ, не тѣ разсчитанныя на одинъ смѣхъ мазки, которыми онъ набрасывалъ бойцевъ, роющихъ посомъ землю, или боговъ, выглядывающихъ изъ небесъ,

Якъ жаби літомъ изъ росі.

Въ его описаніяхъ мы видимъ картины, возбуждающія нашу улыбку наивною своею вѣрностью часто печальной дѣйствительности украинскаго захолустья.

Рябко на паньскому дворі не спить всю нічку.

Колібъ тобі на сміхъ було де відно свічку,

Або въ селі де на опічку

Маічивъ каганецъ.

Всі сплять, хропуть,

А де-які сопуть.

Ужé и панотецъ,

Прилізши изъ христинъ, до ўтрени попхався...

А нашъ Рябко, кажэ, все спатки не вкладався.

Знай неборакъ ганя то въ той, то въ сей кутобъ:

То зазирне въ куринкь, то — дэйко до свинобъ!

Спитá: чи всі такі живенькі поросятка,

Индійки та качкы, курчятка й гусепятка?

То звідтіль навпростецъ

Махае до овецъ,

До клуні, до стіжківъ, до стáні, до оббри;

То зновъ назадъ чимъ дужъ, щобъ часомъ Москалі

(А їхъ тоді було до хріна на селі),

Щобъ Москалі, мовлявъ, не вбрáлись до комбри.

Разсказъ идетъ у г. Артемовскаго-Гулака въ строгой послѣдовательности и не заключаетъ въ себѣ ничего лишняго, что можно сказать только о весьма немногихъ изъ начинавшихъ писателей. Не все стихи у него одинаково безукоризненны и удачны, но изъ всей пьесы можно бы выбросить развѣ только послѣднее двустышіе, въ которомъ авторъ не

совеѣмъ удачно воспользовался извѣстнымъ каламбуромъ народнымъ:
круть-верть, а въ черепѣчку смерть.

Пока читатель не вошелъ еще въ самую идею повѣтствованія, авторъ умѣлъ занять его мастерскимъ описаніемъ сферы, въ которой должно совершаться дѣйствіе, что — скажемъ опять — удается немногимъ изъ начинающихъ, да и у писателей опытныхъ не рѣдко приступъ къ повѣсти обнаруживаетъ механизмъ авторства, за недостаткомъ истиннаго одушевленія своимъ предметомъ. Еще бы нѣсколько стиховъ — и вступительное описаніе повседневной жизни Рыбка показалось бы растянутымъ. Но авторъ остановился во-время (признакъ таланта сильнаго) и вдругъ переходитъ отъ спокойной повѣсти къ траги-комедіи, гдѣ ужъ онъ окончательно овладѣваетъ читателемъ и до конца пьесы поддерживаетъ въ немъ живѣйшее участіе къ своему несчастному герою. Въ самомъ переходѣ этомъ показалъ авторъ мастерство, въ его время рѣдкое, избѣжавъ рѣзкости и внезапности, которая такъ часто встрѣчается въ сочиненіяхъ людей, не призванныхъ къ искусству. Онъ предупредилъ своего читателя двумя стихами, заставляющими ожидать чего-то чрезвычайнаго. Отъ этого слѣдующая картина, при всей своей бурѣ, не отдѣляется отъ предыдущей, не дѣлаетъ скачка, вообще вредящаго искусству, а составляетъ только новую сцену того же міра, въ которомъ происходила и первая, спокойная сцена траги-комедіи.

Здѣсь превосходно воспользовался авторъ тѣмъ комизмомъ, который заключается не въ словахъ и оборотахъ, а вытекаетъ изъ самого положенія вещей. Читатель, по приведенному стиху, догадывается, что Рыбку предстоить горькая чаша, и въ поднявшемся со всѣхъ сторонъ зовѣ: *цу-цѣ, Рыбкѣ! на, нѣ!* слышитъ уже что-то зловѣщее; но простодушный и глупо-усердный Рыбка судитъ о панской благодарности по себѣ. *Ось, ось я, батечки!* восклицаетъ онъ радостно. Мастерское описаніе его собачьей увѣренности въ своихъ заслугахъ еще усиливаетъ грустный комизмъ его положенія:

Стрѣба Рыбкѣ, вертѣть хвостѣмъ,

Непаче помелѣмъ,

И знай дурнѣнький скѣлпть зѣби

Та лиже гѣби.

»Ужѣ жъ бакъ, дѣма вѣтъ, не дѣрно це въ дворѣ

Одъ сѣмоѣ тобѣ зорѣ

Всѣ пѣнькаютця коло мѣне:

Мабѣтъ самъ панъ звелѣвъ вѣддѣтъ Рыбкѣ печѣне

И щб осталося варёне,
За те, що, бачь, Рябко всю Божу нічь не спавь.»

За этимъ слѣдуетъ самое сильное мѣсто пьесы, вѣрное дѣйствительности. Обращу вниманіе читателя на счастливую черту, проведенную въ этой сценѣ. Когда дѣло доходит до грустнаго паюса, Рябко, въ крикъ своемъ, прибѣгаетъ къ комизму, истинно украинскому:

Не бѣду, батечку!... За щб се честь така?

Тяжелое чувство, стѣсняющее грудь читателя, облегчается смѣхомъ, и самая сцена, отгаликивающая своимъ смысломъ, выходитъ отъ этого болѣе художественною.

Деруть Рябка, мовь пирья,

продолжаетъ авторъ, очень кетати маскируя каламбуромъ чувство собственной раздражительности, которое всегда вредитъ художественности изображеній. Если мы не имѣемъ достаточныхъ основаній признать въ немъ критическое самосознаніе творчества, то должны признать природный инстинктъ, который указалъ ему нѣсколько разъ, въ продолженіе этой оригинальной пьесы, какъ распорядиться на счетъ вниманія и впечатлѣній читателя.

»Пуститѣ! гукиуди всі: Рябко вже вдовольнився!»

Не наинши онъ этого стиха, было бы долго еще непонятно, какъ смотрѣла дворня на расправу Пана; но здѣсь, сквозь рабскую пронію, слышится состраданіе и убѣжденіе, что дальше съ Рябкомъ не осталось ничего дѣлать, если только во что-нибудь цѣнить его, какъ вещь, необходимую для панскаго двора. Этотъ стихъ, между прочимъ, составляетъ искусный и необходимый переходъ отъ панекой катавасіи, отъ бурнаго хора траги-комедіи къ тихому соло безсильной жалобы, изливающейся въ безсильныхъ слезахъ:

»Чимъ, люде добрі, такъ оцѣ я провинився?
За щб глузѣете?» сказавъ нашъ неборакъ.
»За щб зпущаетесь ви надо мнѣю такъ?
За щб, за щб?» сказавъ, та й попустивъ патѣки,
Патѣки гіркихъ слізъ, узявшись за бѣки.

Въ этой жалобѣ поражаетъ насъ — хотя конечно это случайность — то обстоятельство, что Рябко жалуется не на пана, а на *добрыхъ людей*. Этимъ онъ какъ-будто хочетъ сказать, что они, именно они вино-

ваты въ безмысленномъ его поступкѣ съ-существомъ, состоящимъ въ собачьей должности, что безъ нихъ его неистовства были бы не возможны, что онъ только знаменатель ихъ варварскаго образа мыслей и рабскаго ничтожества ихъ душъ. Едва ли былъ у автора расчетъ на то, чтобъ заронить въ умы читателей подобную мысль. Но художественный инстинктъ такое великое дѣло въ писателѣ, что иногда, мимо его вѣдома, дѣлаетъ изображаемый предметъ родникомъ разнообразныхъ идей и соображеній. Можно указать не одного писателя, который, подъ наитіемъ творчества, возбудилъ въ читателяхъ идеи, которыя никогда не посѣщали его головы въ видѣ философскихъ выводовъ изъ міросозерцанія.

Что касается до г. Артемовскаго-Гулака, то послѣдовавшія за *Паномъ та Собакою* его произведенія не обнаруживаютъ въ немъ высокаго строя мыслей, и въ чисто художественномъ отношеніи стоятъ ниже первой пробы пера. Что это значитъ? какъ это объяснить? Мы не находимъ другого отвѣта на эти вопросы, какъ только: что въ его время было еще рано писать подобныя вещи; что вокругъ него немного могло тогда найтись истинныхъ цѣнителей подобнаго произведенія, что вообще читающее общество тогдашнее взглянуло на *Пана та Собаку* не съ существенной стороны пьесы и раземѣялось не тѣмъ смѣхомъ, какимъ, напримѣръ, сопровождалась — безконечно, впрочемъ, высія по художественности — творенія Гоголя. Талантъ во все вѣка и во всехъ обществахъ — одна и та же сила, по своимъ природнымъ свойствамъ; проявленіе таланта въ той или другой формѣ зависитъ отъ общественнаго развитія, а возрастаніе его — отъ степени, въ какой необходимъ онъ своей средѣ для выраженія ея внутренней жизни. Посмотрите на Харьковъ и прикосновенныя съ нимъ провинціи сорокъ лѣтъ назадъ; взвѣсите моральное развитіе среды г. Артемовскаго-Гулака тогдашними профессорскими лекціями, книгами, выходившими въ Харьковѣ, и наконецъ самимъ журналомъ, въ которомъ помѣщенъ *Панъ та Собака*. Могло ли общество, стоявшее во главѣ просвѣщенія всей провинціи Харьковской и всей Украины вообще, оцѣнить эту пьесу по достоинству, какъ первый опытъ поэта, и поддержать его юношескія стремленія? Увы! еслибы даже это и случилось, то какіе сорокъ лѣтъ предстояли этому обществу въ его дальнѣйшемъ развитіи? Не было ли бы это странствованіе по пустынѣ Аравійской? а вождь и законодатель гдѣ? Г. Артемовскій-Гулакъ не годился для этой роли уже по одному тому, что въ окружающей его сферѣ не было побужденій, которыя заставляютъ массу ис-

коть выхода изъ положенія, мертвящаго ея силы. Само общество не пуждалось въ моральному вождѣ, не чаяло его и, еслибъ онъ явился, то не признало бы. Вотъ почему, какъ намъ кажется, авторъ *Пана та Собаки* не только не шагнулъ впередъ, но въ слѣдующей же своей пьесѣ отступилъ назадъ и сталъ въ уровень съ требованіями своего времени и своей литературной среды. На этомъ уровнѣ онъ ужъ и держался во все время своего авторства, о прекращеніи котораго было странно бы сожалѣть критику нашего времени. Перепечатаемъ здѣсь *Солопія та Хіврю* изъ *Украинскаго Вѣстника*, составляющаго библиографическую рѣдкость. Все это ужъ давно покрыто забвеніемъ и должно показаться новымъ даже и для тѣхъ, кто читалъ *Украинскій Вѣстникъ* во время его циркуляціи. Въ этой растянутой пьесѣ г. Артемовскій-Гулакъ не похожъ на самого себя. Ничтожество идеи, вялость изложенія, разглагольствованія на мѣсто живыхъ образовъ — все это показываетъ, что юношескій благородный огонь, не получивъ поддержки со стороны общества, началъ пылать въ поэтической душѣ слабѣе прежняго. Одинъ языкъ не измѣнилъ автору *Пана та Собаки*; языкъ у него и здѣсь сохранилъ свою гибкость и разнообразіе.

СОЛОПІЙ ТА ХІВРЯ

ЛБО ГОРОХЪ ПРИ ДОРОЗІ.

Казка.

Vous voyez le grand gain, sans qu'il faille le dire,
Que de ses ports de mer le roi tous les ans tire;
Or l'avis, dont encore nul ne s'est avisé,
Est qu'il faut de la France—et c'est un coup aisé —
En fameux ports de mer mettre toutes les côtes;
Ce serait pour monter à des sommes tres hautes!

Molière, Les facheux, acte III, scene III.

Сиромігця *Солопій* веснію на горобѣхъ,
Та й сівши зъ *Хіврю*, собі міркуютъ въ-двохъ:
Чи то продать ёго, чи то ёго посіять?
«А що жъ тутъ мірковати? не полінуйея провіять»,
Сказала *Хівра* тутъ; «въ мішечки позсипай,
Та й сіять на поле підъ дощъ мерщій чухрай!»
— «Вонб-то, *Хівре*, бачъ тутъ не за тимъ идѣтця;
Алѣ посіять такъ, якъ у людей ведѣтця —
Нехай ёму лихѣ! — горобѣхъ ласѣнька річь,
И діворá за нимъ полізе хочъ у пічь.

Ти жь рѣшешь сіяти горбхъ на перелѣзі.
 Эй, *Хіоре*, перелігъ лежить нашъ при дорѣзі:
 Эй, обскубуть горбхъ нашъ зеленцемъ, побачь!...
 Въ лопаткахъ обнесуть... тогді хочь съдъ, та й плачь!«
 — «Якбі вражої ти матері сумѣшъ?
 Цуръ дурія! нависій! Чи ти жь тогѣ не чѣшешь,
 Що якъ урѣдить Богъ, то дасть на долѣ всіхъ?
 Чи се жь не глаумъ тобі, не сбромъ и не сміхъ, —
 Врагъ матірь зна чогѣ безглаздому жахатьця?
 Та-дже жь, якъ кажутъ-то, коли вовківъ боятьця,
 То нічого ходить зъ сокірою и въ лісь.
 Пидъ жь, кажуть, та сій; не мимри тамъ пидъ нісь!
 Абї лишъ, Гбсподи, на піві намъ вродило,
 То буде намъ и всімъ; чи чѣшешь ти, *мурміло*?
 Не будь уїдливи и впартїи, мовъ осѣ,
 Мовъ паровістїи кінъ: бо вілаю, якъ пса.«
 — «Эй, *Хіоре*, *Солопій* сказавъ ії, «не сваріся;
 Бо, далибі, горбхъ нашъ згїне! ехаменіся.
 Ну, сількоесь... я пидъ, посію, та не тамъ,
 А де-небѣ въ куткѣ, що й врагъ не найде самъ.«
 — «Не перебѣдью бо такъ довго, *Солопійо*!
 Бо я горбхъ самѣ де схочу, тамъ посію;
 Самѣ я й вікошу, якъ треба на покісь,
 И осьь тобі тогді я дѣлю дамъ пидъ нісь!
 Алѣ, мій гѣлабе, прошу тебѣ по ласці:
 Послѣхай часомъ тихъ, що хѣдять и въ заіасці:
 Плюнь, сѣрце, на тогѣ, хто такъ тобі сказавъ,
 Що буцїмъ Богъ жінкамъ волѣся довге давъ
 За те, що рѣзумъ імъ укоротїв чимѣло:
 То погаи такъ верзѣлѣ, школірство такъ брехало!
 А я жь-то й мужиківъ, круті ти не верті,
 Не разъ вже бачила такіхъ дурнихъ, якъ ти!
 Оттѣкъ! — питаї людѣй; бо той, хто їхъ питає,
 Мовъ старецъ безъ цїнка по стѣжкахъ не блугає.
 Не разъ вже за двомѣ зайцїми ти ганявъ,
 За те жь ні одного гонївшиє не пїймавъ;
 Не разъ ти жаловавъ ухваліківъ старенькихъ,
 За те жь ти скїлько вже згубїв пїдківъ новенькихъ!
 Оттѣкъ ти и тепѣрь горбхъ запропастишь,
 Коли бь ти самъ пропавъ!«
 — «Чогѣ ти тамъ гарчішь?»
 Сказавъ нашъ *Солопій*; та й зъ сѣрця дѣйко зъ хати:
 Запрїгши гѣлихъ вінь, ну перелігъ орати.
 Зоравъ, посіявъ вінь горбхъ, заволочїв;
 Ажъ тутъ и дрібниї дощъ ріллію ѣго змочївъ.

Зійшовъ горбхъ, підрієть, зацвієть увесь ряєньєчко.
 Хто йшовъ, той приглядавъ горбхові пллєньєчко.
 Тимъ часомъ вже почавъ вбиватьця й въ лопаткї;
 Ажъ тутъ прийшла черга и на самі стручкї.
 Хто йде, горбхъ скубіє: гребєць скубіє у жмєню;
 Пдє косарь и жнець — нагарбають въ кишєню;
 Прискбчнтє дїтвора, и въ пєлену смикнє.
 Зібравъ нашъ *Солонїй* горбхъ, та знай клинє,
 И на чїмъ свїтъ стоїть по-соромїцькїй лєє;
 Усіхъ батькївъ сь тогб вінъ свїта вшертєє:
 »Стопáдцятъ би копїць зь рогáми вамъ чортївъ!
 А!... бїсїєвъ нáроде! колї бь ти околівь!
 Колї бь ти кбжнимъ бувъ стручєчкбмъ подавїєся!
 Щобъ въ гбрлї вінъ тобї кїлбкмъ бувъ зупнїєся!
 Колї бь щобъ трїснувъ бувъ одь єго твїй живїть,
 Нїжъ мавъ оцє менє ти посадїть на лїдъ!
 Щобъ горошїночка въ твоїхъ кишкáхъ бїсбєвськихъ
 Такъ набубнїєвила, якъ барабáнь москбвськихъ!
 Багáцько дє-чого спївавъ тутъ *Солонїй*,
 Молїєся за ввєсь рїдъ хрещєний и за свїй.
 То, втамовáвшнєся, зновъ до свогб вертáєся;
 До *Хїорє* сїкаєся, за макогїнь хватáєся;
 То зновъ по дбброму ладú вінъ їй казáвъ:
 »Бачъ, *Хїорє* навїєнá, що нашъ горбхъ пропáвъ!
 Бачъ, шкáно бїсова, чогб ти паробїла!
 Та ти жь менє навїєць оцє запропáстїла!
 Нщє смачнєнькє щосє хотївъ сказáть вінъ їй....
 »Послúхай лнщє сюдї«, сказáла *Хїоря*, »стїй!
 Ужє, якъ бáчу я, тебе не перепєрти:
Хто дурїємъ уродїєсь, томú дурїємъ и вмерти!
 Алє бь, мовлївъ, нщє сюдї й тудї зь дурїємъ:
 Ось лїхо та бїдá зь дурїємъ, та ще й зь лїхїємъ!
 Казáла я тобї: що Богъ якъ намъ урбдїть,
 То бúдє намъ и всїємъ, и злбдїї не зашкбдїть.
 Ажъ такъ и єсть: хочъ ти посїєвъ двá мїшкї,
 Хочъ, тїлько хто хотївъ, той нáнї рвавъ стручкї —
 Пехáй ємú въ корїєстї! а все жь, хвалїти Ббга,
 Зібравъ ти сїмъ мїшкївъ горбху зь перелбга!
 Дє пьють, то тамъ и лють: безъ шкбдн не бувá,
 Абї здорбвєнькє лнщъ нáша головá....
 Алє ти хбчєшь, щобъ не їли кбзп сїпа,
 И сїтї щобъ булї? ой, мúдрий дúже зь сїна!...
 Ну, цуръ тобї та пекъ! робї ти щб хотї:
 Орї, мелї и їжъ; хочъ гблову скрутї!
 Про мєнє, я тєпєрь и не роззївлю рбта....

Та вже жь побачимо, яка тво́я робота!
 Та й лю́де жь, сіючи хочь тра́тять, а орю́ть:
 То ду́рні, оть якъ ти, несіяні ростуть.
 Эй, схаменёся ти, та пізно, *Солопю!*«
 — »Та вже жь хочь схамену́сь«, сказа́въ вінъ, »хочь посію,
 Та не по тво́ему: зроблю́ якъ самъ умію;
 Зроблю́, щобъ и стручка́ піякий бієъ не вкравъ.«

Зробі́въ нашъ *Солопій*, якъ самъ здоро́вий знавъ:
 Вінъ на дру́гу весну́ плугъ и разі́ забра́вши,
 И міжъ пше́ницею и жі́томъ поора́вши,
 Въ се́редині́ горбо́хъ увесь засія́въ сві́й:
 »Тепе́рь-то«, ду́ма нашъ дури́нький *Солопій*,
 »Тепе́рь-то мій горбо́хъ вже, ма́бутъ, розцвіта́е!
 Неха́й цвіте́, неха́й тимъ ча́сомъ доспіва́е.
 Ось, якъ піду́ въ жи́вва пше́ниці й жі́та жать,
 То, ча́су ма́рне щобъ мовля́въ не звакова́ть,
 Скошу́ и сві́й горбо́хъ, въ копи́ці посклада́ю;
 То й зъ нимъ уобраю́сь, и ра́зомъ жи́ввъ не зга́ю.«

Пішовъ въ жи́вва: та-ба! ні зёрна не заста́въ!
 Проці́ндривъ *Солопій* горбо́хъ и просвіста́въ,
 А за горбо́хомъ въ-гурть и жі́то и пше́ницю,
 Бо тільки зо всёго солбми́ взявъ съ копи́цю!
 А якъ же це? — Отта́къ: проно́хали въ селі́,
 Що *Солопій* горбо́хъ посія́въ на ріллі́
 Міжъ жі́томъ та помі́ж пше́ницею сво́єю, —
 Дава́й ході́ть въ горбо́хъ!... ході́ли — и хідне́ю
 Пше́ницю й жі́то все такъ зма́ли та стовкелі́,
 Що, сучи́й синь, коли́ и місце́ їх знайшли́.
 Що́ жь *Хівра?* румсае! а що́ жь чини́ть небозі́?
 Якъ тільки жь за́здрила́ *Роззяву* на порозі́,
 Зняла́ торба́нки дві́ нові́сьнякі́ зъ кілка́:
 »А бачь, гаді́око, бачь! ти жа́ловавъ стручка́;
 Тепе́рь же зъ ді́тками безъ хлі́ба ми шма́тка!
 Бачь, си́ну га́спидський, чортóвський *Солопю!*
 До чо́го насъ дові́въ ти, бісі́въ скупердя́го?
 Иді́ жь тепе́рь зві́дціль, щобъ тво́й и духъ не пахъ!
 Не вмівъ сво́го, — носі́ жь ти хлі́бъ чужи́й въ торба́хъ.«
 Сказала́, та й торба́ на ёго́ почі́пляла,
 И міжъ старці́въ, мовъ пса, *Солопій* прогна́ла!...

Послу́хайте мене́, ви всі́, *Солопій*,
 Що зна́й му́дрете, и го́лови свої́
 Чортъ-ба́тька-зна на́дъ чимъ морб́чите до ка́та:

Якъ въ борщъ, замість курчятъ, намъ класти кошенята;
 Якъ груші на вербі и дүлі вамъ ростуть;
 Якъ істи *дазьбіга*, та ще й гладкими бутъ;
 Якъ локшину варить для війська изъ папѣру;
 Якъ квашу намъ робить зъ чорнила и тетерю;
 Якъ борошно молоть безъ жорнівъ язикомъ;
 Якъ бджбли годовать безъ мѣду часникомъ;
 Якъ кохви пить панамъ съ квасблѣ зъ буряками;
 Якъ пиви засивать, безъ сімья, кізками;
 Якъ зъ кожного зернѣ сімъ кваргъ горілки гнать;
 Якъ сіно намъ перомъ косить, якъ кіньми жать,
 Щобъ людымъ и сніпкѣ не дать на заробітокъ,
 И пташці ні зернѣ погодовати дітокъ....
 Заплюйте лишъ оцію, скажѣні ви, брехнію:
Де треба річки грить, тамъ треба и огнію!
 Та вже зъ васъ не одиць оравъ підъ небесами;
 А якъ на зѣмлю злізъ, — пішбѣвъ въ старці съ торбами!...

Заключительные стихи *Солопій та Хіврі* имѣють смыслъ двойкій. Въ нихъ выразились: во-первыхъ, недовѣрчивость тогдашняго провинціального общества къ новѣйшимъ способамъ жизни вообще; во-вторыхъ, осужденіе людей, которые воображаютъ, что можно сдѣлать скачокъ изъ одного столѣтія въ другое и, посредствомъ механическихъ приѣмовъ, заставить варварское общество жить образованною жизнію другихъ, дослуживавшихся до лучшей участи, народовъ. Очевидно, что Г. Артемовскій-Гулакъ въ этой пьесѣ былъ органомъ только убѣжденій первой категоріи: иначе онъ бы всю пьесу повернулъ ко второму, случайному смыслу своихъ стиховъ, котораго они въ то время не могли имѣть для большинства его читателей. Мысли его наклонились — по и то неопредѣленно — въ эту сторону только потому, что онъ, пиша по-украински, необходимо долженъ былъ взглянуть на предметъ своего сочиненія глазами простолюдина. Народная муза, за одно то, что онъ не отчуждался ея языка, показала ему здѣсь прекрасное двуступище, которое не мѣшало бы принимать къ соображенію почаше и нынѣшнимъ экономистамъ:

Щобъ людымъ и сніпкѣ не дать на заробітокъ,
 И пташці ні зернѣ — погодовати дітокъ.

Что касается до первой, главной половины смысла, какой угодно было автору придать своей пьесѣ, то общество и тутъ наложило на его талантъ свои оковы. Въ то время всѣ нововводители казались людямъ благоразумнымъ Донъ-Кихотами. Г. Артемовскій-Гулакъ, видно, не понималъ различія, какое полагаетъ греческій Платонъ между поэзією

благоразумныхъ и поэзію безумствующихъ, и очутился на сторонѣ первыхъ. Онъ былъ не въ силахъ провидѣть въ этихъ Донъ-Кихотахъ ихъ преемниковъ, которые, наследовавъ ихъ великодушіе, позаботятся о болѣе точномъ ознакомленіи съ предметомъ и пошире и посвѣтлѣе взглянуть вокругъ себя. Усилія науки войти въ самую жизнь съ каждымъ годомъ оправдываются новыми успѣхами, и теперь ужъ иное впечатлѣніе производятъ стихи, которые г. Артемовскій-Гулакъ помѣстилъ въ заключеніе своей пьесы, какъ самый громкій аккордъ:

Та вже зъ васъ не оди́нь ора́въ підъ небеса́ми,
А якъ на зе́млю злізъ — пішо́въ въ старці́ зъ торба́ми.

Подобно тому, какъ велѣдъ за Бартомъ и Овервегомъ, не смотря на все ихъ неудачи и страданія, отправлялись и отправляются путешественники во внутреннюю Африку, такъ и въ область сельско-хозяйственныхъ опытовъ пускаются одинъ за другимъ великодушно-предпримчивые люди, на которыхъ и теперь еще милая наша родина, изъ своихъ уѣздныхъ и губернскихъ городовъ, смотритъ тысячами глазъ, какъ на сумасбродовъ. Разница, впрочемъ, та между усиліями современныхъ намъ дѣятелей экономического прогресса и ихъ предшественниками, что теперь съ каждымъ годомъ виѣдряется болѣе и болѣе въ мыслящей части общества убѣжденіе: что не единицы развитія, а развитія массы создаютъ благоденствіе края. Въ старину на массу не обращали вниманія, вырывались изъ нея впередъ и этимъ самымъ дѣлались иностранцами посреди собственнаго народа. Естественно, что просвѣщенные усилія подобныхъ единицъ были смѣшны въ глазахъ непонимающаго ихъ общества, и г. Артемовскій-Гулакъ, поэтому, не совѣмъ неправъ въ своихъ насмѣшкахъ надъ современными ему учеными агрономами. Жаль только, что онъ своимъ талантомъ сослужилъ службу облѣбившимся рутинистамъ и такимъ образомъ унижилъ искусство и самой дидактикою, и приращеніемъ ея къ дѣлу жизни.

За *Солопѣмъ та Хіврею* слѣдуетъ объясненіе въ родѣ того, что и послѣ *Пана та Собаки*. Дико читать намъ теперь эти юридическія разглагольствованія въ духѣ *Епенды* Котляревскаго; но въ то время подобный тонъ удовлетворялъ земляковъ нашихъ, и они помирали со смѣху надъ фразами, перенесенными изъ кабака въ типографію. Дальше этого тона тогдашняя проза не ходила. И при всемъ томъ замѣтно въ авторѣ стремленіе выставить нелѣпость украинскаго аристократизма, стремленіе благородное, но неоправдавшееся ни на историческія понятія о своемъ на-

родѣ, ни на убѣжденія лучшей части современнаго общества, и потому безсильное и, можно сказать, преждевременное. Какъ памятникъ первыхъ попытокъ заговорить въ журналѣ на родномъ языкѣ въ прозѣ, мы приводимъ здѣсь объясненіе г. Артемовскаго-Гулака, напечатанное имъ въ видѣ примѣчанія къ *Соловій та Хіврѣ*.

ПНСУЛКА

до тобо, котбрій що-Ббжого місяця Украинського Гінція по
всіхъ усюдахъ розсплае.

Ївграпе!

Бажавъ еси кázки: оть-тобі *Соловій та Хіврѣ*! Не здивуй самъ, та нехай вибачить и громада, коли кázка не до-шмигн. Самъ бачивъ еси, та дѣ-якимъ и не повпázило, що я захірівъ такъ, що й голові не підведѣ; та ще мбже й доведѣтца вистоятъ добрий калаитіръ у домовині! А вже, самъ здоровъ знаєшь, що лѣжачи не далѣко зійдешъ; я жъ кажѣ: лѣжачи якá роббта? Воно, Ївграпе, лѣжачи добре тілько панáмъ: імъ скрізь спірно йде роббта; бо хочъ и лѣжні нападѣть, то воші все такі дармо часу не згають; крикнуть: *давій*, — дають; а коли *нема*? — то бьють. Когб? Оцѣ когб! ужѣ жъ не собáку! А коли биття обрідне? то щб жъ! то кáрти мнѣуть. Эгѣ! та все такі мнѣуть, та все такі не гуляють! Та ще й пані, Ївграпе, не всі такі трудящі: бо йнший паномъ уродівсь, паномъ охрестівсь, паномъ и зрісь; а далѣбі и мужикá влезнѣть не вміе, — оттакѣ ліхо!... Такий у насъ, бря, и підъ Харьковомъ недалѣчко: ось хочъ би й... не хбчу! не хбчу! ей-Богу, не скажѣ! гріхъ! Я у ёго хлѣбъ-сіль ївѣ; а ти хбчешъ, щобъ я виявивъ, що вінъ ні въ кáрти гратъ не тямить, ні мужиківъ лупнѣть не вміе. Та й зъ насъ, Ївграпе, не якá роббта. Ищѣ жъ то, мовлѣвъ, тобі и сякъ и такъ; бо тобі дѣ-що йноді и черезъ дзвінку перелізе; а я такий пришедеповатий, що й спѣі дуринці не втну. Та я то трбхи и въ кáртахъ шѣплю, бо такі зъ пѣрвого погляду, якъ тілько побáчу, що зъ однімъ бкомъ, то такі зáразъ и вгадаю, що тб, мабѣуть, найстáрший. Я такъ, Ївграпе, часомъ и людѣй пзнаю: якъ тілько зázдрю когб, що хочъ свої родімї притамáннї ще й не повпázили, та вже, бачъ, дивитця въ однб чужѣ кожному підъ нїсь, мовъ ёгб не добачае, то я такі зáразъ, сѣчпий спнѣ, коли не вгадаю, що тб мабѣуть найстáрший дурень. Ой, щось я дѣже брáзнувъ! колибъ лишъ нбжннці на столї не обїзвáльсь! Та вже жъ, мáтері ихъ ковінька! Чи бѣдѣуть бить, то нехай бьють; ужѣ менѣ не такі бїли, та й ті не багáцько добрá вибили. Ужѣ, я жъ кажѣ, менї гірше не бѣде; я вже й такъ пзю дббру пбвну: отъ, лежѣ та стогнѣ, та вожѣсь изъ знахурáми, ненáче кїтъ изъ оселѣдемъ. Ищѣ разъ тобі кажѣ — що лѣжачи не якá роббта: ось *Пáна та Собáку* и сїдчяи написáвъ, та ще й то дѣ-которимъ панáмъ, мбже, такъ догодівъ, якъ *Рябкб* своѣму. Що жъ чпнїть, Ївграпе! Дурнямъ, якъ-то кáжуть, самъ Богъ не вгбднть. Та вже-то воно гріхъ казáть, бо могб *Рябка* у самбму Петеп-

бурсі, у Москві и скрізь такі глдали не протівъ шерсти и приймали, неіаче когб и доброго; такъ отъ же, бачъ, все такі у дб-яких підпанківъ шапки на голові загорілись! Бодай вони такъ на світі були, якъ мені кортіло зъ ними грізтись: дурь імъ, пекъ імъ, осіпа імъ, маріна! То доброго, мовлявъ, полай и покартай, — а вінъ тобі ще и поклбнитця, а ледачому щб? ти ёму образі, а вінъ тобі лубля! Нехай вони тямляця! Ледачого, мовлявъ нашъ Онопрій, не займай — и самъ себе не каляй; ужб горбачого, Ёвграпе, хибя могила сиравити. Оттакъ-то, гблубе! Ліхо и зъ правдою, ліхо и зъ брехнею: за правду бують, за брехню віри не дають. Оттакъ ловіся! що сучий сипъ, коли знаешъ, куді на світі и повернуцьця. Щб жъ робіть? Мовчять? Тадже жъ мовчю, колибъ ужб імъ заціпило! Я жъ-то вже и кажю, Ёвграпе: що нема ёгб и на світі, якъ изъ своєю ріднею — зъ мужикбмъ: чи поскубтись, чи побітьця, чи и помирітьця, то все воно, такі сказано, свій братъ. Я жъ то одъ тбго оцб и на *Солопія* напався: адже жъ панівъ нема Солопівъ? Якъ ти думашъ, Ёвграпе? Ти писемніший відъ мене, ти багачо дб-чого щупишъ; ти вже бувавъ у бувальцяхъ; ти вже, я жъ кажю, бувъ и на коні и підъ конемъ. Скажи, будь ласкавъ, Ёвграпе, чи нема сёго імєния міжъ панами? щбб мені часомъ гріха не взяти на дущу. А то опанує мене лиха та нещаслива годіпа, якъ часомъ, крий Ббже, изъ-поміжъ панківъ вірветця не одінь *Солопія*! Бо вже у мене щось не дурно свербіть чупріна: ай, та ббдуть битъ скажені! Та вже жъ, сількосъ, пехай бують; ужб зъ насъ, Ёвграпе, небагачько оліи вібують. Абі лишъ, Гбсноди, мені до смёрти, а смёрть мой не за горами, а тамъ я и дую імъ виставлю! Бері, Ёвграпе, кзку. Щб ббде, то ббде, а буде тб, щб Богъ намъ дасть. Бері, кажю, *Солопія*, несі в дрюкарню, пехай твій Микбла дрюкує: я жъ кажю, коли вбвка лякатьця, то и вь ліс не йти. Не такий чортъ страшний, якъ ёгб маліують!

Слѣдующая пьеса г. Артемоваго-Гулака замѣчательна безцвѣтностью стиха и тупостью сатиры. Она направлена на кого-то изъ тогдашнихъ авторовъ харьковскихъ и, вѣроятно, имѣла мѣстный интересъ, но, какъ почти все подобныя произведенія, не производит на посторонняго читателя никакого впечатлѣнья, кромѣ скуки. Авторъ писалъ эту вещь въ болѣзненномъ состояніи, какъ это видно изъ примѣчанія издателя. Потому, можетъ быть, она и вышла плоше всего, что намъ извѣстно изъ его печатныхъ украинскихъ стихотвореній. Появилась она въ *Украинскомъ Вѣстникѣ* съ французскимъ эпиграфомъ собственнаго авторскаго сочиненія, который и мы удерживаемъ въ нашей перепечаткѣ.

ТЮХТІЙ ТА ЧВАНЬКО.

Побрежєнка.

Mes jours sont le tissu d'un contraste étonnant:
 Je ne vis qu'en pleurant, et je mourrai riant!
 L'amour, pour tant de coeurs l'object de plus doux charmes,
 Fut pour le mien la source et des maux et des larmes!
 Pour adoucir mon sort et mes regrets cuisants,
 En poussant des soupirs j'écris des vers plaisants.
 Qu'ils sont droles, ma foi, ces destins que les autres!
 Quoi!... je pleure, et morbleu! j'en fais rire les autres!

Нашъ Віршомазъ *Тюхтій* старіхъ людєй шанє,
Гарасько якъ звелівъ, вінъ такъ и компоує.
 Чи справжки, чи й на жарть щб тільки написавъ,
 То такъ на девять рікъ те въ скріню и запхавъ!
 А на десятій рікъ якъ війме, прочитає:
 Побачить самъ здоровъ, що тамъ ладъ бієть має;
 То въ грѹбу такъ такі и впре шпаргала все!
 Отъ братъ єго *Чванько* слабкій ужє на се:
 Щб начеркавъ, то такъ въ дрюкарію и несє!
 Алє громада їхъ одіако поважє:
 Того ні спомъ не зна, другбго не читє.
 Скажїть, будь ласкаві: хто зъ їхъ дуришій двоухъ?
 Та глѹзду, грїхъ казєть, скупєнько у оббхъ!
 Такъ першій же хочъ тимъ за прєцїю надолѹжитъ,
 Щб въ девять рікъ хочъ разъ теплбмъ собі услѹжитъ;
 Другїй такий дуришій, що мєрзне вінъ, дрижїть,
 А кнїжокъ же єго сь пять сєжшївъ тагъ лежїть!...

ДЕ-ЩО ПРО ГАРАСЬКА.

Вонб-то, бачъ, по нашому *Гарасько*; а по-москбвській *Гораций*. О!
 вже вонї хочъ щб, то по свбєму перековєрсєють. Тамъ-то вже предивєн-
 на ємѹ мбва! Отъ часомъ трапнїця такъ, що зъ годїну стоїшъ передъ
 нимъ, а вінъ тобї сїчє та рубє: щб жъ? пєсь, колї й слївцє уторбна-
 єшь, щб вінъ тамъ гергбче!! Отъ тільки бѹцїмъ-то й дочувєшь: *вотъ*
 та *вотъ*; та *штїо*, та *штїо*; та *гаварю-кажѹ*, *гаварю-кажѹ*!!... а щб вінъ
 тамъ тобї *говорить-кажє*, тогб, дєлибї, й зъ попбмъ не розберєшь! Пщє
 бъ то щосє казєвъ, бо язїкъ дѹже свєрбїть; та цуръ їмъ: у насъ, бачъ,
 усє старшинє москбвська, чи то далєко до лїха? Я жъ кажѹ — цуръ
 їмъ: візьмєшь, ягъ-то кажуть, лїчкомъ, а оддєсї ремїнцємъ... Я-то тїль-
 ки, знєшъ, хотївъ казєть отъ про того *Гараська*, бо вінъ ужє пбдавнб
 казєвъ: що колї вже *Лудїпїрь* пїдцькує когб маглєватъ віршї, то нехїй
 наязбзїть та й *попїт premet in annit*. Вінъ-то оцє казєвъ, бачъ, по-
литовїнській, — бо вінъ бѹвъ, собї на лїхо, *Литовїнъ*; а по-нашому, то во-

но значитця ще: що коли вже написавъ щоб, то пехай кудї запровтрить такъ, щобъ тільки мїшї та пацюкї про те знали.

Одже я ёго часомъ, такъ якъ и *Чванько*, не дуже-то слўхаю — байдуже! Пише діло у Литві, а їнша річъ у Москві: мѳже, воно тамъ колись и добре було. А у насъ тїї погани *віршомазївѳ* стїльки наплодїлось, що, якъ бї кѳжний ховавъ те на дїсять рїкѳ, що за годїну набазгра, то бѳ нїгде було чоловікові й хати нанїть за папѳрами!...

Ви, дурнї, я жѳ кажў, на се лишъ не вважайте;
 Людѳй питайтеся, та й свїй ви рѳзумъ майте.
 Не вамъ *Гарасько* сей указь скомпоновавъ:
 Вїль самъ розўмний бувъ, розўмнимъ и писавъ;
 Пишїть, и крамарївъ, напѳрникївъ годўйте!
 У насъ холѳдний край, а лїсѳ ставъ дорогїй;
 Дурнї нї по-чому: що стўпнишъ, то й дурнїй.
 Пишїть, будь ласкаві, — подїякують вамъ люде:
 За дурнями та й всїмъ розўмнимъ тѳпло бўде....

На этихъ трехъ пьесахъ, столь неравныхъ по достоинству, утвердилась известность г. Артемовскаго-Гулака, какъ украинскаго поэта. Но это было не все, что написалъ онъ: ходили въ рукописи оды его, переложенныя изъ Горация, баллада *Твердовський*, переведенная изъ Мицкевича, и еще кое-что. *Твердовський* появился въ печати въ журналѳ *Славянинѳ* 1827 года; прочїя стихотворенїя напечатаны въ *Утренней Звѳздѳ*, альманахѳ 1834. Уже по одному тому, что это переводы и передѳлки съ чужого, нельзя ихъ ставить наравнѳ съ первымъ его опытомъ, хотя языкъ въ нихъ до того хорошъ, что дѳлается грустно, зачѳмъ было автору останавливаться на пробѳ пера! Предоставляемъ судить самому читателю:

ТВЕРДОВСЬКІЙ

Малороссїйская баллада.

»Нўте, хлѳпцї! швїдко, шпѳрко!
 Музїки, заграйте!
 Гей, шпїкарю! гей, шпїкарю!
 Горїлки давайте!«

Рїжуть скрипки и бандўри!
 Дївчата гошцїюють;
 Хлѳпцї, пїть ажъ летця зъ шкўри,
 Коло їхъ гарцїюють.

Бряжчѣть чарки, люльки шкварчѣть,
Шумѣе горілка;
Стукъ, гармідеръ, — свистѣть, кричѣть,
Голосить сопілка.

Панъ Твердѣвський въ кінці столá
Съ поставця черкае:
»Гуляй душа! тра-ла-ла-ла!
На весь шинь гукáе!

Въ бáтька й мáгирь отáмана
И громаду лае;
Скрутивъ жйда, якъ Гáмана,
Ще й усомъ моргае!

Сикинувсь улань, — вінъ вздовжъ ёго
Шабліюкою тріснувъ.
Улань — тю-тю! га-га! го-го! —
Зáйцемъ въ куткú приснувъ!

Взявъ набáкирь писарь шапку:
Панъ грішмí забрязкавъ;
Ажъ гулькь! — писарь верть въ собаку,
И на всіхъ загáвкавъ.

А шевцѣви панъ Твердѣвський
Въ такі знакі дався,
Що, мабуть, изъ часъ москѣвський
Баріломъ качався.

Въ нісь втерѣбивъ дві бурúльки;
Зъ бурулѣкъ, мовъ зъ кúхви,
Бьють підъ стѣлю черезъ рúльки
Джерелá сивúхи.

Бьють джерела... панъ-гульвіса
Кúхоль підставляе;
Ажъ зиркь въ кúхоль — що у бѣса?
Вьюнъ на дні играе!

»Духъ Святій, миряне, зъ нами!
Відупіть лишъ бáньки!
Вьюнъ утікь, а цапъ зъ рогами
Вплáзнить изъ шклáйки.

Мékнувъ, мовъ ёго родімець
 Почавъ мордувати,
 Та й стрибъ въ ко́мінъ; ажъ гулькь — Німець
 Стоїть середъ хати!

Нісь — карлючка, ротъ свинячий,
 Гіря вся въ щітїні;
 Ніжки кўрячі, собачий
 Хвістъ, ріжкі цапїні!

Дрягъ ногою! круть ріжкїями!
 Въ поясъ поклонївся:
 »Ну, Твердовський, часъ, изъ нами
 Щобъ ти росплатївся!

»Гулявъ есі, верховодївъ,
 Усімъ въ знакі дався;
 Дівчатъ любївъ, жїнокъ зводївъ,
 Надъ всіми знущався.

»Чогó душá забажала,
 Мавъ всёго ти стїльки!...
 Курей, ковбасъ, мїса й сала,
 Бочкїами горїлки.

»Нагрївъ и намъ ти чупрїну,
 Якъ самъ здоровъ знаєшь:
 Оккульбачишь, мовъ скотїну,
 Та всюди й гасєшь!

»Годї глузувати зъ чортїами!
 Слова — не полба:
 Чи забўвъ, яка мїжъ нами
 Зъ тоббою умóва?

»Лїса горá... брїтва... палець...
 Папєру пївъ картї...
 Гайда въ пєкло! кровъ не смалець,
 Зъ чортїами не жартї.

»Въ пїсьмі стоїть (читай сміло):
На кагалъ бїсовський
Зъ начинкою дўшу й тїло
Одписавъ Твердовський.

Служить ёмѹ чортѹ мають
 (Такъ прийшлось въ умѡву),
Поки въ Римѹ не піймають.
Аминь сѣму слову!

»Що теперъ, Твердѡвський, буде,
 Про те въ пѣкмі знають:
 Сю корчмѹ хрещені люде
 Римомъ називають.»

— »Бачъ, чортяка! бачъ, падлюка!
 Якъ умудрувася!
 Се вже, бачъ, німецька штѹка»,
 Твердѡвський озвася.

»Та вже жъ, чи йти въ пѣкло справді,
 То й підемъ, байдуже!
 Але й ти роби по правді
 И не чванься дуже.

»Заглянь въ контрактъ твій зо мною,
 Яка тамъ умова?
 Ще три штѹки за тобю;
 Вітнешъ—ні півъ-слова!

»Отъ бачъ, вісить надъ дверіма,
 Завбільшки пзъ папа,
 Передъ твоїми очіма
 Малѡвана шкапа!

»Нехай шкапа підо мною
 Огпремъ гарцібе;
 Нехай крутить головою,
 Стриба и басѹе.

»Ти, тимъ часомъ, піску въ жменю:
 Гаранникъ тройчатий
 Сплеті зъ піску, якъ зъ ременю,
 Коня поганяти.

»Ще жъ попасаť коня трѣба,
 Стать на одпочінокъ:
 То вже, гляді, щобъ якъ зъ неба
 Вродівся будінокъ, —

»Будінокъ зъ душинъ горіха,
Оттамъ за байракомъ;
Изъ борідь жидівськихъ стріха,
Цвяхована макомъ.

»Отъ и гвіздокъ на починокъ,
Чверть локтя завздбжки:
По три въ кожну вбий зъ мачінокъ,
А менше ні трішки.»

Бісъ перістий свіснувъ, кліснувъ, —
Ажъ кінь вже басуе;
Батігъ зъ піску въ руці ліснувъ.
Твердівський сумуе.

Скіжъ въ стреміна, давай дріза...
Ажъ — що за одмінокъ? —
Стріха въ хмарахъ заблищала,
И стоить будінокъ!

»Вігравъ справу! Бачъ, псяюха,
Здихавсь, мовъ скажений!
Ну, теперъ скупайсь по ўха
Въ водіці свячєній.»

— »Змілуйсь, свате, я въ сій зъ рѣду
Лазні не купався.
Скорчывсь, зморщивсь, — шубовствъ въ воду!
Та й назадъ порвався.

Захлинувся, чхнувъ и пріснувъ;
Трійчи закрутївся,
Трійчи тупнувъ, трійчи свіснувъ,
Ажъ шпикъ затрусївся.

Хмара якъ нічъ налетїла,
И сонце сховалося;
Галокъ, крюківъ, воронъ сила
На стрісі зібралось!

Кріокають, кавчять, мекечуть
Всіми голосами:
То завіють, то шепечуть,
Бряжчять ланцюгами!

»Ну, Твердóвський, дрúгу справу
Віграли чортяки.«

— »Не квáптєсь лишь, ще на славу
Втру я вамъ кабаки.

»Куць прогрáвъ, куць вігравъ справу, —
Ще якъ доведѣтца.

Віграй трѣтю. Глянь на лáву:
Щó тобі здаѣтца?

»Цмóкнись зъ жінкою моєю,

Вона твоѧ бóде;

Якъ я живъ на свѣті зъ нею —

Про те знають люде.

»Будь ти їй за чоловіка

(Остáтня умóва),

Присяга́йсь любитъ до віка,

Та тоді й ні слóва!

»Нехай піпъ вамъ рúки зв'я́же.

Тепѣрь, по сій мóві,

Люде дóбрі, щó чортъ скаже —

Бува́йте здорóві!«

А чóртові не-до-сбли;

Хвóстикомъ кивáє,

Пісь скопíливъ, мовъ гринджбли,

И дверей шукає.

Стрибъ по хáті, хапъ за кля́мку;

Твердóвський по пі́ці,

Трісь по гíрі! — розбíвъ шкля́нку

И гóрщикъ зъ полі́ці.

»Эй, не бийсь, кажú, Твердóвський!

Гвалтъ, рятúйте, люде!

Бо вілаю по-бiсóвській,

Тя́жко слúхатъ бóде.«

А тямъ чáсомъ скі́къ къ одвірку —

Ну цáпомъ стрибáти!

Зъ прогóнчя зúздривъ дírку,

Та й шморгну́въ изъ хáти...

»Ой! держіть, ловіть псяюху!«
Усі загукали;
А псяюхи нема й дѣху:
Поминай, якъ звали!

»Жінко люба, гбді плакати«,
Твердівський озався:
»Хотівъ зъ чоргомъ васъ посвѣтати,
Та й чортъ излякався.

»Мабуть, всі чорті — бурлаки
Та ще й рбзумъ мають,
Знають, де зімують рѣки —
Одъ жінбкъ втікають.

»Мбже, въ пеклі йнше діло;
Въ насъ сего немае:
Жінка гризе дѣшу й тіло,
Мужікъ попивае.

»Нйте жъ, хлопці, швідко, шпѣрко!
Музїки, заграйте!
Гей, шинкарю! Гей, шинкарько!
Горїлки давайте!«

РИБАЛКА.

Малороссійская баллада.

Das Wasser rauscht, das Wasser schvöll,
Ein Fischer sass daran,
Sah nach dem Angel ruhevoll,
Kühl bis ans Herz hinan.

Gothe.

Водѣ шумїть!... водѣ гулі!...
На березі *Рибѣлка* молоденький
На поплавець глядїть и примовля:
Ловїтця, рибонькі, великі и маленькі!

Що рїбка смикъ, то сѣрце тѣхъ!...
Сердєнько щось *Рибѣлочцї* вїщує:
Чи то тугу, чи то переполбхъ,
Чи то коханнячко?... не зна вїнъ, а сумѣ.

Сумѣ вїнъ, — ажъ ось реве!
Ажъ ось гуде! — и хвїля утїкае!...

Ажъ — гулькѣ!... зъ воді дівчинонька пливѣ,
И косу счісуе, и брівками моргае....

Вона й морга, вона й співа:

»Гей! гей! не падь, *Рибалко* молоденький,

»На зра́дний гакъ ні щу́ки, ні линя!...

»На щб ти нівечишь мій рідъ и плідъ любенький?

»Коли́бъ ти знавъ, якъ *Рибалкамъ*

»У мѣрі жить изъ рибками гарненько,

»Ти бѣ самъ пірну́въ на дно кѣ линя́мъ

»И парубо́цкее одда́въ би намъ серде́нько!

»Ти жѣ ба́чивъ самъ, — не ска́жешъ: *ні*, —

»Якъ со́нечко и місяць червоне́нький

»Хлюпо́щутця у насъ вѣ воді на дні

»И изъ воді на сві́тъ вихо́дять веселе́нькі!

»Ти жѣ ба́чивъ самъ, якъ вѣ те́мну нічъ

»Блища́тъ у насъ зирѣньки підъ водо́ю:

»Ходи́ жѣ до насъ, покійни́ ти ўдку прічъ:

»Зо мнѣю́ бѣдешъ жить, якъ брата́ живе́ зъ сестро́ю!

»Зирі́й сюди́!... чи се жѣ вода́?...

»Се дзе́ркало: глянь на свою́ урѣду!...

»Ой, я не зъ тимъ при́йшла сю́да,

»Щобъ намовля́тъ зъ воді на па́рубка незго́ду!»

Вода́ шумі́тъ!... вода́ гуде́....

И піже́ньки по кісточкі́ займа́е!...

Рибалка вставъ, *Рибалка* йде,

То спіни́тця, то впять все глі́бшенько пірна́е!...

Вона́ жѣ морга, вона́ й співа....

Гулькѣ!... прі́снули на сі́німъ мѣрі скалки!...

Рибалка хлюпъ!... За нимъ шубѣ́сть вона́!...

И бі́льше вже ні́гдѣ не ба́чили *Рибалки*!...

БАТЬКО ТА СИНЬ.

Басня.

»Эй, Хведьку, вчись! Эй, схаменісь!«

Такъ Панотѣць казавъ своїй дитині:

»Шану́йсь! бо, да́либі, коли́сь

Тму, мну, здо, тло — спишѣ́ на спи́ні!«

Хведько́ не вчивсь — и скоштува́въ

Берѣзово́й ка́шки,

Та впять не вчивсь и пу́стувавъ:

Побивъ шибкі и пляшки;
И щобъ не скоштувагь одъ Батька різочкѣ,
Винъ різку вперъ въ огнь, та й заховавсь въ кутокъ.
Ажъ батько за чубъ хіпъ! и, не знайшовши різки,
Дрючкѣмъ Хведька разівъ изъ шість оперезавъ!...

Тоді Хведько крізь слізки

Такъ Батькові сказавъ:

»Колибъ було знаття, що гаснидська дрючина

Такъ дуже дошкулі, то, песька я дитина,

Колибъ я такъ робивъ:

Я бь вперъ дрючокъ въ огнь, а різки бь не паливъ!

РИБКА.

Басня.

Въ ставочку Пліточка дрібненька
Зъ нечевья зүдріла на ўдці червяка,

И такъ була раденька!

И думка-то була така,

Щобъ підвечіркувать смачненько.

Ну, дѣймо до ёго швиденько!

То зь-ббку ускубне,

То зь-переду поцүпить,

То хвостика лизне,

То зь-пізу виять підетүпить,

То вірне, то пірне,

То сіпне, то смикне,

Вовтүзитця, ялзитця и пріе,

Та ба! те ротиня такѣ узеньке, бачъ,

Що нічога не вдіе!

Хочъ сядь, та й плачь!

»Ой горенько мені на світоньку«, мовляе,

»За щѣ мене такъ доля зневажае?

Тимъ пельку и живігъ дала съ ковальскій міхъ,

Тимъ зүби мовъ шпичкі, а намъ, на глумъ, на сміхъ,

Ротъ шпилькою неняче простромія!...

Ой, правду дїдина небѣга говоріяла:

Що тілько на світі великимъ рїбамъ жвь!

А намъ малімъ въ кулакъ трубить!»

Такъ Пліточка въ воді на долю парікае,

А на гачку червякъ все хвостикомъ кивае!...

Червякъ кива, — ажъ ось, зі дна

Гулькѣ Щүка! бовть!... вона

За ўдку хіпъ!

А ўдка сіпъ!

Зъ воді шуббвствъ въ окріпъ!...
 »Ой лішечко! оцѣ жъ якъ дядина збрехала!...«
 Изъ ліку Пліточка сказала,
 И більшъ не скържилась на долю пліточокъ
 За ласенький на ўдочці шматокъ:
 Що Богъ пославъ, — чи то багáто, чи то трóшки —
 Въ кушірѣ залізни, іла мóвчки.

ДО ПАРХОМА.

I.

*Aequam memento rebus in arduis
 Servare mentem: non secus in bonis, etc.*

Horat. Lib. II. Od. 3.

Пархóме! въ щáсті не брика́й!
 Въ нудзі притѣмóмъ не лізь до нѣба,
 Людѣй шита́й — сві́й рóзумъ май;
 Якъ не мудру́й, а вмѣрти трѣба!
 Чи карата́ешъ вікъ въ журбі,
 Чи то, за поставце́мъ горілки,
 Въ шинку́ нарізують тобі
 Цимбáли, кóбзи и сопілка;
 Чи вѣя́ний підъ тинóмъ хропѣшь,
 Чи до госпóди лізешъ рáчки
 И жінку макогóномъ бѣешъ,
 Чи самъ товчѣся на вкулáчки;
 Орí и засіва́й лані́,
 Косí ширóкі перелóги,
 И грóшки за башта́нцi
 Лупí,— та все одки́нешъ нóги.
 Покíнешъ все: стіжкí й скиртí,
 Всí лáсоці: паслі́нь, цибу́лю;
 Загáрба йнши́й все, а ти
 Звісі́ за гірку пра́цю дўлю....
 Чи со́цькимъ бат́ько твiй въ селі́,
 Чи самъ на пánщині праці́юе,
 А смертъ зрiвня́е всiхъ въ землі́:
 Нí зъ кимъ скажéна не жарту́е....
 »Чи читá, чи лішка?« загукá;
 Ты кри́кнешъ: читá!... »Ба брѣшешъ, сiну!«
 Озвѣтця пánлюга съ куткá,
 Та й зцўпитъ зъ пѣчi въ домовiну....

ДО ЁГО ЖЪ.

II.

Tu ne quaesieris, scire nefas, quem mihi quem tibi
Finem Di dederint, Leuconoë; nec Babylonios
Tentaris numeros, etc.

Horat. Od. 12.

Пархóме! не мудруй, ворóжки не пита́й,
Якъ довгий вікъ прокарата́ешь;
Що вікувала вже *зозу́ля*, — прожива́й,
А білше... шко́да, що й бажа́ешь!
Хочь всіхъ ти ушпирі́въ збері́ и знахурі́въ,
Хочь покума́йся ти зъ відма́ми:
Ніхто́ не ска́же намъ, такъ я́къ би ти хоті́въ,
Що до́ля за́втра зроби́ть зъ на́ми.
Чи доведётца ще поду́шне запла́тить?
Чи до снагі́ вже розпла́тївся?
На щó, про щó тобі надъ ці́мъ чупрїну грїть!
Дури́й, дури́й! а въ шко́лі чві́вся....
Терпі́! за до́лею, кудї́ пошнє́, хпї́сь,
Якъ хїлїтца одъ ві́тру гі́лка.
Чи будешъ жить, чи вмрешъ, Пархóме, — не журїсь;
Журїсь объ ті́мъ, чи є горї́лка!...
А е, такъ при на стї́лї часту́й, та й самъ круглі́й.
Чи намъ, Пархóме, трєба скї́льки?
Та вже жъ — чи вкороча́ть свї́й вікъ, то вкороча́й
Въ шинку́ надъ бóчкою горї́лки.
Отъ, ми базї́каємъ, а часъ, мовъ ві́ль зъ горї́,
Чухра́, ёго́ не налігáешь.
Отъ, скї́льки бъ ві́пили до се́й ми порї́,
Такъ ти жъ буці́мъ не дочува́ешь.
Ну жь! цупъ оста́нню ти гривнї́яку зъ кашу́ка,
Покї́ старá перє ганчї́рки;
Бо вже — якъ вернетца́, то думка́, бачъ, така́,
Що помремó обї́два безъ горї́лки.

Вотъ все, что намъ известно, посредствомъ печати, изъ украинскихъ сочиненій г. Артемовскаго-Гулака. Какое же мѣсто занимаетъ онъ въ нашей юной словесности, получившей права гражданства только въ недавнее время? Мы говорили о природныхъ задаткахъ его таланта. Если бы г. Артемовскій-Гулакъ умеръ, написавши только *Пана та Собаку*, то, по надеждамъ, какія должно возбудить подобное произведение начинающаго писателя, мы бы сказали, что лишились въ немъ великаго по-

эта. По авторъ стихотворной трагикомедіи благополучно остается въ живыхъ, даритъ насъ еще нѣсколькими пьесами, уже слабѣйшими по изложенію и не столь значительными по содержанию, наконецъ советѣмъ умолкаетъ. Эти обстоятельства сбавляютъ много цѣны первому его произведенію и ставятъ его талантъ въ разрядъ пасивныхъ талантовъ, которые слишкомъ подчинены общему настроенію умовъ своего времени, не въ силахъ сдѣлаться органомъ благороднѣйшаго меньшинства, иногда безразлично затеряннаго въ толпѣ, и неспособны стоять одиноко посреди общества съ своими безсмертными убѣжденіями. Отдавая, однакожъ, должную дань уваженія предшественникамъ нынѣшнихъ писателей, сошедшимъ съ литературной арены, мы должны признать за г. Артемовскимъ-Гулакомъ великую заслугу относительно развитія украинскаго слова послѣ Котляревскаго. Его языкъ до сихъ поръ не потерялъ цѣны своей и заслуживаетъ прилежнаго изученія. Въ наше время измѣнился вкусъ относительно выбора предметовъ рѣчи и самихъ оборотовъ; но, независимо отъ этого поворота, произведеннаго въ насъ болѣе шимъ противъ прежняго уваженіемъ къ народу, формы языка, сила выраженія, разнообразіе оттѣнковъ слова, гибкость и вмѣстѣ мужественная дебелость рѣчи — все это придаетъ немногочисленнымъ произведеніямъ г. Артемовскаго-Гулака высокое достоинство. Мы тѣмъ болѣе дорожимъ его стихотвореніями, что въ последнее время нечисленныя нами литературныя достоинства начали упадать у нѣкоторыхъ изъ нашихъ писателей, подававшихъ большія надежды, и замѣняться небрежностью и слабосиліемъ, обыкновенно сопровождающими работу спѣшную и такъ сказать насильственную. Такимъ писателямъ языкъ г. Артемовскаго-Гулака можетъ быть полезнымъ упрекомъ въ неуваженію къ дѣлу литературы. Глядя съ этой стороны на его литературную дѣятельность, мы должны приписать его продолжительное молчаніе благородному, чуждому пустого славолюбія, признанію, что сдѣлано имъ столько, сколько, по его силамъ, возможно было сдѣлать. *Quid potui, feci; faciant meliora potentes*. Эти слова мы вкладываемъ въ мысль безмолвствующаго поэта, для котораго наступило уже потомство, съ новыми возрѣніями на предметы творчества, съ новыми, въ его время неизвѣстными, стремленіями.

Ш. Ку л и ш ъ.

6 января 1861.

С. Петербургъ.

ЧЕРТЫ

НАРОДНОЙ ЮЖНОРУССКОЙ ИСТОРИИ.

I.

ЮЖНОРУССКАЯ ЗЕМЛЯ. — ПОЛЯНЕ-РУСЬ. — ДРЕВЛЯНЕ (ПОЛТЬСЬЕ). — ВОЛЫНЬ. —
ПОДОЛЬ. — ЧЕРВОНАЯ РУСЬ.

Древнѣйшія извѣстія о народахъ, занимавшихъ Южнорусскую Землю, очень скудны; впрочемъ, не безъ основанія, руководствуясь какъ географическими, такъ и этнографическими чертами, слѣдуетъ отнести къ южнорусской исторіи древнія извѣстія объ Антахъ, по крайней мѣрѣ къ юго-западной отрасли этого народа. По извѣстію нашего лѣтописца, Улучи, Бужапе и Тиверцы имѣли много городовъ по Бугу и Днѣстру вплоть до устья Дуная и до моря; они назывались у Грековъ Великая Скуфь. Лѣтописецъ нашъ понималъ такъ, что подъ этимъ народомъ должно разумѣть народъ, извѣстный Грекамъ; и дѣйствительно мы встрѣчаемъ у греческихъ писателей Антовъ — народъ славянскаго происхожденія, на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ. Не возможно, чтобъ подъ именемъ Антовъ разумѣлись только Днѣстринскіе жители; безъ всякаго сомнѣнія, этому имени придавали пространнѣйшее географическое значеніе. По толкованію ученыхъ, *антъ* есть прозваніе старопольское (*Szafarzik*, 402) и значитъ *великанъ*; это наводитъ насъ на предположеніе, что слово Антъ должно быть тоже названіе, что и *Великая Скуфь* нашего лѣтописца. Невольно мы встрѣчаемъ соотношеніе съ южнорусскимъ преданіемъ о томъ, что въ Украинѣ, въ древности, жили люди исполинскаго роста — *Вѣлетні*, т. е. великаны, ходившіе съ цѣлой сосной въ рукѣ, опираясь на нее какъ на палку. Это высокорослое племя оставило свои слѣды въ тѣхъ земляныхъ валахъ и *моглахъ* (кургагахъ), которыми усыпана Южная

Русь. За свои грѣхи и за вражду между собою, они были потоплены; послѣ нихъ явились другіе великаны, — погибли тоже въ свою очередь, — и съ тѣхъ поръ родъ человѣческій началъ мельчать. Преданіе о великанахъ теперь уже сбилось съ пути и, кажется, въ немъ надобно искать два преданія: въ одномъ, народъ признаетъ великановъ предками своими, воображаетъ, что прежде родъ человѣческій былъ рослѣе и массивнѣе, а впоследствии измелъчалъ, а въ другомъ признаетъ великановъ враждебными предками народа, къ которому принадлежатъ разсказчики, и даже перѣдко самихъ этихъ великановъ считаетъ болѣе фантастическими чудовищами, чѣмъ людьми. Эти великаны имѣютъ соотношеніе съ змѣями, столь значительное мѣсто занимающими въ нашихъ сказкахъ, и, какъ видно, суть тоже, что въ лѣтописныхъ преданіяхъ древніе Обры (Чешск. Обг, Польск. Olbrzym — великанъ), враги и мучители Славянскаго племени.

Слово *Véletni* и преданія о древнихъ исполинахъ указываютъ на сходство, а, можетъ быть, и единство ихъ со словомъ *Вельняне*, которымъ, по словамъ нашей лѣтописи, замѣнились народныя названія Бужанъ и Дулибовъ. У лѣтописца нашего говорится въ одномъ мѣстѣ «Бужане, послѣ же Вельняне», а въ другомъ мѣстѣ, ниже перваго, «Дулибы сядяху по Бугу, гдѣ нынѣ Вельняне». Или Дулибы были славянская вѣтвь, впоследствии замѣщенная другою, или же одно названіе, древнее, одного и того же народа замѣнилось другимъ — Вельняне.

Слѣды названія Дулибовъ остались до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по Горыни. Такъ на рѣкѣ Туринъ есть деревня Дулибы, между Никополемъ и Гущею (въ Ровенскомъ уѣздѣ); три деревни подъ этимъ именемъ, въ восточной Галиціи, на рѣкѣ Стринѣ и въ губерніи Подольской; сверхъ того, созвучныя названія попадаются и въ другихъ мѣстахъ Руси, даже не южной; напримѣръ — Дулебичи въ Гродненской губерніи. Это распространеніе имени Дулибовъ по пространству Русскаго міра указываетъ, что оно нѣкогда имѣло значеніе шире и не ограничивалось однимъ только краемъ на Волыни.

Слово Вельняне кажется имѣть тождество съ *Вельшпани* Массуди, которые были нѣкогда сильнымъ народомъ, имѣли своего князя Мажека. Это указываетъ какъ бы на то, что въ древности народы южнорусскіе составляли одно тѣло, въ извѣстной степени сильное, которое приняло названіе Вельнянъ, т. е. великаго народа. *Веліиний* значитъ тоже, что *великій*, тоже что *антъ*. А какъ подъ именемъ Антовъ разумѣли не какой-нибудь частный этнографическій признакъ, но большой отдѣлъ сла-

вянскаго племени, то, вѣроятно, и подѣ Вельнянами разумѣется не одинъ какой либо народъ, а союзъ южнорусскихъ народцевъ. Итакъ, названіе Антовъ и Вельнянъ и преданія о *вѣлетникахъ* состоятъ между собою въ связи и указываютъ на древнее единство и взаимную связь народовъ Южной Руси.

Западная часть этого народа, уже близъ самыхъ горъ Карпатскихъ, носила названіе *Хорватовъ*. Правдоподобно производятъ это имя отъ *hrbъ* — *холмъ*, и въ такомъ случаѣ Хорваты будутъ тоже, что Гуцулы (или Горали) — жители Карпатскихъ горъ и ихъ подножія. Назывались ли Хорватами жители восточной Галиціи къ границамъ пышнѣйшей Россіи? Едва ли. По Дибетру, какъ говорятъ, жили Улучи и Тиверцы; слѣдовательно, жители прибрежья этой рѣки не назывались Хорватами.

Хорваты, конечно, были близки къ Тиверцамъ и Улучамъ, ибо теперь потомки Хорватовъ, какъ потомки послѣднихъ, — Южноруссы по языку, съ незначительными мѣстными отлѣнами.

Давнее знакомство съ Греками, вѣроятно, способствовало цивилизаціи южнорусскаго народа и, конечно, она бы стояла на значительной степени, если бы притомъ не препятствовали ей развитію безпрестанные находы съ востока дикихъ ордъ, причинявшихъ ему разореніе. Онъ былъ народъ земледѣльческій: объ этомъ свидѣлствуютъ Греки въ описаніи Антовъ; да и изъ нашихъ лѣтописцевъ это видно, какъ показываетъ самое преданіе о томъ, что Обры запрягали Дулибовъ въ плуги. Обрядъ, отправляемый отцомъ семейства въ сочельникъ, по своему ходу съ обрядомъ Свантовитова богослуженія въ Арконѣ, указываетъ на свою древность и, своимъ характеромъ, свидѣлствуетъ о древности земледѣлія у южно-русскихъ Славянъ.

Множество городовъ у Дибетрянскихъ жителей, Улучей, показываетъ, съ одной стороны, небезопасность края, гдѣ жители подвергались непріятельскимъ набѣгамъ и должны были укрываться въ укрѣпленныхъ городахъ; съ другой — извѣстное развитіе осѣдлости и цивилизаціи, ибо, не смотря на опасности, они, вмѣсто того, чтобы, подобнономадамъ, уйти прочь, предпочитали лучше оставаться въ опасномъ краѣ и изыскивать средства для своего огражденія. Устройство городовъ указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на существованіе въ странѣ администраціи, ибо гдѣ были города, тамъ, конечно, къ городамъ принадлежали округа: такъ вездѣ было у Славянъ. Сильнымъ и энергичнымъ народомъ въ тѣ времена, кажется, они не были, потому что ихъ легко покоряли чужеземцы, какъ и удалось Олегу.

Степень цивилизации частей южнорусского народа издревле была различна. Такъ, по извѣстіямъ нашего лѣтописца, Поляне изображаются цивилизованнѣе Древянъ. Поляне знаютъ бракъ; у Древянъ, какъ и у другихъ первобытныхъ народовъ, удерживалось *умыканье* дѣвиць. Какъ ни подозрительно могло бы казаться предпочтеніе, оказываемое, въ отношеніи нравственнаго образованія, Полянамъ предъ Древянами лѣтописью, но дѣйствительно Поляне имѣли болѣе залога цивилизации, чѣмъ Древяне: первые обитали близъ большой рѣки и, слѣдовательно, могли завести удобнѣе знакомство съ образованною Греціей и съ берегами Тавриды, гдѣ еще сохранялись остатки древней образованности; походъ Кія подъ Цареградъ, переселенія Кія на Дунай и обратно, — все это преданія, въ которыхъ несомнѣнно одно: давнее знакомство Полянъ съ Греціей.

Договоры Олега и Игоря достаточно показываютъ древность сношеній Полянъ-Руси съ Югомъ. Все, что говорится въ этихъ договорахъ о Руси, относится должно не только къ чужеземной Руси, пришедшей въ кievскую сторону, но и къ туземцамъ — Руси-Полянамъ, ибо въ договорѣ Олега говорится о *возобновленіи* бывшей между христианами и Русью любви. Эта бывшая любовь конечно существовала между славянскими племенами и Греками. И не только у Поляновъ, но отчасти и у другихъ Славянскихъ народовъ, которые чрезъ посредство Полянъ имѣли сношенія съ Греками. Видно, что они строили лодки и плавали по Днѣпру, ходили на море не для разбоевъ, а для мирныхъ сношеній; одни ловили рыбу на Бѣлобережѣ, то есть, у устья Дуная, другіе, съ тою же цѣлю, плавали къ берегамъ Тавриды. Нѣкоторые ходили въ Царьградъ на работы и проживали на службѣ въ императорскомъ войскѣ. Очевидно, что эти извѣстія въ договорѣ относятся не къ одной Прусской Руси, но и къ тѣмъ, съ которыми смѣшалась эта Русь. Въ Цареградѣ жили русскіе торговцы и, вѣроятно, торгъ, который они вели съ Греками, былъ выгоденъ для послѣднихъ, когда гости получали отъ императора мѣсячину. Договоры Олега и Игоря говорятъ много объ огражденіи какъ Русскихъ, такъ и Грековъ, въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, отъ пораженія личностей. Отсюда кажется достовернымъ, что самыя войны Олега и Игоря возникали вслѣдствіе споровъ между Полянами въ Кіевѣ и Византіи, — что однимъ изъ предметовъ этихъ споровъ было то, что торговцы и промышленники попадались въ рабство; ибо тотъ и другой договоръ стараются прекратить торговлю людьми и обязуютъ съ обѣихъ сторонъ отпущать и выкупать изъ плѣ-

на какъ Русскихъ, такъ и Грековъ, въ ихъ взаимныхъ дѣлахъ. Существованіе гостей у Полянъ показываетъ, съ одной стороны, значительное развитіе экономического быта, а съ другой — неравенство въ распредѣленіи состоянія. Уже тогда существовали *челядники*. Невѣстно, въ какомъ отношеніи они были къ другимъ сословіямъ — наемные или рабы, — и на какихъ началахъ? У Русскихъ были продажные рабы въ X столѣтіи: это видно изъ Святославовыхъ словъ, что *изъ Руси идетъ шкура, воскъ и челядь*. Такимъ образомъ, въ числѣ вывозныхъ русскихъ товаровъ въ Грецію были невольники. Но въ договорахъ Олега и Игоря хотя и говорится о *бъломъ челядинь*, но въ тоже время духъ договоровъ клонится къ преемленію порабощенія личностей, такъ что подъ *челядиномъ* можно повидимому разумѣть служителя, убѣжавшаго отъ договора съ господиномъ, ибо выраженіе *поработить* равносильно — *убить: аще обращуть Русь кубару греческую въвержену на коемъ мѣстѣ, да не преобидитъ ея; аще ли возметъ отъ нея кто что, ли чловька поработить, или убьетъ, — да будетъ повиненъ закону руску и греческу*.

Отправляя въ Грецію шкуры, медъ и воскъ, Поляне получали оттуда паволоки, матеріи, бывшія тогда въ употребленіи, и одежды; предметы эти были признакомъ богатства и зажиточности. Другіе товары, приходившіе изъ Греціи, были: вино, овощи и металлы. Поляне знали употребленіе металловъ и монеты. Изъ Греціи они получали золотыя номизмы, съ Дуная (изъ Угровъ) серебро. Въ договорахъ Олега и Игоря цѣнность означается *греческими златницами*. Все это показываетъ достаточную зажиточность, по крайней мѣрѣ между нѣкоторыми, и знакомство съ цивилизаціей.

Знакомство съ Греціей распространило между Полянами христіанство. Едва ли можно предположить, чтобъ только съ половины IX вѣка, то есть съ Аскольда и Дира, проникло христіанство въ Кіевъ; легенда объ апостолѣ Андрѣ есть не что иное, какъ апофеозъ памяти о древнемъ христіанствѣ въ той странѣ. Не можетъ быть, чтобы христіанская вѣра не проникла туда издавна путемъ торговли и путемъ проповѣди. Съ половины IX вѣка мы узнаемъ уже объ открытомъ крещеніи Руси, отъ многихъ византійскихъ лѣтописцевъ. Патріархъ Фотій, въ окружной своей грамотѣ, оповѣстилъ отрадное и счастливое для всей христіанской Церкви событіе — обращеніе Руссовъ. Съ тѣхъ поръ христіанская вѣра расцвѣтала въ Кіевѣ и расширялась. Въ договорѣ Игоря мы встрѣчаемъ и церкви, — церковь Ілии, которая была соборная; изъ этого видно, что были

еще и не соборныя. Лѣтописецъ, назвавъ эту соборную церковь, замѣтилъ, что и многіе Варяги были крещены. Видно, христіанство было настолько распространено, что могло привлечь къ себѣ скоро пришельцевъ; еслибъ число Христіанъ было не значительно, то христіанство едва ли могло бы имѣть такое вліяніе на нихъ, будучи религіею только немногихъ. Христіанству можно было научиться въ Кіевѣ; такъ научилась ему и сдѣлалась христіанкою мать Святѣслава. Язычество, хладнокровно смотрѣвшее на то, что новая вѣра болѣе и болѣе пріобрѣтала поля, только при Владимірѣ оказало дѣятельную оппозицію. Владиміръ поставилъ на холмѣ боговъ, собравши какихъ могъ — и славянскихъ и литовскихъ. Онъ, какъ кажется, облакалъ прежнее язычество въ болѣе опредѣлительныя формы. Подъ 983 годомъ лѣтописецъ рассказываетъ о человѣческой жертвѣ, устроенной Владиміромъ; кажется, этотъ поступокъ былъ не жертвоприносительнымъ, но выраженіемъ мщенія, ибо для жертвы избранъ былъ христіанинъ; точно такъ и впоследствии Литовцы вообще отличались нетерпимостію къ христіанству, всегда соорились съ новою вѣрою и приносили въ жертву своимъ богамъ изъ Христіанъ, напримѣръ, плѣнниковъ нѣмецкихъ. Такъ какъ вѣра Христіанская стала уже сильно распространяться, Владиміръ принялъ сторону язычества и, тогда, конечно возникла оппозиція со стороны Христіанства. Владиміръ отличался деспотическими наклонностями. Кажется, этому способствовало, съ одной стороны, вліяніе Грековъ, которые уже приносили въ Кіевъ понятіе о царственности и величій своихъ царей, съ другой — вліяніе Хазаръ. Не даромъ, въ рѣчи своей на память Владиміра, Іаковъ называлъ его Каганомъ. Коль скоро Хазарское слово Каганъ вошло въ Русь, то, конечно, вошли до извѣстной степени и понятія восточныя. Именно хазарскимъ правамъ слѣдуетъ приписать и это сладоустраіе Владиміра, эту толпу женъ и палачницъ. Онъ началъ преслѣдованіе на Христіанъ, и жертвоприношеніе Варяга было однимъ изъ проявленій такого преслѣдованія. Подъ 988 годомъ рассказывается у лѣтописца, что вдругъ являются въ Кіевѣ разныхъ вѣръ учителя: они все хотѣли обратить въ свою вѣру князя и народъ. Что значитъ такое внезапное явленіе, отъ чего они узнали, что въ Кіевѣ можетъ быть перемѣна вѣры? Что заставило Владиміра искать вѣры, когда онъ передъ тѣмъ былъ такимъ ревностнымъ язычникомъ и притомъ, какъ кажется, утвердителемъ языческой религіи? И вдругъ этотъ князь измѣняетъ ей? Вѣроятно, оппозиція язычеству со стороны Христіанства взяла въ Кіевѣ верхъ; князь долженъ былъ уступить, и самъ князь, вѣрно, увлекаясь большин-

ствомъ, началъ сомнѣваться въ божественности своихъ болвановъ. Подобное стеченіе вѣроучителей въ одно время могло быть только тогда, когда къ этому располагали внутреннія обстоятельства страны, куда сошли эти вѣроучители. Почти несомнѣнно, что принятіе крещенія Владиміромъ было не безъ того, что къ этому располагало его существованіе сильной партіи между Кіевлянами, исповѣдывавшей Христіанство и притомъ Христіанство православнаго закона, восточнаго. По извѣстію лѣтописца, когда онъ собралъ бояръ своихъ и городскихъ старцевъ и началъ съ ними совѣтоваться, какую ему вѣру выбирать изъ нѣсколькихъ предлагаемыхъ, тогда большинство признало, что лучше избрать греческую, и указывало на примѣръ Ольги, называемой ими мудрѣйшею всѣхъ человѣковъ. Конечно, коль скоро образовалось понятіе о превосходствѣ Греческой вѣры предъ другими, то это показываетъ знакомство съ нею и, слѣдовательно, большее въ сравненіи съ другими ея распространеніе. Многочисленностію православныхъ христіанъ въ Кіевѣ до крещенія Владиміра объясняется и та покорность толпы, съ которою Кіевляне стремились креститься по приказанію Кіевского князя. Вѣрно, многіе изъ некрещеныхъ уже были расположены къ Христіанству по наученію своихъ близкихъ и сами не смѣли креститься, а были очень довольны, когда князь уступилъ общему духу. Совсѣмъ иное произошло въ Новѣ-городѣ, куда Христіанство проникало не такъ удачно и не такъ давно, какъ въ Кіевѣ. Тамъ Добрыня долженъ былъ употреблять оружіе и огонь, чтобъ приводить Новгородцевъ на путь истины и спасенія.

Безъ сомнѣнія, сравнительное предъ сосѣдами превосходство цивилизаціи Кіева и Полянъ еще въ язычествѣ, содѣйствовало тому, что этотъ народецъ содѣлался послѣ крещенія центромъ, связующимъ остальные племена Славянъ. Иными являются Древяне, ихъ сосѣди. Здѣсь опять приходится тоже сказать, что сказано уже по поводу Полянъ. Описаніе Древянъ въ черныхъ краскахъ, какъ, напротивъ, противниковъ ихъ Полянъ въ свѣтлыхъ, показываетъ, что лѣтописецъ не былъ изъятъ отъ народной нелюбви къ Древянамъ, какъ не былъ изъятъ отъ привязанности къ Полянамъ. Но если мы сознаемъ, что и географическія условія и обстоятельства располагали Полянъ къ полученію и развитію въ себѣ болѣе образованности, то съ другой стороны Древянамъ подобныя условія препятствовали къ ея достиженію. Древяне жили въ непроходимыхъ, дремучихъ лѣсахъ, а лѣсная жизнь, извѣстно, способствуетъ къ одичанію; земля ихъ была менѣ плодородна, скуднѣе было путей сообщенія, которые бы знакомили ихъ съ образованнымъ міромъ. Изъ рассказовъ,

которые летопись помещает по поводу прибытия пословъ Мала къ Ольгѣ, видно, что о нихъ ходили такіе же анекдоты, отличающіе ихъ глупость, какіе и теперь ходятъ о Полѣщукахъ, потомкахъ старинныхъ Древлянъ. Такъ, древлянскіе послы некстати говорятъ: «мы не идемъ и не ѣдемъ на лошадяхъ, а несите насъ въ ладьяхъ;» и когда ихъ несли въ ладьи, о нихъ говоритъ летописецъ, что они *въ переибьхъ въ великихъ сущу-ныхъ гордящися*. Ольга заманила ихъ въ западню. Цѣль разсказа такова, чтобъ показать глупость и несмышленость Древлянъ, что они не могли предвидѣть своей бѣды. Въ томъ вѣкѣ, когда такъ слабы были узы обществъ, сила и хитрость брали верхъ и умъ измѣрялся именно тѣмъ, чтобъ не попасть въ обманъ. Повѣсть не ставитъ въ упрекъ Ольгѣ ея вѣроломныхъ поступковъ, но выставляетъ глупымъ народъ, который легко было надуть. Древляне не были знакомы съ духомъ мести, и потому такъ довѣрливы; это показываетъ, что у Славянъ вообще она была мало развита: иначе, если бы даже предположить, что у Полянъ существовала святошь мщенія, а у Древлянъ ея не было, то все-таки послѣдніе не довѣрили бы своимъ врагамъ; но еще не зная пришельцевъ съ Балтійскаго поморья, они думали, что можно и съ ними поссориться, и потомъ помириться безопасно. Ольга пользуется новостью обычая, а уважительный тонъ повѣсти объ Ольгѣ показываетъ, что Славяне стали сами замечать этотъ обычай; впоследствии онъ какъ будто пропадаетъ, ибо даже въ дракахъ нашихъ позднѣйшихъ князей замѣчается, какъ онъ смягчался и исчезалъ; несомнѣнно, что, кромѣ христіанства, на ослабленіе его дѣйствовалъ также перевѣсъ Славянскаго элемента передъ пришлымъ. Избіеніе Древлянъ на трини, устроенной Ольгой въ честь Игоря, и самое затѣйливое мщеніе княгини посредствомъ воробьевъ и голубей—все это показываетъ, что Древлянъ почитали глуповатыми и простаками.

Изъ всѣхъ извѣстій, переданныхъ намъ летописцемъ, видно, что у этого народа сохранились первобытные обычаи, которые у Полянъ уже измѣнились подъ вліяніемъ нѣсколькихъ высшихъ понятій. У Древлянъ было неправошнее летописцу умыканье дѣвицъ у воды, столь общее въмъ почти первобытнымъ народамъ. Имъ извѣстно было земледѣліе, ибо Ольга, склоняя Коростянъ поддаться, выражается о другихъ Древлянахъ, что они *дѣлаютъ нивы своя и землю свою*; они занимались скотоводствомъ и овцеводствомъ, когда употребляютъ сравненіе Игоря съ волкомъ, когда этотъ звѣрь ворвется между овецъ; какъ у лѣснаго народа, у нихъ было въ изобиліи звѣроловство и пчеловодство, ибо дава-

ли дань шкурами и медомъ. Они были, какъ кажется, раздѣлены на мелкія области, ибо говорятъ: *наши князи*. За одного изъ нихъ, можетъ быть главнаго, Мала, приглашали идти замужъ Ольгу; — несчастное сватовство, кончившееся порабощеніемъ Древлянъ.

Живя въ лѣсныхъ деревняхъ, Древляне строили города, которые, по общему славянскому обычаю, имѣли значеніе господствующихъ мѣстностей. вмѣстѣ съ тѣмъ, города были мѣстомъ большей цивилизаціи, состоящей въ земледѣліи; города древлянскіе не были тѣмъ, чѣмъ впоследствии обозначалось это названіе, а селами: жители занимались земледѣліемъ. Въ деревняхъ занимались болѣе звѣроловствомъ. Все города съ землями составляли одну союзную Землю, и существовало сознаніе о ея единствѣ, потому что когда Ольга покоряла Древлянъ, то обходила съ сыномъ Святославомъ *всю* Древлянскую землю.

По покореніи Древлянской земли, Ольга установила въ ней ловища, мѣста для ловли и сноса звѣриныхъ шкуръ, которыя составляли дань. Древляне должны были ловить звѣрей и доставлять шкуры въ Кіевъ и Вышгородъ. Покореніе Древлянъ было не только подданствомъ, но порабощеніемъ: Ольга оставила только *прокъ ихъ* для платежа тяжелой дани, а другихъ отдала въ работу своимъ мужамъ. Соображая богатства Русской Земли, шедшія, по словамъ Святослава, въ Грецію, видно, что дань, наложенная на Древлянъ, была выгодна для Кіева по торговлѣ съ Греціею. Плоды трудовъ Древлянъ переходили въ Кіевъ въ руки князей и бояръ и отправлялись въ Византію, промѣнивались тамъ на произведенія юга и, конечно, сами Древляне не имѣли никакой выгоды; порабощенные, они должны были работать для господъ.

Покореніе Древлянъ способствовало въ формированію и усиленію высшаго класса, осѣдлости пришлыхъ Руссовъ и смѣшенію народностей. Еслибы принимать произвольно созданную нашими историками-ислѣдователями теорію родового быта съ патриархами—родоначальниками, еслибы родовая связь поглощала семейную, тогда надобно было бы принять издревле строгое аристократическое начало, возвышеніе нѣсколькихъ родовъ, униженіе и порабощеніе другихъ. Но зная исторію Славянскихъ народовъ и въ особенности Русскаго, замѣчая слѣды старыя въ древнихъ памятникахъ, не видно, да и предположить нельзя, чтобы на родовыхъ основаніяхъ семьи находились подъ какой нибудь зависимостью отъ извѣстныхъ лицъ-родоначальниковъ; а поэтому невозможно было образоваться родовому рабству, то есть, такому рабству, когда прежняя власть отеческая, по мѣрѣ родственной отдаленности тѣхъ, которые

должны были находиться къ ней, такъ сказать, въ сыновнемъ отношеніи, перешла во власть господскую. Семьи дѣлились отъ ней, и каждая семья, если бы и воевала связь съ другою, то не была зависима одна отъ другой.

Покореніе Древлянъ, если не вносило въ жизнь Южнорусскихъ Славянъ рабства вновь, то усиливало его, распространяло, упрочивало тѣ пачатки его, которые существовали изстари, ибо цѣлый народъ объявленъ былъ въ рабствѣ. И это возвысило высшій классъ. Отсюда-то эти бояре, сильные, подобно князьямъ имѣвшіе свои дружины въ Кіевѣ, о которыхъ осталась память даже въ нѣбнихъ (напримѣръ Иванъ Годиновичь, Чурило Пленковичь). По происхожденію своему, эти бояре, какъ они назывались, были во-первыхъ Руссы—пришельцы и, во-вторыхъ — Руссы-Поляне, съ массою которыхъ совершилось порабощеніе Древлянскаго народа. Поляне, и прежде ставшіе уже въ уровень съ пришельцами, скоро усвоившими ихъ народность, теперь еще болѣе сливались; они пользовались равенствомъ господскихъ правъ надъ покореннымъ народомъ: и пришлецъ-Русинъ и Полянинъ-Русинъ равнымъ образомъ были господа, высшій классъ въ отношеніи Древлянъ. Часть порабощеннаго народа переведена была въ землю Полянъ—русскую, другая осталась на мѣстѣ, и Руссы съ Полянами сдѣлались владѣльцами въ землѣ Древлянъ. Иначе не могло быть: надобно же было держать въ покорности порабощенный народъ. Слово *становища*, которое упоминается въ лѣтописи разомъ со словомъ *ловища*, указываетъ на учрежденіе новыхъ жилищъ мѣстъ, назначенныхъ быть административными пунктами. Они именно могли быть повѣрены только Руссамъ или Полянамъ, но никакъ не Древлянамъ. О становищахъ говорится, что то были *ей* (Ольги) становища. Слѣдовательно здѣсь идетъ рѣчь о такой части покоренной земли, которая досталась собственно на долю княгини и ея семейства. Если принять во вниманіе, что въ то время другимъ отданы были въ рабство Древляне, то открывается, что въ Древлянской землѣ явилось два рода господъ: одни—владѣльцы тѣхъ, которыхъ отдали въ рабство, другіе—въ качествѣ должностныхъ лицъ находившіеся на становищахъ. Ольга установила *уставы* и *уроки*, слѣдовательно опредѣленные обязанности. Последнее слово (*уроки*) указываетъ на обязательныя работы; надзирать надъ уроками и собирать дань по уставамъ должны были конечно тѣ, которые поставлены были на становищахъ. Здѣсь исторія наша невольна, по сходству обстоятельствъ, совпадаетъ съ западною, гдѣ господствовала земельная раздача. Часть страны оставляетъ Ольга для себя въ дань, другую раздастъ мужамъ сво-

имъ, дружинѣ. Но остается неизвѣстнымъ, какая часть Древлянской земли была такимъ образомъ порабощена? Нельзя думать, чтобъ одинъ Искоростѣнь. Ибо хотя Ольга и говоритъ Искоростѣнянамъ: все ваши города предались мнѣ и рѣшились платить дань и обдѣлывать свои нивы и земля, а вы хотите умереть отъ голода, не повинаясь и не хотя платить дань; — но здѣсь Ольга обманываетъ Древлянцъ, сообразно своему обычаю; это видно изъ того, что лѣтописецъ прежде этого замѣтилъ, что Древляне побѣжали и затворились въ своихъ городахъ, слѣдовательно не сдались, какъ увѣрила Ольга. Хотя, послѣ завоеванія Искоростѣня, вся земля Древлянская была подчинена и Ольга устала въ ней уроки, становища и ловища, но, вѣроятно, не все подверглись такой горькой судьбѣ, какъ Искоростѣнь, ибо послѣдній долженъ былъ подвергнуться особому мщенію. Такимъ образомъ, вѣроятно, болѣе степени порабощенія подвергся Искоростѣнь, чѣмъ другіе, и конечно тѣ, которые добровольно сдавались, пользовались болѣею льготою, чѣмъ тѣ, которые оказывали упорство. Но, какъ видно, Ольга повсемѣстно въ Древлянской землѣ разставила своихъ мужей.

Такое отношеніе двухъ сосѣднихъ народовъ должно было развить въ обоихъ разные взгляды и характеры. Поляне былъ народъ побѣдительный, Древляне — покоренный; первые — господа, вторые — рабы; и, конечно, должны были изъ этого произойти разныя проявленія общественнаго и домашняго быта, разное теченіе исторіи. Кіевъ дѣлался центромъ управленія народовъ не только близкихъ, но и болѣе далекихъ. Покореніе Древлянцъ, показывавшее силу Русской Земли, еще болѣе должно было утвердить мысль о первенствѣ ея надъ другими народами. Но такъ какъ ни обстоятельства не способствовали утвержденію централизаціи, ни понятія о ней не развивались, то вмѣстѣ съ другими землями и Древляне скоро начали жить самобытною жизнью уже въ удѣльномъ порядкѣ; это началось тогда, когда Святославъ далъ одному изъ сыновей своихъ, Олегу, въ удѣлъ Древлянскую или Деревскую землю. Центромъ всей Древлянской земли сталъ тогда Овручъ. Граница Древлянской земли протягивалась по сосѣдствѣ къ Кіеву: ибо выхавши изъ Кіева на охоту, можно было охотиться на Древлянской землѣ. Кто знаетъ, не проявилось ли возстаніе побѣжденныхъ во враждѣ двухъ братьевъ и что побѣжденные настроили Олега убить Свѣнелдова сына? Это было въ 975, чрезъ пять лѣтъ послѣ воцаренія Олега въ Древлянской земли и черезъ 20 лѣтъ послѣ покоренія Древлянской земли. Когда Олегъ вышелъ противъ Ярополка, то у него былъ полкъ, а не дружина, слѣдовательно (какъ выходитъ постепанно

по смыслу слова полкъ) были ополченные жители края собранные на битву. Здѣсь снова Древяне воинственною силою ополчаются на Полянъ, хотя и подъ измѣненными условіями. Но когда Олегъ былъ убитъ, Ярополкъ, перенявъ власть своего брата, не видѣлъ сопротивленія. Въ продолженіе тридцати лѣтъ разселившіеся по Древянской землѣ Русины успѣли пустить въ народѣ идею, что надъ ними имѣеть право княжескій родъ; а потому оппозиція, еслибъ и была, то ужъ пропеходила бы подъ вліяніемъ этого новаго, умѣряющаго начала.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ отношенія Полянъ къ другимъ южно-русскимъ народамъ: Дульбамъ, Улучамъ, Тиверцамъ, Хорватамъ. Еще въ концѣ IX вѣка, съ Улучами и Тиверцами Олегъ не могъ скоро справиться, и подъ годами 884 — 885 сказано, что Олегъ имѣлъ съ ними рать. Во время похода въ Царьградъ (904 — 907), эти народы, а равно и Хорваты, участвуютъ въ его ополченіи противъ Грековъ. Изъ этихъ извѣстій заключили, что тогда, значить, народы эти были уже покорены Олегомъ. Можетъ быть, до нѣкоторой степени. Но такъ какъ Олегъ взялъ ихъ въ свое войско, то едвали это было бы возможно, еслибъ покореніе ихъ сопровождалось такимъ же поработеніемъ, какъ Древянъ Ольгою, ибо въ тотъ вѣкъ участіе въ войнѣ было принадлежностію свободныхъ. Въ договорѣ Олега говорится, что этотъ договоръ съ Греками заключенъ отъ имени его, великаго князя, и свѣтлыхъ князей, сущихъ подъ его рукою. Вѣроятно, послѣ войны съ Улучами и Тиверцами, Олегъ какъ нибудь долженъ былъ съ нимъ помириться, и они стали отъ него въ зависности на выгодныхъ для себя условіяхъ. Что касается до Хорватовъ, то они первый разъ были подчинены, и отняты у Поляковъ, только при Владимірѣ.

Приливъ пришлаго варяго-русскаго народонаселенія сообщилъ новый оттискъ характеру Полянъ и развилъ въ нихъ воинственный элементъ. Это поддерживалось походами противъ Грековъ. Мы не знаемъ поводовъ, руководившихъ Руссами въ этихъ набѣгахъ; но это не были просто одни разбойничьи набѣги, потому что въ договорахъ виденъ народъ торговый и Греки дорожили сношеніями съ нимъ. Скорѣе всего надобно предположить, что повѣствователь, по обычаю лѣтописцевъ, умалчиваетъ о причинахъ, не выставляетъ пружиинъ, руководившихъ походами Русскихъ, исключая Святославова похода; а эти причины, вѣроятно, заключались въ столкновеніяхъ съ Греками преимущественно по торговлѣ. Поляне долго, кажется, не могли показывать своей самостоятельности и должны были уступать Грекамъ; но когда явились къ нимъ воинственные мореходцы, когда

сошлись они съ Полянами, которые также были плавателями, но только мирными, тогда послѣднимъ сообщился духъ отваги и охота мести за тѣ поступки, которые они считали несправедливыми со стороны Грековъ. Походы въ Грецію способствовали къ утверженію власти князей и соединенію народовъ. То была приманка для удалыхъ того вѣка — собираться подъ знамена вѣщаго князя, идти на далекую сторону и воротиться оттуда съ добычею, привезти наволоки и золота, хвастаться предъ тѣми, кто оставался дома, передавать добычу дѣтямъ на память отцовской славы. Предводители народцевъ легче становились подчиненными Кіевскому князю, когда онъ ихъ обогащалъ. Это, соединяя народы, мало по малу подклоняло ихъ подъ власть единого рода и приготавливало къ новому порядку, когда въ разныхъ частяхъ русскаго міра должны были явиться князья, хотя особые, но связанныя между собой и родомъ и единствомъ страны.

По понятіямъ того времени у Русскаго народа, успѣхъ служилъ залогомъ покорности, ибо успѣхъ приписывался вліянію таинственной силы. Такъ Олега прозвали *влицимъ*, вѣдуномъ. А коль скоро онъ былъ вѣщій для народа, то и покорность ему утверждалась. Слава побѣдъ располагала къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ. Сильнѣе всего развился духъ удалства и предпримчивости при Святославѣ, когда удача слѣдовала за удачей. Удачны толпы ходили съ нимъ на стени, побѣдили Хазарь, которыми ихъ предки нѣкогда платили дань. Это должно было сильно возвысить народное чувство и еще болѣе прикрѣплять народы къ Кіеву и внушать къ нему уваженіе, ибо изъ Кіева исходили такіе славные подвиги. Толпы охотниковъ отправились со Святославомъ въ Переяславль, удачи далѣе и далѣе заводили духъ воинственности. Завоеваніе Болгарин, по современнымъ понятіямъ, не было чѣмъ либо отличнымъ отъ покоренія Древянъ и Тиверцевъ, или присоединенія ихъ къ Кіеву. Болгары были самая близкая къ русскимъ Славянамъ народность; тогда еще языки ихъ и нравы не такъ различались, какъ послѣ; между ними такъ было много общаго, что Кіевляне именно шли туда не съ мыслию о завоеваніи чужаго, а руководясь побужденіемъ близости соединенія Славянскихъ народовъ, долженствующихъ войти въ закладку новой державы. Предѣлы этой державы расширялись по мѣрѣ того, какъ народный взоръ встрѣчалъ сходственное съ своею народностію. О Болгарахъ явилась также мысль, что они должны войти въ русскій міръ. Можно съ этимъ вмѣстѣ проникнуть, какимъ образомъ у Святослава и у товарищей его возникла идея поселиться въ Переяславлѣ Дунайскомъ. Конечно, съ перваго взгляда пока-

зывается здѣсь какъ бы недостатокъ осѣдлости. Нѣтъ; Поляне были осѣдлы, ибо занимались земледѣліемъ; скитались только тѣ, которые занимались торговлею, но договоръ показываетъ, что и послѣдніе, живучи въ Константинополѣ, не утрачивали связи съ родиною; ибо когда умиралъ гость въ Греческой землѣ, то имущество его слѣдовало перенести въ Русь къ милымъ сродникамъ. Изъ этого же договора видно, что русскіе торговцы только временно посѣщали Цареградъ и Грецію, и воровались всегда домой. Это не могло развить у Полянъ охоты перемѣнять навсегда мѣсто жительства. Духъ долженъ былъ измѣниться отъ стеченія молодецвъ изъ разныхъ славяно-русскихъ народцевъ въ дружинѣ князей. Князья своими походами привлекали ихъ съ разныхъ сторонъ Славяно-русскаго міра, составляли изъ нихъ подвижное населеніе кочующихъ молодецвъ, набѣдниковъ и пиратовъ, готовыхъ жить вездѣ, не жалѣя о родинѣ; отечествомъ ихъ дѣлалось море или степь; то были Запорожцы своего вѣка; вотъ этихъ-то удалыхъ и увелъ Святославъ въ Болгарію. Явились Печенѣги. Въ 968 году они осадили Кіевъ. Лѣтописецъ указываетъ, что въ то время некому было охранять города безъ Святослава. Является воевода съ другой стороны Дѣвѣра, слѣдовательно не Кіевскій. Оборонять Кіевъ въ Кіевѣ было некому. Такія событія должны были неизбежно внушать Руссамъ необходимость не пускаться болѣе въ далекіе походы и не лишать своей земли вооруженной силы. Поэзія геройской отваги начала находить себѣ поле на родной землѣ, а не на чуждомъ югѣ и не на морѣ. Преданія о Печенѣгахъ, записанныя въ лѣтописяхъ, расцвѣчены колоритомъ героическаго эпоса, какъ это видно изъ сказки о кожевникѣ, сказки, до сихъ поръ существующей въ народныхъ преданіяхъ. Но такой духъ господствовалъ не долговѣчно. Поляне увлеклись только на время присутствіемъ между ними чужаго народа. Проявившійся при Олегѣ, Игорѣ и Святославѣ завоевательный элементъ въ характерѣ народа скоро ослабѣваетъ; ибо онъ явился временно въ слѣдствіе толчка, даннаго пришельцами. Конечно, къ обузданію этой завоевательности помогало и принятіе христіанства, но несомнѣнно и племенное вліяніе; ибо собственноодно христіанство, еслибъ и отъгнало Византію отъ нападеній Руссовъ, то обратило бы воинственность послѣднихъ въ другую сторону. Но христіанство даже не перервало сразу и вошедшей прежде въ привычку враждебности къ Греціи; ибо при Ярославѣ, уже по принятіи Христіанства, сынъ великаго князя съ Вышатою сдѣлалъ морскою походъ на Византію. То были уже послѣдніе отголоски прежняго угасаваго теперь героизма. Воинственность народа уже

и прежде стала обращаться не къ завоеваніямъ, а только къ охраненію предѣловъ своей страны. Этому измѣненію содѣйствовали не перестававшіе набѣги народовъ турецкаго племени. Половцы смѣнили Печенѣговъ, отрѣзали у Руссовъ море, разсѣялись по стѣнямъ и остановили распространеніе русскаго элемента на югъ и востокъ по стѣнямъ. Окруженные кочующими инородцами, Русскіе уже не могли думать о завоеваніяхъ. Не мало располагали къ измѣненію воинственности Кіевлянъ и междоусобія, возникшія между ихъ князьями. Какъ народъ молодой, Славяне легко могли увлечься сообщеннымъ имъ отъ чужихъ воинственнымъ духомъ, и героизмъ завоеванія блеснулъ у нихъ на короткое время, но южнорусскій народъ уже прежде познакомился съ спокойною жизнью и получилъ склонность къ ея удобствамъ. Какъ бы ни были преувеличены рассказы о богатствахъ Кіева, о множествѣ церквей, о восьми торговыхъ площадяхъ у Дитмара, все это имѣетъ свое историческое основаніе. Что Кіевъ былъ дѣйствительно богатъ, это показываетъ то, что здѣсь было издавна важнѣйшее торговое мѣсто для сѣвера съ Византіей. Разумѣется, Олеговы и Игоревы грабежи еще болѣе обогащали его; собираемья съ покорныхъ народовъ дани способствовали стеченію богатствъ къ Кіевлянамъ. Славянскіе народы, подвластные Кіеву, платили опредѣленную дань, которая шла князю, но князь дѣлился ею съ боярами и дружиною; такимъ образомъ, эта дань обогащала и Кіевъ. Мы знаемъ изъ нашей лѣтописи, что одинъ Новгородъ платилъ ежегодно двѣ тысячи гривенъ въ Кіевъ, а тысячу гривенъ гридямъ, содержа гарнизонъ при князѣ. Предъ концемъ жизни Владиміра, сынъ его Ярославъ вздумалъ-было не отдавать отцу этой дачи, и отецъ хотѣлъ на него идти войною, разбить его, но отъ огорченія умеръ. У Кіевлянъ, въ то время, невольно образовался нѣсколько выекомѣрный взглядъ на другіе русскіе народы. Такъ, во время борьбы Святополка съ Ярославомъ, когда Святополковъ воевода увидѣлъ противъ себя Новгородцевъ, назвалъ ихъ презрительно хоромниками и плотниками, и говорилъ, что заставитъ ихъ рубить имъ (Кіевлянамъ) хоромы. Но то было выраженіе не воинственнаго завоеванія, а скорѣе зазнавшагося господства, привыкшаго къ хорошей жизни на счетъ другихъ.

Въ характерѣ Кіевлянъ было что-то мягкое, роскошное, сибаритское. Не далѣе какъ черезъ двадцать лѣтъ послѣ крещенія, Болеславъ, пришедши на помощь Святополку, и самъ потерявъ свою царственно побѣдительную крѣпость и войско свое развратилъ и обезспиллъ. Кіевскія женщины славились сладострастіемъ. Богатство, роскошь и веселая жизнь приманивали всякаго, кто только могъ поселиться между Кіевлянами. Черезъ пол-

вѣка послѣ приключенія съ Болеславомъ Храбрымъ точно тоже сдѣлалось съ внукомъ его Болеславомъ Смѣлымъ: тутъ Поляки забыли и своихъ женъ въ Польшѣ и свои дворы и хозяйства. Какъ извѣстія нашихъ лѣтописцевъ о пирахъ Владиміровыхъ, такъ и пѣсни стараго времени, сохранившіяся у Великоруссовъ, подтверждаютъ репутацію сибаритства, которую приобрѣлъ себѣ Кіевъ на Западѣ. Волокитство считалось удалствомъ; волокиты хвастали своими подвигами и поставляли въ нихъ достоинство, какъ въ героическихъ наѣздахъ. Вотъ, напримѣръ, на пиру краснаго солнышка Владиміра одинъ богатырь расхвастался, и говоритъ, что онъ гулялъ молодецъ изъ земли въ землю, загулялъ къ королю:

Король меня молодца любилъ, жаловалъ,
Да и королева вить молодца также,
А Настасья королевична у души держитъ.

Отцы берегли своихъ дочерей, по выраженію пѣсень, за три-девятью замками, за три-девятью ключами, чтобъ и вѣтеръ не завѣялъ, и солнце не запекло.

О кокетствѣ женщинъ кіевскихъ упоминаетъ и Даниилъ Заточеникъ, говоря: *нѣкогда же видѣхъ жену злообразну, причинюму зеркалу и мажущуюся румянцемъ*. Кажется, что вліяніе княжескаго двора, гридницы, поддерживало это сибаритство и развращеніе женщинъ, какъ говорится, напримѣръ, въ пѣснѣ о Маринѣ:

Водилася съ дѣтьями княженецкими.

На кіевскихъ женщинъ въ преданіяхъ, сохранныхъ въ пѣсняхъ, легла память легкомысленности, развращенія и вмѣстѣ съ тѣмъ колдовства. Кіевская кокетка привораживаетъ къ себѣ любовниковъ и мѣняетъ ихъ по произволу. Такова Марина Игнатъевна въ пѣснѣ о Добрынѣ Никитичѣ. Она собираетъ къ себѣ и дѣвицъ и женъ, сводитъ ихъ съ молодцами и сама водится съ дѣтьми со княженецкими и со змѣемъ Горыничемъ — олицетвореніемъ силы, враждебной Русскому элементу, чужеземной, указывающей на пребываніе въ Кіевѣ разнородныхъ племенъ. Она привораживаетъ богатырей къ себѣ:

Разжигаетъ дрова палещатымъ огнемъ;
И сама она дровамъ приговариваетъ:
Сколь жарко дрова разгораются
Со тѣми слѣды молодецкими,
Разгаралось бы сердце молодецкое
Какъ у молода Добрынюшки Никитича.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она умѣетъ перевертывать людей въ звѣрей:

А я-де обернула девять молодцовъ
Сильныхъ, могучихъ богатырей гнѣдыми турами,
А и нынѣ-де отпустила десятого молодца
Добрыню Никитѣевича:
Опъ веѣмъ отамапъ — златы рога.

Другая такая же кокетка грозить оборотить ее въ суку:

А и хошъ, и я тебя сукой оберну.

И сама чародѣйка умѣетъ принимать образы:

А и женское дѣло перелестное,
Перелестное, перенадчивое:
Обернулася Марша косаточкой.

Отсюда, конечно, укоренилось въ народѣ прозвище: кѣвская вѣдьма. Кокетство соединилось съ чародѣйствомъ и волшебствомъ, ибо если женщины привлекали къ себѣ мушкетъ, то это приписывалось волшебству.

Типы добрыхъ женъ рѣдки; въ примѣръ можно указать на Василіеу Микулишну Денисову, которая лучше рѣшила умертвить себя, чѣмъ измѣнить мужу; но за то сама княгиня, жена князя Владиміра, изображается совсѣмъ не правдиво; и о княжескихъ женахъ осталось въ народѣ тоже воззрѣніе, какъ и вообще о женщинахъ. Жена Владиміра красна солнышка любезничаетъ со змѣемъ Тугаринимъ.

Мужекой типъ волокитства, и вмѣстѣ изысканности, является типически въ Чурилѣ Плѣнковичѣ. Это — щеголь, кружитель женскихъ головъ, старорусскій Донъ-Жуанъ, или Ловлаеъ. Опъ такъ занимается собою, что когда ѣдетъ по двору своему, то передъ нимъ несутъ подсолнечники, чтобъ не запекло солнце бѣла лица его. Владиміръ князь ни на что болѣе не могъ употребить его при своемъ дворѣ, какъ только на то, чтобъ созывать гостей на пиръ. Пиръ длится во всю ночь, а когда богатыри разъѣзжаются по домамъ,

Въ тотъ день выпадало снѣгу бѣлаго,
И наши они свѣжій слѣдъ.
Сами они дивуются:
Либо зайка скакалъ, либо бѣлъ горностаѣ.
А ны тутъ усмѣхаются,

говорятъ:

Знать это не зайка скакалъ, не бѣлъ горностаѣ,
Это шель Чурило Плѣнковичъ.

Къ старому Берлятѣ Васильевичу,
Къ его молодой женѣ, Катеринѣ прекрасной.

Сладострастіе Владиміра-язычника, столько наложницъ, жившихъ въ его загородномъ дворцѣ—все это гармонируетъ какъ нельзя болѣе съ распущенностью нравовъ въ то время вообще. Пирь былъ душою общественной жизни. Замѣчательно, что Владиміръ когда крестился и, естественно, потому получилъ наклонность къ мягкости нрава, то, по неизмѣнному народному понятію, показывалъ эту мягкость, эту кротость и любовь христіанскую — въ пирахъ, которые задавалъ народу. Пирь устраивался послѣ всякаго отраднаго народнаго событія, особенно послѣ побѣдъ, какъ и значится подобный пирь послѣ побѣды на день Преображенія Господня надъ Печенѣгами, когда построена была церковь въ Василевѣ. Освященіе было ознаменовано праздникомъ. На всякую недѣлю князь устраивалъ пирь въ гридницахъ на дворѣ. На пирахъ этихъ ѣли мясо скотское и дичь, рыбу и овощи, а пили вино, медъ, который мѣряли проварами (варя 300 проваръ меду). Медъ былъ національнымъ напиткомъ. На пирь созывались не только кіевляне, но и изъ другихъ городовъ. Въ гридницу допускались провать бояре, гридни, сотскіе, десятскіе, цародъ; люди простые и убогіе ѣдали на дворѣ; сверхъ того, по городу возили на колесахъ нищу (хлѣбъ, мясо, рыбу, овощи) и раздавали тѣмъ, которые не могли, по нездоровью, придти на княжескій дворъ.

Эти пирь проходили въ то же время не только въ Кіевѣ, но и въ другихъ городахъ; поэтому, въ пригородахъ кіевскихъ, князь держалъ запасы напитковъ, такъ называемые *медуши*.

Какъ такіе пирь были привлекательны, видно изъ того, что на далекіе вѣка прошла о нихъ память и пирующій князь сдѣлался идеаломъ русскаго довольства жизни, и Владиміръ красно солнышко сталъ синонимомъ добраго и веселаго князя вообще. Въ пѣсняхъ, онъ показывается не просвѣтителемъ Русской земли, а идеаломъ роскошнаго господина; потому онъ остается столько же языческимъ, какъ и христіанскимъ княземъ: одно, что даетъ ему нѣсколько христіанскій колоритъ, это то, что онъ угощаетъ и нищихъ и калѣкъ. По старому русскому понятію, пирь не долженъ былъ обходиться безъ угощенія нищихъ и калѣкъ. Вообще въ сказкахъ южнорусскихъ, добрый князь или король, когда учреждаетъ пирь, то непременно приглашаетъ ихъ. Даже если князь чѣмъ-нибудь затрудняется, что-нибудь хочетъ получить отъ судьбы, то пирь на весь міръ и угощеніе бѣдняковъ есть средство къ

пріобрѣтенію удачи. Памятью древняго сознанія богатства и довольства Кіева и его земли остается въ лѣтописи разсказъ о томъ молодцѣ Бѣлого-родцѣ, который обманулъ Печенѣга (а Печенѣгъ также глуховатъ былъ, какъ и Древлянинъ, въ глазахъ Руссовъ кіевскихъ). Подводя его къ колодецу, гдѣ была поставлена кадъ съ киселемъ, Русскій увѣрилъ Печенѣга, что земля сама производитъ имъ кисель. Здѣсь невольно вспоминаются кисельные берега, медовыя и молочныя рѣчки. Такой же смыслъ роскоши и богатства страны предетавляетъ разсказъ лѣтописца о томъ, какъ дружина сказала Владиміру: *зло нашимъ головамъ! намъ петь деревянными ложницами, а не серебряными!* Кіевскій князь приказалъ сковать серебрянныя ложки для дружины, и говорить: я серебромъ и золотомъ не найду дружины, а дружиною найду серебро и золото, какъ отецъ мой и дѣдъ доискался дружиною злата и серебра.

Это довольство привлекало въ Кіевъ и въ русскую землю съ разныхъ сторонъ жителей. Населеніе Кіева и русской земли не было однородное: тутъ были и Греки и Варяги, Шведы и Датчане и Поляки, и Печенѣги и Нѣмцы, и Жиды и Болгаре. Эта пестрота народонаселенія объясняетъ и преданіе о предложеніяхъ Владиміру принять ту или другую вѣру; если здѣсь нужно искать исторической истины, то предлагавшіе Владиміру вѣру были скорѣе жители Кіева, чѣмъ иноземные апостолы. При Владимірѣ, послѣ его крещенія, при Святополкѣ и при Ярославѣ, Кіевъ быстро развивался и процвѣталъ. При веселой жизни и распущенности нравовъ, кіевляне не имѣли ничего строгаго, подавляющаго; оттого въ Кіевъ и Русскую Землю сбѣгались, по извѣстію Титмара, разнаго рода бѣгле рабы, — тутъ они находили себѣ пріютъ и пропитаніе. Вѣроятно тутъ же себѣ находили люди рабочіе хорошіе заработки; охота строить зданія, украшать дома, призывала туда рабочихъ. Въ Кіевской Землѣ менѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, могъ сохраниться чистый типъ одной народности, когда люди всякаго званія и ремесла скоплялись тамъ отовсюду. Даже тѣ, которые составляли княжескую дружину, — классъ возвышавшійся надъ массою, по значенію и силѣ, — были не Кіевляне по происхожденію, а пришельцы. Это показывается въ былинахъ стараго времени Владимірова цикла. Богатыри пріѣзжаютъ служить Владиміру, — кто изъ Мурома, кто изъ Ростова, кто изъ Царягорода, или съ береговъ Дуная, изъ чуждыхъ далекихъ странъ. Все это даетъ поводъ воображать себѣ старый Кіевъ въ родѣ тѣхъ городовъ, гдѣ наплывъ разнородныхъ типовъ даетъ жителямъ вообще фізіономію смѣси. Даже и Кіевская Земля была населена такою же смѣсью. При Владимірѣ, на лѣвой сто-

ронѣ Днѣпра, населеніе увеличилось не посредствомъ природнаго размноженія народа и не подвиженіемъ его съ правой стороны Днѣпра, а переселеніемъ изъ разныхъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ, странъ Русской системы. *И нача* — говоритъ нашъ лѣтописецъ (подъ 988 г.) — *стави ти города по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежи, и по Суль, и по Стуль, и нача нарубати мужь лучшій отъ Словенъ, и отъ Кривичь, и отъ Чюди, и отъ Вятичъ, и отъ сихъ насели города.* Въ 990 г., онъ населилъ Бѣлгородъ также точно: «наруби въ не отъ нѣхъ городовъ и много людей сведе въ оныя». И здѣсь тоже заселился городъ вмѣстѣ своднымъ народонаселеніемъ изъ разныхъ странъ и городовъ. (Что значитъ *наруби*? Вѣроятно при сводѣ народа для населенія новыхъ мѣстъ употреблялся какой-нибудь обычай дѣлать *зарубки* или замѣтки, по жребію). Такимъ образомъ, переселеніе въ Русскую Землю совершилось изъ Бѣлоруссін, изъ Средней Россіи, изъ Новгородской Земли и наконецъ изъ Чуди. Нельзя думать, чтобы это было первое заселеніе лѣвой стороны, ибо мы знаемъ, что тамъ жили уже народы, и притомъ лѣтописецъ влагаетъ въ уста Владиміру слова: «се малъ городъ около Кіева», т. е. мало городовъ, а не мало жителей. Жители жили въ деревняхъ и для защиты ихъ не пужно было городовъ, и поэтому онъ призвать или переселилъ лучшихъ людей изъ чужихъ народовъ — не земледѣльцевъ, не смердовъ, но способныхъ къ оружію. Это должно было способствовать образованію въ нѣкоторомъ смыслѣ высшаго сословія, ибо въ тотъ вѣкъ люди, посвященные военнымъ занятіямъ и оборонѣ края, должны были пользоваться уваженіемъ и преимуществами предъ простымъ народомъ; а военные — мужи города — были люди разнаго происхожденія и, слѣдовательно, составляли сами по себѣ общество, отдѣльное отъ массы народа и несвязанное съ ними этнографическимъ единствомъ и мѣстными преданіями.

При свободѣ и распущенности, при стеченіи разнохарактернаго народа изъ близкихъ и далекихъ сторонъ, не удивительно, что отъ этого древняго періода нашей исторіи сохранились черты, показывающіе тогда дурное состояніе нравственности. Въ Кіевѣ и въ Русской Землѣ происходили убійства и безчинства. Лѣтописецъ говоритъ: *умножишася разбоеве*; слово *разбоеве*, какъ видно изъ Русской Правды, нельзя принимать въ нашемъ смыслѣ этого слова; оно выражало тогда сеоры, поединки и драки. Какъ вообще въ торговомъ городѣ, гдѣ любятъ богатства, гдѣ комфортъ своего рода предпочитается всему, въ Кіевѣ человекъ дѣлался продажнымъ. Эта продажность очень высказывается и тѣмъ, что еписко-

пы и старцы сказали о казни убійць: у насъ войны часто, а когда виру брать, то будетъ на оружье и на лошадей (Рать много; оже вира, то на оружье и на конехъ буди). У князей Святополка и Ярослава являются черты, воспитанныя на Кіевской почвѣ: и дикость язычества и развращеніе столицы. Святополкъ былъ пьяница и сибаритъ, гуляка и наглый злодѣй. »Лютъ бѣ граду тому, въ немже князь юнъ, любяй ширы, вино съ гусельми и съ младыми совѣтниками«. Святополкъ любилъ пожить, повеселиться и не останавливался ни предъ какимъ злодѣяніемъ. Ему мѣшали братья. За чѣмъ съ ними дѣлиться, когда можно взять одному? Едва ли здѣсь, какъ нѣкоторые толковали, руководила имъ месть за отца Ярополка, и ни въ какомъ случаѣ не подвигало его сознательное стремленіе къ единовластію, съ видами политическими: то были порывы необузданнаго пьяницы, развращеннаго гуляка и легко было ему найти исполнителей въ массѣ разноплеменнаго и развращеннаго края; имена ихъ указываютъ на иноземное происхожденіе. Имя Еловить—какъ-будто Сербское, имя Лешко показываетъ, что отецъ его былъ Ляхъ родомъ. И съ другой стороны, у Бориса былъ отрокъ Угринъ. Совершивши злодѣянія, Святополкъ долженъ былъ обезопасить себя отъ Кіевлянъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ же они признаютъ княземъ братоубійцу? Но Кіевлянъ легко было привести къ признанію княжескаго достоинства за злодѣемъ. »Создавъ люди, пача даяти овѣмъ коръзни (одежды), а другимъ кунами, и разда множество«. Кто были эти люди — или передовые въ городѣ, бояры, или простой народъ? И то и другое возможно, а неясность поставляетъ насъ въ неудомѣніе относительно этого важнаго обстоятельства. Отъ кого бы ни зависѣла судьба Кіева, а съ нимъ и цѣлой Руси, въ то время: отъ избранныхъ ли классовъ, или отъ народа, — въ томъ и другомъ случаѣ легко можно было торжествовать неправдѣ и прикрыться продажности. Дѣйствительно, Святополкъ даже могъ обдарить цѣлый Кіевъ. Все вознаградилося бы, коль скоро онъ начнетъ собирать дань съ подвластныхъ народовъ и областей. Вотъ здѣсь открывается народная мѣстная черта. Еще народъ Кіевскій не впалъ въ рабскую покорность, но могъ подпасть подъ всякую неправую власть посредствомъ приманки его матеріальными выгодами. Съ другой стороны, Ярославъ, прославленный лѣтописцемъ столько же, сколько былъ проклинаемъ Святополкъ, по нравственнымъ своимъ понятіямъ недалеко былъ выше Святополка; хитрый, жестокій, онъ вполне обрисовывается въ поступкѣ своемъ съ Новгородцами, которыхъ, за избіеніе чужеземцевъ Варяговъ,

созвавши тайно къ себѣ, перебилъ. Другой, не менѣе возмутительный, поступокъ этого князя былъ съ роднымъ братомъ Судиславомъ.

Чувственность, порывы наслаждаться жизнью, производя возвращеніе правовъ, не убивали однако въ народѣ воинственнаго элемента, не доводили его до той изнѣженности, при которой народъ дѣлается неспособнымъ ни къ общему предпріятію, ни къ общему самосохраненію. Столкновенія съ иноплемениками, какъ выше мы сказали, не давали уснуть его молодымъ силамъ. Въ пѣсняхъ великорусскихъ о Кіевскомъ періодѣ, гдѣ хотя послѣдующіе вѣка положили сильно свой колоритъ, но гдѣ, тѣмъ не менѣе, нельзя не видѣть основы глубоко древней, въ характерѣ тогдашнихъ богатырей, вмѣстѣ съ чувственностію, показывается и удалъ и богатырство. На самыхъ пирахъ отправлялись разныя пробы удалства: борьба, стрѣлянье изъ лука въ цѣль:

Будетъ день въ половину дня,
 Будетъ столъ въ полустолѣ,
 Богатыри прирасхвастались молодецкой удалю.
 Алешенька Поповичъ, что бороться гораздъ,
 А Добрыня Никитичъ — гораздъ его,
 А Дунай сынъ Ивановичъ изъ лука стрѣлять,
 По той было мѣточкѣ стрѣлять въ золотъ перстень,
 Что во ту было ставочку муравлену.

Даже женщины показываютъ удалство. Такова жена Дуная, погибшая нечаянно отъ любившаго ея мужа, который хуже ея стрѣлялъ въ цѣль; такова жена Ставра-боярина, героиня, освободившая своего супруга отъ тюрьмы. Всѣ онѣ не Кіевлянки. Но въ Кіевъ, вмѣстѣ съ крещеніемъ и возвращеніемъ, приходили и свѣжія нравственные стихіи жизни. Разгульная, веселая жизнь Кіевлянъ смущалась безпрестанными набѣгами Печенѣговъ. Битвы съ ними носятъ на себѣ поэтическій характеръ. Къ намъ перешли черезъ лѣтописи два разказа, очень поэтическіе, о битвѣ на мѣстѣ нынѣшняго Переяслава и о хитрости въ Бѣлгородѣ. Какъ народны были эти разказы и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ народны и значительны были тогдашнія войны съ Печенѣгами, достаточно видно изъ того, что разказъ о богатырѣ, побѣдившемъ Печенѣговъ, до сихъ поръ живъ въ памяти народной. Въ древніе годы — разказываетъ преданіе — явился подъ Кіевомъ змѣй и побѣдивъ Кіевлянъ, наложилъ на нихъ дань — по юности и по дѣвницѣ. Давали горожане; пришла очередь и князю (замѣтимъ мимоходомъ, что это уравненіе правъ князя съ простыми смертными есть, въ существующей теперь пѣснѣ, остатокъ древняго взгляда, когда дѣйствительно о князѣ, хотя бы сильномъ и самовластномъ по обстоятель-

ствамъ, не имѣли такого понятія, какъ о государѣ). Князь далъ змѣю дочь свою. Змѣй полюбилъ ее страстно. Однажды кіевская княжна приласкалаеь къ нему и говоритъ: а що, зміюно, чи є такий на свѣті, щобъ тебѣ подѣжавъ? «Змѣй отвѣчалъ:» есть, не далеко отъ Кіева, Кожемяка Кирило: какъ затопить печь, такъ дымъ стелется подь облака; а какъ выѣдетъ на Дибирь мочить кожи, то несеть ихъ не по одной, а разомъ двѣнадцать штукъ; какъ онѣ наштаются водою, то такъ отяжелѣють, что я, пробуя, цѣплялся за нихъ, думалъ вытянуть, ашъ пѣтъ! а онъ какъ потянуудъ, такъ и меня чуть съ ними не вытащилъ.»

Быль у княжны голубокъ, съ которымъ она пришла къ змѣю. Она напсала зашсочку и привязала къ голубку; въ зашсочкѣ, она дала знать отцу: есть въ Кіевѣ человекъ Кирило Кожемяка; просите его черезъ старыхъ людей, не побѣтсея ли онъ со змѣемъ и меня бѣдную не вызволить ли?

Когда голубокъ спустился на землю въ княжескомъ подворьѣ,—княжескіе дѣти играли по двору и, увидѣвши голубка, закричали: «татусю, татусю! голубокъ одъ сестрички прилетѣвъ!» Поймали голубка. Прочитавъ зашсеку, князь созвалъ старцевъ и допросился отъ нихъ о силачѣ. Послали стариковъ къ Кирилу Кожемякѣ. Отворивъ двери его хаты, они застали его сидящаго за работою къ нимъ спиною: онъ миль кожи. Старцы кашлянули, какъ обыкновенно дѣлають малоросейяне, желая дать знать о своемъ присутствіи. Кожемяка вздрогнулъ, испугавшись внезапности, и разорвалъ двѣнадцать шкуръ, которыя держалъ въ рукахъ и чрезвычайно разсердился на гостей, обезпокоившихъ его и надѣлавшихъ ему убытку. Никакъ не могли упросить его. Князь послалъ къ нему молодыхъ (дружину),—и тѣ не упросили разсерженнаго богатыря. Наконецъ послали къ нему дѣтей: тѣ упросили его. Онъ явился къ князю, потребовалъ двѣнадцать бочекъ смолы и двѣнадцать возовъ конопляныхъ *повісомъ*, намазалъ повісма смолою, обмотался ими, взялъ въ руки десятипудовую булаву, и пошолъ къ змѣю. Змѣй, увида его, спрашиваетъ:—що, Кирило, чо́го приишовъ до мене: бѣтъця, чи мирѣтъця?—Дѣ вже тамъ мирѣтъця! отвѣчалъ богатырь: приишовъ зъ тобою бѣтъця.—Змѣй вырвалъ съ Кожемяки зубами коноплю; Кожемяка билъ булавою змѣя въ голову. И когда змѣй, разъярившись, не могъ вытерпѣть и бѣгалъ пить дибпровскую воду, чтобъ сколько нибудь придти въ свѣжія силы, Кожемяка успѣвалъ слова обматывать коноплями мѣста, вырванныя змѣиными зубами; и снова начинался бой. Кожемяка билъ булавою въ голову змѣя, и расходился по окрестностямъ такой стукъ, какой бываетъ отъ множества работаю-

щихъ кузницъ. Въ Кіевѣ между тѣмъ звонили въ колокола, служили молебны, а народъ стоялъ на горахъ съ поднятыми къ небу руками и испрашивалъ Божіей помощи своему богатырю. Наконецъ змѣй палъ. Кирило сжегъ мертвое чудовище и пустилъ на чѣтыре стороны свѣта его пепель, — и сдѣлалъ не хорошо: изъ этого пепла расплодился всякая дрянь на свѣтѣ: комары, мухи, мошки. Но это послѣ непытали люди; а въ тотъ день, когда Кирило привелъ къ князю освобожденную дочь его, радость была немовѣрная въ Кіевѣ.

Эта народная повѣсть, по своей основѣ, есть остатокъ древняго языческаго эпоса. Связь ея съ исторіей того богатыря, о которомъ говорится въ лѣтописи, не подлежитъ сомнѣнію. Черты: его гнѣвъ, его упрямство, его занятіе — все представляетъ сходство съ разсказомъ нашего лѣтописца. До сихъ поръ подь Кіевомъ существуетъ *байракъ* съ хатами, висящими на двухъ обрывистыхъ горахъ. Это мѣсто называется *кожемяки* и народъ связываетъ это названіе съ именемъ Кирила Кожемяки.

Одною изъ разительнѣйшихъ чертъ древняго времени было *побратимство* или *названное братство*. Это былъ союзъ двухъ, трехъ и болѣе постороннихъ, не родныхъ между собою, лицъ, обязавшихся другъ другу помогать, другъ за друга сражаться, другъ друга избавлять, вызволять отъ опасностей, другъ за друга жертвовать жизнью и хранить пріязнь и братство дружбы непорушимо. Этотъ обычай очень древній. Его слѣды встрѣчаются у Скивоовъ. Г. Новосельскій, въ своемъ сочиненіи—*Lud Ukrainŝki*, очень кстати представилъ на видъ разсказъ изъ диалоговъ Лукіана о трехъ Скивоахъ, заключившихъ между собою союзъ дружбы. Грековъ изумлялъ тогда этотъ варварскій обычай. Какое отношеніе имѣли къ намъ древніе Скивоы, до этого нѣтъ дѣла при определеніи значенія нашего побратимства или названнаго братства; довольно только, что оно существовало издавна на нашей почвѣ. Однакія обстоятельства производятъ сходныя слѣдствія. «У васъ, Грековъ, — говорилъ имъ Скивоъ, — нѣтъ истинной дружбы; но у насъ, гдѣ безъ войны не обойдешься, гдѣ надобно или нападать, или ждать нападенія, или оборонять свои поля, или грабить чужія, — дружба необходима; нужно имѣть друзей, которые бы на всякую бѣду отважились.» Въ такомъ сходномъ положеніи была тогда Южная Русь. Богатыри, которыхъ имена блестятъ такимъ эпическимъ сіяніемъ, не многи. Владиміръ часто долженъ былъ посылать удалыхъ высматривать, нѣтъ ли Печенѣговъ, а послѣдующіе князья — Половцевъ; другіе должны были ѣздить къ князьямъ

или отъ князей, или помогать имъ отъ себя для сбора даней; и тамъ и здѣсь имъ было небезопасно: надобно было пріобрѣтать друзей. Свято (читилось это названіе братства или побратимства: измѣна брата чувствительнѣе казалась всякаго лишенія. Въ былинѣ о Ваенлиѣ Даниловой, когда, угождая необузданному произволу сладострастнаго князя, пошелъ на ея мужа, Данила Денисьевича, названный братъ Добрыня Никитичъ, Данило заплакалъ горькими слезами:

И гдѣ это слыхано, гдѣ видано:
Братъ на брата съ боемъ идегъ?

И Данило не пережилъ такого ужаса:

Береть Данило свое востро копье,
Тупымъ концемъ втыкать во сыру землю,
А на вострый конецъ самъ уналь.

Это-то уваженіе къ святынь дружбы произвело болгарское сочиненіе и распространило свою у насъ легенду о братствѣ, гдѣ Исусъ Христосъ устанавливаетъ братство.

Вотъ начало того братства, которое такъ сродно южнорусскому народу и составляетъ нѣкоторую характеристическую черту позднѣйшей исторіи его.

Вмѣстѣ съ богатырскимъ побратимствомъ, или названнымъ братствомъ, является подобное же въ монастыряхъ — братство духовное. Названныя братства Алексея Поповича, Ильи Муромца, отозвались впоследствии въ Запорожской Сѣчи, а духовное братство первыхъ монастырей приготовило церковныя братства XVII в., отстоявшія религію греческую отъ наслія западнаго.

Побратимство никогда не прекращалось въ Украинѣ, какъ и въ Дунайскихъ Славянскихъ земляхъ. Главный и древнѣйшій символическій знакъ этого нравственнаго обычая есть обмѣна драгоценныхъ вещей или взаимный даръ. Теперь существуетъ этотъ обычай не только между мужчинами (или лучше — не столько между мужчинами, сколько между женщинами), но и женщинами — *посестримство*. Оно состоитъ въ обмѣнѣ крестовъ. Такой же обрядъ побратимства видѣнъ и въ разговорѣ воеводы Претича съ печенѣжскимъ княземъ въ 962 году: *рече же князь печенѣжскій къ Прѣтичу: буди ми другъ. Онъ же рече: то же створю. И подаста руку межю собою, и въздасть печенѣжскій князь Претичю: конь, сабля, стрѣлы; онъ же дастъ ему: броню, щитъ, мечъ.*

Во время борьбы Святополка съ Ярославомъ, Кіевъ первый разъ попадаетъ въ руки чужеземцевъ. Болеславу такъ понравилось въ Кіевѣ, какъ нѣкогда Святославу въ Переяславцѣ. Народъ южнорусскій былъ въ такомъ же отношеніи къ Польскому, какъ Болгарскій къ Русскому. Какъ Русскіе, при Святославѣ, могли принять Болгарію за продолженіе Руси, такъ и Болеславъ—Русь за продолженіе Польши. Русскіе не противились, когда Болеславъ поставилъ на покорѣ, по городамъ, свои дружины, а самъ засѣлъ въ Кіевѣ. Но потомъ, когда чужеземное соседство имъ надоѣло, приняты были средства не рыцарскія, именно такія, какія были вполнѣ согласны съ характеромъ населенія. Святополкъ, князь Кіева, руководилъ народомъ. Поляковъ избивали тайно. Поляки бѣжали, Ярославъ сдѣлался княземъ Кіевскимъ и правилъ, окруженный чуждою силою. Роль однихъ чужеземцевъ, Поляковъ, смѣнилась ролью другихъ—Варяговъ-Шведовъ. Это было время, когда Скандинавы, просвѣтившись христіанствомъ, начали показывать энергическую дѣятельность въ новой сферѣ; охота странствовать по-свѣту для разбоевъ замѣнилась нѣсколько болѣе законнымъ способомъ—стали заниматься въ военную службу греческихъ императоровъ. Явились собственно такъ называемые Варяги или Варяги; они во множествѣ проходили черезъ Русь по Днѣпру. Кіевъ былъ ихъ временнымъ пристанищемъ. Тогда князья нашли удобнымъ приглашать ихъ, и вотъ они также, какъ и въ Греціи, у насъ являются съ тѣмъ же значеніемъ наемнаго сословія. Связь съ Норманами уже была очень значительна при Владимірѣ, какъ показываетъ сага Олафа Тригвасона. Князь Ярославъ, еще живучи въ Новгородѣ, женился на Ингердѣ, дочери короля Свенона. По поводу этого брака, много Нормановъ приходило къ намъ. По связямъ съ Швеціей, Ярославъ воспитывалъ у себя Олахова, сына Магнуса и отдалъ дочь свою за Гаральда Гардраде, Норвежскаго короля. Около княгини были одноземцы. По брачному договору съ Ингердой, Ладога была уступлена Ярлю Рагвальду. Съ помощію Варяговъ удержался князь на столѣ Кіевскомъ. Но какъ видно, Варяги векорѣ надоѣли ему, и Ярославъ, вида, что уже уѣлся крѣпко, вышпроводилъ ихъ въ Грецію. Тѣмъ кончилось кратковременное норманское вліяніе, продолжавшееся лѣтъ около 70-ти.

Намъ неизвѣстны подробности управленія Кіева и другихъ городовъ Южнорусскаго края, на столько, чтобы судить отношеніе его къ народному быту. Мы, однако, видимъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ, что народъ раздѣлялся на сотни и десятки, были сотскіе и десятскіе, вѣроятнo, выборные; по городамъ вмѣсто князя были княжескіе посадники (намѣстни-

ки) и старцы—старѣйшины изъ туземныхъ жителей. Близкіе князю лица носили общее названіе *дружины*; это было вмѣстѣ и военное сословіе и стража княжеская и совѣтники его. Владиміръ, по извѣстію лѣтописца, совѣтовался съ дружиною «о строи землянѣмъ, и о ротахъ и уставѣ земскѣмъ». Слово бояре употребляется въ другихъ мѣстахъ въ смыслѣ первенствующихъ лицъ, не принадлежавшихъ къ составу дружины. Бояре, какъ кажется, были старѣйшины Земли, или народа. Коль скоро былъ народъ, была и земля, съ землею соединялось понятіе бояра. Такъ различаются бояре по городамъ, бывшимъ центрами земли или ея отдѣловъ, наприм. бояре вышгородскіе, бояре бѣлогородскіе: это были лица, которыхъ значеніе соединялось съ мѣстностію, по какой они назывались. Чтѣ бояре отличались отъ мужей княжескихъ, это указываетъ въ житіи св. Владиміра, гдѣ говорится, что св. князь ставилъ трепезу *собѣ и бояромъ своимъ и всѣмъ мужемъ своимъ*. Часть дружины, окружавшей князя, составляла то, чтѣ называлось *гриди* (лит. greitis—прислѣбники, служители). Въ важныхъ дѣлахъ князь не начиналъ самъ собою ничего, а совѣтовался съ боярами, и дружиною, и старцами людскими. Подъ послѣдними разумѣлись выборные народомъ должностные лица. Какъ ихъ выбирали и какой объемъ былъ ихъ власти и обязанности, теперь напрасно хотѣли бы мы разъяснить. Со времени побѣды надъ Хазарами съ одной стороны, а потомъ съ знакомствомъ съ Греціею, на князѣ, предводителѣ дружины, отчасти ложится отпечатокъ восточнаго вліянія. Замѣчательно, что, въ словѣ Иларіона, Владиміръ называется Хаганомъ. Это указываетъ на вліяніе восточно-хазарскаго элемента, который могъ бы, совокупно съ византійскимъ, водворить, подтвердить и укрѣпить единовластіе и значеніе царственности княжескаго достоинства, если бы развитіе удѣльности не помѣшало этому тотчасъ же. Невозможно опредѣлить, чтѣ брало перевѣсъ — восточный элементъ или свобода; и то и другое было въ зародышѣ, какъ и удѣльность и единовластіе. Возвышеніе чловѣка за услуги могло быть по волѣ князя. Такъ богатыря, который побѣдилъ Печенѣжскаго исполина на мѣстѣ, на которомъ построенъ былъ Перелеславль, Владиміръ сотворилъ великимъ мужемъ. Слѣдовательно, существовало понятіе о нареченіи на высшее достоинство, о пожалованіи. Даже существовали вишнія украшенія, означающія отличія. Такъ на Георгін Угринѣ, отрокѣ Бориса, была гривна золотая, повѣшенная княземъ ему на шею, въ знакъ особаго расположенія.

Недостаточность источниковъ не даетъ намъ права представить, до

какой степени власть князя поглощала личную дѣятельность народа и общественную. Не было институтѣй ни поддѣржавших княжескую власть, ни указывающих ей предѣлы. Несомнѣнно то, что, съ одной стороны, князь не утвердилъ еще въ себѣ понятія о царственности и о недоступности своей особы для прочихъ смертныхъ, съ другой—и народъ не развилъ въ себѣ идеи свободы въ отношеніи съ властію. Князь Владиміръ совѣтовался съ боярами и старцами людскими, призвалъ также къ себѣ сотскихъ и десятскихъ народа. Ни въ это время, ни послѣ, не видимъ мы ничего, что бы ставило князя на неприступную высоту величія. Владиміръ шировалъ со своими богатырями, какъ съ равными, или по крайней мѣрѣ не такъ, какъ съ рабами. Но бояре и дружина не имѣли, кажется, ничего строго родового, ибо послѣ смерти Владиміра, по извѣстію лѣтописца, плакали по немъ два рода людей: *бояре и убоиѣи*. Раздѣляя такимъ образомъ народъ, лѣтописецъ хотѣлъ выразить словомъ бояре—люди съ достаткомъ, въ противоположность бѣднякамъ—убогимъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, въ томъ же мѣстѣ, поясняется слово бояре выраженіемъ: *плакали бояре, яко заступника ихъ земли, а убоиѣи, яко заступника и кормителя*. И такъ бояре были владѣтели земли, ибо земля представляется ихъ достояніемъ; охраняя землю, князь охранялъ бояръ. Въ Русской Правдѣ также имя бояршии употребляеть въ смыслѣ владѣтеля земли. Естественно, что тѣ, которые владѣли землями, имѣли и голосъ и составляли вмѣстѣ съ княземъ власть; дружина же состояла изъ тѣхъ, которые охраняли князя и города, подвергавшіеся непрерывнымъ опустошеніямъ.

Вообще, однако, древній духъ южно-русскаго народа представляетъ уравнительное начало общественныхъ условій, какъ это показываютъ древнія сказки, на которыхъ лежитъ отпечатокъ глубочайшей старины. Хотя въ нихъ являютея князья, короли и королевичи, за то сказка всегда хочетъ представить своего богатыря изъ незначительнаго происхожденія, или если даже сына королевскаго, то даетъ ему значеніе по чему нибудь униженное предъ другими, дабы послѣ выставить на показъ ту мысль, что вотъ тотъ, который сначала былъ меньшимъ всѣхъ по людскому понятію, стоить уваженія; на кого меньше возлагали надежды, тотъ вышелъ и дѣльнѣе и полезнѣе всѣхъ. Много есть сказокъ, гдѣ играетъ роль мужицкіи сынъ и притомъ сынъ мужика бѣднаго, а въ одной, въ фантастической, сынъ собаки (сучичъ) беретъ верхъ надъ сыномъ королевскимъ и спасаетъ его отъ всякихъ бѣдъ.

Въ то время, когда въ Кіевѣ образовывалось такое, повидимому, разлагавшее общество, явилась нравственная оппозиція этому разращенію

въ монастырѣ Печерекомѣ. Съ самого появленія христіанства, новѣй духовный элементъ долженъ былъ ратовать противъ языческаго образа понятій и всего теченія жизни подъ языческими привычками. Въсто эгоистической преданности своимъ чувственнымъ пожеланіямъ, являются примѣры любви къ ближнему, помощи страждущему. Духовенство является съ оружіемъ одного слова, становится на челѣ народа, живущаго матеріальною силою. Уваженіе говокрещеннаго Владиміра къ епископамъ указываетъ на первую готовность подчинять языческую гордыню и необузданность христіанскому смиренію. Князь построилъ десятичную церковь, — со всѣхъ его доходовъ назначена 10 часть на эту церковь; изъ житія св. Владиміра, писаннаго близкимъ къ нему по времени лицомъ, видно, что это назначалось для содержанія *духовенства и помощи сиротамъ и вдовамъ* (Христ. Чт. 1849, II. 307).

Вмѣсто уваженія къ силѣ и презрѣнія къ слабости (это столь естественно въ первобытныя времена цивилизаціи) является противное тому—уваженіе къ нищетѣ, и даже обоготвореніе страданія. Въра христіанская указываетъ другую цѣль жизни, открываетъ надежду на загробныя блага; вся здѣшняя жизнь не имѣетъ цѣны сама для себя. Страданія, терпѣніе за правду, ведутъ къ достиженію царствія Божія. Кто страдаетъ, тотъ получаетъ награду за свое страданіе по смерти. Отъ этой идеи возникла другая: не только не должно убѣгать отъ страданія — слѣдуетъ искать его. Это идея, новая для Русскихъ, вошедши къ намъ съ Православіемъ, какъ вообще всякое новое направленіе, приобрѣла себѣ тотчасъ же горячихъ послѣдователей. Образовался такой взглядъ на новую вѣру, что сущность ея состоитъ въ постѣ, удрученіяхъ плоти и самопроизвольномъ страданіи. Увлеченные этимъ убѣжденіемъ некали страданія. Симонъ, епископъ Владимірекій, питомецъ Печерекаго монастыря, въ своемъ посланіи выразился: *вопрошаю же тя: чимъ хочещи спасстися? аще и постникъ еси или трезвитель о всемъ и нищъ и безъ сна пребывая, а досажденія не терпя, не оузрши спасенія*. Подъ влияніемъ этого, внесеннаго къ намъ извнѣ, убѣжденія о необходимости страданія и терпѣнія для угожденія Богу, образовалось у насъ скоро послѣ принятія христіанства аскетическое направленіе: монастырское затворничество, изнуреніе себя голодомъ, безсонницею и трудами, и безпрестаннымъ обращеніемъ мысли и чувства къ духовному міру. Направленіе это, конечно, разнесли у насъ Греки, монахи и паломники, которые тотчасъ же послѣ крещенія Русей странствовали по городамъ и селамъ Русской Земли. Это видно изъ житія Θεодосіева. Настроенный уже

къ чудесному, къ которому имѣлъ склонность по своей натурѣ, Θεοδοσίη встрѣтился со старцами и любезныя цѣлова ихъ и вопросы ихъ: *откуда суть и камо грядуть? Ошмъ же рекшимъ, яко отъ святыхъ мѣстъ есма.* Вотъ, видно, векорѣ послѣ принятія христіанства, у насъ странствовали восточные паломники между народомъ и они-то, своими разказами, своимъ ученіемъ, своими образами блаженства будущей жизни, бросили сѣмя аскетическаго направленія въ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, начали распространяться книги, переведенныя съ греческаго, житія святыхъ, гдѣ аскетическая жизнь выставлялась, какъ образецъ.

Говоря въ обширномъ смыслѣ, православное ученіе о страданіи и терпѣніи за правду и вѣру можетъ быть очень разнообразно и способно избрать тотъ, другой и третій исходъ, смотря по настроенію и характеру народнаго быта. Идея терпѣнія можетъ различно проявляться. У насъ, по-видимому, сначала это аскетическое направленіе стало проявляться въ паломничествѣ или странничествѣ, ибо Антоній, первый изъ подвигоположниковъ, отправился на Афонскую гору; Θεοδοσίη также устремился было къ святымъ мѣстамъ, но скоро это направленіе измѣнилось и обратилось къ отечеству. Центромъ подвижничества сдѣлался Кіевъ. Страннымъ можетъ показаться нѣкоторымъ то обстоятельство, что люди, искавшіе уединенія, избрали мѣсто близъ многолюднаго и, какъ мы уже по-казали, сластолюбиваго города, а не гдѣ-нибудь вдаль отъ центровъ гражданственности и торговли. Но вмѣстѣ съ желаніемъ спасенія въ уединеніи самому, аскетами руководило еще желаніе и другихъ увлечь къ такому же добровольному терпѣнію, а Кіевъ былъ изъ всѣхъ городовъ болѣе христіанскій въ то время, слѣдовательно, какого бы рода ни была христіанская проповѣдь, нигдѣ столько не могла имѣть успѣха и найти себѣ послѣдователей. Примѣръ Θεοδοсіа, отъ котораго осталось нѣсколько проповѣдей, показываетъ, что эти аскеты были не только труженики, но и проповѣдники, учителя, пропাগаторы монастырскаго житія.

Вмѣстѣ съ религіозными преданіями Востока, зашли къ намъ повѣсти о богоугодившихъ Оивандскихъ отцахъ, которые жили не въ домахъ, а въ пещерахъ, и сами себѣ ихъ искапывали. Въ древности, какъ извѣстно, кромѣ аскетическаго настроенія, къ этому побуждали и гоненія на христіанство и необходимость прятаться отъ преслѣдователей и враговъ. Это правилось у насъ и сохранялось даже до позднѣйшихъ временъ. Многіе, желая угодить Богу, копали пещеры. Первый, начавшій копать пещеру, былъ Иларіонъ, священникъ бывшій въ Берестовѣ, котораго

Ярославъ послѣ сдѣлалъ кievскимъ митрополитомъ. Богоугождение въ копаніи пещеръ заключалось въ томъ, что человекъ томилъ себя произвольнымъ трудомъ, съ мыслию — принести себя самого въ жертву. Явился Антоній. Житіе, внесенное и въ лѣтопись, не говоритъ о томъ, какъ вошла къ нему идея идти въ Афонскую гору и кто былъ его наставникомъ. Вѣроятно, любечскій юноша, будущій начальникъ монашескаго житія въ Россіи, получилъ первыя сѣмена этого аскетизма отъ какихъ нибудь грековъ, какъ и Θεодосій, о которомъ говорится, что онъ встрѣтилъ старцевъ изъ Святой Земли и пожелалъ съ ними идти на Востокъ. Незвѣстность, какимъ образомъ вошла Антонию мысль идти въ святую гору и съ кѣмъ онъ дошелъ туда — для насъ большая потеря. Несомнѣнно то, однако, что полное развитіе аскетизма въ немъ совершилось уже на Святой Горѣ, ибо и житіе его (въ нашей лѣтописи) говоритъ, что онъ, обходявъ афонскіе монастыри, получилъ желаніе принять ипоческій образъ; тогда монахи греческіе отправили его въ Русь и сдѣлали изъ него проповѣдника аскетическаго благочестія. Ему предсказали, что отъ него *черницы мнози быти плутъ*. Антоній, слѣдовательно, возвращался въ отечество съ сознаниемъ призванія своего и съ убѣжденіемъ, что ему суждено основать въ Россіи монашеское житіе; онъ явился въ Кіевъ, а не куда-нибудь, въ Кіевъ, потому что тамъ уже были и монастыри, заведенные тотчасъ же прозелитами послѣ крещенія. Но, какъ видно, эти монастыри были не таковы, какъ святогорскіе, и житіе въ нихъ не было то, какого образъ составилъ въ созерцательной головѣ Антонія. Антоній поселился въ пещерѣ, непокапанной Иларіономъ; получивши митрополичій санъ, послѣдній оставилъ ее; Антоній полюбилъ это мѣсто и началъ тамъ жить, изнуряя себя воздержаніемъ, вкушая только хлѣбъ и воду, и то чрезъ день. Скоро, однако, слава его разнеслась по Кіеву: христіане, зная изъ поученій своихъ священниковъ, что древніе святые проживали въ пещерахъ и тѣмъ угождали Богу, приходили къ Антонию, приносили ему все потребное и удивлялись его подвигамъ. Такъ, это была первая школа, не только словомъ, но и дѣломъ и примѣромъ распространившая и утвердившая въ народѣ то неизмѣнное до сихъ поръ понятіе, что сущность христіанскаго спасенія достигается самопроизвольными трудами, изнуреніемъ и всевозможнѣйшимъ терпѣніемъ и страданіями. Антоній не былъ однимъ изъ такихъ лицъ, которые способны энергическою практическою дѣятельностію основать, укрѣпить и поддержать создаваемое зданіе. Это была натура, какъ видно, кроткая, мягкая. Біографъ его необинуясь говоритъ, что онъ былъ

кротъ умоля. Когда къ нему сошлось нѣсколько братій, то онъ устроилъ имъ церковь, назначилъ игумена, а самъ удалился въ пещеру, гдѣ пробылъ сорокъ лѣтъ. Лѣтописное житіе говоритъ, что онъ не выходилъ оттуда никогда; въ житіи св. Θεодосія говорится, что онъ вышелъ къ его матери.

Напротивъ, другой святой мужъ, Θεодосій, послѣдовавшій за Антошіемъ, былъ совѣмъ другого характера. Это былъ человѣкъ столько же суроваго аскетизма, сколько и практической дѣятельности. Это былъ человѣкъ, для котораго недостаточно было думать о собственномъ спасеніи, онъ чувствовалъ въ себѣ силы дѣйствовать на ближнихъ, это былъ человѣкъ, желавшій спасти и другихъ — мужъ, дающій инициативу, руководящій духомъ времени. Въ терпѣніи онъ не уступалъ Антошію. По словамъ, говоритъ жизнеописатель его, святой Θεодосій выходилъ надъ пещеру, облачалъ свое тѣло до пояса и въ такомъ положеніи прядъ волну, отдавая тѣло свое на съѣденіе комарамъ и мошкамъ, и въ тоже время пѣлъ псалтырь; но этотъ человѣкъ не довольствовался самозаключеніемъ въ пещерѣ. Онъ создалъ монастырь, устроилъ общину воздержанія и самопроизвольнаго терпѣнія и нестяжанія. Въ немъ является качество законоположника, зодчаго; потому онъ прежде всего выписалъ изъ Греціи студійскій уставъ, пославъ въ Константинополь одного изъ благочестивыхъ братій. Когда принесли этотъ уставъ, устроитель приказывалъ читать его передъ братіей, ввелъ строгіи порядки, наблюдавшіеся во всѣхъ видахъ повседневной жизни. Прежде чѣмъ построены были монастырь, братія жила подъ землею въ тѣсныхъ пещерахъ, по подобію Оивандекскихъ отцевъ, и сильно скорбѣла — говоритъ ихъ жизнеописатель — отъ тѣсноты мѣста. Понятно, что для русекой природы, любящей просторъ, показывающей эту склонность повсемѣстно, не могло быть ничего хуже тѣсноты. Братья ѣли хлѣбъ и воду, *въ субботу же и въ недѣлю сочива вкушаху; многожды и въ тѣ два дни, не обрѣтающуся сочиву, зелья сваривше, и то пяху едино.* Трудъ постоянный считался необходимостью, отшельникъ долженъ былъ пытаться неперемѣнно отъ своихъ трудовъ: *еще же руками своими дѣлаху — ово ли копытця плетуце и колбуки и иная ручная дѣла строяще и тако, носяще въ градъ, продаваху и тѣмъ житю купляху и се раздѣляху, да каждо въ пощи свою часть измльше, на оустроеніе хлѣбомъ; также потомъ начатокъ пльню утрениему створяху, и тако паки дѣлаху ручное свое дѣло; другоици же въ оградѣ копаху зеленаго ради растенія —*

дондеже бываше утреннему славословію, и того часа въкупъ съшедшея въ церкви, пелія часовъ творящу, и тако святую литургію свершивше и тако вкусивше мало хльба, и пакы дѣло свое каждо имьяше, и тако по вся дни трудящеся. Когда накопецъ состроенъ былъ Печерскій монастырь и Оеодосій былъ его начальникомъ, онъ старался умножить монаховъ, принималъ всякаго, но держалъ ихъ въ подчиненіи и постоянно наблюдалъ, чтобы братія не облегчала себѣ подвиговъ спасенія. Уже тогда братія жила въ кельяхъ; каждую ночь Оеодосій обходилъ кельи и смотрѣлъ, кто что дѣлаеть; не входя въ кельи, онъ не рѣдко подслушивалъ у дверей, и если слышалъ, что въ кельѣ разговариваютъ монахи между собою, то ударялъ палкою въ дверь и уходилъ, а на другой день призывалъ и дѣлалъ обличенія. По его правилу, монахи должны были избѣгать разговоровъ другъ съ другомъ по вечерни, но отслушавъ вечерню и навечершцу, каждый долженъ былъ отходить въ свою келію, и тамъ молиться. Ни у кого не должно быть ничего собственнаго, иначе св. Оеодосій бросалъ все въ огонь, что ни находилъ въ кельи монаха. Строгое послушаніе предписывалось безъ изыятія всемъ и для всякаго случая. Къ какому бы благому дѣлу ни приступалъ монахъ, онъ долженъ былъ испросить разрѣшенія и благословенія игумена, а безъ того — и хорошее дѣло считалось нехорошимъ. Оеодосій, предписывая строгость для другихъ, не только не дѣлалъ для себя изыятій, но налагалъ на себя еще болѣе томительныя тяжести, чѣмъ на подчиненныхъ. Онъ самъ нерѣдко носилъ воду, рубилъ дрова, топилъ печь, ходилъ въ самой дурной, разодранной одеждѣ. Оеодосій любилъ дѣлать поученія и говорилъ ихъ монахамъ.

Трудясь для монастыря, онъ не оставлялъ своими поученіями и міра, не вполнѣ, какъ Антоній, былъ чуждъ мірскихъ дѣлъ. Къ нему часто приходилъ князь Изяславъ Ярославичъ и бояры съ нимъ совѣтовались о жизни; онъ давалъ душеспасительныя совѣты, неповѣдывалъ во грѣхахъ, разрѣшалъ и налагалъ епитимьи. Замѣчательно, что въ поученіи его князю о постѣ, онъ гораздо снисходительнѣе къ свѣтскимъ въ отношеніи поста, чѣмъ можно было ожидать отъ такого строгаго аскета. Но за то — главное — онъ требуетъ подчиненія духовенству, власти духовной. Вотъ чѣмъ отличается духъ его посланія. Не смотря на то, что постъ для него высшее проявленіе христіанства, онъ даже и поститься не дозволяетъ, если іерей не прикажетъ. Не думай и будь покоренъ власти духовной — вотъ сущность его аскетическаго ученія; послушаніе безъ размысленія есть долгъ. Вратарь у пе-

черскаго монастыря не пустилъ даже князя Изяслава, когда не приказалъ никого пускать игумень. Жизнеописатель Феодосія рассказываетъ, что въ дѣтствѣ надъ нимъ господствовала мать; онъ убѣждалъ отъ нея въ монастырь и можетъ быть, что эта суровость родительской власти оставила вліяніе на тотъ строгій порядокъ, какой ввелъ онъ въ монастырь, и какой посредственно переходилъ и въ міръ, съ благочестивыми понятіями. Напримѣръ, вмѣнено въ вину келарю то, что въ противность Феодосію игумену, онъ предложилъ пожертвованные хлѣбы братіи за трапезою не въ тотъ день, когда приказалъ игумень, а на другой. Этого мало: самые хлѣбы уже черезъ то сочтены оскверненными, и св. мужъ приказалъ ихъ пометать въ огонь, *яко вражью часть*.

Вмѣстѣ съ этимъ духомъ безусловной покорности, Феодосію предостерегалъ братію отъ общенія съ иновѣрцами вообще. Жизнеописатель Феодосія говоритъ, что нерѣдко онъ выходилъ тайно изъ кельи и монастыря къ Жидамъ и ругалъ ихъ въ глаза отметилками и беззаконниками, желая, чтобъ они его убили, и дабы такимъ образомъ сподобиться пострадать за христіанскую вѣру.

Въ пищѣ проповѣдывалось имѣть воздержаніе и неприхотливость, крайнюю умѣренность. Но святые поставляли въ томъ подвигъ, чтобъ ѣсть дурное и невкусное. Такимъ образомъ одинъ изъ нихъ, Прохоръ, прозываемый Лебедникомъ, во время голода осудилъ себя ѣсть хлѣбъ изъ лоды; онъ былъ горекъ и противенъ, но Богъ превращалъ его въ сладость.

Церковь заботилась объ аскетическомъ совершенствѣ чловѣка, смотря по силамъ, — начиная отъ суроваго воздержанія печерекихъ затворниковъ, до легкаго соблюденія постовъ мірянами. Лишать себя того, что правится, — вотъ въ этомъ состояла заслуга, на этомъ основывается такое уваженіе къ посту, которое привилось въ Русскомъ народѣ тотчасъ съ знакомства съ Христіанствомъ. И первые религіозные споры наши были о постѣ, ибо еще Изяславъ Ярославичъ спрашивалъ Феодосія о томъ, можно ли ѣсть мясо въ Господскіе праздники. Феодосію не только разрѣшилъ ему, но считалъ противузаконнымъ постъ въ большіе праздники. Такъ снисходительно смотрѣлъ онъ на мірянъ, когда такого суроваго воздержанія требовалъ отъ монаховъ.

Вмѣстѣ съ воздержаніемъ соединялось уваженіе къ труду; иногда трудъ этотъ предпринимался безъ опредѣленной цѣли, или лучше сказать, цѣль его была въ самомъ себѣ; трудиться было спасительно, ибо это Богу угодно, хотя бы не имѣлось въ виду никакой пользы. Такъ, трудились мужи святые по кельямъ; но большею частію трудъ, по понятіямъ, разви-

вавшимся въ Печерскомъ монастырѣ, былъ соединенъ съ униженіемъ и смиреніемъ. Такъ, напримѣръ, игуменъ Θεодосій носилъ братіи дрова въ избу и это ставилось ему въ заслугу потому, что онъ былъ начальное лицо, и потому уже собственно, по его сану, не должно было бы трудиться. Ставили въ большую заслугу то, что князь Никола Святоша служилъ въ монастырской поварнѣ, потомъ былъ вратаремъ; именно это ставили ему въ заслугу потому, что онъ былъ князь. Примѣръ уваженія къ дѣвству представляетъ повѣсть о Моисеѣ Угритѣ, сложенная очевидно такими, которые, живя въ монастырѣ, не знали міра и воображали его себѣ такимъ, какимъ онъ могъ казаться только тѣмъ, кто разошелся съ его тревоженіями. Моисей былъ взятъ Болеславомъ въ плѣнъ (братъ его былъ слугою Бориса и съ нимъ вмѣстѣ былъ убитъ). Какая-то знатная Польша хотѣла сочтаться съ нимъ, онъ упорствовалъ; она жаловалась королю и король хотѣлъ его заставить, но святой мужъ вмѣсто того едѣлся въ пещеру.

Печерскій монастырь сообщилъ нашему религіозному убѣжденію неприязнь ко всему веселому, ко всему, что можетъ сообщить прелесть земной жизни. Вмѣстѣ съ широкимъ преслѣдованіемъ всякое смѣхотворство, всякое даже невинное увеселеніе. Θεодосій, заставши князя Святослава пирующимъ съ боярами и гусярами, со слезами представлялъ ему, что такого не будетъ на томъ свѣтѣ.

На слезы и грусть смотрѣли, какъ на нѣчто священное. Одинъ изъ святыхъ, Θεофилъ (въ житіи Марка Печерника) заплакалъ глаза; ожидая много лѣтъ часа кончины, предсказанной ему Маркомъ, онъ мучился безпрестаннымъ ожиданіемъ смерти, — и когда умиралъ, то ангелъ показалъ ему сосудъ съ благовоннымъ муромъ, въ которое превратились его слезы; однако было столь мало, что превратившихся въ муро было меньше случайно упавшихъ на землю и оставшихся на платкѣ, отъ тѣхъ, которыя святой, плача, имѣлъ терпѣніе собирать въ сосудъ, который подставлялъ всегда, какъ собирался плакать. Объ одномъ изъ затворниковъ говорится: *оттолъ разумьша вси, яко уоди Господеви: никогда же бо изыйде и видѣ солнце, и 12 лѣтъ и плача не преста день и ноць; ядше бо мало хлѣба и воды, по скуду пише и то черезъ день.*

Страданія, болѣзни принимались также за благополучіе. Пименъ многострадальный терпѣлъ ужасныя болѣзни и сознавалъ, что если бы онъ захотѣлъ, то Богъ бы его помилował, но онъ самъ не хотеть, и лежа въ смертной болѣзни, другихъ пещѣлялъ: «здѣ убо скорби и туга

и недугъ в малѣ, а тамъ радость и веселіе, идѣже нѣсть болѣзни, ни печали, ни воздыханія, но жизнь вѣчная; того бо ради, брате, сія терплю; Богъ же, иже тебе мною исцѣливый отъ недуга твоего, той можетъ и мене вѣставити отъ одра сего и немощь мою исцѣлити, но не хочу; претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ», и такъ далѣе.

Сколько можно заключить, самое правило: дѣлать добро ближнимъ и не дѣлать имъ зла, связывалось съ тѣмъ понятіемъ, что въ сердцѣ лежатъ побужденія дѣлать зло, а добро дѣлать трудно. Вообще — трудъ и лишенія — вотъ-что ставилось на первомъ планѣ въ дѣлѣ спасенія. Сдѣлать доброе дѣло важно было не для того, кто получаетъ, а для того, кто дѣлаетъ и даетъ; ибо давать и дѣлать добро, по понятію тогдашнему—было непріятно, и потому спасительно. Поэтому Русское нравственное вѣроученіе и не старалось о томъ, чтобы всѣмъ было хорошо здѣсь, чтобы въ обществѣ каждый могъ наслаждаться жизнью: это было не въ его цѣли, ибо непріятности, страданія ведутъ въ царствіе небесное, и слѣдовательно все благодѣаніе, какое могла оказать Церковь, относиться могло только къ лицамъ въ отдѣльности, а не къ цѣлому обществу.

Богатство считалось уже само по себѣ корнемъ зла. Желаящій спастись лучше ничего не могъ сдѣлать, какъ раздать нищимъ свое состояніе и итти въ монастырь въ произвольную нищету. Св. Феодоръ, по указанію бѣса отыскавшій сокровище въ землѣ, зарылъ его въ землю снова и молилъ Бога забыть о томъ мѣстѣ, гдѣ онъ погребъ его. При раздачѣ имуществъ нищимъ, цѣлью не было обогатить своихъ ближнихъ, а только цѣль—достичь самому царствія Божія. Замѣчательно, что святому, пожалѣвшему о растратѣ имѣнія, другой святой предложилъ, что онъ возвратитъ ему все, но съ тѣмъ, что милостыня отъ Бога ему вмѣнится.

Эта философія, отвергающая земное стяжаніе, облеклась въ сказаніе объ Іоаннѣ и Сергіѣ въ Патерикѣ. Іоаннъ и Сергіій заключили между собою *духовное братство* (древнее побратимство, осѣненное теперь церковнымъ освященіемъ) и Іоаннъ оставилъ сыну своему Захару наслѣдство, которое поручилъ названному брату; названный братъ счелъ лучше самому чужимъ достояніемъ воспользоваться и не отдалъ Захару, когда онъ требовалъ отцовскаго достоянія, не отдалъ даже и тогда, когда Захаръ просилъ не болѣе половины, даже трети. Тогда Захаръ призвалъ его къ клятвѣ предъ иконою Богородицы въ Печерскомъ монастырѣ. Обманщикъ не могъ приблизиться къ иконѣ и принужденъ былъ сознаться въ своей винѣ. Лучшаго конца повѣсть не представляетъ намъ, кромѣ

того, что Захаръ все золото и серебро свое пожертвовалъ на монастырь, и онъ и его обиратель — постриглись въ монастырь.

Нищета считалась первою принадлежностію монашескаго быта. Однако усердіе дателей не было отвергаемо, и векоръ монастырь сталъ богатъ. Жертвовать на монастырь было такое же доброе дѣло, какъ и дарить нищимъ и кормить ихъ. Печерскій монастырь надѣлили богатыми по тому времени вкладами звонкаго металла, разныхъ драгоценныхъ вещей, записывали въ его вѣчное владѣніе недвижимыя имѣнія, села. *И приношаху ему (князья и бояре) отъ имѣній своихъ на утѣшеніе братіи и на устроеніе монастыря, друзіи же села вдающе на церковную потребу.*

Монастыри создались двумя способами, или 1) строили ихъ князья и знатные богатые люди по душѣ или по данному обѣту, во время испрошенія какой нибудь особенной Божіей помощи; 2) основывались они и такъ, какъ основывался Печерскій: собирались добровольные любители аскетическаго житія.

Основаніе церкви печерской приписуютъ Варягу Шимону — вѣроятно Шведу родомъ; это былъ сынъ Африкана, брата Якуна-Слѣпого, того самого, который помогалъ Ярославу въ сраженіи противъ Мстислава Владиміровича на Лиственской битвѣ и отбѣжалъ золотой луды. По смерти Африкана, братья его выгнали изъ отечества Шимона, какъ это обыкновенно случалось въ Скандинавскомъ мѣрѣ. Онъ убѣжалъ къ Ярославу въ Гардерикъ. Якунъ Слѣпой послѣ службы Ярославу возвратился на родину и тамъ участвовалъ въ несправедливостяхъ къ племяннику. Впослѣдствіи рассказывалъ о себѣ Шимонъ слѣдующее: «Былъ у моего отца Африкана крестъ съ изображеніемъ Христа вапною (известью), очень великъ, въ десять локтей, *якоже Латины имуть.* На этомъ изображеніи былъ золотой поясъ въ 8 гривенъ золота и золотой вѣнецъ на главѣ. Когда Шимону приходилось убѣгать изъ родины, онъ захватилъ съ собою этотъ поясъ и вѣнецъ. *Тогда ему гласъ бысть: никакоже сего не возложи на главу свою, носи сія на уготованное мѣсто, гдѣ строится церковь матери моея и отдай въ руки преподобнаго Θεодосія, пусть повѣситъ надъ жертвенникомъ.* Послѣ этого видѣнія, когда онъ плылъ по морю въ Гардарикъ, едѣлась буря; Шимонъ испугался и подумалъ, что это наказываетъ его Богъ за то, что онъ взялъ украшенія отъ Христова образа; началъ онъ въ этомъ каяться, и тогда увидѣлъ на воздухѣ изображеніе церкви и услышалъ голосъ, объясняющій, что это за церковь: »это церковь,

которая хочет создатися отъ преподобныхъ во имя Божіей Матери; въ ней и ты будешь положенъ; размѣръ поясомъ 20 лактей въ вышину, 30 въ длину и 30 въ ширину.» Не смотря на то, когда пріѣхалъ Шимонъ въ Кіевъ, то долго, какъ видно, не думалъ строить церкви: впоследствии объяснялъ онъ, что не зналъ и мѣста, на которомъ указано отъ Бога быть этой церкви. Шимонъ прибылъ въ Кіевъ еще при Ярославі и служилъ у сына его Всеволода; когда же, по смерти князя Ярослава, появились впервые Половцы, Шимонъ отправился противъ нихъ съ Русскимъ ополченіемъ и обратился вмѣстѣ съ князьями Изьяславомъ, Святославомъ и Всеволодомъ къ преподобному Антонію. Богородиоуновенный старецъ предрекъ имъ вѣзмъ несчастье. Шимонъ въ простотѣ сердца палъ къ ногамъ преподобнаго и молилъ сохранить его ото вражескаго меча. Преподобный отвѣчалъ ему: «о чадо! многіе падуть отъ острія меча и убѣгутъ отъ соопаста, будутъ похираемы и узвляемы, будутъ тонуть въ водѣ; ты же останешься спасенъ, ибо тебѣ суждено лежать въ печерской церкви, которая создастися твоимъ попеченіемъ.» Несчастью для русскихъ было пораженіе на Альтѣ; Шимонъ былъ раненъ и лежалъ на полѣ посреди труповъ и умирающихъ, и вдругъ въ воздухѣ увидѣлъ то же изображеніе церкви, которое пѣкогда представилось ему надъ Балтійскими волнами. Тогда онъ вспомнилъ, что съ нимъ прежде было, началъ молиться о спасеніи. Онъ потомъ выздоровѣлъ. Тогда пришелъ онъ къ Антонію, отдалъ ему поясъ для размѣренія церкви и вѣнецъ, который слѣдовало повѣсить надъ транзеею. Потомъ онъ явился къ Θεодосію и просилъ благословить себя не только въ жизни, но и по смерти. Θεодосій отвѣчалъ, что самъ еще не знаетъ, будетъ ли угоденъ Богу своими молитвами по смерти, но Шимонъ представлялъ, что ему былъ отъ образа гласъ, которой свидѣтельствовалъ о святости Θεодосія и о томъ, что ему суждено основать церковь, поэтому Шимонъ просилъ молиться о себѣ и о своемъ сынѣ Георгіѣ. Θεодосій изъявилъ желаніе молиться за него и за его семейство наравнѣ, какъ и за вѣхъ Христіанъ. Шимонъ этимъ былъ не доволенъ; онъ требовалъ, чтобы Θεодосій далъ ему свое благословеніе на письмѣ. Θεодосій согласился и далъ ему молитву. По этому примѣру на Руси начали влагать въ руки мертвымъ при погребеніи рукописаніе. Шимонъ, готовясь строить храмъ, хотѣлъ прежде всего взять для себя еще выгоднѣйшія условія: онъ потребовалъ отъ святого мужа отпущенія грѣховъ своихъ родителей. Θεодосій, воздвигнувъ руки, сказалъ: да благословитъ тя Господь отъ Сіона и до послѣднихъ рода твоего! Шимонъ принялъ

православную вѣру и нареченъ Симономъ. О родѣ Симова Печерскій Патерикъ присовокупляетъ, что сынъ его Георгій былъ отправленъ съ Мономахомъ, съ сыномъ его Юрьемъ въ Суждальскую землю и потомъ былъ тамъ поставленъ управлять всею Суздальскою землею.

Повѣсть эта многозначительна въ исторіи жизни Русской. Это былъ у насъ первообразъ множества подобныхъ событій, когда, вслѣдствіе укрѣпившагося вѣрованія о спасеніи души посредствомъ постройки монастырей, богатые люди благодѣтельствовали монастырямъ, давали имъ села, доходы, и такимъ образомъ способствовали развитію монастырской жизни.

Вслѣдъ за повѣстью о Шимонѣ, образовались тогда же старинныя сказанія о пришествіи церковныхъ мастеровъ изъ Греціи и объ основаніи Печерской церкви. Придавая еще болѣе въ глазахъ народа святости печерской обители, повѣсть приводитъ изъ Греціи мастеровыхъ людей, которые получаютъ отъ пресвятыя Богородицы указаніе идти въ Русь и строить церкви. Ангелы являлись въ видѣ *благообразныхъ скопцовъ* звать ихъ къ Богородицѣ во Влахернѣ. Образъ ангеловъ въ видѣ скопцовъ перѣдкость въ византійской легендарной литературѣ. Аскетизмъ и самопостыжаніе достигаютъ до умерщвленія плоти и способствуютъ дѣвственному житію. То же сказаніе говоритъ, что икона, которая впоследствии сдѣлалась въ Печерскомъ монастырѣ мѣстною, была принесена прибывшими греческими мастерами, она была имъ вручена самою Богородицею и есть произведение не земного, а небеснаго, сверхъестественнаго искусства. Вотъ начало благоговѣйнаго почитанія явленныхъ иконъ, столь распространеннаго впоследствии въ религіозной сферѣ русской жизни. Эта вѣра въ явленные иконы съ востока принесена была къ намъ прежде всего въ Печерскій монастырь, на Кіевскую почву, точно какъ и многія другія священныя вѣрованія.

Отыскивали мѣсто для будущей церкви, и ея заложеніе сопровождалось чудесами, подобными восточнымъ чудесамъ ветхаго завѣта и сходнымъ съ ними позднѣйшимъ церковнымъ преданіямъ Востока. Подобно Гедеоцу и Иліи, святой Оеодосіи, желая узнать, какое именно мѣсто приятно Богу для возвиженія церкви, молился, чтобъ вездѣ была роса, а на томъ мѣстѣ, гдѣ слѣдуетъ быть церкви, не было росы; а на другую ночь просилъ обратно, чтобъ именно тамъ была роса, когда повсюду не было росы. Все совершалось по его желанію. На томъ мѣстѣ, гдѣ высшее знаменіе указало быть церкви, росли кустарники; они были истреблены огнемъ, низведеннымъ съ неба силою молитвы св. Оеодосіа. Когда нужно было копать ровъ для закладки храма, эту работу пред-

принялъ первый князь Святославъ, и богатые люди жертвовали вклады на созданіе святыни съ тѣмъ, чтобъ по смерти быть погребенными на этомъ благословенномъ мѣстѣ.

Уже повѣсти о Варягѣ Симонѣ и о греческихъ мастерахъ придаютъ особое значеніе погребенію въ Печерской церкви. Въ словѣ, составляющемъ часть Патерика и называющемся: *Слово, еже когда основана бысть церковь Печерская*, говорится: *блаженъ и треблаженъ сподобившійся положенъ быти; блаженъ и треблаженъ сподобившійся въ той написанъ быти, яко оставленіе приметь грѣховъ*. Преп. Оеодосій говоритъ: *всакъ положенный здѣ, по милости будетъ*. Вотъ какое важное значеніе получила тогда Печерская церковь и Печерская обитель! Не удивительно, что эта обитель скоро процвѣла. До построения церкви Оеодосій говоритъ пришедшему къ нему Варягу Симону: *а въси, чадо, оубожество наше, иже иногда многажды и хлѣба не обрѣтается въ дневную пищу*. Но скоро послѣ того, когда Оеодосій, по откровенію Божію, готовился отойти отъ міра сего и собирать братію, то уже многая братія жила въ разныхъ селахъ монастырскихъ. Князья и княгини давали и записывали въ монастыри богатые вклады, имѣнія. Такъ князь Ярополкъ Изяславичъ далъ въ монастырь Неблоскую волость, Деревскую и Лутскую и около Кіева; зять его Глѣбъ Всеславичъ — 60 гривенъ золота и 30 гривенъ золота, а по его смерти назначилъ 600 гривенъ серебра и 30 гривенъ золота и по смерти села съ челядью (Ип. сп. лѣт. 82). Монастырь Печерскій сдѣлался даже хранилищемъ чужихъ сокровищъ. Въ тотъ вѣкъ достояніе не было слишкомъ обезпечено отъ произвола, и потому многіе отдавали туда на сохраненіе и серебро и золото, и этотъ обычай распространился на все монастыри.

Преподобный Оеодосій оградилъ свое твореніе отъ притѣсеній въ будущія времена со стороны князей и духовныхъ сановниковъ. Преданіе, записанное въ Патерикѣ, сообщаетъ, что предъ смертію онъ видѣлъ князя Святослава и молилъ его, чтобъ церковь Печерская была освобождена отъ власти и князей и владыкъ; ибо не люди, а сама Богородица ее создала. Такъ на долго обитель пребывала независимымъ обществомъ. Мудрый Оеодосій установилъ самъ твердую правдивую связь между всеми принадлежащими къ обители. Онъ предвидѣлъ, что обитель сдѣлается разсадникомъ игуменовъ и владыкъ въ Россіи. Конечно, уже и прежде, вѣроятно, она начала имѣть свое важное значеніе; поэтому онъ сказалъ, что если кто изъ братіи будетъ призванъ на какое нибудь начальническое мѣсто въ Россіи, то выходить изъ обители можетъ только

съ позволенія старшихъ и всегда долженъ пекать успокоиться въ Печерской обители; только за такихъ общается св. Θεодосій молиться предъ Богомъ. Понятно, какъ послѣ такого завѣщанія, впоследствии Печерскіе иноки, гдѣ бы они ни были, не теряли связи съ монастыремъ, какъ показываетъ письмо Симона, епископа Владимірскаго. Папутствуемый мысленнымъ благословеніемъ великаго основателя обители, такой питомецъ Печерской обители, будетъ ли онъ въ Ростовѣ, во Владимірѣ, въ Новгородѣ, въ Полоцкѣ — всегда обращалъ къ Кіеву, къ завѣтной обители, сердцемъ, какъ къ обѣтованной землѣ спасенія, и хранилъ тѣ преданія, тѣ вѣрованія и правила, которыя получилъ въ этомъ монастырѣ, и сообщалъ ихъ повсюду, куда простиралось его вліяніе.

Печерскій монастырь указалъ Русской религіозности и то направленіе, которое въ дѣлахъ общественныхъ обращало дѣйствіе христіанскаго правоученія со всеми наставленіями единственно къ совершившемуся факту, а не касалось самаго общественнаго порядка. Преподобные святые Печерскіе развили это начало. Антоній былъ благорасположенъ и къ Изяславу и ко Всееславу, и за послѣдняго былъ первымъ изгнанъ. Θεодосій жилъ въ согласіи и осыпалъ благословеніями Изяслава, а потомъ изгнавшаго его брата Святослава. Онъ менѣе укорялъ его за изгнаніе Изяслава, за похищеніе стола кіевскаго, чѣмъ за то, что засталъ Святослава въ пирушкѣ съ гуслярами, и восхвалялъ его, когда князь удалялъ веселыя сцены отъ преподобнаго мужа, коль скоро преподобный приходилъ ко князю. Однажды пришла къ Θεодосію убогая вдовица жаловаться на судью, который ее обобралъ и рѣшилъ неправо ея дѣло. Θεодосій упросилъ судью возвратить ей неправильно взятое. Но Θεодосій не считалъ своимъ дѣломъ стараться, чтобъ такихъ судей не было. Онъ заступался — говорить его житіе — за утѣсненныхъ передъ княземъ и судьями, и это ставится въ заслугу его милосердію, но съ точки зрѣнія Θεодосія не было потребности измѣненія того порядка, отъ котораго зависѣли утѣсенія, облегчаемая его заступничествомъ. Точно такое направленіе получило и послѣ него вліяніе церковныхъ мужей на общественную жизнь. Благочестіе съ радостію оказывало пособіе страждущимъ, гонимымъ, но мало вопіяло противъ тѣхъ, которые были виновниками несчастій, поражавшихъ тѣхъ, кто искалъ утѣшенія въ религіи; оно не заглядывало внутрь земныхъ побужденій. Покорность настоящему, отсутствіе мысли объ общественномъ движеніи — было основою нравственнаго понятія, выработаннаго на религіозной почвѣ. Пусть каждый только о себѣ заботится, о своемъ сна-

сені помышляеть — это было правило нравственное; такимъ образомъ даже слово Христово о неосужденіи брата своего примѣнялось болѣе къ собственному самоуничженію, чѣмъ къ сохраненію чести другого. Зачѣмъ тебѣ разсуждать и уместовать; помни, что ты хуже всѣхъ человѣкъ, долженъ Христа ради смиряться! всѣмъ слѣдуетъ угождать, всѣхъ хвалить, всѣмъ покорствовать; только тогда и можно спастись. Самостоятельнымъ слѣдуетъ быть только тогда, когда дѣло идетъ о постѣ и о соблюденіи церковныхъ правилъ и обрядовъ: тутъ должно отвращаться отъ житейскихъ удовольствій, слѣдуетъ быть упорнымъ и не склоняться ни передъ какою властію. Но во всемъ прочемъ не слѣдуетъ быть строптивымъ.

До какой степени простиралась важность покорности начальству и считалась первѣйшею добродѣтелію, видно изъ того, что въ одной изъ повѣстей умершій, воскреснувъ, не могъ сказать братіи въ монастырѣ большей истины, какую могъ вынести изъ будущей жизни, какъ только то, что слѣдуетъ быть покорнымъ игумену. Замѣчательно, что даже самый суровый аскетизмъ и плотеностязанія не помогутъ, если монахъ не будетъ отличаться безмолвнымъ послушаніемъ.

Война со всѣми ея ужасами мало смущала благочестіе. Развитое на почвѣ Печерскаго монастыря, оно заботилось о томъ, чтобъ давленіе войны проходило мимо его и не лишало обители законнаго ея достоянія. Вотъ, напримѣръ, Георгій, Симоновъ сынъ, бывшій въ Суждалѣ, сознается, что когда онъ съ Юріемъ Долгорукимъ и при помощи Половцевъ воевалъ противъ Изяслава Мстиславича, то напалъ онъ съ Половцами на какой-то городъ, но это было село монастырское, которое показалось градомъ, чтобъ не даться Половцамъ на разграбленіе; ибо враги, видя его твердыни, не рѣшились отваживаться на приступъ. Такимъ образомъ, по понятіямъ времени, не считалось предосудительнымъ воевать, брать села и города и разорять ихъ, но слѣдовало щадить монастырскія имуществва.

Главные признаки аскетическаго настроенія: докорность, воздержаніе и предписанный правиломъ страхъ мысли, страхъ земныхъ удовольствій и внутренняя борьба со злымъ духовнымъ существомъ. Послѣ принятія христіанства, въ Печерскомъ монастырѣ настала война съ бѣсами. Бѣсъ — мрачное, злое существо... Какъ скоро святой мужъ обречеть себя на сугубое воздержаніе, запрется въ тѣсной кельѣ или пещерѣ, начнетъ день и ночь изнувать плоть свою поклонами, языкъ безмолвемъ, а умъ бѣганьемъ грѣховныхъ помысловъ, — тотчасъ являются къ нему эти искушители, отвлекаютъ его отъ богомыслія и силятся сдѣлать съ нимъ какую нибудь пакость. Святой мужъ долженъ не поддаваться и муже-

ственно бороться съ ними. Сначала дѣйствуютъ духи невидимо, а потомъ являются и тѣлесному зрѣнію. Они принимаютъ образъ похотѣй на обезьяну, въ шерсти, съ когтями, съ хвостомъ, да въ добавокъ, чего нѣтъ у обезьяны, съ рогами и съ крыльями; но иногда являются вполне въ человѣческомъ видѣ, только чаще всего въ видѣ человѣка неправо-славнаго. Однажды святой, одаренный прозорливостію, увидѣлъ бѣса въ образѣ Ляха; онъ сыпалъ цвѣтами на братію во время заутрени: на кого цвѣтокъ упадетъ и прилипнетъ, тотъ братъ разслабѣвалъ, уходилъ изъ церкви и дожился спать; но были такіе строгіе подвижники, что цвѣтки не прилипали къ нимъ. Здѣсь цвѣтокъ — символъ грѣшнаго удовольствія. Когда братъ уходитъ изъ монастыря, тутъ-то было бѣсамъ раздолье. Одинъ святой видѣлъ однажды бѣса, ѣхавшаго верхомъ на свиньѣ; лукавый духъ величался и посмѣивался надъ монахомъ, который успѣлъ ускользнуть послѣ заутрени за монастырскую ограду. Обыкновенно бѣсы старались развлечь, склонить къ чему нибудь подвижника и мѣшать ему, когда онъ погружался въ безмолвіе и творилъ надъ собою истязанія, и чѣмъ сильнѣе старался угодникъ преодолѣть лукаваго, тѣмъ больше лукавый старался его искусить. Прямѣръ искушенія въ исторіи затворника Исакія, котораго бѣсы довели до того, что заставили его проплясать, а потомъ привели въ совершенное истощеніе, такъ что нужны были годы, чтобъ святой могъ поправиться. Торонецкій кузнецъ по пропхожденію, по прозвищу Чернь, онъ вступилъ въ монастырь, раздалъ все свое имѣніе на монастырь и нищимъ, и принять бѣлъ; потомъ *облечеся во власяницу и повелъ себѣ купити себѣ козлицъ и одрати его мѣхомъ и взлече на власяницу и осше около его; затворися въ пещерь въ единой улицы въ кельици малъ, яко четири лакотъ суци, и ту моляше Бога со слезами; спндь же блше просфира едина и то чрезъ день.* Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, бѣсы явились ему въ образѣ ангеловъ и Исакій, по простотѣ, поклонился имъ; тогда одинъ изъ бѣеовъ сказалъ: *возьмите сопъли и бубны и гусли, и ударяйте, атъ Исакій намъ спляшетъ. И удариша въ сопъли и въ бубны и въ гусли и начаша имъ шрати и утомиша его и оставиша ѱ оле жива суца, и отыдоша, поругавшеся ему.* Іоанна многострадальнаго бѣсы мучили похотью, и святой мужъ нестязалъ себя сначала тѣснымъ заключеніемъ, голодомъ и молчаніемъ, носилъ на тѣлѣ желѣзныя вериги, а потомъ на время поста зарывалъ себя въ землю, оставляя наружи только руки и голову. Бѣсы пугали его то огнемъ съ-низу, то ему

представлялось, будто онъ горитъ, то являлся змѣй и грозилъ его поглотить. Иоаннъ выстоялъ всякія искушенія. Святой особенно подвергался искушенію въ затворничествѣ и долженъ былъ помнить, что предъ появленіемъ къ нему непременно слѣдуетъ заставить приходящаго прочитатъ молитву Іисусову, и если бы кто не захотѣлъ этого сдѣлать, то явная улика, что онъ бѣсъ. (Не даждь ему бесѣдовать съ тобою и прежде, даже молитву сотворить, тогда разумѣши, яко бѣсъ есть). Одному подвижнику бѣсъ явился въ образѣ его друга и сподвижника, помогъ ему отыскать золото и велъ было его къ тому, что онъ собирался убѣжать изъ монастыря. Но къ счастью обманъ открылся скоро и святой этотъ (Феодоръ) лучше разсчитался съ бѣсомъ, чѣмъ Исакій. Когда нужно было изгнать отъ себя лукавыя помысленія, приходившія въ праздности, подвижникъ осудилъ себя на тяжелыя работы, — сначала молоть муку на ручной мельницѣ съ ручнымъ жерновомъ; другой разъ, когда сгорѣла печерская церковь — таскать лѣсъ съ берега Днѣпра на гору. Бѣсъ вздумалъ было искусить его, и когда святой отдыхалъ однажды отъ своей мукомольной работы, бѣсъ сталъ молоть, но святой своими заклинательными молитвами принудилъ его въ самомъ дѣлѣ трудиться и продолжать работать на жерновѣ, а самъ въ это время молился. Потомъ, когда святой таскалъ на гору лѣсъ, тогда собралось уже много бѣсовъ, товарищей проказника, творившаго пакости надъ святымъ; они бросили съ горы наношенное дерево. Тогда святой силою своихъ молитвъ принудилъ бѣсовъ все дерево, сколько его ни было изготовлено подъ горою, перетаскать на гору въ одну ночь. Бѣсы рѣшились отометить за такое униженіе, которое было тѣмъ для нихъ чувствительнѣе, что они не могли забыть, какъ люди ихъ ижекогда чествовали подъ именами идоловъ. Сначала научили они извозчиковъ, которые подрядились въ монастырь возить лѣсъ, требовать платы за перевозку того дерева, котораго они не возили и которое вмѣсто ихъ возили бѣсы. Когда дѣло дошло до суда, то судья, выслушавши протосердечныя оправданія святого, сказалъ ему, что бѣсы помогутъ ему и заплатятъ, какъ помогли свезти. Непзвѣстно, какія послѣдствія имѣла эта тяжба; но бѣсъ явился во образѣ Василія къ одному изъ княжескихъ совѣтниковъ, боярину Святотолка и сына его Метислава, жадному и злему, какъ князя его, и доносилъ, что Феодоръ отыскалъ сокровище въ Варяжской пещерѣ и не являетъ князьямъ. За это потребовали Феодора и стали мучить, когда онъ отговаривался, говорилъ что забылъ, гдѣ зарылъ снова кладъ. Потомъ послали за Василіемъ, не выходящимъ уже 45 лѣтъ изъ пещеры: Василій,

разумѣется не зная, что происходило подъ его именемъ, привелъ въ недоумѣніе и досаду князя Мстислава своими неясными отвѣтами, и тотъ думая, что онъ запирается, тогда какъ самъ же прежде ему доносилъ, застрѣлилъ его стрѣлою. Василій, умирая, предрекъ Мстиславу лютую смерть, и она сбылась въ битвѣ съ Давыдомъ Игоревичемъ.

При умственной покорности — знаніе не считалось достоинствомъ. Въ повѣстяхъ печерскаго монастыря знаніе и земная мудрость являются даромъ бѣсовъ. Такъ о преподобномъ Никитѣ рассказываютъ, что къ нему явился бѣсъ и научилъ его понимать одни только книги Ветхаго завѣта, такъ что онъ могъ пророчествовать. По составившемуся нѣкогда юному понятію о знаніи, вмѣстѣ съ нимъ соединялось вѣрованіе въ пророчество; знать, быть мудрымъ, значило вмѣстѣ — дѣлать чудеса, говорить то, чего другой не скажетъ, однимъ словомъ — дѣлать то, чего другой никто не можетъ сдѣлать и для чего нельзя придумать обыкновенныхъ способовъ. Но когда святые отцы, сошедшисъ около Никиты, прогнали бѣсовъ, Никита сталъ прежнимъ невѣждою и сподобился впоследствии низводить дождь съ неба на произрастенія земли. О Лаврентіѣ затворникѣ рассказывается, что когда онъ пошелъ въ затворъ и получилъ благодать цѣлить бѣснующихся и къ нему приводили больныхъ, бѣсы научили его по гречески, изошрили его способности; но когда другой святой молитвами исцѣлилъ его отъ бѣсовскаго искушенія, Лаврентій забылъ все свои знанія.

Печерскій монастырь не благоволилъ къ иновѣрцамъ. Такъ въ житіи св. Агапита, безмезднаго врача, рассказывается, что когда къ нему пришелъ врачъ Армянинъ, то не смотря на свое смиреніе, какъ скоро онъ узналъ, что это *Армянинъ*, то воскликнулъ: *почто смѣлъ еси внити и осквернити келію мою и держати за грѣшную мою руку? Изыди отъ мене, невѣрие и нечестиве!* Въ отвѣтъ св. Оеодосія Изяславу Ярославичу на вопросы о Варяжской вѣрѣ, святой мужъ порицалъ варяжскую вѣру; тамъ не только обвиняютъ послѣдователей западнаго христіанства въ яденіи кошекъ и псовъ и удавленнины, но говорятъ и о крайнихъ непристойностяхъ при брачномъ обрядѣ. Въ поученіи и отвѣтѣ совѣтуется не давать католикамъ ѣсть и пить изъ сосуда своего, и если придется дать по крайней нуждѣ, то непременно вымыть сосудъ; приказывается не только не принимать чужевѣрнаго къ себѣ, но проклинать всякое чужевѣрье.

Такъ какъ раздаваніе богатствъ нищимъ не имѣло въ себѣ цѣль, а само по себѣ составляло цѣль, такъ точно и трудъ предпринимался и

считался полезнымъ не по плодамъ его, а самъ по себѣ, въ своемъ процесѣ.

Видно, что въ южной Руси оставались языческіе обычаи; долго еще смотрѣли Русскіе на жизнь сквозь языческое покрывало и въ-самые христіанскіе обычаи и обряды вносили языческое содержаніе. Вотъ, напримѣръ, Оеодосій воспрещалъ, что въ его время многіе ставили на кутію яица, приставляли къ кутьѣ воду, ставили обѣды по умершимъ, и носили въ церковь съѣтное, однимъ словомъ — отправляли тризны, ибо у язычниковъ погребеніе сопровождалось пьянствомъ. Святый соболѣзнуя вопіялъ противъ соблазнительнаго цѣлованія мущинъ съ женщинами на цирахъ. Отъ этого христіанство противодѣйствовало языческой чувственности строгою стороною своей духовной чистоты, а аскетическое ученіе дѣлалось единою нравственною философіею для всего христіанства вообще.

Самая мірская жизнь не имѣла, съ церковной точки зрѣнія, другого идеала, кромѣ аскетизма. Это было тѣмъ естественнѣе, что вотъ, напримѣръ, въ словѣ отца къ сыну (последній очевидно не готовился въ монастырь, но намѣревался жить въ мірѣ семейно), отецъ, представляя ему примѣръ добродѣтели подвижниковъ, *иже мало свѣта сею причащахуся*, говоритъ: *изволи себѣ твѣхъ житие и твѣхъ правий путь приими, твѣхъ правы и ты, чадо мое, взыци со всею силою и со всею крѣпостью*. Въ томъ же словѣ отецъ заповѣдаетъ сыну давать десятую часть отъ своего имѣнія Господу (то есть, въ монастыри и духовенству). Такимъ образомъ видно, что понятіе о десятинѣ переходило изъ княжескаго быта въ частный, домашній

Понятно, что при направленіи заботиться каждому лишь о собственномъ спасеніи, не удержалось вполне согласіе, миръ и братство въ Печерекомъ монастырѣ, и уже въ раннія времена встрѣчаются слѣды взаимной зависти и вражды и обмановъ между братіею. Такъ въ житіи Алимпія Иконописца разсказывается, что монахи брали деньги съ одного богатаго господина, заказывали Алимпію икону, но въ самомъ дѣлѣ не давали объ этомъ знать Алимпію, а боярину говорили, что Алимпій просить втрое.

Не смотря на аскетическое исключительное направленіе, въ церквахъ читались однако поученія переведенныя съ греческаго, гдѣ аскетизмъ представляется недостаточнымъ безъ добрыхъ чувствъ, любви: *аще ли кто отъ хлѣба ся удержитъ, а инъвъ имать, и таковыи подобенъ есть звѣрю; тѣ бо не пьтъ хлѣбъ: аще же отъ*

нитя и отъ рыбы кто оудержится и на голъ земля легаетъ, а злбу имля и неправду дья, не хвалится оубо: пуци есть и скота.

Добродѣтели были: постъ, груеть; смѣхъ и веселіе — грѣхъ. Одинъ подвижникъ, по имени Памва, далъ обѣтъ никогда не смѣяться. Бѣсы употребляли всевозможнѣйшія уловки, чтобы разсмѣшить святого, — долго все было напрасно; наконецъ, когда бѣсы привязали маленькое черышко къ огромному бревну и потащили его мимо подвижника съ крикомъ: алай, алай! Памва улыбнулся, и бѣсы всплескали и запрыгали отъ радости, восклицая: Авва Памва засмѣяся! Авва Памва засмѣяся, засмѣяся! — Я засмѣялся немощи вашей — сказалъ имъ святой, — что вы и то только съ трудомъ можете это бревно сдвинуть. Въ одной древней правоучительной бесѣдѣ говорится: «смѣхъ не съзидаетъ, не хранитъ, но погубляетъ и съзиданія раздроушаетъ, смѣхъ Духа Святаго не чалитъ, не пользуетъ и тѣло растливаетъ; смѣхъ добродѣтели прогонитъ, не имать бо памяти смертныя, ни поученіе моукамъ. Отъими, Господи, отъ мене смѣхъ и дароуи плачь и рыданіе, егоже присно вищеси отъ мене (Имп. Публ. Библ. Погод. Сб. № 1297, стр. 91).

Съ женщиною не слѣдовало даже говорить, женщина было существо, располагающее къ согрѣшенію: «Не достоинъ мняхоу яети съ женою или пшти или что промышлати с женами или инакъ како разоумъ имѣти съ ними; прелободѣйство есть, велико прелободѣйство женское соужитство: еда камень еси? человекъ еси, общемоу естеству подлежаи в наденіи, огнь имати въ лонѣ — не изгориши ли? како имать слово: положи свѣщу на сѣно, тогда възможеши рещи, яко не горитъ сѣно? аще не отмещешися, яко горитъ сѣно, и мнѣ глаголи, но невѣдущему тайныхъ.

Убѣгая отъ женскихъ очей, слѣдуетъ избѣгать и помышленій о женщинахъ. «Всякъ бо възрѣвый на жену съгрѣшаетъ.» Надобно имѣть постоянно блѣдное лицо и дурныя одежды: *блѣдъ и цоуби видъ и рызы хруды подобаетъ имѣти* (Пог. Сб. 1288, стр. 226).

Монашеское самоистязаніе, уединеніе отъ всего, что составляетъ матеріальную прелесть на землѣ, открывало идею торжества духовнаго начала надъ грубою силою. Въместо богатыря съ оружіемъ, страстнуючаго по чужеземнымъ странамъ, ищущаго опасностей, побѣждающаго ихъ, получающаго въ награду богатства, и т. п. являются богатыри духа, страстнуючие въ таинственной области видѣній, вступаютъ въ борьбу съ духами; они побѣждаютъ ихъ, отваживаются на всякія лишнія добровольно, и за все терпѣніе получали награду высшую, награду на

небѣ. Такъ какъ богатырь не сидитъ на мѣстѣ, богатырь ищетъ приключеній, то и въ сферѣ духовнаго подвижничества явились странствующие богатыри — паломники, скитавшіеся по святымъ мѣстамъ и съ сѣвера отправлявшіеся въ Палестину. Они-то назывались въ древнихъ пѣсняхъ *каликами переходжими*. Походы въ Іерусалимъ, видно, были значительно въ ходу на Руси векомъ по водвореніи Христіанской вѣры, когда такъ часто встрѣчается въ пѣсняхъ, носящихъ печать стараго прошеженія, имя каликъ. Въ походе Данила Паломника говорится, что въ его время были *мнози доходившіе до Іерусалима*. Это было до такой степени обычно, что иные старались ходить, видно, какъ можно скорѣе (*тищащяся вборзѣ*) и навлекали за то нареканія отъ истинно благочестивыхъ; Данилъ замѣчаетъ, что *се то путь вборзѣ нельзя ходити*, и укоряетъ ихъ въ томъ, что они, *много добра невидѣвши*, возвращались; но путешествіе было предметомъ общественныхъ разговоровъ, и бывшій въ Іерусалимъ пользовался уваженіемъ; онъ могъ быть вездѣ принятъ съ честью и потому они, по словамъ Данила, *вознесшеся умою, яко шьчто добра сотворивше, поублѣютъ мзду труда своего*.

Идея торжества ума надъ матеріальною силою, въ народной уметвенной жизни проложила себѣ не одну религіозную тропинку. Заявленіемъ ея потребности могутъ служить и такія сказанія, гдѣ или дурачокъ или ребенокъ, признаваемый слабымъ и глупымъ, торжествуетъ надъ сильными. Такова замѣчательная повѣсть о купцѣ Кіевкомѣ, Дмитріѣ и его сынѣ, Борзомыслѣ Дмитріевичѣ, семилѣтнемъ мудрецѣ, — хотя сохранившаяся въ позднѣйшихъ епископахъ, но показывающая несомнѣнные слѣды своего существованія въ древнюю Кіевскую эпоху нашей образованности. Дѣйствіе происходитъ на югѣ; купецъ богатый съ кораблями выѣзжаетъ изъ Кіева, странствуетъ по отдаленнымъ чужестраннымъ землямъ. Проплававши тридцать дней по морю, купецъ присталъ къ берегу и увидѣлъ приморскій городъ, близъ котораго стояло въ гавани безчисленное множество кораблей. «Удивися Дмитрій Кіевскій купецъ и рече: что сіи корабли безчисленно много стояща? мнѣ зѣло земля блага есть и купцы въ немъ и много торгуютъ здѣ. Сиде съ корабля купецъ Дмитрій и поиде подѣ градъ, и срѣтоса его гражане и вопрошаху его: отъ коея страны и коея земли? Онъ же сказася имъ: азъ емь отъ Рускія земли и вѣрую въ Отца и Сына и святаго Духа. И рекоша ему гражане: брате купецъ! единыя есть вѣры съ нами Русская земля, — только за наше согрѣшеніе послалъ намъ Богъ царя законопреступника и отступника отъ Бога, ел-

»линскія вѣры, и тѣшитъ ны, хотя привести къ своей вѣрѣ; мы же, не
 »могуще терпѣти бѣдъ тѣхъ, неволю пожрохомъ идоломъ, видѣхомъ себе
 »въ великихъ нуждахъ: всегда боярами мучаше насъ, овогда силою приво-
 »жаше насъ ко своимъ идоломъ, овогда заповѣданіемъ намъ, не веляше хлѣ-
 »бовъ на торгъ печи и голодомъ моритъ насъ для своей вѣры; се видиши,
 »купче, въ пристанищи семь 300 кораблей стояще, купцы же со всѣхъ
 »странъ прихождаху къ сему граду, и приходяще къ царю зъ дары, хо-
 »тяще торговати въ его царству; царь же дары отъ нихъ пріемлетъ и
 »повелѣваетъ имъ 3 загадки отгадывати свои, а все то приводяще къ
 »своей вѣрѣ; они же, не могуще отгадати загадки, царь же глаголаше
 »къ нимъ: уже все загадокъ моихъ не отгадаете и вы пребываете въ
 »моей вѣрѣ, пожрите идоламъ; купцы же не хотяще того сотворити и
 »того ради въ темницу посажены бывше, терпяще всякую нужду и гладъ
 »и тяготу и скорбь имени ради Христова; и заповѣдываетъ царь, не вел-
 »литъ хлѣба печи 3 годы, дабы они голодомъ померли.»

Услышавъ объ этомъ, купецъ Дмитрій хотѣлъ было тотчасъ отплыть,
 и повернулъ на свой корабль; но когда пришелъ къ нему, то увидѣлъ,
 что тамъ уже стояла стража. Нечего было дѣлать, надобно было являть-
 ся къ царю. Царя звали Несмѣянъ Гордѣевичъ. Допесли царю, что при-
 шель купчишко изъ Русской земли, принесъ дары и проситъ позволенія
 торговать въ его царствѣ. Царь ласково пригласилъ Дмитрія обѣдать; а
 послѣ обѣда спросилъ: *купче! которыя ты вѣры?* Купецъ отвѣчалъ,
 что вѣруетъ во имя Отца и Сына и святаго Духа.—А я чаялъ, сказалъ
 царь, что у насъ вѣра общая; ты же сказываешься не нашей, а Русской
 вѣры. Я же хотѣлъ было тебѣ позволить торговать и отпустить въ твою
 землю; но теперь отгадай, купче, три загадки, «что азъ тебѣ загадаю;
 »аще ли отгадаешь, и азъ тебѣ велю торговати въ своемъ царствѣ вся-
 »кимъ товаромъ, и зъ дары и съ проводниками отпущу ты въ свою зем-
 »лю; аще ли не отгадаешь ни единныя загадки и въ вѣрѣ моей не пребу-
 »деши, вѣдомо жъ буди тебѣ, купче, велю ты смерти предати, а товары
 »твоя взяти будутъ въ мою царскую казну.»

Купецъ испросилъ у царя ерока на три дни, и пришедши на свой ко-
 рабль, плакалъ, видя себѣ неминуемую смерть. Семилѣтній сынъ его
 игралъ на кораблѣ и ѣздилъ верхомъ на палочкѣ, «на древцѣ сѣдяще,
 »рукою за древцы конецъ держаше, а другою рукою плеткою побиваше,
 »и ѣздяше, аки на конѣ скакаше.» Увидя плачь отца, ребенокъ сталъ его
 спрашивать; отецъ сначала не сталъ было и разсказывать ему, но ког-
 да сынъ умно ему обѣщалъ помочь въ напасти, отецъ разсказалъ. Сынъ

сказалъ, что онъ за него отгадаетъ: «а ты, отче, не скорби и не тужи, «яждь, пей, веселися и молися Богу, вся печали возлагай на Бога». Сынъ продолжалъ играть на кораблѣ. На четвертой день позвали ихъ къ царю. Мальчикъ объявилъ, что онъ отгадаетъ загадку за отца и потребовалъ пить. Царь налилъ золотую чашу съ медомъ и подалъ ее дитяти; отрокъ далъ отцу, и когда отецъ хотѣлъ возвратить чашу, отрокъ сказалъ: *отче! не отдавай чаши, закрой въ пидра своя!* Царь далъ другую, и съ тою сдѣлось тоже: также царь требовалъ возврата чаши; отрокъ сказалъ: *данное царево вспять не возвращается.* Загадка царева была такова: «много ли того, или мало, отъ востока до запада?» Дитя на это отвѣчало: «отъ востока и до запада день и ночь, весь кругъ небесный единымъ днемъ и единою нощію едино солнце перейдетъ отъ сѣвера до юга; то твоей загадкѣ мой отвѣтъ». Царь удивился, далъ третью чашу кунцу и кунецъ спряталъ ее въ пазуху. Другая загадка отсрочена на другой день.

На другой день собрались «ишаты и тираны, и стратилаты и воеводы, и князи и бояри и вси людие, малии и велиции, и вси граждане на предивное чудо отрока, якоже всемъ гражданамъ не вмѣститися въ «царевъ дворъ. Царь спросилъ: что десятая часть изъ моря днемъ убываетъ, а нощію прибываетъ? — Отвѣтъ былъ: то есть, царю, что десятая часть воды солнце выѣдаетъ; нощію же прибываетъ, запече солнцу «зашедшу и не сушашу. То тебѣ, государь, моя отгадка.»

Удивился царь и потребовалъ третьей отгадки; отрокъ попросилъ сроку на три дни, но съ тѣмъ, чтобы созваны были все граждане отъ мала до велика: пусть при этомъ имъ объявится, что *имъ добро будетъ во вьки.* Это сдѣлано. Люди собрались по приказу царя. Отрокъ потребовалъ, чтобы царь сошелъ съ своего престола, далъ ему одѣяніе царское и жезлъ, и что онъ тогда отгадаетъ загадку. Царь отдалъ ему свои регалии и въ томъ числѣ мечъ. Тогда отрокъ, зная, что въ толпѣ есть христіане, нелюбящіе невѣрнаго царя, закричалъ: хотите ли вѣровать въ святую Троицу? — Все отвѣчали утвердительно. Отрокъ срубилъ мечемъ голову царю, сказавши: *вотъ тебѣ моя третья отгадка!*

На слѣдующій за тѣмъ вопросъ отрока: кого они хотятъ поставить себѣ царемъ? — все единодушно вручили ему власть, какъ своему избавителю. Послали за патриархомъ, который былъ въ заключеніи. Онъ былъ встрѣченъ торжественно и отслужилъ литургію. «Постави патриархъ надъ главою отрока рогъ златъ съ масломъ надъ нимъ и благо-«слови его патриархъ на царство; людие же вси кликнуша отъ мала до

»велика единогласно: много лѣтъ тебѣ, государю нашему, Барзомысу
 »Дмитріевичу на царство! И возрадовашася ему вси людѣ великою радо-
 »стію; царь же сотвори въ тотъ день шривище великое.» Потомъ ока-
 залось, что у оставшейся прежней царицы была дочь осьми лѣтъ; Бор-
 зомысль сочетался съ нею бракомъ, окрестивши ее напередъ и обвѣчав-
 шись чрезъ сорокъ дней послѣ ея крещенія (сороковицей). — На сказкѣ
 этой легло то понятіе о страдательномъ состояніи женщины, которое от-
 ражается въ русской, особенно великорусской, поэзіи. Когда Борзомысль
 призываетъ царицу и узнаетъ, что у ней есть дочь, то не спрашиваетъ ея,
 желаетъ ли она отдать за него дочь, не спрашиваетъ и невѣсты, а про-
 сто приказываетъ ее крестить и потомъ беретъ въ жену, и только по
 просьбѣ матери, даетъ ей сроку на семь дней. Семилѣтній царь приказалъ
 привести всѣхъ заключенныхъ купцовъ, »и удивися царь, на шихъ
 смотря; бысть лице ихъ аки земля, а власы ихъ отросли до пояса, и ри-
 »зы ихъ изодрашася, лежаша отъ гаду и тѣноты, а голоса ихъ аки пчели-
 »ныя». Царь »учреди имъ праздникъ«, и возвративши имъ имѣнія, отпу-
 стилъ каждаго въ свою землю. По волѣ царя, отецъ поѣхалъ домой,
 привезъ свою жену, мать царя. Они жили вмѣстѣ и царь Борзомысль
 похоронилъ стараго родителя своего, Дмитрія, купца кіевскаго.

Ткань этой повѣсти показываетъ древнее ея происхожденіе. Побѣда
 посредствомъ загадокъ есть видоизмѣненіе той первообразной канвы, по
 которой составились разнообразныя редакціи сказанія о вѣщей мудрой
 дѣвицѣ, происходящей изъ простаго званія и, посредствомъ отгадыванія
 мудреныхъ загадокъ, выходящей замужъ за знатнаго мужа, — сказаніе,
 которое, въ южнорусской народиой словесности, выразилось повѣстью
про дівку семилітку. Замѣчательно, что сынъ Дмитрія также семи
 лѣтъ отъ роду. Ничтожное дитя оказывается не только сильнѣе взрос-
 слыхъ и славныхъ, но измѣняетъ судьбу цѣлаго края своею смышленос-
 тію. Народъ какъ будто себя тутъ выражаетъ: онъ ничтоженъ и юнъ,
 но въ немъ такія силы, которыя могутъ побѣдить могущество силы и
 обмана. Онъ сознаетъ, что умственная сила выше всякой ручной; нужно
 только ума, — и все преодолѣть, все побѣдить можно. Умъ этотъ выра-
 жается, какъ и должно быть у молодого народа, вступающаго въ жизнь, не
 теорією, не логичною послѣдовательностію понятій и процессомъ размы-
 шленій, а быстротою, смѣтливостію, находчивостію во-время. Отгадки
 мудреной загадки — форма, во которой высказывается умъ. Нельзя при
 этомъ не обратить вниманія на различное значеніе двухъ загадокъ, пред-
 ложенныхъ царемъ; одна изъ нихъ основывается на мудренномъ выра-

женіи того, что само въ себѣ просто. Очевидно, здѣсь какъ бы насмѣшка надъ загѣйливостію выраженія, которое только для простака—мудрость, а сама по себѣ—вещь обыкновенная, и умная голова отгадываетъ ее безъ всякаго затрудненія. Другая загадка—предметъ знанія. Мальчикъ не только отгадываетъ то, что кроется подъ таинственностію, но показываетъ свое знаніе естественнаго феномена; такимъ образомъ народъ сознаетъ, что знаніе природы есть также мудрость и достоинство мудраго человѣка. Отрокъ обманулъ царя; понятіе народное таково, что обмануть злого не составляетъ ничего нравственно-неодобрительнаго, напротивъ служить также доказательствомъ ума и способностей. Онъ убилъ царя, но убилъ справедливо, спросивъ прежде народъ, и потому потребовалъ, чтобы все сошлись отъ мала до велика; онъ поступилъ именно потому справедливо, что воля всего народа считается мѣриломъ справедливости. Народъ былъ склоненъ къ христіанству и даже исповѣдывалъ христіанство; власть имѣла другое убѣжденіе и насильствовала къ нему народъ. Здѣсь народный смыслъ высказываетъ сознаніе, что народная воля можетъ проявиться только тогда, когда ей придется дать отвѣтъ на вопросъ, и тотъ есть истинный мудрецъ, кто найдетъ возможность задать ей вопросъ. Власть несправедливаго царя потому и держалась, что народъ не имѣлъ случая выразить свою волю отвѣтомъ. Воплощенная юная мудрость даетъ перевѣсъ народной волѣ: новый царь избирается по волѣ народа. Дѣтскій образъ мудрости, посрамившій тѣхъ, которые являлись въ ея обычномъ земномъ видѣ, въ видѣ стариковъ и сильныхъ властію, показываетъ въ народномъ понятіи сознаніе, что юное поколѣніе, не смотря на то, что играетъ верхомъ на палочкѣ, носить въ себѣ зародыши того, къ чему уже неспособны взрослые...

Н. Костомаровъ.

ЛИСИЦЯ Й ОСЕЛЬ.

»Відкіль бредешъ ти, голово лиха?«

Лисиця такъ мовля Ослові.

— Дивівся, якъ тамъ Левъ здиха,

Ажъ генъ, у тій діброві! —

Піді, паньмátko, подивісь, —

Ті жъ зналася изъ нймъ колісь...

И! щó тепѣра зъ нимъ зробилося!

Дѣ въ бѣса й сила таа ділася!..

Атó, булó, якъ гуконé, —

Не втáмишь зъ-ляку, дѣ бѣ сховáвся!

Такé булó те пугало страшиé!

Мабуть, ёгó весь свѣтъ боáвся...

Тепѣрь лежить, ненáче пень,

И нѣчь, и день...

Нѣхтó ёгó вже не боітця,

Усякъ беспѣшно йде дивитця;

Хто схóче — дóбре скубонé

За врáжий чубъ ёгó зубáми,

А хтó — підъ бóки стусонé

Чи дрóкомъ, чи рогами.« —

»А ти, вѣстимо, не посмівъ?!«

Ёмú підсмѣюе лисиця.

— Оцѣ-такій! чогó жъ дивитця?

И я ёгó разъ захмливъ.

Нехай и нашихъ знає!«

А й въ людѣхъ такички бувае...

Чи тó вже свѣтъ тепѣрь такий!..

Покі ти чимъ комú страшний,

Усякъ тебѣ и поважае,

А тѣлько якъ-небúдь спиткнѣсь, —

Дивісь —

Хто й почитáвъ, то лае...

ПО ПОВОДУ АКТОВЪ ОТНОСЯЩИХСЯ ДО ЮГО- ЗАПАДНОЙ РУСИ.

Международныя отношенія составляютъ одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ, особенно привлекающихъ, въ настоящее время, вниманіе Европы. У насъ тоже есть вопросъ, который настоятельно требуетъ уясненія: это—давнее политическое и народное отношеніе Польши и Руси со времени соединенія ихъ въ одну Рѣчь Посполитую. Истина, открытая и доказанная, равно убѣдительная для всякаго, кто, принадлежа къ особой націи, способенъ ради правды, отказаться отъ предвзятой теоріи относительно чужой національности, — только такая истина можетъ прекратить бесплодные литературно-историческіе споры, устранить заносчивые планы и обратить на прямой путь безпристрастнаго изученія и уваженія всѣхъ народностей.

Кіевская Коммиссія, обладающая громаднымъ запасомъ актовъ, относящихся до Юго-западной Руси, издавна оказываетъ великую услугу внутренней и ви́шней исторіи этого края.—Новымъ своимъ изданіемъ (II томъ «*Архива Юго-западной Россіи*») она блистательно содѣйствуетъ къ несомнѣнному разрѣшенію упомянутаго вопроса, издавна затмѣваемого, преимущественно за границею, то невѣдніемъ, то преднамѣреннымъ извращеніемъ фактовъ.

Благодаря благосклонному согласію авторовъ, мы, съ признаніемъ всей важности вопроса о давнихъ отношеніяхъ Польши и Руси, переносимъ на страницы «Основы» двѣ превосходныя статьи Предсѣдателя Коммиссіи, М. В. Юзефовича, и дѣятельнѣйшаго Члена ея, Н. Д. Иванішева, недавно помѣщенныя въ «*Архивъ*», который къ сожалѣнію, такъ мало еще оцѣненъ и распространенъ въ нашей публикѣ. Вопросъ, разъясняемый Н. Д. Иванішевымъ и М. В. Юзефовичемъ до очевидности, не разъ возбуждался и у насъ, и въ польской литературѣ, и за границею, но, обыкновенно, споръ оканчивался тѣмъ, что противники, не прійдя къ окончательному рѣшенію, расходились въ разныя стороны, обвиняя другъ друга въ пристрастіи, въ ненависти, въ непониманіи исторіи, а нѣкоторые даже заподозрѣ-

вали честныхъ дѣателей науки въ разсчитанномъ служеніи постороннимъ исторической истины цѣлямъ. Теперь все ясно: «домашній, давній споръ» былъ не болѣе какъ *qui pro quo*, которыхъ такъ много въ исторіи, особенно Славянской; теперь уже несомнѣнно то, что не подчиненіе одного народа другому, даже не подчиненіе части—цѣлому, а федеративное, равноправное отношеніе частей составляло сущность и цѣль того политическаго порядка, который желали создать, упрочить и расширить лучшіе дѣатели своего времени, порядка, основаннаго на вѣчномъ мирѣ и крѣпкомъ союзѣ, къ которому, какъ надѣялись даже во 2-й половинѣ XVII в., пристанетъ и Московскій государь съ народомъ ⁽¹⁾. Польская шляхта, по признанію всѣхъ безпристрастно—мыслящихъ историковъ и публицистовъ польскихъ, не умѣла, или не хотѣла, понять этой благородной задачи, хотя разумное рѣшеніе ея давалось само собою, потому что лежало въ природѣ вещей, въ племенномъ и географическомъ единствѣ Славянскаго міра. Сословный эгоизмъ извратилъ естественный ходъ Польско—Русской, а слѣдовательно—и Всеславянской исторіи и послужилъ источникомъ кровавыхъ бѣдствій, переполившихъ насильственно—связанную жизнь племенныхъ братій, со времени Люблинскаго сейма. Шляхта, подчинившись холодной и безчувственной теоріи іезуитовъ, первая разорвала звенья, которыя соединяли между собою сосѣдніе славянскіе народы—и только грядущему времени, только справедливому разуму и поканію этихъ народовъ, быть можетъ, удастся обновить естественныя начала, ихъ одушевлявшія, но, силою неправедныхъ дѣлъ, сословныхъ и религіозныхъ преслѣдованій, глубоко потрясенныя.

Въ справедливыхъ отношеніяхъ къ простому народу лежитъ начало новой эры. Событія покажутъ, въ какой степени исторія послужила урокомъ для тѣхъ, кто наследовалъ пороки и добродѣтели предковъ; до сихъ же поръ историческая литература и политическія теоріи польскія—къ нашему глубокому сожалѣнію—звучаютъ намъ мало вѣрѣ въ безпристрастіе потомковъ.

Припишемъ такое странное, въ наше время, явленіе недостатку вѣрныхъ историческихъ свѣдѣній о Югозападной Руси, и пожелаемъ, чтобы предлагаемые трактаты, написанные съ возвышеннымъ безпристрастіемъ и умѣренностью историческаго убѣжденія, послужили въ пользу и намъ, и польскимъ историкамъ и публицистамъ.

(1) См. статью г. Костомарова, во 2-й книжкѣ «Основы».

I.

ОБЪЯСНЕНІЕ
ОТЪ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ КІЕВСКОЙ КОММИССІИ

ДЛЯ

РАЗБОРА ДРЕВНИХЪ АКТОВЪ.

Съ пѣкотораго времени, въ заграничныхъ Польскихъ журналахъ начали появляться статьи, съ явною цѣлю увѣрить общее мнѣніе Европы, что Западно-русскій край, по Дитѣрцъ, есть край Польскій, и что имя *Русинъ* вовсе не означаетъ Русскаго человѣка, а есть провинціальное названіе Поляка, какъ Мазуръ, Краковякъ, Велико-полянскій. Эта послѣдняя теорія была, какъ извѣстно, изобрѣтена первоначально въ Галиціи. Оттуда она перенесена сюда, какъ опора для стремленій неумѣреннаго Польскаго патріотизма, чувствующаго здѣсь, какъ и тамъ, слабость почвы, для утвержденія своихъ притязаній.

Послѣгнувъ, такимъ образомъ, на историческую и этнографическую правду, этотъ патріотизмъ нашелъ себя въ необходимости посягнуть и на достовѣрность историческихъ памятниковъ, издаваемыхъ «Кіевскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ» и свидѣтельствующихъ о совершенно другомъ значеніи здѣшняго края, слѣдовательно—разрушающихъ въ самомъ корнѣ приведенную выше теорію. Въ слѣдствіе того, неумѣренные Польскіе патріоты рѣшились не только бросить тѣмъ сомнѣнія на добросовѣтность дѣйствій Коммиссіи, но формально обвинять ее въ искаженіи и даже подлогѣ издаваемыхъ ею актовъ.

Такого рода обвиненія, конечно, не обязываютъ къ отвѣту, и Коммиссія могла бы не отвѣчать на нихъ, если-бы дѣло касалось только ея личности; но здѣсь требуетъ отвѣта интересъ науки, потому-что всякій научный актъ долженъ быть строго оправданъ, для утвержденія за нимъ несомнѣнной достовѣрности. Вотъ почему я считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ, въ опроверженіе взведенной на Коммиссію клеветы.

Такъ-какъ все челоѣческое дѣйствіе имѣютъ свою причину въ побужденіяхъ вещественнаго или нравственнаго интереса, то рассмотримъ отношеніе Коммиссіи къ этому источнику побужденій.

Все участвующіе въ ученыхъ занятіяхъ и трудахъ Коммиссіи, съ самого ея учрежденія, не пользуются никакими служебными правами и не получаютъ никакого содержанія отъ Правительства. Во все время ея существованія, ни одинъ изъ ея членовъ не получалъ отъ Правительства никакой награды. Одному мнѣ, и то лично, во вниманіе къ моему прежней долговременной службѣ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, дарованы служебныя права, но тоже безъ жалованья. Слѣдовательно, никакія побужденія вещественнаго интереса не могутъ управлять дѣйствіями Коммиссіи.

Что касается до интереса нравственнаго, то онъ могъ бы проявиться въ Коммиссіи развѣ въ стремленіяхъ ложнаго патріотизма. Но для патріотическихъ увлеченій вообще нужны сильные поводы, а тѣмъ болѣе для такихъ увлеченій, которыя, заглушая голосъ совѣсти и чести, могутъ доводить до такого рода дѣйствій, какъ подлогъ памятниковъ давно-минувшаго времени или искаженіе живой, несомнѣнной истины. Всякій, конечно, согласится, что у насъ, Русскихъ, нѣтъ такихъ поводовъ въ отношеніи къ Польшѣ. Тяжба между нами кончена, и у насъ нѣтъ ни одного нравственнаго интереса, который побуждалъ бы насъ къ такого рода дѣйствіямъ, а есть у насъ, напротивъ, нравственный интересъ, строго внушающій намъ совѣстные побужденія: это интересъ нашего народнаго достоинства, требующаго отъ насъ, въ отношеніи къ Польшѣ, безукоризненной честности. И этотъ интересъ мы соблюдаемъ свято. Я ссылаюсь на всю нашу современную литературу, отражающую общее мнѣніе Россіи: найдется ли у насъ хоть одинъ журналъ, хотя одна печатная по русски строка, гдѣ бы выражалось неблагоклонное чувство къ Польской народности, и гдѣ бы не выражалось, когда говорится о ней, полное къ ней уваженіе и сочувствіе? Мы не только не враждуемъ

съ Польскою народностію, но первые теперь отъ души радуемся и благодаримъ Правительство за введеніе въ здѣшнія учебныя заведенія Польскаго языка, который не только необходимъ для *своихъ*, но можетъ быть полезенъ и для *нашихъ*, по близкому намъ родству и богатству его литературы. И такъ, и съ этой стороны не существуетъ побужденій, которыя могли бы хоть сколько нибудь поддерживать дѣлаемое противъ Коммиссіи обвиненіе.

Нѣтъ вообще никакого основанія связывать съ назначеніемъ нашей Коммиссіи какую-нибудь политическую цѣль.—Точно такая же Коммиссія открыта и въ Вильнѣ, гдѣ ея составъ, съ самаго начала и до сего времени, былъ и есть весь почти Польскій. Уже это одно обстоятельство достаточно свидѣтельствуетъ объ отутствіи всякой политической мысли въ основаніи этихъ археографическихъ учрежденій. Задача наша—не политическіе извороты и сплетни, которые не оправдываются никакою потребностію Россіи, а историческія изысканія въ письменныхъ памятникахъ здѣшней старины, особенно въ громадномъ хранилищѣ Кіевского Центральнаго Архива (*), заключающаго въ себѣ драгоценныя источники для истории древней внутренней жизни Русскаго народа. Эти источники тѣмъ для насъ драгоценнѣе, что нигдѣ не существовало у насъ, кромѣ Западной Руси, благодаря господствовавшимъ въ ней Литовско-русскимъ юридическимъ обычаямъ, счастливаго для исторической науки учрежденія—такъ называемыхъ актовыхъ книгъ, куда вписывалась, такъ-сказать, вся юридическая жизнь народа, во всѣхъ ея проявленіяхъ. Поэтому, только въ архивахъ Западной Руси могутъ находить данныя для своего окончательнаго разрѣшенія многіе, самые основныя, коренныя вопросы древне-русской жизни, какъ наиримѣръ, вопросъ о древней нашей сельской автономіи. Эти-то данныя и составляютъ главный интересъ, имѣющійся въ виду у Коммиссіи, ту задачу, которую она преимущественно преслѣдуетъ въ своихъ изысканіяхъ, не оставляя, разумѣется, безъ вниманія и всего того, что служитъ къ объясненію исторіи собственно Западно-русскаго края. По бывшему отношенію этого края къ Польшѣ, открытія наши не могутъ не соприкасаться съ нею. Чѣмъ-же мы виноваты, если историческіе памятники не представляютъ здѣшняго прошедшаго въ такомъ свѣтѣ, въ какомъ же—

(*) См. о содержаніи этого Архива въ предисловіи къ 1-му тому Архива Югозападной Россіи.

лало бы его видѣть Польское патріотическое чувство? Но вѣрно ли это чувство отзывается въ груди Польскихъ патріотовъ? Вотъ вопросъ. У какого народа не осталось въ исторіи слѣда пороковъ, злоупотребленій, преступленій? Къ чему же гнѣваться на историческую правду? Исторія, какъ наука народнаго самопознанія, должна быть вѣрнымъ и ясно отражающимъ зеркаломъ. Желать фальшиваго зеркала, скрывающаго недостатки, можно развѣ смѣшному тщеславію отжившей наружную красоту и неимѣющей внутренняго содержанія женщины. Намъ, Русскихъ, всего менѣе, кажется, можно упрекнуть въ самолюбивомъ пристрастіи къ себѣ: мы сами о себѣ издаемъ, какъ драгоценныя свидѣтельства, такія сказанія, какъ сочиненіе Флетчера о Русскомъ государствѣ, и не сердясь смотримся въ зеркало Гоголя. — При такомъ направленіи духа, несправедливо предполагать въ насъ склонность выгораживать себя на счетъ другихъ.

Обращая наши слова къ неумѣреннымъ Польскимъ патріотамъ, мы вовсе не думаемъ, однакожъ, смѣшивать съ ними всѣхъ Поляковъ: напротивъ, Коммисіи пріятно засвидѣтельствовать, что Польскіе истинные ученые постоянно сочувствовали и содѣйствовали трудамъ ея. Однимъ изъ первыхъ участниковъ въ ея дѣятельности былъ извѣстный Польскій патріотъ и ученый, *Свидзинскій*, который, до самой смерти своей, не переставалъ быть ея усерднымъ сотрудникомъ и постоянно доставлялъ ей значительные матеріалы изъ своего богатаго собранія рукописей (*). Почти наканунѣ своей кончины, (когда я посѣтилъ его), послѣднія слова, мнѣ имъ сказанныя, выражали жалобу на медленное печатаніе IV тома памятниковъ, въ которомъ польскій текстъ издавался подъ его редакціей. И въ настоящее время, Коммисія пользуется сочувствіемъ нѣсколькихъ лицъ изъ Поляковъ, которымъ горячая любовь къ своей народности не мѣшаетъ любить безкорыстно науку. Эти факты я приглашаю опровергнуть открыто, если они невѣрны.

Но для полнаго утвержденія достовѣрности какъ бывшихъ, такъ и будущихъ изданій Коммисіи, я приглашаю всѣхъ и каждаго изъ желающихъ повѣрить вошедшіе, въ эти изданія, памятники съ ихъ подлинниками, обращаться ко мнѣ, и формально обязуюсь доставлять

(*) Въ четырехъ томахъ изданныхъ Коммиссіею памятниковъ, большая часть актовъ, относящихся къ Исторіи Малороссіи, поступили въ Коммиссію изъ этого источника.

каждому всё нужныя къ тому средства, если подлинники находятся въ Киевскомъ Центральномъ Архивѣ; если же они замѣтованы изъ другихъ источниковъ, то, для желающихъ повѣрки, во всѣхъ изданіяхъ Коммисіи, у всѣхъ актовъ имѣются указанія, откуда именно они почерпнуты. Этому правила Коммисія постоянно держалась, въ общемъ интересѣ науки.

Смѣю удостовѣрить всѣхъ, кому было бы угодно обратиться ко мнѣ для указанной цѣли, что Коммисія не только не приметъ требуемой отъ нея повѣрки за выраженіе недовѣрія къ ней, а напротивъ, съ полною благодарностью оцѣнитъ такой трудъ, какъ содѣйствіе ея искреннему желанію довести вопросъ о несомнѣнности издаваемыхъ ею памятниконъ до окончательнаго, безвозвратнаго разрѣшенія.

Имѣя въ виду одну историческую истину, Коммисія, сверхъ того, всегда будетъ готова внести въ свои изданія всякій древній актъ, еще необнародованный, на который ей укажутъ, или который ей доставятъ, и который свидѣтельствовалъ бы въ пользу Польскаго здѣсь начала.

Что касается до теоріи превращенія здѣшняго края въ Польшу, то мы постараемся отвѣчать на нее не придуманными на этотъ счетъ теоріями же, а положительными документами и изслѣдованіями на нихъ построенными, къ чему и приступаемъ въ настоящемъ (II) томѣ. Пусть рѣшитъ между нами судъ безпристрастной исторической критики, которую мы желаемъ видѣть совершенно свободною и гласною съ обѣихъ сторонъ.

Независимо отъ того, да позволено будетъ намъ, одноплеменникамъ здѣшней Русской народности, предложить на рѣшеніе самихъ Поляковъ, любящихъ и уважающихъ правду, слѣдующіе вопросы:

Въ Киевской, Подольской и Волынской губерніяхъ, общее народонаселеніе составляетъ 3,253,549 душъ. По вѣроисповѣданію и народности, они находятся въ слѣдующемъ численномъ отношеніи: Православныхъ, говорящихъ Русскимъ нарѣчіемъ, 4,128,193 души; Евреевъ 611,370 душъ; Римско-католиковъ 483,056 душъ; Русскихъ Старообрядцевъ и Раскольниковъ 18,827 душъ; Лютеранъ 9,291; Армянъ 290; Магометанъ 271 и Караймовъ 251 душа (*).

Чтобы съ точностью опредѣлить цифру здѣшней Польской народ-

(*) Эти свѣдѣнія почерпнуты изъ мѣстныхъ официальныхъ источниковъ.

ности, слѣдовало бы изъ числа Римско-католиковъ отдѣлить ту массу простого народа, которая хотя исповѣдуетъ латинскую вѣру, но говоритъ Южно-русскимъ нарѣчіемъ и, потому, принадлежитъ по крови и языку, къ Русской народности. Но, не имѣя вѣрныхъ статистическихъ данныхъ для опредѣленія отношенія здѣшнихъ Русскихъ Римско-католиковъ къ тѣмъ изъ нихъ, которые вполнѣ усвоили Польскую народность, мы принимаемъ въ пользу этой последней весь итогъ исповѣдующихъ здѣсь латинскую вѣру. Этотъ итогъ составляетъ около $\frac{1}{11}$ доли общаго народонаселенія.

Спрашиваемъ: справедливо-ли, законо-ли и даже, рѣшаемся сказать, благоразумно-ли *однанадцатой* долѣ населенія притязать на господство своей народности?

Неужели въ нашемъ XIX вѣкѣ еще можно серьезно думать, не только утверждать, а тѣмъ менѣе стремиться къ осуществленію мысли, что шляхетскія преимущества даютъ право на такое господство?

Неужели аксіома, что есть народы безъ шляхты, но нѣтъ и не было шляхты безъ народа, и что народъ здѣсь Русскій, можетъ быть серьезными людьми отрицаема?

Предлагаемъ эти вопросы безъ вражды и страсти, а потому искренно желаемъ, чтобы тѣ, къ кому мы обращаемся, признавъ законъ исторической необходимости и общественной правды, подали намъ въ отвѣтъ руку, къ которой мы такъ охотно протягиваемъ свою, во имя взаимнаго уваженія къ обоюднымъ правамъ, во имя права каждаго человѣка на свою народность, во имя кровнаго родства и дружбы въ совмѣстной жизни, какую опредѣлила для насъ Исторія.

Предсѣдатель Комиссіи М. Юзефовичъ.

II.

СОДЕРЖАНІЕ ПОСТАПЛВЕНІЙ

ДВОРЯНСКИХЪ ПРОВИНЦІАЛЬНЫХЪ СЕЙМОВЪ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.

Во II-мъ т. *Архива* заключаются акты, со времени присоединенія Юго-западной Руси къ Польшѣ на Люблинскомъ сеймѣ, въ 1596 году, по 1654 годъ, въ которомъ Украина, въ слѣдствіе народнаго возстанія, возбужденнаго Богданомъ Хмельницкимъ, отдѣлилась отъ Польши и присоединилась къ Восточной Руси. ¹⁾

Большая часть этихъ актовъ заключаетъ въ себѣ постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ Югозападной Руси; къ нимъ прибавлены историческіе матеріалы, пополняющіе и поясняющіе сеймовыя постановленія. Провинціальные сеймы установлены были въ Югозападной Руси жалованною грамотою короля Сигизмунда Августа, въ 1565 году. За нѣсколько недѣль предъ генеральнымъ сеймомъ, король приглашалъ дворянъ собираться въ главныхъ городахъ каждаго воеводства, для совѣщаній о нуждахъ Рѣчи Посполитой. По окончаніи совѣщаній, дворяне, постановивъ рѣшеніе, избирали изъ среды своей пословъ и, вручивъ имъ инструкціи, отправляли на генеральный сеймъ ²⁾.

¹⁾ Помѣщенные, въ настоящемъ изданіи, историческіе матеріалы извлечены нами изъ хранящихся въ Киевскомъ Центральномъ Архивѣ актовыхъ книгъ Луцкихъ, Владимірскихъ и Киевскихъ; къ этимъ матеріаламъ присоединено нѣсколько актовъ, извлеченныхъ нами изъ книгъ Трибунала Люблинскаго и Метрики Коронной, хранящихся въ Варшавѣ, въ Главномъ Архивѣ Царства Польскаго. Окончательною редакцію Польскаго текста завѣдывалъ Библіотекаръ Университета св. Владиміра, начальникъ Киевскаго Центрального Архива, *Красовскій*, принявъ за правило печатать текстъ рукописей съ дипломатическою точностію.

²⁾ Акты, относящіеся до исторіи Западной Россіи, т. III, стр. 133.

Въ этихъ сеймовыхъ постановленіяхъ находимъ предположенія западиорусскаго дворянства по части законодательной, судебной и исполнительной, мѣры къ охраненію Русской народности, изображеніе того состоянія, въ какомъ находилась Югозападная Русь, наконецъ просьбы о награжденіи лицъ, оказавшихъ важныя услуги государству. При изложеніи содержанія издаваемыхъ нами актовъ, мы заставимъ говорить западиорусское дворянство, воздерживаясь отъ собственныхъ нашихъ воззрѣній. Пусть сами дворяне скажутъ намъ, къ какому народу они причисляли себя, какъ они смотрѣли на устройство и состояніе Рѣчи Посполитой, и чего они желали для общественнаго благосостоянія. Но прежде нежели мы приступимъ къ изложенію содержанія актовъ, считаемъ нужнымъ изложить тѣ основанія, на которыхъ Литва и Югозападная Русь соединилась съ Польшею въ одну Рѣчь Посполитую.

Въ 1386 году, Великое Княжество Литовское, заключавшее въ своемъ составѣ Югозападную Русь, соединилось съ Польшею, подъ властію одного государя, великаго князя Литовскаго, Ягеллы. Это соединеніе имѣло чисто-федеративный характеръ. Цѣль союза состояла въ томъ, чтобы соединенными силами отражать виѣшнихъ непріятелей и содѣйствовать политическому могуществу обоихъ государствъ ¹⁾. На основаніи такого федеративнаго союза, каждое изъ соединенныхъ государствъ должно было сохранять главныя условія политической независимости, именно, отдѣльную территорію и особые органы законодательной, судебной и административной власти.

Территорія Литвы и Югозападной Руси строго отдѣлялась отъ территоріи Польскаго королевства; объ этомъ заботилось Литовско-Русское дворянство и неоднократно подавало свои просьбы королю. Дворяне жаловались, что паны—Поляки, переходя границы, отдѣляющія Польшу отъ великаго княжества Литовскаго, напасть пограничнымъ владѣльцамъ нестерпимыя обиды, производятъ разбои, убиваютъ людей и отнимаютъ земли. Для предотвращенія кровопролитія, Литовско-русское дворянство просило короля, чтобы границы между

¹⁾ «Contra insultus quorundam hominum assistere, regem et coronam, regnum et regnicolas Poloniae et eorum necessitates perpetuo adjuvare, quod et ipsi (i. e. regnicolae Poloniae) nobis pari modo tenebantur facere vice versa.» Privilegium praelatorum Lithvaniae 1401. Vol. Legg. T. I. p. 60. «Pro defensione fortiori, subsistentia dominiorum eorundem firmiori, unionem et connexionem ad effectum deducere conabantur.» Ibid. p. 288.

Польшою и великимъ княжествомъ Литовскимъ приведены были въ несомнѣнную извѣстность. Объ этомъ оно подавало просьбы на Виленскомъ сеймѣ, въ 1547, 1551 и 1554 годахъ. Такія же просьбы особо подавало дворянство Вольнское въ 1551 и 1554 годахъ, жалуясь на разбои, убійства и грабежи, претерпѣваемые пограничными владѣльцами отъ пановъ-Поляковъ. Въ слѣдствіе этихъ просьбъ, король отправлялъ посланцовъ, какъ со стороны Литвы и Югозападной Руси, такъ и со стороны Польши, чтобы постановить между этими государствами точныя и вѣчныя границы ¹⁾. Польша, отдѣленная отъ Литвы и Югозападной Руси вѣчными границами, была для Литовско-Русскаго народа страною чужеземною ²⁾; Поляки считались людьми заграничными, чужеземцами (*liudi zahranicznuye, cziuzozemcy*) ³⁾.

Поляки, паравиѣ съ другими чужеземцами, не могли занимать, въ Литвѣ и Югозападной Руси, никакихъ государственныхъ должностей и не имѣли права владѣть поземельною собственностію.

Желая устранить всякое участіе Поляковъ во внутреннемъ управленіи Литвы и Югозападной Руси, Литовско-русское дворянство неоднократно обращалось съ просьбами къ королю о томъ, чтобы Поляки, какъ чужеземцы, не были допускаемы ни къ какимъ государственнымъ должностямъ, въ предѣлахъ Литвы и Югозападной Руси ⁴⁾. Такія просьбы подавало Литовско-русское дворянство королю въ 1544

¹⁾ Zbiór praw Litewskich. Poznań, 1841, стр. 428, 469, 474, 490 и 501. Также Акты, относящіяся къ исторіи западной Россіи, изданные Археограрическою Коммисією Т. III, стр. 10, 42, 46.

²⁾ Это подтверждается слѣдующею статьею Статута Литовскаго 1529 года: «Też ustawujem, ktoruju by dewku otec abo matka dali do cziuzoie zemli z wielikoho kniazstwa Litowskoho, do Polski, abo do Mazowsz, abo do ktoroie kolwe zemli» etc. Разд. IV, арт. IX.

³⁾ Въ отвѣтахъ королѣя на просьбы Литовско-русскаго дворянства, на Брестскомъ сеймѣ, въ 1544 году, сказано: «Zatym szto jeste prosili, aby Poliakom cziuzozemcom wradow i ynnych dostojnostej u wielikom kniakstwie nedawano» и проч. Zbiór praw Litewskich стр. 405.

⁴⁾ Литовско-русское дворянство основывало свою просьбу на слѣдующей статьѣ Статута Литовскаго 1529 года: «Też szlubujem i obiecujem, iż w zemlach naszich toho wielikoho kniazstwa, zemli, i horodow, i mest, i kotorych kolwe dedictw, i derżania, i też kotorych kolwe wradow naszich, abo czestej i dostoinosti, obczomu, ale tolko prirożonym a tubylcom tych zemli naszich wielikoho kniazstwa, ne budem dawati, i potomki naszci ne budut dawati w derżanie i w pożiwanie. Разд. III, арт. 3. Также Zbiór praw Litewskich, стр. 45.

году, на Брестскомъ сеймѣ, и въ 1547 году, на сеймѣ Виленскомъ. Польскіе чиновники, сопровождавшіе короля во время поѣздки его въ Литву и Югозападную Русь, должны были останавливаться на границѣ, а если вѣзжали съ королемъ въ предѣлы Великаго Княжества Литовскаго, то считались чужеземными гостями и не имѣли права вѣшываться въ общественныя дѣла. При королѣ оставались только придворныя чины, необходимыя для его личныхъ услугъ (¹).

Чужеземцы не имѣли права пріобрѣтать поземельную собственность въ Литвѣ и Югозападной Руси (²); это ограниченіе распространялось и на Поляковъ. На Виленскомъ сеймѣ, въ 1554 году, дворянство Вольнское жаловалось королю, что нѣкоторые паны-Поляки, женившись на дворянкахъ въ Землѣ Вольнской и живя въ имѣніяхъ своихъ женъ, обижаютъ мѣстныхъ дворянъ, дѣлая имъ великія непріятности. Желая не только лишить Поляковъ права пріобрѣтать поземельную собственность на Вольни, но и устранить ихъ отъ владѣнія и пользованія имѣніями, дворянство Вольнское просило короля, чтобы дозволено было ближайшимъ родственникамъ выкупать имѣнія дворянокъ, вышедшихъ замужъ за Поляковъ. Король приказалъ руководствоваться, въ этомъ случаѣ, законами о чужеземцахъ, постановленными для всего Великаго Княжества Литовскаго (³). Право пріобрѣтать поземельную собственность въ Литвѣ и Югозападной Руси предоставлено было Полякамъ только въ 1564 году, на Варшавскомъ сеймѣ (⁴).

Изъ приведенныхъ нами узаконеній слѣдуетъ, что Литва вмѣстѣ съ Югозападною Русью, заключивъ федеративный союзъ съ Польшею, сохраняла свою политическую независимость, имѣла свою отдѣльную территорию и особую внутреннюю администрацію, считая Польшу чужеземною страной, а ея жителей—чужеземцами. Западнорусскіе

(¹) Zbiór praw Lit., стр. 433. «Także szto jeste mowili jeho krolewskiej miłosci, iż buł tot obyczaj zawżdy iz starodawna, za szczastnoho panowania prodkow jeho miłosti, iż khdykolwek ich krolewskaia miłost s koruny polskoje jeźdeczali do welikoho kniaźstwa litowskoho, tohdy na hranicy wsi wradniki dwornyje korunnyje ostawali; a jestli kotoryj do kniaźstwa litowskoho jechał, tohdy bywał jakobi hostem, a źadnoje mocy i władnosti w sprawowaniu wradu swojeho ne meł, ani sia w to wstupował.» Также стр. 405. Акты Западной Россіи. Т. III, стр. 13.

(²) Zbiór praw Lit., стр. 481. Акты Западной Россіи, т. III, стр. 53.

(³) Zbiór praw Litew., стр. 305. Акты Западной Россіи, т. IV, стр. 66.

(⁴) Voll. Legg. T. I, p. 649, art: 23.

дворяне, строго отличая Русь отъ Польши, называли себя народомъ Русскимъ, безъ различія въ происхожденіи (1). Этимъ же именемъ и Польское правительство называло какъ дворянъ, такъ и весь народъ, населявшій Югозападную Русь. Поэтому грамоты, данныя Польскимъ правительствомъ для охраненія православной религіи, какъ въ Литвѣ, такъ и въ Югозападной Руси, назывались дипломами Русскому народу (2).

Характеръ федеративнаго союза Литвы съ Польшею былъ измѣненъ въ 1569 году, на Люблинскомъ сеймѣ. Въ этомъ году, Югозападная Русь, заключавшая въ себѣ Вольинское и Брацлавское воеводства, а также княжество Кіевское, отдѣлены были отъ Литвы и включены въ составъ Польскаго королевства, въ формѣ провинцій, какъ части къ своему цѣлому, какъ членъ къ своему тѣлу и главѣ (3).

Такое соединеніе должно было имѣть послѣдствія, гибельныя для обоихъ народовъ. Двѣ, почти равносильныя, но, по своимъ основнымъ началамъ, совершенно противоположныя народности, отличавшіяся образомъ правленія, языкомъ и религіею, должны были находиться въ непрерывномъ столкновеніи и парализировать развитіе государства. Съ этихъ поръ, ни Польша, ни Югозападная Русь не знали покоя. Между-тѣмъ-какъ другія государства, подъ защитою централизирующей монархической власти, осаживались на своихъ территорияхъ, обособляли свою народность и укрѣплялись въ силахъ, для того, чтобы перейти къ новымъ, болѣе совершеннымъ, формамъ государственной жизни, Польша и Югозападная Русь истощали свои свѣжія силы во внутренней борьбѣ противоположныхъ народностей и въ распряхъ аристократіи, неспособной къ самоуправленію.

Литовскорусское дворянство предвидѣло эти невыгодныя послѣдствія, и поэтому старалось противудѣйствовать политическимъ видамъ Польскаго правительства. Еще въ 1526 году, дворяне просили короля Сигизмунда I, чтобы онъ короновалъ своего сына на Великое Княжество Литовское, для того только, чтобы, возведи это государство на степень королевства, сдѣлать окончательное сліяніе его съ Польшею невозможнымъ. »Когда Великое Княжество Литовское,« писа-

(1) N. XVII, стр. 203.

(2) N. XX, стр. 223, и XXXII, стр. 370.

(3) Jako własny a prawdziwy członek ku własnemu ciału. a głowie. Voll. Legg. T. II, pag. 753, art. 2.

ли дворяне королю, «будеть имѣть свою корону, то тогда нельзя будетъ присоединить его къ Коронѣ Польской, потому, что одна корона въ составъ другой короны войти не можетъ. Тогда панамъ Полякамъ нельзя будетъ желать, чтобы это государство было унижено и присоединено къ нимъ, но будетъ равное братство и пріязнь заодно, противъ каждаго непріятели (1)».

Присоединеніе Югозападной Руси къ Польшѣ, постановленное на Люблинскомъ сеймѣ, было задумано королемъ Сигизмундомъ Августомъ и поддержано незначительною партією западнорусскихъ магнатовъ, желавшихъ сравниться въ правахъ и почестяхъ съ Польскими аристократами. Хотя король, въ своихъ грамотахъ, утверждалъ, что соединеніе совершилось по искреннему желанію и добровольному соизволенію вѣхъ сословій Земли Вольнской и Княжества Кіевскаго (2); однакожь это увѣреніе опровергается позднѣйшими королевскими распоряженіями. По окончаніи Люблинскаго сейма, король принужденъ былъ прибѣгнуть къ угрозѣ, для того, чтобы принудить западнорусскихъ дворянъ дать согласіе на присоединеніе къ Польшѣ и подтвердить это согласіе присягою. Съ этою цѣлію, разосланъ былъ королевскій универсалъ, которымъ предписана была форма присяги, съ прибавленіемъ слѣдующихъ словъ: «А кто бы совершить эту присягу воспротивился, у того, какъ у сопротивляющагося власти нашей и государственнымъ законамъ, имѣніе конфисковать будемъ». Королевскимъ старостамъ повелѣно было доставить королю присяжные еписки съ поименованіемъ лицъ, присягавшихъ, и не явившихся къ присягѣ, для того, чтобы король могъ подвергнуть непослушныхъ законному наказанію (3). Впрочемъ, изъ присяжныхъ листовъ, подписанныхъ обывателями повѣтовъ Луцкаго и Владимірскаго, видно, что, не смотря на королевскую угрозу, весьма многія лица, и притомъ представители знатнѣйшихъ дворянскихъ фамилій, не явились къ присягѣ. Изъ духовныхъ лицъ православнаго исповѣданія находимъ въ присяжномъ листѣ только подпись Іоны, архимандрита Жидичинскаго, да подпись извѣтнаго своимъ буйствомъ епископа Луцкаго, Іоны Красенскаго (4). Изъ лицъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣда-

(1) Ак. Зап. Рос. Т. II, стр. 175.

(2) «Z woli uprzeymcy u za dobrowolnym pozwoleniem wszystkich stanów». Voll. Legg. II, 754.

(3) N. I, стр. 1 во II-мъ томѣ Архива.

(4) Архивъ югозападной Россіи, томъ I, стр. 29, 162, 191.

ній присягалъ и подписался одинъ только Армянскій попь Вартикъ (1).

Изъ сеймовыхъ постановленій, нами издаваемыхъ, можно видѣть всѣ невыгоды, которымъ подверглась Югозападная Русь, по присоединеніи ея къ Польшѣ. Въ этихъ постановленіяхъ, мы находимъ непрерывныя жалобы Западнорусскаго дворянства на своеволие магнатовъ, захватывавшихъ въ свои руки власть законодательную, на несправедливую раздачу староствъ и вышнихъ государственныхъ должностей, на противузаконныя дѣйствія власти судебной и исполнительной, на грабежи и неистовства жолнеровъ и на преслѣдованія православной религіи.

Законодательная власть, по основнымъ законамъ, принадлежала генеральному сейму, состоявшему изъ короля, сенаторовъ и земскихъ пословъ, которые избѣраемы были дворянствомъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ какъ усиливалась власть аристократіи, уменьшалось значеніе остальныхъ представителей законодательной власти: короля и посольской избы. Такимъ образомъ нарушено было равновѣсіе политическихъ силъ, необходимое для правильнаго государственнаго устройства. Дворянство Вольшекое, въ 1645 году, поручило посламъ своимъ обратить вниманіе генеральнаго Варшавскаго сейма на этотъ недостатокъ въ государственномъ устройствѣ. «Зеница нашихъ вольностей,» говорили дворяне, «есть посольская изба; но въ настоящее время, осталась одна только тѣнь этого установленія. Въ дѣйствительности, шляхетское сословіе исключено изъ сейма; бесполезно гибнуть благороднѣйшія желанія республики, инструкціи, даваемыя дворянствомъ посламъ на Варшавскій сеймъ, и проекты законовъ, предлагаемыхъ въ посольской избѣ». Въ этомъ отношеніи, неустройство Польской республики, по мнѣнію дворянъ Вольшекскихъ, было такъ велико, что законы Польскіе служили посмѣшищемъ для иностранныхъ народовъ, (*posmiewiskiem u postronnych narodów*) (2).

Эти недостатки государственнаго устройства особенно обнаруживались во время междуцарствія. По смерти короля, представителемъ верховной власти являлся примасъ королевства, архіепископъ Гибз-

(1) N. I, стр. 4. См. также Жизнь князя Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, т. I, стр. 19. Изъ лицъ, пока анныхъ не явившимся къ присягѣ, нужно исключить нѣкоторыхъ дворянъ, бывшихъ на Люблинскомъ сеймѣ и тамъ присягавшихъ.

(2) N. XXV, стр. 292 и 293.

неисключительной; но власть примааса, большею частью старика, удрученнаго лѣтами, была только тѣнью монархической власти, и притомъ слабую и отдаленною. Государство, во время междуцарствія, распадалось на нѣсколько аристократическихъ республикъ, слабо связанныхъ между собою. Всѣ королевскія судебныя мѣста прекращали свои дѣйствія; верховная власть государя, въ отношеніи къ суду и мѣрамъ внутренней безопасности, переходила къ дворянамъ. Дворянство каждаго воеводства избирало изъ среды своей депутатовъ, для управленія краемъ, устанавливало порядокъ судопроизводства и опредѣляло наказанія за нарушеніе законовъ. Депутаты рѣшали дѣла окончательно. Для строгаго исполненія приговоровъ, дворяне обижывались, на непослушнаго депутатекому суду, возстать, всѣ вмѣстѣ и каждый особо, итти войной, какъ противъ врага отечества, опустошить его имѣнія и лишить его жизни и чести (1). Не смотря на эти строгія мѣры, междуцарствіе было для народа временемъ опасностей, раздоровъ и внутреннихъ беспорядковъ, производимыхъ буйными, мятежными людьми (2). Сосѣдніе народы, пользуясь внутренними беспорядками и слабостію неполноты власти, принимали угрожающее положеніе. Польскіе аристократы придумывали, для своей пользы, постановленія, ограничивавшія монархическую власть и доводившія ее до совершеннаго безсилія. Вновь избранный король, согласившись на эти постановленія и подтвердивъ ихъ присягою, часто принималъ на себя неисполнимыя обязанности и дѣлался клятвеннымъ преступникомъ. Тогда возникалъ народный ропотъ, подданные считали себя въ правѣ не повиноваться государю, составлялись мятежные союзы и конфедераціи, разрушавшія частное и государственное благосостояніе. По смерти короля Сигизмунда III, дворянство Вольшское отправило пословъ своихъ на генеральный сеймъ, съ горькими упреками покойному государю и его сенаторамъ: «Святой памяти король,» говорили дворяне, «обѣщаль намъ, подъ присягою, построить на свой счетъ пять замковъ, для защиты края отъ татарскихъ набѣговъ, и не исполнилъ своего обѣщанія; отъ этого наши Украинскія воеводства подвергаются великимъ бѣдствіямъ. Король обязался не только не уменьшать, но, напротивъ, расширять предѣлы королевства; между тѣмъ, княжество Прусское отдалъ князю Бранденбургскому, на лешомъ правѣ, къ ве-

(1) N. II, стр. 30.

(2) N. II, стр. 19.

ликому вреду государства. Король обязался построить флотъ; отъ неисполненія этого обязательства, княжество Прусское было завоевано непріителемъ. Земля Лифляндская, завоеванная неогнѣнною кровію народа Польскаго и Литовскаго, утрачена и завоевана непріителемъ, къ великому вреду государства. Король обѣщаль присоединить къ коронѣ Польской Эстонію, но не исполниль этого обѣщанія. Всѣ военные снаряды, какъ-то: пушки, пули, порохъ и другіе, король обязанъ былъ доставлять на свой счетъ, на каждую войну; между тѣмъ, всѣ эти снаряды принуждена была поставлять Рѣчь Посполитая, на счетъ тяжкихъ податей и сборовъ. Сеймы были назначаемы трехнедѣльные, двухнедѣльные и чрезвычайные; на этихъ сеймахъ были вымышляемы новыя поборы, которыми было обременено дворянство. Государственный доходъ, назначенный на содержаніе кавалерійскаго войска, для защиты Украины, тратился на другіе предметы. Упоминки Татарамъ, назначенныя Рѣчью Посполитою, отдаваемы не были. Дурная монета причинила великій вредъ государству; объ этомъ разсуждаемо было на многихъ сеймахъ, но безъ всякаго успѣха (¹)».

Предметомъ жалобъ со стороны дворянства была также неправильная раздача староствъ, переходившихъ въ руки немногихъ аристократовъ, отъ чего ихъ могущество безмѣрно увеличивалось. Нѣкоторые изъ нихъ, захвативъ въ свои руки болѣе 10 староствъ, продавали ихъ, уступали своимъ приверженцамъ, между тѣмъ какъ люди, оказавшіе важныя услуги государству, лишены были всякой надежды получить награду (²).

(¹) № XVI, стр. 191.

(²) № XXVI, стр. 323. Фамилія Казановскихъ имѣла 15 староствъ, Зборовскихъ—12, Мышковскихъ—16, Яну Замойскому принадлежало 10 староствъ, Вишневецкому—10, Станиславу Потоцкому—10, Лукашу Опалинскому—15, и т. д. *Siarczyńskiego, Obraz wieku panowania Zygmunta III. Poznań, 1843. T. I. str. 262.* Управление староствъ было весьма тяжело для народа. Въ 1638 году, Владиславъ IV требоваль на судъ наследниковъ Адама Калиповскаго, старосты Брацлавскаго, по жалобѣ жителей города Брацлава. Въ этой жалобѣ сказано, что Калиновскій, отмѣнивъ самовольно права, Брацлаву предоставленныя, принуждалъ жителей къ ежедневнымъ холопскимъ работамъ, обременялъ ихъ произвольными податями и сборами, и довелъ до такой крайности, что они принуждены были уходить изъ города, бросивъ свои дома и свое хозяйство. Въ слѣдствіе такого управленія, изъ двухъ тысячъ жилыхъ домовъ осталось въ Брацлавѣ только 100 съ небольшимъ. См. Книги Главнаго Трибунала Люблинскаго Воеводства Брацлавскаго, въ Главномъ Варшавскомъ Архивѣ, 1638 года, № 18, справа 311.

Устройство Главнаго Трибунала Люблинскаго, какъ высшей судебной инстанціи, западнорусское дворянство полагало основать на началѣ самоуправленія, утверждая, что народъ только тогда можетъ назваться свободнымъ, когда онъ самъ себѣ даетъ законы и самъ себя судить (1). Поэтому, Трибуналъ Люблинскій состоялъ изъ лицъ, опредѣляемыхъ на одинъ годъ, по выбору дворянства. Но начало самоуправленія, при тогдашнемъ состояніи общества, имѣло невыгодныя послѣдствія. Дворяне жаловались, что трибуналъ, не имѣя законодательной власти, отмѣняетъ своими приговорами законы, несправедливо лишаетъ дворянъ шляхетскаго достоинства и подвергаетъ ихъ безчестию и изгнанію изъ отечества (2). Вотъ какъ изображало дворянство Вольнское недостатки Трибунала Люблинскаго, высшей судебной инстанціи: «Трибуналъ запутываетъ дѣла, производитъ судъ не по предписаніямъ закона, но по произволу; назначаетъ наказанія по собственному усмотрѣнію, а не по мѣрѣ преступленій; полагаетъ приговоры не на основаніи судебного изслѣдованія, но по ненависти къ лицамъ или къ ихъ религіи, постановляя по однимъ и тѣмъ же дѣламъ различныя рѣшенія. Наконецъ Трибуналъ, подавляетъ всякое благородное и свободное мнѣніе. Народъ, который позволяетъ отнимать у себя по произволу жизнь и имущество и подавляетъ совѣтъ, не есть вольный, но рабскій народъ. Избираемые нами короли, государи наши, предоставляютъ намъ право отказываться отъ повиновенія, если бы они, въ своемъ управленіи, вздумали нарушать вольности и права наши, а чтобы судьи, избираемые нами на одинъ годъ, могли угнетать насъ,—не дай того Боже!» (3).

При крайней слабости исполнительной власти, приговоры трибунала часто оставались безъ всякаго исполненія. Люди сильные, совершавшіе уголовныя преступленія, пренебрегали трибуналомъ и не являлись, по его требованію, на судъ. Трибуналъ приговаривалъ ихъ къ баниціи, то есть лишалъ ихъ чести и осуждалъ на изгнаніе изъ отечества; но осужденные, если принадлежали къ могущественной аристократіи, или вовсе не обращали вниманія на судебныя приговоры, или получали изъ королевской канцеляріи охранительныя грамоты и, такимъ образомъ, избѣгали наказанія. Государство наполня-

(1) № XXV, стран. 393.

(2) № XXVI, стран. 321 и 322.

(3) № XXV, стран. 293 и 294.

лось людьми, лишенными чести и осужденными на изгнаніе изъ отечества. Эти лица не только не боялись правосудія, но безнаказанно совершали новыя преступленія, нападая вооруженною рукою на мелкихъ дворянъ и отнимая у нихъ имѣнія (1). Недовольные судопроизводствомъ въ трибуналѣ Люблинскомъ, дворяне Вольшскіе изъявляли желаніе освободиться отъ власти этой высшей судебной инстанціи и учредить для себя особый трибуналъ въ Луцкѣ (2).

Неустройство судебной власти и слабость власти исполнительной подвергали западнорусскихъ дворянъ обидамъ отъ ксендзовъ, козаковъ и особенно жолнеровъ. Жалуясь на ксендзовъ, дворянство Вольшское говорило: «Ихъ милости ксендзы сильно обременяютъ дворянское сословіе такими десятинами, на которыя нѣтъ никакихъ законныхъ и несомнѣнныхъ записей. Ксендзь доказываетъ свое право или какимъ нибудь реестрикомъ, или аттестаціею другаго ксендза, но безъ всякаго законнаго основанія; а судъ, въ обиду дворянскому сословію, требуетъ только, чтобы ксендзь истецъ подтвердилъ своей кекъ присягою (3)».

На козачество смотрѣли дворяне какъ на причину внутреннихъ смятеній и главный поводъ къ войнамъ Польши съ Султаномъ Турецкимъ. Такъ какъ первые удары непріятеля падали на южнорусскія воеводства, составлявшія охранительную стѣну рѣчи посполитой, то по этому западнорусское дворянство изыскивало средства, чтобы удерживать козаковъ въ повиновеніи. Въ 1618 году, дворянство воеводства Кіевского поручало посламъ своимъ просить на Варшавскомъ сеймѣ, чтобы козачество какъ разбойничья шайка (*lotrostwo kozackie*), или совершенно было уничтожено, или по крайней мѣрѣ приведено въ прежній порядокъ, чтобы оно не ссорило Польши съ Султаномъ Турецкимъ (4). Объ этомъ же ходатайствовало на сеймѣ дворянство Вольшское въ 1622 году, говоря, что для спокойствія цѣлаго государства и для прочнаго мира съ Султаномъ Турецкимъ, необходимо принять мѣры къ удержанію козаковъ въ порядкѣ и повиновеніи (5). По усмиреніи козацкаго возстанія, бывшаго въ 1637 году, дворяне Вольшскіе просили на Варшавскомъ сеймѣ, чтобы на

(1) № XXVI, стран. 330 и 331.

(2) № XXV, стран. 295.

(3) № XIII, стран. 141.

(4) № XII, стран. 118.

(5) № XIII, стран. 136.

будущее время начальникомъ запорожскаго войска былъ назначаемъ Польскій шляхтичъ, чтобы украинскіе старосты постоянно находились въ укрѣпленныхъ замкахъ, для предупрежденія козацкихъ бунтовъ, и чтобы крѣпость Кодакъ снабжена была сильнымъ военнымъ отрядомъ, для препятствованія козакамъ выходить на море и чрезъ то нарушать мирные трактаты Польши съ Султаномъ Турецкимъ (1).

Великимъ бѣдствіемъ для края было войско, вознаграждавшее себя грабежами за неисправное полученіе жалованья. Опустошеніе, имъ производимое, ни чѣмъ не было хуже непріятельскаго. Жолнеры предавались распутному своеволію, разоряя крестьянъ и помѣщиковъ постоями и котрибуціями. Выведенные изъ терпѣнія дворяне Волынскіе поручили, въ 1645 году, посламъ своимъ спросить на главномъ Варшавскомъ сеймѣ: «Долго-ли отчизна наша, къ удивленію всѣхъ народовъ, будетъ имѣть въ неустройствѣ войска свои, и долго-ли мы этими войсками сами себя воевать будемъ (2)? Бѣдствія, причиняемая жолнерами, еще болѣе увеличивались частыми набѣгами Татаръ, истреблявшихъ города и селенія и уводившихъ въ плѣнъ огромное количество народа. Всѣ эти бѣдствія преимущественно обрушивались на пограничныя воеводства югозападной Россіи, служившія оборонительною стѣною для всей рѣчи посполитой. Въ 1522 году, дворянство Волынское поручило посламъ своимъ представить Варшавскому сейму жалкое состояніе края. Дворяне говорили:

«За грѣхи наши, мы покараны отъ Господа Бога различными казнями и бѣдствіями. Мы доведены до нищеты то частыми контрибуціями, то непрерывными войнами, то переходами войскъ чрезъ наши края, то толпами своевольныхъ людей, ежегодно появляющихся. Мы разорены нынѣшнею конфедераціею, измѣненіемъ монеты и ея недостаткомъ, дороговизною и неурожаемъ. Нѣсколько лѣтъ съ ряду, мы подвергались нападеніямъ невѣрныхъ, производившихъ опустошенія огнемъ и мечемъ, такъ что намъ осталось только смотрѣть съ горестію на пепелища имѣній, какъ своихъ собственныхъ, такъ и братій нашихъ. Мы истощались, платя за выкупъ изъ плѣна сыновей, женъ и дѣтей, братьевъ и родственниковъ своихъ. Мы до того стѣнены въ своихъ дворянскихъ имѣніяхъ, что и крестьяне наши

(1) № XXI, стран. 230, № XXII, стр. 277.

(2) № XXV, стр. 399 и 300.

едва дышуть отъ крайней бѣдности и нужды, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ умирають съ голоду (1)».

Вотъ плоды, которыми наслаждалась югозападная Россія, по соединеніи ея къ Польшѣ на Люблинскомъ сеймѣ!

Вступая въ союзъ съ Польшею, западнорусское дворянство старалось оградить свою народность отъ чужеземнаго вліянія и сохранить ее неприкосновенною. Главныя основы западнорусской народности были: Русскій языкъ и православная вѣра (2). Однимъ изъ главныхъ условій присоединенія Югозападной Руси къ Польшѣ было сохраненіе Русскаго языка во всехъ официальныхъ актахъ, какъ въ судахъ городовыхъ и земскихъ, такъ и въ королевской канцеляріи. Въ грамотѣ о присоединеніи земли Вольнской къ Польшѣ постановлено: «Акты по всемъ судебнымъ дѣламъ, въ судахъ нашихъ городскихъ и земскихъ, какъ то: позвы, записи въ книги и другіе акты, и все дѣла, также декреты наши, выдаваемые изъ канцеляріи нашей коронной, и листы, посылаемые по всемъ дѣламъ, какъ нашимъ королевскимъ, такъ и земскимъ короннымъ, должны быть писаны не инымъ писмомъ, какъ только Русскимъ, *на вѣчныя времена*» (3). Это же самое постановленіе повторено и въ актѣ о присоединеніи къ Польшѣ княжества Кіевского (4).

Вскорѣ по присоединеніи югозападной Руси къ Польшѣ, учреждены были два высшія государственныя установленія: метрика Русская и главный трибуналъ Люблинскій. Метрика Русская учреждена была при королевской канцеляріи, для вписыванія административныхъ и судебныхъ актовъ короля и генеральнаго Варшавскаго сейма, для воеводствъ: Кіевского, Вольнскаго, Брацлавскаго и, въ послѣдствіи, Черниговскаго. Все дѣла вписывались въ книги этой

(1) № XIII, стр. 138.

(2) Третьимъ элементомъ западнорусской народности было древнее Русское право, но изслѣдованіе этого предмета будетъ напечатано въ одномъ изъ дальнѣйшихъ изданій Комиссіи.

(3) Voll. Legg. T. II. pag. 757. «To też za prozbą wszech wołynskiey ziemie przerzeczonych stanow, zostawuiemy: iż we wszelakich sprawach ich sądowych, iako pozwy, wpisowanie do ksiąg, acta, y wszelakie potrzeby, tak u sądow naszych grodzkich y ziemskich, iako y z kancelaryi naszey koronney dekreta nasze y we wszystkich potrzebach naszych krolewskich y ziemskich koronnych do nich listy, nie jakim innym, jedno Ruskim pismem pisane y odprawowane bydź mają czasy wiecznemi».

(4) Voll. Legg. II, p. 764.

метрики на Русскомъ языкѣ. Въ 1632 году, на Варшавскомъ съѣздѣ, постановлено было, по требованію западнорусскаго дворянства, чтобы всѣ акты, касающіеся воеводствъ Кіевскаго, Волынскаго и Брацлавскаго, были писаны въ королевскихъ канцеляріяхъ и выдаваемы изъ нихъ на Русскомъ языкѣ, и что акты, написанные на другомъ языкѣ, не должны имѣть никакой силы. Для этой цѣли положено имѣть при канцеляріи коронной особаго чиновника изъ западнорусскихъ дворянъ, который обязанъ былъ завѣдывать всѣмъ, что касалось Русскаго писма (1).

На провинціальномъ сеймѣ 1638 года, дворянство Волынское поручило посламъ своимъ, отправленнымъ на Варшавскій сеймъ, ходатайствовать о томъ, чтобы при метрикахъ Русской состоялъ особый чиновникъ, избираемый дворянствомъ Кіевскаго, Волынскаго, Брацлавскаго и Черниговскаго воеводствъ. Онъ обязанъ былъ завѣдывать метрикой, писать на Русскомъ языкѣ и отправлять по принадлежности акты, касавшіеся четырехъ означенныхъ выше воеводствъ (2).

Въ главномъ трибуналѣ Люблинскомъ, составлявшемъ высшую судебную инстанцію, ведены были особыя актовыя книги для воеводствъ Волынскаго, Брацлавскаго, Кіевскаго и Черниговскаго. Всѣ дѣла постановлено было записывать въ эти книги Русскимъ языкомъ; на этомъ же языкѣ писались и выдавались тяжущимся судебныя рѣшенія (3).

(1) Статьи, постановленныя на Варшавской конвокаціи въ 1632 году, вписаны въ акты городскіе Варшавскіе (Obligatium) № 8., подъ заглавіемъ: Oblata punctorum exorbitantiarum. Статья 27 заключаетъ въ себѣ слѣдующее: «Pisanie Ruskich praw. Jako dawne prawo mieć chciało y iako dotąd w zwyczaju było, wszystkie przywilegie, listy, mandaty y insze wszystkie sprawy Kijowskiego, Wolynskiego, y Braclawskiego woiewodstw Ruskim ięzykiem w Cancellariach J. K. M. pisane y wydawane być mają sub nullitate wszystkiey sprawy, którą by kto inakszym charakterem z cancellariei wyniósł; g woli czemu ma być zawždy precy cancellarij coronney pisarz urodzenia szlachezkiego, osiadły y przysięgły, krory by tego Ruskiego pisania we wszystkim doglądał. Akra obligatium grodu Warszawskiego 1631—1632, pag. 2449, въ Главномъ Архивѣ Царства Польскаго.

(2) № XXI, стр. 238. Акты Метрики Русской хранятся въ С. Петербургѣ, при третьемъ департаментѣ Правительствующаго Сената.

(3) Трибуналъ для воеводствъ Волынскаго и Брацлавскаго учрежденъ былъ въ 1589 г.—Въ уставѣ трибунала сказано: Pisarze Ziemszy onych woiewodstw mają xięgi osobne mieć, a wszystkie sprawy do tych xiąg pismem Ruskim zapisywać. Dekreta y sprawy wszelakie, także pismem Ruskim wydawać. Voll. Legg. T. II pag. 1237. Воеводство Кіевское подчинено было трибуналу Люблинскому въ 1590 году, на томъ же самомъ основаніи, какъ и воеводства Волынское и Брацлавское. Voll. Legg. T. II. p. 1340.

Въ статутѣ Литовскомъ постановлено, что всѣ листы, выписи и позы, въ судахъ гродекіихъ и земекіихъ, должны быть писаны Русскимъ языкомъ (1).

Западнорусское дворянство не только старалось о томъ, чтобы языкъ Русскій употребляемъ былъ въ дѣлахъ судебныхъ и административныхъ, но заботилось и объ его чистотѣ. Конституціею Варшавскаго сейма предложено было воеводствамъ Волынскому и Брацлавскому заняться исправленіемъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Югозападной Руси, при этомъ было постановлено, чтобы законы писаны были Русскимъ языкомъ и письмомъ, безъ примѣси словъ латинскихъ (2).

Слѣдующіе случаи доказываютъ, съ какою заботливостію западнорусское дворянство старалось о томъ, чтобы означенныя выше постановленія объ употребленіи исключительно одного только Русскаго языка, въ судебныхъ и административныхъ дѣлахъ, были исполняемы во всей ихъ силѣ. Въ 1576 году, король Стефанъ Баторій потребовалъ къ себѣ нѣкоторыхъ Брацлавскихъ дворянъ позовными листами, писанными польскимъ языкомъ. Дворянство Брацлавское не позволило своей братіи исполнить королевское приказаніе, замѣтивъ королю, что листы, присылаемые къ нимъ изъ королевской канцеляріи, должны быть писаны на Русскомъ языкѣ: «Найяенѣйшій милостивый король»—писало дворянство Брацлавское: нарушаются наши вольности и права тѣмъ, что изъ канцеляріи вашей королевской милости посылаются къ намъ листы, писанные Польскимъ письмомъ. Поэтому мы просимъ вашу королевскую милость покорными просьбами, на будущее время сохранять въ цѣлости привилегіи и свободы наши, приказавъ, чтобы къ намъ, изъ канцеляріи вашей королевской милости, присылаемы были листы на Русскомъ языкѣ (3).

Въ 1605 году, Кіевскій гродекій судъ судилъ дѣло о бѣгломъ крестьянинѣ. Отвѣтчикъ былъ оправданъ потому только, что уполномочіе, данное петцомъ адвокату, было написано попольски. Въ судебномъ приговорѣ сказано: «Судъ гродекій Кіевскій, вида, что уполно-

(1) Ст. Лит. 1566 года. «А писарь земскій маеть поруску литерами и словы Рускими вси листы и позы писати, а не пишнмъ языкомъ и словы». Разд. IV. арт. I. Тоже повторено и въ статутѣ 1588 года въ разд. IV. арт. 1.

(2) Voll. Legg. T. II. pag. 1340 «Statuta, według ich prawa, Ruskim ięsi-kiem u piśmie maia bydź pisane, nie mieszaiąc słow Łacinskiich»

(3) Акты Западной Россіи. Т. III. стр. 187.

мочіе, предъявленное адвокатомъ со стороны истца, написано попольски, а наши законы, по которымъ судится земля Кіевская, повелѣваютъ, чтобы все дѣла не инымъ были писаны письмомъ, какъ только русскимъ, признавъ уполномочіе незаконнымъ и отвѣтника отъ позва вольнымъ учинилъ.» Истецъ подавалъ апелляцію въ Люблинскій трибуналъ, но не явился на судъ; поэтому трибуналъ утвердилъ рѣшеніе, постановленное Кіевскимъ гродскимъ судомъ (1).

Языкъ Русскій былъ употребляемъ въ Литвѣ и югозападной Руси не въ однихъ судебныхъ и административныхъ дѣлахъ: онъ былъ во всеобщемъ употребленіи между частными лицами, духовенство писало на немъ свои проповѣди и другія сочиненія, этому языку обучалось юношество въ училищахъ, на немъ писались завѣщанія. Самые знатные и образованные изъ западнорусскихъ патріотовъ завѣщевали дѣтямъ своимъ учиться Русской грамотѣ, не забывать своего Русскаго письма и Русской рѣчи, не оставлять добрыхъ Русскихъ обычаевъ, пребывая вѣрными своей православной вѣрѣ, до самой смерти (2).

Изложивъ свѣдѣнія объ употребленіи Русскаго языка въ Литвѣ и Югозападной Руси, извлеченныя нами изъ официальныхъ актовъ, не лишнимъ считаемъ прибавить мнѣніе объ этомъ предметѣ одного изъ ученыхъ и безпристрастныхъ Польскихъ писателей, Сярчинскаго. «Въ древнія времена, Литва, во всехъ письменныхъ памятникахъ, не употребляла другаго языка, какъ только Русскій. На этомъ языкѣ писаны были лѣтописи, уставы и жалованныя грамоты князей, письма княжескаго двора, поученія духовенства. Западная Русь, вышедшая изъ состоянія дикости гораздо прежде Литвы, передала ея обитателямъ свои обычаи, вѣру, законы и языкъ. Множество Руси, спасая жизнь и имущество отъ дикихъ Татаръ, уходили въ Литву и тамъ поселились. Стрыйковскій, который имѣлъ объ этомъ предметѣ вѣрныя свѣдѣнія, и которому нельзя было не вѣрить, утверждаетъ, что еще въ продолженіи XVI вѣка, Литва, въ церквахъ, судахъ и школахъ, не знала другаго языка, кромѣ Русскаго. Сошниковъ утверждаетъ, что Русь, въ Польшѣ и Литвѣ, до самаго конца XVII вѣка, все свои духовныя книги писала на Русскомъ языкѣ. Этотъ языкъ Сошниковъ на-

(1) Книга главнаго трибунала Люблинскаго, воеводства Кіевскаго 1607 г. № 6, справа 120, въ Главномъ Архивѣ Царства Польскаго.

(2) См. завѣщаніе Василія Загоровскаго, костеляна Брацлавскаго, въ Арх. Югозападной Руси. Т. I, стр. 67.

зываетъ Бѣлорусскимъ. Соглашаясь съ мнѣніемъ Сошкова, Линде называетъ языкъ, на которомъ написанъ былъ Статутъ Литовскій, также Бѣлорусскимъ. Но для чего употреблять это особое названіе? Я нисколько не отвергаю, что языкъ Русскій, которымъ говорила и писала Польская и Литовская Русь, былъ отличенъ отъ Великорусскаго и Церковнославянскаго; но недостаточно ли называть этотъ языкъ просто Русскимъ? Небольшія отличія въ говорѣ, встрѣчающіяся у Русскихъ въ Червоной, Бѣлой, Черной, Малой и Великой Руси, не уничтожаютъ характера языка; этотъ языкъ, какъ говоритъ Шлёцеръ, вездѣ Русскій. Языкъ Польскій, которымъ говорятъ въ Великой Польшѣ, въ Малой Польшѣ, въ Мазовіи и Пруссіи, имѣетъ отличія; не смотря на то, на письмѣ не дѣлается отличія между языками великопольскимъ, малопольскимъ, мазовецкимъ и т. д.» (1).

Мы видѣли, какъ дорожило западнорусское дворянство своимъ роднымъ языкомъ, и какія усилія оно употребляло для его сохраненія, но еще съ большею ревностію оно заботилось о сохраненіи своей народной православной религіи. Православную религію западнорусское дворянство старалось поддерживать и охранять отъ вліянія иностранныхъ неповѣданий учрежденіемъ церковныхъ братствъ, монастырей и учебныхъ заведеній. Уцѣлѣвшія, до настоящаго времени, церкви и монастыри, разсѣянные на всемъ пространствѣ Югозападной Руси, гробницы князей и

(1) См. *Obraz wieku panowania Zygmunta III przez X. Franciszka Siarczyńskiego. Poznań. 1843. Т. I, стр. 198.* Вопросъ о Западнорусскомъ языкѣ и его отношеніи къ Великорусскому мы предоставляемъ филологамъ. Замѣтимъ только, что въ официальныхъ актахъ до XVI вѣка, Западнорусскій языкъ почти во всемъ сходенъ съ современнымъ ему языкомъ Восточной Руси. Съ XVI вѣка, Западнорусскій языкъ начинаетъ заимствовать изъ Польскаго языка слова и грамматическія формы; не смотря на то, онъ всегда сохранялъ болѣе сходствъ съ Великорусскимъ, нежели съ Польскимъ языкомъ. До конца XVI столѣтія, законъ объ исключительномъ употребленіи Русскаго языка въ официальныхъ актахъ соблюдался во всей строгости. Къ концу этого столѣтія начинаютъ встрѣчаться въ актовыхъ книгахъ правительственныя распоряженія и частныя записи на Польскомъ и Латинскомъ языкахъ. Необходимость входить въ частыя сношенія съ Польшею, а также недостатокъ народнаго образованія, заставлявшій дворянъ отдавать дѣтей въ іезуитскія школы, имѣли слѣдствіемъ быстрое распространеніе Польскаго языка въ Западнорусскомъ дворянствѣ, такъ что во второй половинѣ XVII вѣка, этотъ языкъ получаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ Русскимъ. Но вліяніе означенныхъ выше причинъ ограничивалось преимущественно дворянскимъ сословіемъ; напротивъ того, простой народъ, составлявшій главную массу населенія, всегда сохранялъ свой родной Русскій языкъ неприкосновеннымъ.

дворянъ съ Русскими надгробными надписями, наполненные княжескими и дворянскими фамиліями древніе поминальные списки, хранящіеся въ православныхъ церквахъ и монастыряхъ, свидѣтельствуютъ, что западнорусское дворянство, причисляя себя къ Русскому народу, пребывало до гроба вѣрнымъ своей православной религіи. Иногда дворяне заключали между собою договоръ, обязываясь защищать и поддерживать учрежденныя ими религіозныя установленія соединенными силами. Такъ въ 1601 году, сорокъ четыре представителя важнѣйшихъ дворянскихъ фамилій на Волыни заключили между собою обязательство о защитѣ церковнаго Люблинскаго братства, назначивъ ему на содержаніе земли. Подъ этимъ обязательствомъ находимъ подписи: князя Константина Острожекаго, князя Сангушка Коширекаго, князя Яхима Корецкаго, князя Юрія Друцкаго-Горскаго, Василя Семашка, Лаврина Древинскаго, князя Курцевича-Бульги, князя Юрія Чарторыйскаго, Фридриха Тишкевича, князя Григорія Четвертинскаго, князя Друцкаго-Любецкаго, Мартина Бутовича и многихъ другихъ (1).

Предметомъ особенной заботливости для западнорусскаго дворянства была Кіевопечерская Лавра. Дворяне поручали посламъ своимъ ходатайствовать на Варшавскомъ сеймѣ, чтобы Кіевопечерская Лавра, домъ Божій, какъ они ее называли, была защищена отъ притѣсненій и пользовалась древними правами своими, такъ какъ лица знатныхъ фамилій посѣщаютъ въ этомъ монастырѣ гробы своихъ предковъ, а простой народъ стекается для поклоненія святымъ угодникамъ (2). Съ древнихъ временъ, дворянство исходатайствовало себѣ право избирать архимандрита Кіевопечерской Лавры. Тотчасъ по смерти архимандрита, соборное духовенство оповѣщало князей и дворянъ православной вѣры, прося ихъ прибыть въ Кіевъ для выбора архимандрита изъ лицъ дворянскаго сословія, знающихъ догматы православной религіи и изучившихъ богословскія науки. Избирательный листъ, съ подписями избирателей, посылался королю на утвержденіе (3).

Король Сигизмундъ III и окружавшіе его іезуиты весьма хорошо понимали всю важность Кіевопечерской Лавры, имѣвшей религіозное вліяніе не только на Западную, но и на Восточную Россію. Поэто-

(1) N. IV, стр. 35.

(2) № XII, стр. 123.

(3) Образецъ такого избирательнаго листа напечатанъ подъ № XXVII, стр. 336.

му, какъ только нѣкоторые изъ православныхъ іерарховъ изъявили согласіе на унію, тотчасъ явилась мысль предоставить этотъ монастырь въ распоряженіе столицы апостольской. Іезуиты понимали, что, захвативъ въ свои руки эту всероссійскую святыню, они сдѣлали бы изъ нея средоточіе обширной католической пропаганды, которая могла бы распространять свое вліяніе на весь народъ Русскій. Въ этихъ видахъ, Сигизмундъ III, еще до принятія уніи на Брестскомъ соборѣ, неспрося у папы Климента VIII особую буллу, которою Кіевопечерская Лавра, со всеми ея имѣніями и доходами, предоставлена была во власть митрополитовъ кіевскихъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они пребывали въ соединеніи съ Римскимъ костеломъ (1). Такое распоряженіе возбудило сильный ропотъ и негодованіе въ Югозападной Руси. Дворянство отравило пословъ на Варшавскій сеймъ и требовало, чтобы папская булла была отмѣнена, такъ какъ право назначать архимандрита Кіевопечерской Лавры не принадлежитъ ни королю, ни папѣ, а только православнымъ дворянскимъ семействамъ. Негодованіе народа и дворянъ было такъ сильно, что угрожало опасностію государству и заставило короля просить папу объ отмѣнѣ буллы и о возвращеніи Кіевопечерской Лавры въ прежнее положеніе. Папа, для успокоенія государства (*pro regni tranquillitate*), согласился на просьбу короля, и двумя брeve, данными на имя короля и нашего нунція, разрѣшилъ освободить Кіевопечерскую Лавру отъ власти уніатскихъ митрополитовъ и возвратить дворянству право избирать архимандрита (2). Такимъ энергическимъ успѣхомъ западнорусскаго дворянства, Кіевопечерская Лавра сохранена была въ своей первобытной святости и спасена отъ разрушенія, которому подверглась большая часть православныхъ церквей и монастырей, поступившихъ во власть уніатскаго духовенства.

Удерживая за собою право избирать митрополита, нѣкоторыхъ епископовъ и архимандритовъ важнѣйшихъ монастырей, западнорусское дворянство считало обязанностію заботиться о приготовленіи изъ среды своей лицъ, способныхъ для поступленія въ духовное званіе. Для этой цѣли, дворянство Вольнское, въ 1607 и 1608 годахъ, ходатайство—

(1) Эта булла папы Климента VIII, 1595 марта 4, вписана въ книгу гродскую Житомирскую 1760 г., листъ 1009 на оборотѣ.

(2) N. V, стр. 40. N. VI, стр. 44.

вало на Варшавскомъ сеймѣ, чтобы митрополиту, епископамъ и армянскому Кіевопечерской Лавры вмѣнено было въ обязанность учредить, на счетъ монастырскихъ и епископскихъ доходовъ, семинарію, въ которыхъ бы постоянно воспитывались дворянскія дѣти, для приготовления къ духовному званію (1). Но наиболѣе выразилась непоколебимая приверженность западнорусскаго дворянства къ православію въ рѣ въ борьбѣ противъ уни.

По мнѣнію западнорусскихъ іерарховъ, для измѣненія религіозныхъ догматовъ, не достаточно было постановленіе одного только духовенства, но необходимо было согласіе свѣтскихъ лицъ, какъ дворянскаго сословія, такъ и посполитаго народа, чтобы не было насилія людямъ въ ихъ вѣрѣ и совѣсти (2). Это начало, отличавшее западнорусскую православную церковь отъ католической, давало возможность дворянству участвовать, вмѣстѣ съ духовенствомъ, въ совѣщаніяхъ соборовъ и въ постановленіи соборныхъ опредѣленій. По этому, когда созванъ былъ въ 1596 году, Брестскій соборъ, для совѣщанія объ уни, то на этомъ соборѣ явилось многочисленное собраніе дворянъ и свѣтскихъ сановниковъ, изъ Литвы и Югозападной Руси. Всѣ эти лица, вмѣстѣ съ православнымъ духовенствомъ, участвовали въ соборныхъ совѣщаніяхъ, претестовали противъ уни, требовали изложенія іерарховъ, отступившихъ отъ православія, и съ своимъ протестомъ отравили послать къ королю (3). Но когда дворяне увидѣли, что постановленія собора были отвергнуты Польскимъ правительствомъ, что малочисленная православная іерархія оказалась безсильною для защиты своей вѣры, что имѣнія, пожертвованныя ихъ предками на содержаніе церквей, монастырей, братствъ и училищъ, были отобраны въ пользу униатовъ: тогда они рѣшились принять народную Русскую вѣру подъ свою непосредственную защиту и сдѣлали ее предметомъ совѣщаній на своихъ провинціальныхъ сеймахъ.

Не вдаваясь въ богословскія рѣшенія, дворяне защищали свою религію на основаніи законовъ, обеспечивавшихъ свободу вѣроисповѣданія. Они говорили, что православная религія издавна имѣла права свои, подтвержденныя многими королями Польскими и великими князьями Литовскими, что эти права никогда не были нарушаемы до вре-

(1) N. VIII, стр. 75. N. X, стр. 92.

(2) Архивъ Югозападной Руси Т. I, ст. III.

(3) Тамъ же, стр. 509.

мени короля Сигизмунда III, и что религія православная начала подвергаться преслѣдованію только съ тѣхъ поръ, когда митрополитъ и нѣкоторые изъ епископовъ, измѣнивъ своей вѣрѣ, признали падею собою власть Римскаго папы (1). Защищая начало вѣротерпимости, православное дворянство заботилось не только о правахъ своей церкви, но требовало, чтобы всѣ христіанскія вѣроисповѣданія могли спокойно отправлять свое богослуженіе, на основаніи давнихъ правъ и привилегій, утвержденныхъ присягами короля Сигизмунда III, и его предшественниковъ (2).

Со времени Брестскаго собора, на которомъ принята была унія въ 1596 году, не проходило ни одного почти сейма, на которомъ бы не раздавался голосъ западнорусскаго дворянства въ защиту православной вѣры.

Въ 1606 году, король Сигизмундъ III находился въ затруднительномъ положеніи. Недовольная его управленіемъ шляхта, составивъ многочисленное войско, подняла мятежъ, упрекая короля въ замыслѣ, на присвоеніе неограниченной власти, въ нарушеніи государственныхъ законовъ, въ недостаткѣ правосудія и въ разстройствѣ финансовъ. Государству угрожала междоусобная война. Этимъ случаемъ рѣшилось воспользоваться западнорусское дворянство для того, чтобы возстановить древнія права религіи православной, нарушенныя введеніемъ уніи. Дворяне Вольнскіе, соединившись съ дворянами воеводства Кіевского, на съѣздѣ подъ Сендомиромъ, постановили просить короля, чтобы унія была уничтожена, чтобы митрополитъ и епископы, припаяшіе унію, были лишены должностей и всѣхъ іерархическихъ правъ, имъ предоставленныхъ, чтобы, на будущее время, всѣ іерархическія должности и церковныя имѣнія были раздаваемы только лицамъ православнаго исповѣданія и притомъ по свободному выбору дворянства (3).

Угрожаемый мятежными конфедератами король, желая привлечь на свою сторону западнорусское дворянство, обѣщалъ, что, на будущее время, православный Русскій народъ не будетъ подвергаться преслѣдованію за свою вѣру, что ему будетъ предоставлена свобода богослуженія по древнимъ обрядамъ, что лица православнаго исповѣданія будутъ имѣть право отправлять городскую службу и заниматься реме-

(1) N. VIII, стр. 69.

(2) N. XII, стр. 120.

(3) N. VIII, стр. 69.

слами. Все тяжбы возникшія изъ религіозныхъ споровъ были признаны недействительными, и духовныя лица, присужденныя къ наказаніямъ по дѣламъ вѣры, объявлены свободными. Но митрополитъ и епископы, согласившіеся на унию, не были лишены духовнаго сана, сохранили свои іерархическія должности и продолжали владѣть церковными имѣніями (1).

Видя упорство короля и желая прекратить гибельныя для государства раздоры, дворяне Вольнскіе, на провинціальномъ сеймѣ 1607 года, согласились сдѣлать уступку въ пользу униатскаго духовенства. Они объявили, что униатскіе епископы могутъ сохранять свой духовный санъ и пользоваться іерархическими почестями, но должны отказаться отъ всякой власти надъ православнымъ духовенствомъ. Имъ должна быть назначена на содержаніе третья часть церковныхъ имѣній, въ которыхъ они могли бы жить и исполнять церковныя обряды до самой смерти, а по смерти ихъ, церковныя имѣнія должны возвратиться къ православнымъ епископамъ. Вместе съ тѣмъ дворяне просили, чтобы съ этого времени, король назначалъ имъ только православныхъ епископовъ, которые бы состояли подъ властію патріарха Константинопольскаго, и чтобы это правило утверждено было особою сеймовою конституціею (2).

Въ слѣдствіе этой просьбы, въ конституцію Варшавскаго сейма 1607 года, внесена была особая статья о православной вѣрѣ. Король обѣщала не иначе раздавать іерархическія должности и церковныя имѣнія, какъ только на основаніи записей и жалованныхъ королевскихъ грамотъ, и притомъ лицамъ дворянскаго сословія народа Русскаго, исповѣдующимъ истинную православную религію. Король обязался не нарушать правъ народа Русскаго въ отношеніи къ религіи и не запрещать ему свободнаго отправленія церковныхъ обрядовъ, по древнимъ обычаямъ. Сверхъ того постановлено, что церковныя православныя братства, должны сохранять свои права и привилегіи (3).

Этимъ постановленіемъ не удовольствовалося западнорусское дворянство. На провинціальномъ сеймѣ 1608 года поставлено было просить короля, чтобы епископіи раздаваемы были только лицамъ, посвященнымъ въ епископскій санъ восточными патріархами. Если бы та-

(1) N. VII, стр. 55.

(2) N. VIII, стр. 72 и 73.

(3) Voll. Legg. II, p. 1608.

кой епископъ, принявъ унию, подчинился власти Римскаго костела, то онъ долженъ оставить епископію, и на его мѣсто долженъ быть поставленъ другой епископъ, исповѣдующій истинную православную вѣру и признающій надъ собою власть восточныхъ патріарховъ. Эта просьба предложена была послами западнорусскаго дворянства, на Варшавскомъ сеймѣ въ 1609 году ⁽¹⁾; но король отложилъ дѣло до слѣдующаго сейма, приказавъ, чтобы между православнымъ и униатскимъ духовенствомъ не было никакихъ раздоровъ, чтобы тѣ и другіе оставались спокойно на своихъ мѣстахъ, угрожая за нарушеніе мира штрафомъ въ десять тысячъ копъ грошей ⁽²⁾.

Всѣ обѣщанія короля и постановленія Варшавскаго сейма оставались мертвою буквою. Западнорусское дворянство продолжало жаловаться на преслѣдованія, которымъ подвергался народъ Русскій въ отиравленіи церковныхъ обрядовъ, на поруганіе православныхъ церквей, на принужденіе священниковъ къ принятію униі. Почти на каждый Варшавскій сеймъ дворяне посылали просьбы о защитѣ православной вѣры, ссылаясь на конституцію и привилегіи, подтвержденныя королевскими присягами, и на грамоту о присоединеніи Югозападной Руси къ Польшѣ ⁽³⁾; но всѣ ихъ просьбы и жалобы оставались безъ всякихъ послѣдствій. Король и Варшавскій сеймъ или вовсе не обращали вниманія на просьбы дворянъ, или откладывали рѣшеніе дѣла до слѣдующихъ сеймовъ, или провозглашали свободу православной вѣры, но не принимали никакихъ мѣръ къ ея защитѣ ⁽⁴⁾. Такъ продолжалось до смерти короля Сигизмунда III.

Смерть Сигизмунда III, основывавшаго свою внутреннюю и виѣшнюю политику на фанатизмъ и религіозной нетерпимости, оживила надежды западнорусскаго народа. Дворянство считало долгомъ воспользоваться этимъ случаемъ и начало новую борьбу за свои права и свою народность. Въ 1632 году, іюня 3, болѣе двухъ-сотъ дворянъ Вольнскихъ явилось на провинціальный сеймъ въ Луцкѣ, и главнымъ предметомъ ихъ совѣщаній была православная вѣра. Дворяне обвиняли покойнаго короля въ томъ, что народъ Русскій, съ 1596 года, безуспѣшно жа-

⁽¹⁾ N. X, стр. 90 и 91.

⁽²⁾ Voll. Legg. II, pag. 1666.

⁽³⁾ N. XI, стр. 105. N. XII, стр. 119 и 120. N. XIII, стр. 134. N. XIV, стр. 153 и 154.

⁽⁴⁾ Voll. Legg. II, p. 326, 379, 450, 547, 669.

ловался о нарушении правъ, подтвержденныхъ конфедераціями и грамотами королей Польскихъ и великихъ князей Литовскихъ. На основаніи этихъ постановленій, король обязанъ былъ раздавать іерархическія должности туземному православному дворянству; между тѣмъ, митрополія Кіевская, епископіи и архимандріи раздаваемы были лицамъ постороннимъ и притомъ уніатамъ. Православное дворянство не было допускаемо къ государственнымъ должностямъ, мѣщане, несогласавшіеся принять унію, были отставляемы отъ городскихъ должностей, лишены были права вступать въ цехи и заниматься ремеслами. Православныя церкви насильственно отдаваемы были уніатамъ, запрещалось строить новыя православныя церкви, и невинные люди, за свою вѣру, томились въ темницахъ. Избранные дворянствомъ послы должны были изложить эти жалобы на генеральномъ Варшавскомъ съѣздѣ, предшествовавшемъ избранію новаго короля, и требовать, чтобы свобода вѣры, для всѣхъ и вездѣ, была постановлена и обезпечена ясными законами, и чтобы вновь избираемый король подтвердилъ это постановленіе присягою. Посламъ вмѣнено было въ обязанность не приступать ни къ какимъ сеймовымъ совѣщаніямъ, пока православная вѣра не будетъ совершенно успокоена, и пока не будутъ возстановлены ея древнія права и привилегіи (1).

Такъ какъ просьбы и жалобы пословъ, отправленныхъ дворянствомъ на генеральный Варшавскій съѣздъ, не имѣли успѣха, то дворяне Вольнскіе снова собирались на провинціальный сеймъ. Здѣсь они, торжественно объявляя себя народомъ Русскимъ, постановили отправиться, лично и всѣмъ вмѣстѣ, на Варшавскій сеймъ назначенный для избранія новаго короля, стоять крѣпко за свои права и особенно стараться о свободѣ вѣры и о возстановленіи правъ, предоставленныхъ православною религіею. Дворяне дали обѣтъ не приступать къ избранію новаго короля до тѣхъ поръ, пока ихъ требованія не будутъ исполнены (2).

Дворяне Вольнскіе сдержали свое обѣщаніе. На избирательный Варшавскій сеймъ, бывший въ сентябрѣ 1632 года, явилось сто-сорокъ дворянъ Вольнскихъ, къ нимъ присоединилось двадцать-пять дворянъ воеводства Кіевского и двадцать воеводства Брацлавскаго. Фамиліи этихъ дворянъ, явившихся на Варшавскій сеймъ для защиты

(1) N. XVI, стр. 188.

(2) N. XVII, стр. 202, 203.

правъ западнорусскаго народа, мы считали долгомъ напечатать въ настоящемъ изданіи, чтобы сохранить ихъ для исторіи (¹).

Усилія западнорусскаго дворянства на избирательномъ Варшавскомъ сеймѣ обращены были преимущественно на защиту двухъ главныхъ основъ Русской народности: Русскаго языка и православной религіи.

Мы уже видѣли, что на генеральномъ Варшавскомъ съѣздѣ 1632 года, іюня 22, постановлено было, по требованію западнорусскаго дворянства, чтобы все акты, касавшіеся воеводствъ Кіевского, Волынскаго и Брацлавскаго, писаны были въ королевскихъ канцеляріяхъ и выдаваемы были на Русскомъ языкѣ, и чтобы акты, писанные на другомъ языкѣ, не имѣли никакой силы.

Для возстановленія правъ религіи православной, дворяне, не смотря на фанатическое сопротивленіе католическаго и униатскаго духовенства, пеходатайствовали постановленіе, которымъ данъ былъ рѣшительный перевѣсъ православной церкви надъ униатскою. Этимъ постановленіемъ предоставлено было Русскому православному народу ево-бодное отправленіе богослуженія и всехъ церковныхъ обрядовъ, право строить новыя церкви и обновлять старыя, учреждать церковныя братства, богадѣльни, семинаріи, школы и типографіи; мѣщане православнаго исповѣданія допущены были къ городскимъ должностямъ, во всехъ городахъ и мѣстечкахъ Рѣчи Посполитой. Власть высшаго униатскаго духовенства была весьма ограничена и заключена въ тѣсныя предѣлы. Униатскому митрополиту оставлена была власть надъ одними только униатами, и назначенъ для жительства Выдубитскій монастырь; все прочія имѣнія митрополіи Кіевской постановлено было передать православному митрополиту, который долженъ быть избираемъ западнорусскимъ дворянствомъ и получать посвященіе отъ патріарха Константинопольскаго. Дворянству предоставлено было также право избирать православныхъ епископовъ на епархіи: Львовскую, Луцкую, Премьельскую и Метиславскую, а также архимандритовъ Кіевопечерской Лавры и Уневскаго монастыря. Кіевопечерская Лавра со всеми ея принадлежностями, Михайловскій и все прочіе монастыри и церкви, какъ находившіяся въ Кіевѣ, такъ и приписанныя къ этому городу, возвращены были православнымъ. Для прекращенія споровъ, постановлено избрать комиссаровъ, которые должны были распределить мо-

(¹) N. XIX, стр. 215.

настыри и церкви, во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, между православными и униатами, сообразно съ количествомъ народонаселенія. Каждому предоставлено было право переходить изъ униі въ православіе и на оборотъ. Затѣмъ, какъ униаты такъ и православные обязаны были прекратить всякіе раздоры и жить между собою въ покоѣ, любви и согласіи (1). Эти примирительныя статьи подтверждены были особою грамотою короля Владислава IV, которая названа дипломомъ, даннымъ Русскому народу (2),

Но примирительныя статьи короля Владислава IV и дипломъ, данный Русскому народу, не успокоили религіозныхъ раздоровъ и не прекратили преслѣдованій, которымъ подвергалась православная вѣра. Народъ Польскій, какъ и всѣ другіе Славянскіе народы, никогда не обнаруживалъ, въ своемъ національномъ характерѣ, религіозной нетерпимости. Разсмотрѣвъ нѣсколько сотъ актовыхъ книгъ Вольскихъ, Кіевскихъ и Брацлавскихъ, также акты Трибунала Люблинскаго и Метрики Коронной, мы не нашли ни одного случая, который бы доказывалъ фанатическую ненависть Польскаго народа къ другимъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ. Мы даже видимъ изъ актовъ, что католики, жившіе въ Югозападной Руси, не дѣлая строгаго различія между католическою и православною религіею, приглашали священниковъ крестить дѣтей и принимали отъ нихъ святое причастіе; православные священники совершали надъ католиками обряды вѣчанія и погребенія (3). Большинство Польскаго дворянства на сеймахъ подавало голосъ въ пользу вѣротерпимости и охотно соглашалось на всѣ мѣры, которыя предлагаемы были для примиренія враждовавшихъ религіозныхъ партій, что особенно замѣтно было во время междоусобствъ, когда дворяне получили право дѣйствовать по винушенію собственной своей совѣсти (4). Но въ государственномъ составѣ древней Польши существовала чуждая народнымъ интересамъ, иноземная власть, старавшаяся наложить оковы на разумъ и совѣсть Польскаго и западнорусскаго народа; эта власть заключалась въ Римской пропагандѣ. Религіозный фанатизмъ, занесенный въ Польшу Римскою пропагандою, поселялъ раздоръ между единоплеменными народами; онъ какъ погреб-

(1) N. XVIII, стр. 208.

(2) N. XX, стр. 223.

(3) Архивъ Югозападной Руси. Ч. I, т. I, стр. XXXVIII.

(4) Krzyżanowsky, Dawna Polska, 1857, I. LXLI.

бальный факель, бросалъ свой зловѣщій свѣтъ на всю исторію Рѣчи Посполитой и велъ это государство къ политической смерти. Какъ только король и сеймъ, для предотвращенія междуусобной религіозной войны, постановили означенныя выше примирительныя статьи и подтвердили ихъ дипломомъ, даннымъ Русскому народу, тотчасъ раздались протесты высшаго католическаго и униатскаго духовенства. Примась королевства и, въ слѣдъ за нимъ, клерикальная партія объявили, что все постановленія короля и сейма, въ пользу православной религіи, не могутъ имѣть никакой законной силы, пока не будутъ утверждены столицею апостольскою. Въ слѣдъ за тѣмъ отправлено было, со стороны католическаго и униатскаго духовенства, посольство къ папѣ Урбану VIII, съ жалобами на распоряженія Польскаго правительства, нарушившаго права Римскаго костела, въ пользу еретиковъ и отступниковъ. Напрасно Владиславъ IV старался убѣдить столицу апостольскую, что возстановленіе религіозныхъ правъ Русскаго народа основано на непреложной справедливости, что неминуемо возникаетъ междуусобная война, и что самая унія подвергнется опасности, если папа не утвердитъ статей, постановленныхъ сеймомъ; для примиренія религіозныхъ раздоровъ. Урбанъ VIII передалъ дѣло на разсмотрѣніе конгрегаціи, учрежденной для распространенія католичества. Конгрегація отвергла все сеймовыя постановленія въ пользу православной религіи и дипломъ, данный Русскому народу, объявивъ ихъ противными божескимъ и человѣческимъ законамъ. Въѣтъ съ тѣмъ повелѣно было папскому нунцію Гонорату издать, отъ имени столицы апостольской, манифестъ противъ всякихъ правъ, какія бы ни были предоставлены православной религіи (1).

Такое рѣшеніе столицы апостольской было причиною новыхъ религіозныхъ смуть и несчастій для западнорусскаго народа. Дворянство принуждено было попрежнему посылать на Варшавскій сеймъ горькія жалобы. Оно жаловалось, что права, предоставленныя православному Русскому народу, при возшествіи на престолъ Владислава IV, не только не приводятся въ исполненіе, но подвергаются явному нарушенію, что церковь православная претерпѣваетъ жестокія обиды, особенно отъ униатовъ, что униатскій епископъ Хелмскій Меодій Терлецкій, за-

(1) *Ostrowskiego, Dzieje y prawa kościoła Polskiego. Warszawa 1793. T. III, str. 484. Łukaszewicza, Dzieje kościołow wyznania Helweckiego w Litwie. T. I, str. 201.*

владѣвъ православными церквами, позамыкалъ ихъ и позапечатывалъ, что онъ мучитъ православныхъ священниковъ въ тюрьмѣ, что люди умираютъ безъ исповѣди и св. причастія, а дѣти безъ крещенія, и что умершіе погребаются въ полѣ, безъ церковныхъ обрядовъ (1). На провинціальномъ сеймѣ 1645 года, дворянство Волышское поручило своимъ посламъ говорить на Варшавскомъ сеймѣ: «Религія православная, издревле принятая нашими предками, признавая основными законами государства, подтвержденная привилегіями, условиями, постановленными при избраніи королей, и священной присягою нынѣшняго короля, пана нашего милостиваго, такимъ подвергается насиліямъ въ христіанскомъ католическомъ государствѣ, въ вольной и свободной республикѣ, какихъ не претерпѣваютъ и христіане, Греки, въ неволѣ у невѣрныхъ. Церкви, монастыри и соборы у насъ отобраны, запрещено свободное отправленіе церковныхъ обрядовъ, бѣдные христіане умираютъ безъ св. причастія и не смѣютъ публично погребать умершихъ. Въ Люблинѣ, въ Сокалѣ, Бѣльскѣ и другихъ городахъ, православные христіане принуждены тайно погребать умершихъ въ подвалахъ и домахъ своихъ. Можетъ ли быть еще большее рабство?» Дворяне обязали пословъ своихъ върою, честію и совѣстію не соглашаться ни на какое сеймовое постановленіе, пока народъ Русскій ни будетъ избавленъ отъ такого тяжкаго угнѣтенія (2). Такія жалобы безуспѣшно продолжались до 1648 года, когда Западнорусскій народъ, выведенный изъ терроризма, возсталъ поголовно, подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго. Вопросы, которыхъ не могло рѣшить дворянство посредствомъ сеймовыхъ совѣщаній и постановленій, принужденъ былъ рѣшить народъ, съ оружіемъ въ рукахъ. Въ слѣдствіе побѣдъ, одержанныхъ надъ войсками Рѣчи Посполитой, народъ Русскій, по заключеніи Зборовскаго трактата, получилъ въ 1650 году, отъ короля Яна Казимира, новый дипломъ, подтверждавшій для православной религіи всѣ тѣ права, которыхъ добивалось Западнорусское дворянство, со времени принятія уніи на Брестскомъ соборѣ (3).

Народное возстаніе, возбужденное Богданомъ Хмельницкимъ, поставило западнорусскихъ дворянъ въ самое затруднительное положеніе. Въ

(1) № XXI, стр. 234. № XXII, стр. 254. № XXIII, стр. 270.

(2) № XXV, стр. 287. Эта же жалоба повторена и на сеймикѣ 1646 года, № XXVI, стр. 319.

(3) № XXXII, стр. 370.

инструкціяхъ посламъ, отправленнымъ на Варшавскій сеймъ, дворяне воеводствъ Кіевскаго, Черниговскаго и Волынскаго изображаютъ свое состояніе мрачными красками. Они жалуются, что, потерявъ свое здоровье и имущество для спасенія отечества, принуждены скитаться по чужимъ дворамъ; что они съ своими имѣніями отданы на жертву распутному своеволю жолнеровъ и волонтеровъ, служащихъ Рѣчи Посполитой; что возвратившись въ свои имѣнія, опустошенныя огнемъ и мечемъ, они нашли одиѣ только развалины и трупы непогребенныхъ братій своихъ. Отъ Буга и до Днѣстра осталась одна стѣна, дикія поля и опустошенные города и селенія, а все спасенное отъ непріятеля истребляется войсками Рѣчи Посполитой. Напрасно они умоляли короля и республику о помощи и состраданіи, припоминая условія о взаимной защитѣ, постановленныя на Люблинскомъ сеймѣ, когда Югозападная Русь присоединялась къ Польшѣ. «Пусть вспомнить», говорили дворяне, «отчизна, мать наша, какъ мы заслоняли ее своею грудью, какъ защищали военною стражею, хоругвями и полками; какъ мы удѣляли хлѣбъ многимъ изъ братій нашихъ, а теперь скитаемся съ своими семействами и не можемъ выпросить ни куска хлѣба, ни бѣднаго пристанища. Убогіе братья наши, прокармливаясь милостынею, ожидаютъ и не могутъ дождаться утѣшенія. Ни оружіе, ни мирныя переговоры не возвращаютъ намъ нашей собственности, и напрасно надѣемся мы на помощь и состраданіе, какъ повелѣваетъ Богъ и его святая правда». Крестьяне терпѣли еще большія бѣдствія. Ихъ воили, по выраженію дворянъ, проникали въ небеса, отъ переходовъ войска, которое уже выеосало изъ нихъ и самую кровь. Селенія были опустошены огнемъ, рабочій скотъ истребленъ, крестьяне отстали отъ земледѣлія, и число ихъ до того уменьшилось, что помѣщики принуждены были сами обрабатывать земли, на свой счетъ и собственными трудами своими (1).

Напрасно западнорусскіе дворяне, въ постигшемъ ихъ несчастіи, ожидали помощи отъ Польскаго правительства. Поляки смотрѣли на Русскихъ подозрительно, предполагая въ нихъ сочувствіе къ народному возстанію и готовность къ измѣнѣ (2). Поэтому, многіе западнорусскіе

(1) № XXXIV, стр. 394.

(2) Эта недовѣрчивость доказывается перепискою военныхъ и гражданскихъ Польскихъ сановниковъ, напечатанною въ I томѣ Памятниковъ, изданныхъ Кіевскою Коммиссіею. Такъ въ письмѣ отъ пана Чернаго къ канцле-

дворяне, для сохраненія своей жизни и имущества, принуждены были или пристать къ Козакамъ, или сдѣлаться Поляками, отрекшись отъ своей народности и принявъ католическую вѣру; потому что католическая вѣра служила тогда знаменемъ Польской національности. Вместе съ тѣмъ какъ народная война принимала болѣе широкіе размѣры и угрожала большими обѣдствіями, содержаніе сеймовыхъ дворянскихъ постановленій совершенно измѣняется. Въ этихъ постановленіяхъ, дворяне уже не разсуждаютъ ни о Русской народности, ни о православной религіи; напротивъ того, они являютя ревностными защитниками католической вѣры.

По заключеніи Зборовскаго трактата, дворяне восведеть Кіевскаго, Черниговскаго и Волынскаго, на провинціальныхъ сеймахъ, бывшихъ въ 1654 году, поручили посламъ своимъ жаловаться на неистовства Козаковъ надъ ксенздами и костелами и ходатайствовать о томъ, чтобы костелы, разрушенные и опустошенные Козаками, были возстановлены и возвращены прежнимъ владѣльцамъ (1), чтобы приняты были мѣры для защиты костеловъ и ксендзовъ отъ козацкаго своеволія (2), чтобы комиссары, назначенные для заключенія Бѣлоцерковскаго трактата съ Козаками, старались обезпечить неприкосновенность костеловъ и свободу католической вѣры (3). Дворяне Волынскіе просили, правда, и о возвращеніи церквей, отнятыхъ у православнаго духовенства, но уже не изъ усердія къ древней народнои религіи, а только для того, чтобы предотвратить новые бунты и возстанія въ народѣ (4).

Такая внезапная перемота въ духѣ сеймовыхъ постановленій заставляетъ предполагать, что колонизированіе западнорусскаго дворянства, подготовленное іезуитскимъ воспитаніемъ, начало быстро усиливаться;

ру коронному сказано: «У Вишневецкаго находится 8000 войска, но онъ ему не довѣряетъ, потому что оно — Русь» Отд. II, стр. 26. Въ письмѣ епископа Львовскаго: «Мы опасаемся тайныхъ замысловъ отъ людей православной вѣры. Несомнѣнно, что лица православной религіи съ радостію ожидаютъ не-пріятеля». Отд. 2, стр. 57. Подчашій коронный писалъ къ коронному кашцелеру: «Трудно найти шпіона между Русскими, потому что все они измѣнники» Отд. 2, стр. 433. Даже воевода Кисель, которому поручасми были переговоры съ Козаками, возбуждалъ къ себѣ недовѣріе. Поляки называли его таинственнымъ (tajemny Kissiel) и подозрѣвали, что онъ обманываетъ Рѣчь Посполитую. Отд. 2, стр. 266 и 291.

(1) № XXXV, стр. 419.

(2) № XXXVI, стр. 429.

(3) № XXXIV, стр. 397.

(4) № XXXIV, стр. 398.

при чемъ дворяне, переходившіе въ католическую вѣру, уже начали считать себя Поляками и такое заблужденіе, укоренившееся въ общественномъ мнѣніи, продолжается до настоящаго времени, такъ что потомки древнихъ Русскихъ дворянъ и даже владѣтельныхъ князей Русскихъ считаются Поляками, если только не повѣдываютъ католическую вѣру. Эти природные Русскіе дворяне, отрекшіеся отъ своей народности и скрывшіе свое отступничество подъ чужеземнымъ названіемъ, разорвали внутреннюю, моральную связь съ Западнорусскимъ народомъ и, съ тѣхъ поръ, перестали быть истинными его представителями.

Изъ вышележащаго изслѣдованія можно вывести слѣдующія заключенія:

Литва и Югозападная Русь соединены были первоначально съ Польшею федеративнымъ союзомъ. Каждое изъ соединенныхъ государствъ, состоя подъ властію одного государя, сохраняло отдѣльную территорію и имѣло особые органы законодательной, судебной и административной власти.

Въ этомъ федеративномъ союзѣ, Польша въ отношеніи къ Литвѣ и Югозападной Руси, считалась страной чужеземною, Поляки—людьми заграничными, чужеземцами. Поляки, наравнѣ съ другими иностранцами, не могли занимать, въ Литвѣ и Югозападной Руси, государственныхъ должностей и не имѣли права владѣть поземельною собственностію.

Западнорусскіе дворяне, строго отличая Русь отъ Польши, называли себя народомъ Русскимъ, безъ различія вѣроповѣданій. Этимъ же именемъ Польское правительство называло какъ дворянъ, такъ и весь народъ, населявшій Югозападную Русь.

Федеративный союзъ Литвы и Югозападной Руси съ Польшею былъ измѣненъ въ 1569 году, постановленіемъ Люблинскаго сейма. Этимъ постановленіемъ, Югозападная Русь присоединена была къ Польшѣ въ видѣ провинціи; но это присоединеніе не можетъ быть названо добровольнымъ, такъ какъ оно вынуждено было угрозою конфискаціи дворянскихъ имѣній.

Присоединеніе Югозападной Руси къ Польшѣ имѣло гибельныя послѣдствія для обоихъ государствъ: двѣ почти равносильныя, но совершенно противоположныя, народности должны были постоянно приходиться въ столкновеніе и вести гибельную борьбу, которая препятствовала правильному развитію государства.

Главныя основы Западнорусской народности были: Русскій языкъ и православная религія. Западнорусское дворянство дорожило своимъ роднымъ Русскимъ языкомъ и старалось о томъ, чтобы употребленіе этого языка въ официальныхъ актахъ было утверждено законами; за права религіи православной, дворянство вело продолжительную и упорную борьбу съ римскокатолическою пропагандой.

Причины, содѣйствовавшія положенію западнорусскаго дворянства, не коснулись цѣлой народной массы. Народъ, населяющій Юго-западную Русь, рѣзко отдѣлявшійся отъ дворянскаго сословія частнымъ и общественнымъ бытомъ, всегда былъ и остается въ настоящее время народомъ Русскимъ, свято сохраняя главныя основы своей народности: Русскій языкъ и Православную вѣру.

Н. Иванишевъ.

ХМЕЛЬНИЦЬКА.

(Частина) (¹).

XLV.

Ще не зішловъ снігъ и трава тільки де-не-де зеленіла, а вже Україна кров'юю скрізь поливалася. Люде своїхъ державцівъ и королівськихъ старость зъ України виругували; жовніре за панівъ стояли; козаки, що зъ своїхъ осадъ посходили, знову верталися и вкуні зъ селянами жовнірівъ побивали. Хмельницький тимъ часомъ до Молдаванъ сїна женїти ходивъ и на Батозї, надъ Бóгомъ-рїкою, зъ Ляхами спїткався. Не пощастїло Ляхамъ, побїли козаки коронне військо и самого гетьмана їхъ убїли, и за Берестечко и за Трилиси дóбре надъ ними помстїлися. По всїй Україні розлилась слава про щасливу потребу на Батозї; народъ по тїй поголодї вїрїсь угóру; жовніре потрївожились, почали зъ України тїкати, а козаки охóчі и реестровї їхъ переймати, доганяти, шáрпати, на переправахъ топити. Зновъ народня воля одъ Стáродуба та ажъ по Кáм'янець-Подільский рїзаниною себе огла-сїла. Затрусїлися Ляхи въ Варшаві, якъ почули, що на Батозї козаки шляхту вїгубили, а зъ України жовніре и державци повтїкали. Зновъ за посполїте рушення булі вхопилися, та вже не стало єдности міжъ панáми; мусили хїтрою ласкою Хмельницько-

(¹) Предлагаемая статья заимствована изъ печатающейся общедоступной истории Украины П. А. Кулиша, по выходе которой появится, съ теченїемъ времени, другой, болѣе важный и несравненно обширїйшїй трудъ того же автора, — именно История Украины, на украинскомъ языкѣ, обработанная строго-научнымъ образомъ.

го вгоніти, а тимъ часомъ до війни налагодитись. Наступивъ 1653 рікъ. Випустили пані въ Брацлавщину Чарнецького, такого жъ безсердечного ризунá, якъ и князь Вишневецький Ерема. Хоч не багáто въ ёго було війська, та багáто завзяття. Де пройшовъ Чарнецький по Брацлавщині — димомъ взялись городи й села. Зупинивъ ёго Богунъ полковникъ, побивъ ёго підъ Монастирищемъ. А тимъ часомъ Ляхи въ Литовському Бресті сеймъ сеймували и нові потуги собі готували. Самъ король вивавсь весті Лядське військо на Хмельницького. А Хмельницькому бідá велика склалась: сина ёго Тимоша, на повороті зъ Молдавщини, Ляхи въ городі Сочаві заступали и зъ гармати на валу вбили. Зъ гиркiмъ серцемъ двинувъ Богданъ Хмельницький свої потуги на короля и спиткавъ Ляхівъ підъ Жванцемъ, надъ Дністромъ, недалеко одъ Камянця-Подільского. Велике було въ королі військо, напáсти на ёго була не сила; мусивъ Хмельницький иншимъ рóбомъ воєнне діло зробити. Не даючи королєві поля, винъ ёго військо порозницею шарпавъ, запáси одбивавъ, живности въ Польский táборъ не пускавъ; а тимъ часомъ Ордú съ Криму на Ляхівъ кликавъ. Пóки жъ пришли Татарé, а вже королівці почали голодомъ голодувати, по домівкахъ розбiгáлися, а тутъ хворóба въ táборъ одъ осиннёго хóлоду та одъ непогоди вкинулася. Бачять Ляхи, що зъ одного бóку Хмельницький напiрає, а зъ дрúгого Ордá вже веремія крутить, почали хáна благати, великі дари ёму поступати, и який хоче ясиръ по Рýськихъ зéмляхъ дозволили ёму засягувати. Пропáла Хмельницького справа: король съ хáномъ побратáлинь. Двинувъ винъ свої потуги наповоротми въ Україну. А Татарé одъ Дністра до Любáина грасували, села палили, людéй у неволю брали, а идучи Україною, те жъ саме й по Вкраїні чинили. Страшенний слiдъ по Татарáхъ довго въ тихъ сторонахъ зоставъся.

XLVI.

Ще, скóро побивъ Хмельницький Ляхівъ підъ Кóрсунемъ, до ёго гонці тайно зъ Москви приїздили и тимъ ёго докоряли, що невірнихъ Татаръ до воєнної компáнії закликавъ, а не Християнъ православнихъ, котóрі не розлили бъ стiлько крові, якъ Татарé. Москва по Днiпрó землєю володiти бажáла, и за те обiщáла Ляхівъ за

Віслу прогнати. Ще жь тоді не було въ Хмельницького й думки одь рѣчи посполітої одриватись и до Московського царства прилучатися. Після Збараської потріби, царські послі вже явно въ Переяславъ завітали и одні рѣчи прилюдне говоріли, а інші на самоті съ Хмельницькимъ радували. Ще жь и тоді Хмельницький добре памятавъ, що підь сонцемъ другої рѣчи посполітої немає и нігдє такої волі козаки шаблею не здобудуть. А теперъ уже Ляхи зь Ордою поєднались; сила козацька підунала, та й людєй на Україні помєншало. Край бувъ перше багатий, а теперъ спустошений; здобичь воєнцу крамарі чужозємці въ козаківъ повиманювали, грѣши козаки вже на меді та горілкѣ попереводили, а що найбільшъ — гетьмана чернь не такъ-то поважала и про другого гетьмана потаємне радилась. Треба їмъ було вже хочъ Московською ласкою себе забезпечити. И оцє вже вінъ свої посланці у Москвѣ посилає. А царь пзъ боярами и зь виборними одь усякого стану людми велику раду на Москві радивъ, чи приймати бь то, чи ні, підданство одь Хмельницького. Передь усімъ піби-то світомъ Москвѣ тимъ великимъ зємськимъ соборомъ оправділася, що не за що, якъ за віру, вона вступаєтця и не козаківъ, а церкви святі, за которі бь то козаки воюють, підь своєю обороноу берє. Отъ и шле царь Олексій Михайловичъ свої послі въ Переяславъ одь козаківъ присягу приймати. Вся старшина козацька въ Переяславъ позвїздїлася, за себе и за всю Україну присягнула и міщанъ Переяславськихъ до присяги змусила. Не присягнувъ тїлько Сірко, отаманъ кошовий Запорозький, та Богунъ, полковникъ Винницький, зь своїми козаками. Не присягли ще въ Київі митрополітъ Сильвєстеръ Кѳсовъ и архимандритъ Печєрський Юсипъ Трїзна съ попами и ченцями. Сі не хотїли Московському патріарєі підклонитися: самі собою звикли правуватися. Ото жь прочитали Переяславські пункти въ Переяславі, и бояре за царя присягли: що бѣде царь ціло всю Україну по обїдва бѣки Дніпра держати; що не бѣдуть єго урядники въ козацькі суді втручатися; де два бѣде козаки, тамъ воїн третєго судитимуть; реєстръ козацький бѣде шість-десять тисячъ; гетьмані и всі урядники вільними голосами обіратимутця, и всякий станъ: дворяне, духовні, міщане, козаки и поспільство по своїхъ давніхъ правахъ и звичаяхъ житимуть. Козаки братимуть плату за службу зь Українського скарбу; зь того жь

скарбу німе дань на царські потребізни, тільки що не царські збірники її збірять. Козакі цареві посилокъ підь воєнний часъ даватимуть, а царь їхъ одь Ляхівъ и одь іншихъ ворогівъ боронитиме. Такъ розпочався 1654 рікъ.

XLVII.

Того жъ року Московський царь своє військо посилає місто Смоленське знідъ Лядської дѣржави визволити, а Хмельницький одь себе посилає на підмогу цареві вісімъ полківъ и надь ними Ниженьському полковникові Васиоті наказіне гетьманство дає. Визволили Смоленське, побрали міста Вітепске, Полоцьке, Дубровицю, Оршу, Шкловъ, Могилевъ, Біховъ и іншихъ багато. Вся Біла Русь и Литва цареві підклонілася: такъ єму козаки допомагали. А поки Москалі самі воювали, то въ нихъ сторонахъ Ляхи та Литва надь Москвою гору брали и далєко вже въ царство були врізались. Друге військо царське вкупі съ Хмельницькимъ на Україні стојало, а Богунъ на Подолі Потопцького летучимъ бємь дражнівъ и на Україну заманивавъ. Якъ жє вгнався Потопцький за Богуномъ ажъ до Уманя, пристігъ Хмельницький съ царськимъ бояриномъ Шереметомъ Богуніві на одсїчъ, спіткалися зъ гетьманомъ Потопцькимъ на Дрижї-полі, міжъ Ставищами и Охматовимъ. Діялося діло зимюю. А Ляхамъ уже Орда помагала и великого дѣху додавала. Міцно Ляхи на нашихъ налягали; добре й наши оборонялися; кругомъ трюномъ обозъ окїдали и съ того мѣрзлого трюну валъ кругъ себе зложили и зъ-за того валу одбивалися. Круто вже нашимъ вельми приходилося; ажъ тутъ Богунъ изъ Уманя вискочивъ и на Ляхівъ зненіцка вдаривъ. Ляхи вжахнулися, Татарва въ-ростичъ кинулася, а наши до Білої Цѣркви, до головнихъ потугъ своїхъ, вернулися. Тимъ часомъ Побужанъ Чарнецький и Ляцкоробський тяжко воювали. Жаденъ бо городъ, жадне село не хотїло їмъ підклонитися; всі до загїну бїлися, самі своє добро палили и слухати про підданство Ляхамъ не хотїли. И по Дністрію скрізь різанїна, скрізь пожєжа, скрізь лєментъ несказанний діявся. Містєчко Бўша, остатній притулокъ козакамъ и поспільству, завзято одь Ляхівъ одбивалася. Багато втерїли Ляхи війська підь Бўшею, вже й самого Чарнецького въ

ногу пострілено, вже й ёго жолніре вонтити починають, великого крові рóзливу жалкують. Тоді Потóцький, Лянцкорóський и Чарнецький, скúпивши навкругі всі свої потуги, разомъ зъ усіхъ бóківъ на скелі, на мýри, на парканн полізли и сілу сілою почали перемогати. Бачять Бушане погібель, кинулись хати и оселі свої запáлювати и самі себе почали губіти, щобъ на поталу ворогáмъ не достáтись. Їїнкi самі порохи підáлювали и въ порохóму імпеті, що та періна, гінули; а кúна жінóцтва въ кам'яну печеру заліза, и пóти звідти на Ляхівъ зъ самопáлівъ грюкала, пóки Ляхі рíвчакъ зъ горі направили и героїнь тихъ Бушанських перетопіли. Пóпеломъ Бúша взялася, и тільки крiвава и слава остáлася. Нічимъ було й жолірамъ за свої труді и рáни поживітися. И такъ скрiзь люта війна бушувáла. Ласкáвимъ Лядськимъ универсáламъ люде віри не дiймáли, на Ляхівъ áдомъ дiхали, зъ жiнкáми и дiтьми на крiвáвихъ пожарiщахъ бiючи гiнули.

XLVIII.

Тутъ же Ляхи въ Україні надъ селянами й мiщанами лютують, а на нихъ одъ пiвночи лиха годiна пiдiмáється. Вже давно Хмельницький Шведá на тихъ гóрдихъ панiвъ заохóчувавъ, подаючи звiстки про їхъ упáдокъ. Ось же теперъ уже Шведи добру годiну влúчили и въ Пóльщу черезъ мóре Балтику порiнули. Зомiла Пóльща, городи скрiзь королéви Шведському пiдавались. Вже й Варшава ёму пiдклопiлася, вже й Кракiвъ пiдався; вже й король Янъ Казимiръ у Нiмeццину втiкъ; вже Шведський король королéмъ Пóльськимъ обiзвáвся. Великі Пóльскi дiвки, тi гóрди Вишневецькi, Конецьпóльскi, Радзивiли — не казавъ би панство лукаве — почали Шведському королéви присягати, абi свої дeржави при собі зостáвити. А Москóвський царь уже и Мiнське й Кóвно позаймáвъ, и въ столéчне мiсто Литóвське Вiльню ввiйшовъ, и великимъ Литóвськимъ княземъ себе звелiвъ величати. Хмельницький же зъ боiриномъ Бутурлиномъ пiшли тимъ часомъ Червóну Русь пiдъ Москóвського царя нахилати. Червóна Русь ще въ чотирнадцятóму вiку Пóльському королéви пiдклопiлася; пани Ляхi гýсто въ iй займанцини позаймáли, ста-

роства въ короля повипрощували, до впадоби собі притакувалися, и надъ тубольцями гору взяли. Теперъ козакі зъ Москалями панські маєтки скрізь пліндрували, зъ гóрода Львова óкупъ великий взяли, а Люблінъ зрабували и полови́ну ёго надпую́шили, Жидівські ўлиці палючи, Жидівське добро́ жакуючи. Тільки жъ незгода міжъ гетьманомъ и Бутурлицомъ стала; почали вони свої поту́ги розрізняти, а Ордá, помагajúчи Ляхамъ, зненáцька налітала й шарпала. Москалямъ и геть-то вона въ знаки черезъ ту незгòду вдалася. Ще якъ прийшли послі зъ Москóвськимъ полкомъ прися́гу одъ козаківъ приймати, вже й тогді козаківъ и мича́нъ значнихъ Москалі въ сёрце де-чимъ уразили. Тогó боáре не збагцүли, що сей людъ звича́йвъ Москóвськихъ не знає и цареві по-своёму служити хоче. Отъ же съ тогó часу й пішла малá іскра таёмне міжъ козацтвомъ тліти, а вся́ка знева́га, вся́ка за́чка одъ Москалівъ її роздувала и пові́ біді лю́дямъ готóвила. Уже й Богданъ Хмельницький почавъ по́тай царя про Вкраїну промишляти, зъ Ляхами, съ Татарами, съ Турецькимъ султа́номъ листувáтися, а царь, тогó дознаючись, пославъ боáръ своё царське пересёрдя ёму вичитувати. А тимъ часомъ Пóльща сяк-такъ противъ Швёда попра́вилась, бо Шведъ, бұвши Лютерскої віри, кінувся католицькі святині жакувати, та й паливъ на́дто вже тўго пові́ми уста́вами закрудзёвувавъ. Не звикли нані́ Ляхі́ королеві́ по́пуску попускати, підняли шля́хту на нóвого короля́ свого́, почали Швёда ризати и зъ Пóльщи виругóвувати. Чарнёцький найбільшъ підпіравъ Пóльську сі́лу. Король Янъ Казиміръ до Москóвського царя́ послі́ шле, Швёда воювати вкүні закликáє, и царство своё ёму після́ себе въ спáдокъ поступає. Тяжкі́ дүмки гóлову Хмельницького обгортáють, щòбъ Україну Ляхамъ на примі́рті не óддано, въ задáтокъ спільнёго колісь царства́ Пóльско-Москóвського. И козацтво́ почало́ скрізь трі́вóжитись, и въ поспільство пішла́ та жъ поголоска. Тутъ-то кінувся Хмельницький собі́ підмóги шукати, и почавъ съ пограничними панствами трактувати, щòбъ до остатку́ Пóльщу рұшити. Незабáромъ стали зновъ козакі́ зъ Венграми й Швёдами по Пóльщі́ грасувати, Пóльщу до-щенту руйнувати, палити, рабувати. Почавъ тоді́ король Янъ Казиміръ жалібніми́ листáми Хмельницького́ благати, послі́ до ёго́ посилати, договóри писати, грящи́цю Українську́ спільними́ комисáрами значити, щòбъ уже́ до-

віку Ляхі Україну за свою зємлю не вважали и въ неї зь своїмъ правомъ Польськимъ не втручались.

XLIX.

Стала границя міжъ Польщею и Україною 1657 року такая. Одъ устья Дністра по Дністру вгору до Покўття; одъ Покўття до річки Горіни, а, пройшовши Горінию и Припетью до Дніпра, границя йшла вгору до старого Біхова; одъ Старого Біхова, перехопівшись черезъ Дніпрó, йшла границя річкою Сóжею до її верхівья, або до Рóславля гóрода, а одъ Рóславля спускалась вона, старою границею Московського царства, до самого Чóрного мóря, по той бiкъ Лимáну, а Чóрнимъ мóремъ — одъ Дніпра до Дністра. Тимъ часомъ Шведи вийшли съ Польщи своé царство одъ Датчанъ оборонити, а князя Рокóчого зь Венграми виругувавъ съ Польщи Чарнiцький, а Татаре, перестрiвши ёго, и зовсімъ звоювали. Хмельницький своїхъ козакiвъ задалегiдь одозвавъ на Україну. Вже жъ отсе десятий годъ Хмельницький воiе; вже й снаги въ ёго не стаé воювати, хитримъ рóзумомъ на всі сторони роскидати, по походахъ трудi великі, жару, хóлодъ, гóлодъ и всяку нiжду приймати. Упало здоровья, почавъ на силахъ знемогати и до землі хилитися. Зanedужавъ, занепавъ Хмельницький въ своёмu гóродi Чигринi, усіхъ полковникiвъ, сотникiвъ и козакiвъ до себе иззивае. На велику раду козацьку підъ руки ёго виводять. Вінъ козакiвъ доземнимъ поклономъ вiтае; вінъ імъ за честь и шанóбу дякуе; булаву, бунчукъ и всі вiйськові клейноди оддае, прóсень за ёго животá другого собi гетьмана настановити. Рае вінъ імъ вiбрати, або Антона Юданóвича Київського, або Павла Тетерю Переяславського, або Мартiна Пушкаря Полтавського, а надъ усіхъ Ивана Вигóвського, писаря свого генерального прекладае, що вінъ усю полiтику мiждонарiдню знае и змігъ би найкраще надъ козаками рейментарювати. Заплакали козакi, вислухавши гетьманське слóво; не хотiли ні Юданóвича, ні Тетери, ні Пушкаря, ні Вигóвського, а бажали сина Хмельницького, молодого хлопця Юрася гетьманомъ настановити. Зрадiвъ старий батко, а все жъ козакамъ одмовляе, що вінъ у мене, каже, рóзумомъ слабенький, та й тiломъ недугуе. А ко-

закі: »Ми будемо коло ёго старіхъ людей держати, будуть вони ёго на все добре навчати.« Згодивсь Богданъ Хмельницький на козацьку волю, и, хочъ не лібо було старшині козацькій малому хлопцеві підъ реймєнтъ підклонїтися, та мусили громадську волю вволїти и старого батька засмутити передъ смертю не важились. Помёръ же Богданъ Хмельницький въ городі Чигирїні, на Палїї, 27-го іюля, а поховано ёго въ селі Сўботові. Оставсь Юрась гетьманувати, а надъ Юрасємъ дорадцями старій батько зоставивъ обозного генерального Носача, Тетерю Переяславського, Пушкаря Полтавського, генерального осаула Ковалєвського и суддію генерального Григорія Лісницького.

L.

Годїтця намъ теперъ назадъ озирнутися и навкругї споглянути, якою заставъ Хмельницький Україну и якою покинувъ, бо вже не вернулись прѣдсі лїтá панування Пóльського, якъ усє ще було вповні, незруйноване, непожаковане, щó панї державці и дозорці королївськихъ добръ на Україні понадбóвували и впорядкували. Зновъ же й те, що Хмельницький після сѣбе покинувъ, не вдержалось у своєму порядку, бо після ёго великої руйни, котóру вінъ нанамъ Ляхамъ заподїявъ, почали козакї самї сѣбе руйнувати, одїнь бєрегъ Днїпра на другїй підїмаючись, одїнь полкъ зъ другимъ воюючи, одні козакї царєві Москóвському радїючи, а другї королєві Пóльському служачи, абó й Турецькому султáнові підклонїючись.—Наїстарїйше въ насъ на Україні право було народне. Якъ побїли та порозганїли Татаре князївъ варягъ, зъ їхъ хїжими дружинами, якъ повтікáли по чужїхъ сторонахъ, та пущахъ, та нєтрахъ непрохїднихъ багатї державці, позабїравши зъ сѣбою все рухóмїсть, якъ остáлися на Україні тїлько убóгї люде, котóримъ нічимъ гарáздъ було втікати и нічого по гайхъ и нєтрахъ крїти; то, платючи Орді данїну, мусили вони самї мїжъ сѣбою про поле, про риболовство, про бортяні ухажáї, абó пасїкї, про спашь, чи якý шкóду правувãтися. Отó жъ схóдились вони кўнами, на вїче, чи на раду, и середъ кўни, середъ громади поголовний судъ живїмъ слóвомъ судїли. Хто й вертався сь панївъ державцївъ на свої дєржави пїс-

ля Татарського бстраху, то знаходивъ уже її райцівъ и речниківъ готівнихъ, которі порядокъ усему селу давали и передъ Татарськимъ баскакомъ чи збірщикомъ за все село становилися. Вернувшись же, мусивъ панъ ласки въ тихъ мужівъ громадськихъ запобігати, бо вже село зъ селомъ черезъ нихъ сходилося и въ обиду собі лихимъ людемъ не попускало. Отъ жъ кѹпи її громади съ тихъ давнихъ давентъ на Україні повелися, а, може, ще її одъ первихъ до-варізькихъ часівъ одригнулися. Уже її Литві почала Україна голдувати, вже Литовські княжата, унѹки и щадки Гедимінови, великі займища собі на Україні позаймали и меншимъ панамъ, то въ спадокъ, то за службу подавали, а кѹпи її громади сільскі своє право при собі здержували, лихихъ державцівъ спільною силою гамували, лякали, або її на судъ у своє сѹдне колесо позивали. *Громада* — великий чоловікъ, съ того-то часу се прислівья пішло. Отъ же такі помалу-малу почали панове державці зновъ у свої рѹки судъ громадський брати. Спершу вони передъ пономъ, при мѹжахъ громадськихъ, людські справи розбірали, а далі вже її самі народъ сільскій судили. Найшлись такі, що людемъ и збірати кѹнами чи громадами не дозволяли, зъ своїми надвірними слугами селянъ розганяли и въ хурдигу речниківъ громадськихъ сажали. Якъ жѹ побратались изъ Польськими державцями, которі здавна вмили собі одъ короля княже право вимогти, то її собі королівській привилей набули, щобъ своїхъ слугъ и підданихъ, не то пенєю, вязеннямъ, чи кнѹвнмъ боємъ, та її самою смѣртю карати.

LI.

Такъ воно тоді велося, що вся земля здавна княжою, а потімъ королівською звалася, то, поставлявши король надъ нею одъ себе намісниківъ и дозорцівъ, дававъ їмъ своє владичне право — кому треба, її голову одгати. Хто жъ бувъ державецъ зъ діда-прадіда, то той, зъ ласки свого пана, князя, чи короля, изъ роду въ рідъ землю державъ, а державши не мусивъ ніякимъ одъ перемінного коронного намісника бѹти; тимъ-то и княжого права панове державці въ королѹ допевнялися. Якъ почали жъ городи зпідъ рѹни Татарської вставати, почали її городами або коронні

дозорці, або доживотні и потóмні державці орудувати. Въ городáхъ же людѣ багатшій почавъ осідати и правомъ міськимъ щититися. А те міське право було те жъ право громадське, що купами люде збіралося, тільки що вже тутъ люде тіснійше оди́нь поузъ одіого осідали, безпечнійше за вало́мъ и палиса́домъ одъ на́ходу ворогівъ сиділи, більше користи́ торгомъ, чи ремéствомъ добували, то вкупі й бороні́тись одъ лихого́ чоловіка більше здолали. Отъ и ви́йшло право міське, чи городо́вѣ, се бѣ то звича́й житті́ міщанського, котóрихъ старі́ голови держалися та й молодшимъ передавали, а по́слі вже въ короля́ уставні́ гра́моти випро́шувати, щобъ король обі́щавъ, якъ то пи́сано, «старинні́ не рúшити, а новинні́ не вводити». Въ тихъ ужé гра́мотахъ все прописувало́сь, який одбу́токъ міськнй чоловікъ, чи міщани́нъ, повиненъ місту одбувати, яку́ подати́ у скарбóвню міську скла́дати, яку́ дані́ну одъ усякого́ дѣму платіти, які́ по́латки зъ землі, зъ двора́, съ кра́иниці давати́ и якъ поміжъ со́бою громадськимъ судомъ правуватися. Торгуючи́ зъ Німецькими́ людми́ и городáми, на́ши городі́ и собі́ одъ Німцівъ спосо́бъ переймали́, якъ одъ панської́ кривди́ и утїску́ обороні́тись. Котóрі́ булі́ багатші́ городі́, ті́ собі́ въ королівъ́ Німецьке́ городо́вѣ право́, складаючи́ гости́нець, випро́шували. Магдебурьськимъ се́ право́ звано́. Въ такі́ городі́ ніякий́ панъ, ні́ староста́ и ніякий́ урядникъ́ коронний́ не втру́чався, бо король́ такі́ городі́ привіле́емъ своімъ́ виволя́въ одъ усеі́хъ панськихъ́ судівъ́, одъ усеі́хъ воево́дськихъ́ и старостя́нськихъ́ мо́цей. Въ такі́хъ городáхъ жовни́ре постóемъ не сто́яли; на во́йну́ міщане́ съ такі́хъ городівъ́ не ході́ли, опрі́чть хибá король́ «своєю́ головою́ потя́гне», підво́дъ у во́йсько не да́вали, мита́ й про́мита не платі́ли, свій́ скарбъ́ особиний́ ма́ли и съ то́го скáрбу для́ городської́ оборо́ни во́йсько своє́ держали́. Судъ́ бувъ у городáхъ Магдебурьськихъ́ вѣрхній́ бурмістѣ́рський у магістрáті (тамъ́ бурмістѣ́ръ засі́давъ зъ ра́йцями) и нижчий́ во́йтовський у ра́туши (тутъ́ во́йтъ сиді́въ зъ лавникáми), и щó ра́йці́ зъ бурмістромъ́ поставля́ли, те лавникі́ зъ во́йтомъ́ викóнували. Въ давній́ Укра́їні на Магдебурьському́ праві́ булі́ городі́: Бра́цлавъ, Ві́иниця, Черка́си, Василькíвъ, Овру́чъ, Кíївъ, Пере́яславъ, Остеръ́, Ніже́нь, Черні́гíвъ, Пога́ръ, Мгли́нъ, Козеле́ць, Но́вгородъ-Сіверський́ и Стáродубъ́. Котóрі́ жъ городі́ и не добу́ли собі́ Магдебурьського́ права́ и мýсли сво́го державця́ або́ старости́ слухати́, то й ті́, на-

взиръ значнихъ городівъ, у своїхъ громадахъ порядкувалися, свого війта обірали и лавниківъ изміждо себе оглашали. Та й по селахъ той же самій звичай тоді всюди повівся, тільки що сільскій війтъ противъ городського мѣншу повагу мавъ. Все ремѣство, всякий торгъ тоді спільнимъ товариствомъ люде одбували, щобъ оди́нъ одному супротивъ безправья помагати, одному за одного заступатися и товариша въ обіду не пускати. Браталися міжъ собою шевці, кравці, ковалі, кушнірі, и всяке ремѣство свій цехъ особний мала, свій особний короговъ у церкві ставило, свого особного райцю або лавника у спільну раду посилало, а всі братства, чи цехи, вкуні противъ суди́ї кривди стояли, одъ жовнірства оборонялись, до воеводъ, до королівъ супілки посилали, а якъ коли, то й боємъ себе одъ напасти обороняли. Якъ же не стало й міжъ духовними людьми порядку ставати, тоді почали церковні братства по городахъ и селахъ заводитися, щобъ віра давня въ народі, черезъ недбалість попівську, не забувалася та щобъ миряне, не знавши доброї церковної науки, у Латинство черезъ унию не переходили, та й щобъ уніти съ католиками сплотиць людеї простихъ до папи Римського не пахилили. У церковні братства всякого стану люде и прости й папи виисувались, вступного по шість грошей на братські потреби платили и подачку одъ часу до часу въ братську скарбовню клали. Коли братъ брата словомъ зневаживъ, чи діломъ обидивъ, вони судомъ братськимъ, а не якимъ иншимъ судилися, виноватий пенію чи вицу плативъ, на дзвіниці сидивъ и прилюдне брата перепрошувавъ, папську, чи яку бь ні було, своєю гординою смиряючи. Хто живъ не по закону Божому, чи мирянинъ, чи цинъ и єпископъ, чи прости́й чоловікъ, чи панъ, того середъ братського собору словами картали и одъ братства одлучали. Такъ въ речі посполитій Польській народъ Український самъ себе скілько змігъ оборонявъ, на правоті державъ и про старосвітську віру громадськимъ розумомъ піклувався.

III.

Сей-то звичай — добримъ зъ добримъ, правимъ съ правимъ брататися и вкуні противъ ворогівъ стояти одригнувъ и за По-

рогами, якъ назбиралась туді купа людей чимала изъ усякіхъ збігівъ, которі воеводської, старостянської, жовнірської, або п'анської-державської нахаби не стерпівши, въ дікі стени безлюдні зъ городівъ и зъ сілъ походили. Вони міжъ собою Низовѣ братство уставили и кошового отамана замість віита, а куріине отаманія за бурмістрівъ и райцівъ собі малп; вони тисячами, якъ одна сім'я, пробували и, мовлявъ, ради душі спасіння, на невѣринхъ ходили, частину здобичи походиї на церкві подавали, другу на похоронъ одкладували, а остатокъ зъ добримъ людми пропивали и проїдали. Вони *братчиками, товариствомъ* себе величали. Вони спершу въ городі тільки торгомъ ходили, рибу зъ Низу Дніпра возили, а посли почали и самі по городяхъ осідати и міщанськимъ робомъ жити, військовихъ звичаївъ и волі не покидаючи. Вони жъ то міщанъ добре и противъ п'анської чи жовнірської кривди підпирали и б'ючи зъ людомъ оружнимъ заводили, що и воеводи и старости и жовніре проходячі и конестуючі на їхъ озиралися и їхъ найбільшъ опасувались. Тимъ-то и панове урядники и дозорці коронні козаківъ, що тихъ, мовлявъ, уживъ, зиснавіділи и більшъ, ніжъ на поспільство, на нихъ налягали: не вважаючи на їхъ службу військову, до панщини їхъ потягали, по замкахъ їхъ до всякої послуги держали, зъ листами по городяхъ ганяли, до коней старостянськихъ приставляли, дворі змитати, гр'уби топити змушали и всякі імъ нар'уги и кривди чинили. Якъ же не стали козаківъ коронні гетьманове ще и на море за здобичню воєнною пускати, тоді почали козакі и міщанъ та и поспільство до спільної війни на панівъ підохочувати. Міщане до козащини, мабуть, добре торгували, бо знаємо, що імъ права Магдебурскі королі за великі гроши давали, а войтами до нихъ самі воеводи впрошувались, и великі пані, живучі въ городяхъ, міські одбутки за свої дворі одбували. Тимъ-то и звадливо було городянамъ розкішнимъ Жидівські орєнди терпіти, що ні горілки, ні меду, ні пива не вільно було въ своєму домі держати; тимъ-то тяжко було и одъ жовнірства зневагу и здріство за стаці, або одъ панства всякі кривди и нахаби переносити. Тимъ вони и брались охочо козакамъ харчами, припасомъ и р'учими паробками помагати. Якъ же піднялися братства церковні своєю прѣдсю віру одъ уні наукою церковною, книжками друківаними та школами братськими боро-

ніти, тоді козаків міщане коштом своїмъ, яко воїнство Христове, споружали и, вкупі съ паніми, на війну за віру благословляли. — Що до поспільства сільского, то вонó бѣ то (каже нашъ літописець) жилó— хочъ, певно, не у всякого пана — «обфито въ збѣжахъ, въ бѣдлахъ, въ пасікахъ», тільки що великі вимисли почали панове старѣсти, державські памісники и Жиді орандари вимисляти. Самі бо дѣки державці не жили на Україні, тільки урядъ держали и про кривди посполитихъ людей мало знали, хоть же ї довідувались, такъ гостинцями одъ своїхъ дозорцівъ и Жидівъ засліплювались, не розуміючи, що їхъ же, мовлявъ, сáломъ по їхъ же шкурі ї мѣжуть, обдравши їхъ підданихъ, та їмъ же дарують. Колибъ самъ панъ узявъ съ підданого, то не такъ би булó підданому ї жалко, ато, мовлявъ, ледáча Жидова богатітця, по два, по три цугі коней справляе, вимисляючи великі чинши, поволóвщини, дѣди, осіни, мірочки сухі, плату зъ жорнівъ, та ще убогого селянина ї словами зневажаючи и панамъ на ёго наговорюючи. Отъ сего-то селяне не стѣрили, почасти въ козакі на Низъ одъ Жидівської ї панської нахаби утікали, а опісля до козаківъ и цілими селами вже прихилилися.

ІІІ.

Вонó-то правда, що въ рѣчи посполитій Польській часами тяжко городамъ и селамъ, міщанамъ и селянамъ, панамъ и мирянамъ жити приходилось; вонó правда, що пані ніякого війну собі не знали и що-хотя зъ убогимъ людомъ чинили; правда, що вбогому зъ багатимъ шкода булó судомъ правуватися; що великі панове и на сеймахъ, маючи за собою поплічниківъ, чого хотіли доказували, а бували такі міжъ паніми розбѣшаки, що, черезъ їхъ наїзди та розбѣи, шляхі бурьянами заростали; а все жъ бо такі, поглянувши на життя людське огуломъ, треба забуту правду виявити, що «поки, якъ-то співають, були на Україні пані въ ладівницяхъ, то въ мужиківъ пироги лежали на полицяхъ; якъ же почали шведяти по Україні козакі съ порохівими рогами, залагли скрізь стѣни и поля облогамъ». Торги по городáхъ були въ давнішихъ часахъ безпечні, и черезъ Кіівъ що-

року переходили великі каравани кіньми, волами и верблюдами, везучи в Московське царство, в Швецію й Данію всяке добро з Малі Азії, Персії, Індії, Арабії, Сирії. Бувало такъ, що шовкъ у Київі йшовъ урівень з лѣномъ, а перецъ — дешѣвше одъ соли. Якъ жѣ піднялась козацька руїна, городи одинъ за однимъ до тла горили и пустіли, а крамарство по іншихъ зѣмляхъ розбігалось. »Ой я, каже, свій крамъ у корѳку склавъ, козакамъ пятами пакивавъ.« Се-то, глузуючи зъ Жидові, виспівували такъ за Хмельницького кобзарі, а воно й правда була, що ятки и крамні коморі в козацьку руїну скрізь попіломъ лежали, або пустізною стояли. Ще за Наливайка зложено пісню: »Ой в городі Могилеві та сталося пусто, якъ повіяли козаченьки з самопалівъ густо.« Спустивъ же такъ одъ козацькихъ самопалівъ и Київъ, и Брацлавъ, и всі Магдебурьскі й не-Магдебурьскі городи по Україні. Погорили не то що крамниці з шовками и Турецькими габани, та й школи, которі братства церковні своїмъ коштомъ споружали; погорили друкарні, в которихъ вільно було що хоті друкувати и не то лукаву унію, та й самого пана Римського з його прелатами якъ хоті перепірати; пороходились по чужіхъ зѣмляхъ, повмірали в походахъ, бояхъ, пожарахъ и гниліхъ хоробахъ військовихъ учені люде, которі съ чужіхъ сторінъ до насъ науки вольші пересажували, та й самі хроніки козацькі, в которихъ криваві подвиги, мовлявъ, за віру Християнську позаписувані, и те все в людській крові потонуло и засипано десь попіломъ на жаріщахъ; и та химерна оповідь про козацьке лицарство необачне не вся дійшла до нашихъ рукъ за самими жъ козаками. Які були суди и трибунали, все козацька руїна, мовъ лютий вихоръ, позносила; які були права и судові звичаї, все підъ ту страшенну заверуху позабувалось. Не багато людей письменнихъ на Україні зосталося. Полковники та сотники вміли тільки криваву шаблю в рукахъ держати и шаблею права по городахъ и селахъ писати, шаблею зѣмлі поміжъ себе ділити и одинъ одному межъ гостримъ залізомъ значити. Справді бо, якъ повтікали всі державці з України, окрїчтихъ, которі підъ козацьке право воєнне підклонїлися, почали тоді полковники та сотники покривавлену и збрану конитами зѣмлю поміжъ себе паювати. Тѣ були воїводства, а в воїводствахъ повіти, а в повітахъ королївскі старѳства, чи маѳтности,

поручь зъ маётками державцівъ, панівъ Українськихъ, ато вже осягли й позаймали козакі всі зѣмли по Вкраїні підъ полкі, а въ полкахъ підъ сотні, а въ сотняхъ підъ свої хуторі, дворі, пастовники чи левади, а котóra земля козакамъ не згодилася и до цѣркви чи до монастиря не тягнула, съ тихъ зѣмель податки до скáрбу царського брали и, вкупі зъ городськими поілатками, воеводамъ на царські потребізни оддавали. Не знесли козакі безправья рѣчи посполітої; за право, за волю свою на Ляхівъ підняліся. Побачимо жъ изъ *Вишівщини*, зъ *Бруховѣччини*, зъ *Поповичівщини* й *Мазівщини*, якъ вони тимъ правомъ и тою закрівавленою волею своєю користувались.

II. Кулішъ.

30 декабря, 1860.

С. Петербургъ.

МУЗЫКА

ЮЖНО-РУССКИХЪ ПѢСЕНЬ.

Пѣсни для Малороссіи — все: и поэзія, и исторія, и отцовская могила. Кто не проникнулъ въ нихъ глубоко, тотъ ничего не знаетъ о прошедшемъ бытій этой цвѣтущей части Россіи.

Гоголь (о малороссійскихъ пѣсняхъ).

Важность народной поэзіи и народной музыки для изученія жизни даншаго народа — извѣстная истина, которую врядъ ли кто станетъ оспаривать. Ее проповѣдывали и ученые изслѣдователи, и поэты. Приведемъ, кромѣ выставленныхъ въ эпитаграфъ, еще краснорѣчивыя и высоко-правдивыя слова Гоголя: »Народныя пѣсни — это народная исторія, живая, яркая, исполненная красокъ истины, обнажающая всю жизнь народа. Если его жизнь была дѣятельна, разнообразна, своевольна, исполнена всего поэтическаго, и онъ, при всей многосторонности ея, не получилъ вышей цивилизаціи, то весь пылъ, все сильное, юное бытіе его выливаетъ я въ народныхъ пѣсняхъ. Историкъ не долженъ искать въ нихъ показанія дня и числа битвы или точнаго объясненія мѣста, вѣрной реляціи; въ этомъ отношеніи не многія пѣсни помогутъ ему. Но когда онъ захочетъ узнать вѣрный бытъ, стихіи характера, все изгибы и оттѣнки чувствъ, волненій, страданій, веселій изображаемаго народа; когда захочетъ выпытать духъ минувшаго вѣка, общій характеръ всего цѣлаго и порознь каждаго частнаго, тогда онъ будетъ удовлетворенъ вполне: исторія народа разоблачится предъ нимъ въ ясномъ величіи». — Это, разумѣется, относится прямо къ *словамъ*, къ *тексту* украинскихъ народныхъ пѣсень — богатѣйшему этнографическому матеріалу; но въ народныхъ созданіяхъ слова и музыка къ нимъ неразрывны; самые звуки пѣсень, безъ

сомнѣнія, столько же, если не болѣе, характеристичны, столько же, если не болѣе еще, важны, для уразумѣнія духа Украинцевъ. Гоголь не менѣе восторженно отзывается и о музыкѣ малорусскихъ пѣсень: »въ нихъ музыка«, говоритъ онъ, »слилась съ жизнью: звуки ея такъ живы, что — кажется—не звучать, а говорить, говорить словами, выговариваютъ рѣчи, и каждое слово этой яркой рѣчи проходить душу.... Ничто не можетъ быть *сильнѣе* народной музыки, если только народъ имѣлъ поэтическое расположеніе, разнообразіе и дѣятельность жизни, — если натиски насилій и непреодолимыхъ, вѣчныхъ препятствій не давали ему ни на минуту уснуть и вынуждали изъ него жалобы, и если эти жалобы не могли иначе и нигдѣ выразиться, какъ только въ его пѣсняхъ....«

Подтвержденіемъ этого поэтическаго отзыва изъ устъ не-музыканта, долженъ служить обстоятельный музыкально критическій этюдъ надъ музыкою южно-русскихъ пѣсень; такого труда до сихъ поръ еще сдѣлано не было, и вотъ въ чемъ будетъ наша задача.

Обсужденіе текста пѣсень со стороны ихъ языка, ихъ внутренней поэзіи, словесной — дѣло литературное. Обсужденіе музыкальнаго склада южно-русскихъ пѣсень, вниманіе въ ихъ общій характеръ и во всѣ подробности, съ точки зрѣнія музыкальной, требуетъ особаго спеціального знакомства съ самими пѣснями и значительную степень обще-музыкальной развитости. При этомъ, разумѣется, дѣло требуетъ, чтобы техническіе разборы народной украинской музыки были, сколько возможно, ближе принаровлены къ понятіямъ не-спеціалистовъ по музыкальной техникѣ и изложены на столько не ремесленно и не безтолково, чтобы могли занять свое мѣсто въ журналѣ литературномъ, во второй половинѣ девятнадцатаго вѣка.

Мы, слава Богу, довольно далеко ушли отъ того времени, когда знаменитый профессоръ контрапункта, »Padre Martini« (бывшій наставникомъ в Моцарта), высказалъ австрійскому императору Іосифу II-му, что музыкальная критика — дѣло совсѣмъ *несбыточное*, потому что музыканты не умѣютъ быть литераторами, а литераторы, въ свою очередь, ничего не смыслятъ въ музыкѣ.

Въ наше время соединеніе дѣятельности литературной и технически-музыкальной не только-что перестало быть чѣмъ-то несбыточнымъ, но даже не принадлежитъ уже къ особенно-рѣдкимъ явленіямъ (достаточно вспомнить: Берліоза, Галеви, Фетиса, Маркса, Гауптмана, Шумана, Вагнера, Листа, Бюлова и т. д.)

Тѣмъ не менѣе, избранная нами задача представляетъ много весьма важныхъ затрудненій, по самой сущности дѣла.

Пѣсни народныя, какъ музыкальные организмы, отнюдь не сочиненія отдельныхъ музыкально-творческихъ талантовъ, а произведеніе цѣлаго народа, и всѣмъ складомъ своимъ весьма далеки отъ музыки искусственной, сочиненной, вельдствіе сознательнаго подражанія образцамъ, вельдствіе школы, науки, рутинны и рефлексіи. Это цвѣтки данной почвы, явившіеся на свѣтъ будто сами собою, выросшіе въ полномъ блескѣ, безъ малѣйшей мысли объ авторствѣ, сочинительствѣ, и, слѣдовательно мало похожіе на парниковые, тепличныя продукты ученой композиторской дѣятельности. Оттого въ нихъ ярче всего выступаетъ — наивность творчества и та (по мѣткому выраженію Гоголя, въ Мертвыхъ Душахъ), *высокая мудрость простоты*, — главная прелесть и главная тайна всякаго художественнаго созданія.

Какъ лилія, въ своемъ пышномъ, цѣломудренномъ убранствѣ, затмѣваетъ блескъ нарчей и драгоценныхъ камней, такъ народная музыка, именно своимъ дѣтскимъ простодушіемъ, въ тысячи разъ богаче и сильнѣе, нежели всѣ ухищренія школьной премудрости, проповѣдываемые педагогами въ консерваторіяхъ и музыкальныхъ академіяхъ.

Намъ возразятъ: «какъ! учености музыкальной будто вовсе ненужно? неужели какая бы то ни было въ свѣтѣ народная пѣсня можетъ соперничать — напримѣръ — съ симфоніей Бетховена?»

Нѣтъ, конечно, если брать симфонію въ ея всецѣлости; но симфоніи столь гениальныя, какъ бетховенскія, отнюдь не продукты *учености* музыкальной (какъ, напримѣръ, симфоніи и ораторіи композиторовъ не-гениальныхъ), а самостоятельныя организмы, развившіеся въ великолѣпной сложности изъ немногихъ, самыхъ простыхъ, музыкальныхъ мыслей, какъ изъ зерна. Чтоже касается до самыхъ зѣренъ этихъ, до мотивовъ музыкальныхъ, служащихъ зародышами, эмбрионами развитыхъ музыкальныхъ организмовъ, то въ каждомъ народѣ, богатомъ своими пѣснями, навѣрное найдутся мотивы, которые способны посоперничать съ мотивами хотя бы и бетховенскими. Въ самой высшей изъ своихъ симфоній, въ *девятой*, Бетховенъ свою тему (пѣснь на слова Шиллеровой оды «къ радости», *An die Freude*), тему, пронизывающую *всю* симфонію насквозь, служащую основою, краеугольнымъ камнемъ для всего колоссальнаго зданія, приблизилъ, какъ нельзя больше, и волиѣ сознательно, къ дѣтски-простодушному характеру напѣвовъ народныхъ.

Родственность мотивовъ великихъ композиторовъ съ мотивами пѣсень

изъ народа можно подкрѣпить и еще тысячами примѣровъ изъ Гайдна, Моцарта, Шопена, Глинки и другихъ. О внутреннемъ музыкальномъ богатствѣ мотивовъ въ народныхъ пѣсняхъ очень мѣтко выразился Л. М. Жемчужниковъ (Записки о Южной Руси, г. Кулиша, томъ II. стр. 7.). »Народная пѣсня, въ своихъ словахъ и музыкѣ, взятыхъ вмѣстѣ, полна чувства, мысли и, притомъ, необыкновенной простоты. Нѣтъ въ ней лишняго слѣва, нѣтъ лишней ноты. Это самородки, изъ которыхъ всегда можетъ черпать самый высокій талантъ.«

Съ этой стороны, великую правду и глубину заключаютъ въ себѣ и слова автора »Жизни за Царя« : »создаетъ музыку народъ, а мы, художники, только ее арражируемъ.«

Между тѣмъ, такъ какъ музыкальная ученость и непосредственное музыкальное творчество всегда и вездѣ шли не рука объ руку, а развивались независимо другъ отъ друга, — народъ музицируетъ по своему, ученые — по своему; народъ знаетъ не хотеть ученой музыки, а ученые музыканты знать не хотятъ народной (этому свидѣтельствомъ — вся исторія музыки), и такъ какъ соединеніе, сліяніе истиннаго дара творчества и глубокой науки встрѣчается только въ немногихъ избранныхъ, то и для вѣрнаго аналитическаго обсужденія музыки — не сочиненной, а создавшейся въ народѣ — нужны условія, не совсѣмъ часто встрѣчаемыя.

Отвлекаться отъ привычныхъ намъ, восованныхъ съ музыкальнымъ воспитаніемъ, школьныхъ понятій, (не всегда вѣрныхъ основнымъ законамъ музыкальнаго творчества, и, до сихъ поръ еще, недовольно ясно сознаваемыхъ теоретиками); отвлекаться отъ того, что встрѣчаемъ на каждомъ шагу въ рутинномъ примѣненіи, отвлекаться для того, чтобы умѣть доходить до корней музыкальнаго склада и любоваться каждымъ свободнымъ изгибомъ музыкальной природы, неиспорченной рутинною, — дѣло несовсѣмъ легкое. Превосходно, именно объ этой сторонѣ музыкальнаго изученія, выражается гениальный знатокъ музыки, извѣстный нѣмецкій юристъ, Тибо (Ant. Fr. Just. Thibaut. *Ueber Reinheit der Tonkunst* III. *Ueber Volksgesange*) (1), »о народномъ пѣніи«).

(1) Книга юриста Тибо »о чистотѣ музыки« — при появленіи своемъ въ 1825 г. — была гласомъ вопиющаго въ пустынѣ. Ясность и здравость взглядовъ ея просвѣщеннаго автора на музыку старинныхъ итальянскихъ мастеровъ XVI столѣтія, совершенно заброшенныхъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка, казались, въ эпоху блистанія Россіи, какимъ-то бредомъ любителя музыкальной археологій, диковинокъ музыкальной старины. Знатоки музыки *ex professo*, т. е. сухіе, рутинные педанты, и практическіе музыканты, т. е. ремесленники музыкальнаго цеха, страшно вооружились про-

»Цивилизованный человек, для дальнейшего своего образования и научения, непременно чувствует потребность бесѣдовать съ людьми, замѣчательно-развитыми по своей специальной части. Но онъ никакъ не долженъ утрачивать драгоценной способности плѣняться красотой безискусственно-наивною, невинною. Культура далеко не всегда согласуется съ развитіемъ естественныхъ данныхъ и очень во многомъ, иногда, образованный человекъ долженъ поуступить — ребенку. О дѣтяхъ въ Евангеліи сказано: «ихъ есть царствіе небесное».

»Высшее въ человѣческомъ характерѣ—искренность, откровенность, правдивость. Но житейскія отношенія и цивилизація обыкновенно затемняютъ это качество; дѣлаютъ человека скрытнымъ, недовѣрчивымъ, лицемернымъ, лживымъ; между тѣмъ, дитя стоитъ предъ нами такимъ, какъ оно отъ природы, со всеми своими достоинствами и недостатками. Оттого, кто не знаетъ дѣтской души, тотъ не знаетъ и человѣческой души вообще. Въ счастливо-организованномъ ребенкѣ инстинктивно присутствуетъ мудрость, до которой мыслящій человекъ доходить долгимъ и тяжкимъ опытомъ.

»Эти общія истины вполне примѣнимы и къ музыкѣ. Высшее въ музыкальномъ дѣлѣ, что дается ученіемъ — написать правильно музыкальную пьесу, удовлетворяющую требованіямъ искусства. Но какъ часто наше искусство удаляется отъ природы; какъ часто — процессомъ искусства — слагаются продукты, гдѣ истинное вдохновеніе, т. е. природа, душа человѣческая — совершенно отсутствуетъ, продукты, которые, въ счастливѣйшихъ случаяхъ, способны возбудить нѣкоторое удивленіе, уваженіе, но симпатіи не возбуждаютъ никогда, ни въ комъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что половина существующей въ свѣтѣ музыки — *вовсе не музыка*; это — родъ какой-то математики, безъ внутренняго, жизненнаго начала; подмостки для пустѣйшаго виртуозничанья пальцами или горломъ: — безмѣрно далеки отъ этого вреднаго для музыки направленія, чисты, непорочны, просты, какъ душа младенца, все пѣсни вышедшія изъ нѣдръ народа, или восприняты народомъ извнѣ, но получившія въ немъ самостоятельную жизнь.

твѣ взглядовъ Тибо, какъ не профессионалиста по музыкѣ, а только «диллетанта». Между тѣмъ, Тибо былъ совершенно правъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Книга его пережила уже четыре изданія, и только теперь мысли ея автора оцѣнены вполне, вошли въ плоть и кровь современной намъ музыкальной критики. А имена профессионалистовъ — съ высоты велчія спорившихъ съ Тибо — совершенно забыты.

Такія пѣсни всегда отражаютъ въ себѣ здоровое, сильное чувство человека, еще неиспорченного культурою, — и какъ родившіяся въ эпоху свѣжести, юности народа, неразрывно-связанныя съ великими народными событіями, — способны и въ людяхъ, уже далекихъ отъ первобытной простоты, возбуждать ощущенія сладостныя и отрадныя, какъ воспоминаніе дѣтства, — способны дѣйствовать на душу неотразимо.»

Украинскія пѣсни могутъ служить превосходнымъ, живымъ подтвержденіемъ вышеприведенныхъ словъ Тибó; но при такомъ богатствѣ матеріаловъ, какое представляетъ южнорусская народная музыка, полный критическій этюдъ надъ нею дѣло — безъ сомнѣнія — вѣковое. Оно потребовало бы анализа и сличенія *всѣхъ* пѣсень и ихъ вариантовъ, живущихъ въ народѣ украинскомъ. Цѣлой жизни одного человека никакъ недостаточно на подобный подвигъ. Можно однако же положить этому нѣкоторое начало, къ чему и будутъ направлены наши усилія.

«Не мудрствуя лукаво», стараясь какъ можно ближе держаться практической стороны дѣла, мы намѣрены, даже и предварительныя работы надъ изучаемымъ народнымъ матеріаломъ, представить на судъ публики.

Критическіе и техническіе общіе выводы и заключеніе касательно музыки южнорусскихъ пѣсень, въ ея цѣломъ, могутъ быть выведены только изъ ближайшаго знакомства на дѣлѣ съ самими пѣснями, изъ повѣрки ихъ мотивовъ съ ихъ текетомъ, и изъ сличенія пѣсень между собою.

Здѣсь будутъ предлагаемы читателямъ пѣсни, записанныя изъ устъ народа, сколько можно вѣрнѣе и въ текстѣ и въ музыкѣ, и притомъ почти исключительно такія пѣсни, которыя до сихъ поръ еще не были помѣщены ни въ одномъ изъ печатныхъ сборниковъ малорусскихъ мелодій.

Къ мелодіи каждой пѣсни (съ ея словами, скандированными согласно музыкѣ, во всѣхъ куплетахъ, а не въ однихъ только тѣхъ строчкахъ, которыя подписаны подъ нотами напѣва) будетъ прибавлена гармонія, въ формѣ аккомпанимента на фортепіано, какъ инструмента наиболѣе доступнаго читающей публикѣ.

Подобная аранжировка или гармоническая обстановка данной народной мелодіи, по нашему мнѣнію, необходима, какъ живой музыкальный *комментарій* на характеръ самого напѣва. Гармоническая обработка всегда присуща и народу, который любитъ пѣть свои пѣсни не въ одинъ голосъ, а въ нѣсколько голосовъ, разомъ, съ ходами ихъ до-

вольно-самостоятельными, контрапунктическими, по счастливому музыкальному инстинкту.

Даже въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ народъ поетъ не хоромъ, а единичными голосами, видоизмѣненія самой мелодіи, ея варианты, всегда чрезвычайно-разнообразные, своимъ оттѣнками дополняютъ мелодическое значеніе пѣсни и, выставляя выукло то одинъ, то другой интервалъ, въ самомъ пафѣ, поясняютъ самымъ дѣломъ его гармоническій складъ.

Во всемъ этомъ, на практикѣ и въ критическомъ анализѣ пѣсенъ, встрѣчается для технической музыкальной ихъ обработки затрудненіе немаловажное.

Если вѣрное записываніе народной мелодіи знаками общеупотребительной нотной грамоты (для самого народа — чуждой) само по себѣ дѣло не совсѣмъ легкое, хотя бы и для опытнаго музыканта, такъ какъ представляетъ иногда и въ оттѣнкахъ интерваловъ (четверти тона, — какъ увидимъ впоследствии) и, особенно, въ размѣрѣ, въ ритмѣ, нѣкоторыя несообразности съ формами западной музыки, итальяно-нѣмецкой, на которой мы выросли, — то «гармонизація» пѣсенъ народныхъ — дѣло еще болѣе тонкаго и щекотливаго свойства. И чѣмъ глубже музыкантъ вникаетъ въ свою задачу въ этомъ случаѣ, чѣмъ вѣрнѣе чувствуетъ и сознаётъ *идеалъ* своей работы, тѣмъ достиженіе этого идеала становится для него самого затруднительнѣе.

Каждая мелодія, какъ послѣдованіе музыкальных звуковъ, подъ условіями обще-извѣстными и волюнѣ *естественными*, для мелодическаго звуко-сочетанія вообще, — *очень легко* допускаетъ себя аккомпаниментомъ рядъ аккордовъ. Оттого всякій, сколько-нибудь знающій свое дѣло музыкантъ, особенно изъ нѣмцевъ, не призадумается нимало подставить аккомпаниментъ къ любой украинской пѣснѣ.

Только на повѣрку послѣ выйдетъ, что изъ сотни случаевъ (конечно — и девяносто девяти) нѣмецкій фасонъ аккомпанимента къ пѣснѣ, приходится для нея столько же кетати, какъ нѣмецкаго или французскаго покроя фракъ и бѣлый жилетъ будутъ къ лицу плотной, здоровой фигурѣ величаваго чумака, или какъ парижскій кринолинъ будетъ кетати на пышномъ безкорсетномъ станѣ какой-нибудь сельской красавицы, Одарки или Ганнуси.

Обыкновенный музыкусъ, привыкшій, съ высоты своей цеховой учености, смотрѣть на простонародныя пѣсни съ тулѣйшимъ презрѣніемъ, не посоветится — записывая нотами данную народную мелодію — «переписать», т. е. сказать въ ней все, что, по его люжвиннымъ поня-

тіямъ, покажется ему угловатымъ, шереховатымъ, не подходящимъ подѣ правила (!) музыкальной теоріи (которыхъ, въ сущности, и *нѣтъ* совсѣмъ на свѣтѣ), — не призадумается замѣнить одинъ неудобный, для пошлыхъ аккордовъ, интервалъ другимъ, болѣе «правильнымъ», т. е. обыкновеннымъ, — не призадумается втиснуть въ одинъ тактъ мотивъ, непременно требующій двухъ тактовъ, или, на-оборотъ, растянуть въ два такта, то, что въ пѣснѣ звучитъ въ одномъ (или и вовсе безъ такта); не призадумается и вообще навязать пѣснѣ ритмическое движеніе, *непохожее* на ея оригинальную сущность, но болѣе сближенное съ ритмами, которые звучатъ во внутреннемъ слухѣ рутиннаго музыканта, навѣянные тою музыкаю, среди которой онъ плаваетъ во вседневномъ своемъ обиходѣ, какъ рыба въ садкѣ.

Между тѣмъ, въ этихъ кажущихся шереховатостяхъ, угловатостяхъ, неправильностяхъ (!) мелодическихъ, гармоническихъ и ритмическихъ, всегда заключается главная особенность пѣсни, ея характеръ, колоритъ, неразрывно-слитый съ ея поэтической задачей, съ внутреннею органическою идеею, вызвавшею эту пѣсню на свѣтъ Божій.

Иногда такого рода отѣнки тонки, деликатны какъ блестящая пыль на крылышкахъ мотылка. А сколько нашлось между музыкантами вандализмъ, которые своею грубою рукою, то и дѣло, что соскабливаютъ эту драгоценную пыль, какъ что-то ничтожное и лишнее.

Ясно, что и въ гармонической обработкѣ малорусскихъ пѣсень, подѣ рукою подобнаго рода мастеровыхъ музыкальнаго цеха, являлась или безцвѣтная пошлость, или вычурность, затѣйливость, въ прямомъ разнорѣчій съ характеромъ пѣсни, являлась вообще та «деревянность» бездарности, на которую и Гоголь не забылъ пожаловаться въ своей статьѣ объ украинскихъ пѣсняхъ (1).

Пѣсни эти, какъ все народныя, весьма просты въ своемъ складѣ. Мелодія ихъ, своимъ естественнымъ ходомъ, вызываетъ гармонию, столько же простую. По угадать такую простоту *вполнѣ*, —нигдѣ, ни на одинъ волосокъ не отступитъ отъ той внутренней, подразумеваемой гармоніи, которая зародилась вмѣстѣ съ мелодическимъ напѣвомъ и служитъ ему основою, — останется простымъ, безъ бѣдности и однообразія, умѣтъ придать аккомпанименту требуемую духомъ и смысломъ пѣсни жизнь

(1) «Даже и музыка малороссійскихъ пѣсень не появлялась никогда вполнѣ. Бездарный композиторъ безжалостно разрывалъ ее и кленалъ въ свое *безчувственное деревянное созданіе*.»

звуковъ, не впадая притомъ нигдѣ въ вычурность, не уводя аккомпанимента въ область музыкальныхъ сочетаній — красивыхъ, занимательныхъ, только — для украинскаго мотива — чуждыхъ, — все это вмѣстѣ составляетъ задачу глубоко-художественную, которую врядъ ли кто можетъ иначе разрѣшить, какъ только отчасти, приблизительно.

Трудность этого дѣла увеличивается и тѣмъ еще, что тотъ, кто почувствуетъ въ себѣ призваніе для музыкальной разработки украинскихъ пѣсень, можетъ весьма скоро увлечься въ сторону, именно вслѣдствіе своихъ же музыкальныхъ силъ, которыя будутъ искать себѣ большаго простора, нежели сколько требуетъ пѣсня. Кромѣ способности и знанія, такая художественная задача требуетъ еще и значительной степени самоотверженія, смиренія мысли. Это все условія, слишкомъ не часто встрѣчаемыя.

При отсутствіи возможности долго изучать хоровое пѣніе пѣсень на мѣстѣ, въ самой Украинѣ, пособіемъ для соблюденія мѣстнаго колорита при обработкѣ пѣсень можетъ служить безирерывная *проверка* гармонизаціи пѣсень (сдѣланной предварительно, въ видѣ опыта) внутреннимъ инстинктивнымъ чутьемъ природныхъ Украинцевъ, посвятившихъ себя изученію пѣсень своего народа.

А. СѢРОВЪ.

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТІ СЪ ХУТОРА

ЛИСТЪ Ш.

ЧОГО СТÓИТЬ ШЕВЧЕНКО, ЯКО ПОЭТЬ НАРÓДНИЙ.

Чѹемо й ми по хуторахъ, що вмеръ Тарасъ Шевчѣнко. Тяжкѣ горѣ, що немає вже на свѣті великого поэта, и святá передъ Бóгомъ усяка слѣзіна, що пала на ёго домовину: слізки своїми зложили ми цінú подвижникові рідного слова, котóre одно становить нашу народню силу, нашу народню славу, — одно дає намъ право на ділницю міжъ иншими народами. Пóки міжъ нами живъ Шевчѣнко, отдавали ми ёму шанóбу, яко висóкому поетові, и óчи одвертали одъ усякої хибн ёго и упáдку на тяжкій, одинокій дорóзі; якé жъ велике було ёго діло, щó вінъ зробивъ для насъ Українцівъ и щó були бъ ми безъ Шевчѣнка, — се вже тенерь тілько упóвні намъ відкрилося.

Занедбали здавна вже письменні городяне нашъ сільскій неписьменный людъ зъ ёго недрукóваною мóвою; до чужихъ людѣй рóзумомъ пригорнулися, до тихъ людѣй, що середъ великої грóмади тѣмного лóду невеликою кóпою держáтця и самі тілько оди́нь одного, мовъ у кагáлі, розуміють, и байдужѣ імъ, що покіннули далѣко позáдъ себе нечислѣнні тисѣчи неписьменныхъ. Слídомъ за ними й наші письменники поплѣнтались и вкўпі зъ ними узялись до робóти — книжкí академічнiмъ якiмся склáдомъ писати, и вже своєю славою велпчались, що однѹ книжню акаде-

мічню мову одь моря до моря, мовъ який невідъ, на людські дүши закінули. Великимъ симъ писателямъ и строителямъ рѣчи книжкѣи було байдуже, що весь нашъ прѣстий людъ, скрізь той невідъ, здавався недорікою, байдуже й на те, що не було сѣму людові йшого ходу въ письменство, тільки мусивъ рідного прѣстого и виразного свого слова зректїся. Одаючи тоді въ школи дїтей, наші хуторяне все одно, що въ москалі оддавали, бо черезъ те письменство химерне мѣшало въ насъ людей, которі по-нашому розмовляли и по-нашому на Божий миръ дивилися, и по-нашому міжъ селянами оберталися.

Тутъ же намъ городяне здоровий розумъ и чїстий смакъ своїми книжками каламүтять, а тутъ — сусіль! увійшовъ до нашої прѣстої хати чоловічокъ, по-нашому прибраний, нашихъ ніби й звичаївъ, нашої й мови, та й почавъ якісь вірші про якогось Енея слезувати. То-то бъ, здаєтця, треба намъ зрадити! по-нашому чоловікъ віршує! Та ба! бодай такъ и не віршувати! Заразъ де-которі постерегли, що воно за проїва. »Придивітєсь лишень», кажуть, »до сего чоловічка зблизька: се городянський панокъ по-нашому прибрався. Гляньте: у єго й паньска ходя и вся удача паньска, а мовою своєю вінъ тільки насъ передражнює и на сміхъ підіймає. Се вінъ глузє зъ нашихъ звичаївъ, зъ нашої батьківщини, зъ нашої прѣстої, що ми, бачь, паньськихъ приємаківъ не знаємо, та паньськихъ фүхівъ не заводимо, та паньськихъ річєй солідкихъ цурасємость. Гляньте: въ єго Енеї про рідну матірь передъ громадою такі рѣчи говорить, що хочъ втїкай не хати; слухайте, якъ вінъ нашими звичаїями ганьбє, якъ вінъ українське слово перековєрзує. Се намъ наші такє дзеркало подарували, що якъ погляне въ єго прѣстий чоловікъ, то й самъ себе не пізнає».

Оттакій далі томү віршованню судъ наші розумні люде, и одвернулає усяка ясна душа одъ перекуєвденого не знать по-якому Енея. Ажъ тутъ *Маруєн* Квітчина до насъ у хату завітала. Серденько кохане! якє жъ ти любє намъ та поважнє після того цїгана троянського здалоє! Се наша душа на Божому лоні по-нашому заговорила. Се перва була книжка, котора тимъ же дүхомъ, що й слово Учителя благого, дїхала. Тимъ самимъ поглядомъ Квітка на насъ, прѣстихъ людей, подивився, що й той великий чоловіколүбець. Здивувалиє ми, якъ ясно засіявъ нашъ

пародній образъ, дарма що на ёму пахарецький піть густімъ піломъ припавъ. Глибоко глянули ми съ Квіткою въ дѣшу свого прѣстого люду и самі загадалися, звідкіля въ ёго та глибинія неказання...

Загадалися, ажъ тутъ Шевченко гѣлосно на всю Україну озвався, мѣвъ усі співи пародні и всі людські слѣзи разомъ заговорили. Піднявъ вінъ зъ домовинъ нїмѣ нашу памѣть, вїззавъ на судъ нашу мовчязнѣ старосвїцину и поставивъ передъ нею Українця, якій вінъ есть тепѣрь, якїмъ вінъ черезъ свою исторїю стався. Хто жъ би тутъ не домислився, абѣ душею не почувъ, що, вїкунавшись у своїй крові, перебувши нечисленнї руїни и пожѣжи, мѣсли наші прѣдки багато у свою дѣшу одъ давнїхъ часівъ зачерпнѣти! Намалювавши самъ себѣ у своїхъ дѣмахъ, намалювавши старѣго Перебѣдню, бѣтька й мѣтеръ Катерїни, та й самѣ Катерїну зъ її цїримъ коханнямъ и велїкими мѣками, Шевченко заразъ явивъ висѣкий исторїчний спѣсѣбъ словесної живѣннї; бо й ёго власний образъ духовний и вся та сїмѣя рїднихъ ёму душъ — всі вони були исторїчнї чѣда нашої старосвїцини. Узявъ вінъ гѣлосъ и складъ своєї рѣчи висѣкой одъ тихъ пісѣнь и думъ, що вже тїльки ми, хуторяне, слѣхали и сѣрцемъ розумїли; душа поэзїи нашої пароднїе не-письменної стѣлася душею ёго мѣзи. Шїроко вінъ обнявъ Україну зъ її могїлами крївавшими, зъ її страшнѣю слѣвою, и спївану пародню рїчъ обернѣвъ на живѣннї тогѣ, що було и що есть на Україні. Ёго устами ввесь нашъ нарѣдъ заспївавъ про свою дѣлю: тимъ ёго слѣво гѣлосною луною розляглося усїоди, де лїлѣся наша кровь, де лежѣть наші кѣстї, — усѣке сѣрце одъ ёго спїву стрепенѣлося.

Квїтка первїй зрозумѣвъ поэзїю нашихъ пароднихъ звичаївъ, яко семѣ благої, правѣдно людської. Шевченко намъ явивъ поэзїю нашої жїзнї пароднїе. Квїтка здивувавъ насъ усїхъ, показавши велїку героїчно дѣшу въ тїхому, смїрному образі пахарецькому, въ сїлькѣмѣ життї прѣстому. Шевченко давъ намъ збагнѣти її глибиннѣ таємнїчу: вїззавъ вінъ передъ наші очї забѣту давнїнѣ українську, и побачили ми, що ся душа смїрѣнна не днїми, не годѣми, а цїлими вїками, въ бїдахъ и напѣстяхъ пробувала, та й не зникѣмнїла, не зпїтилася, нечестївїй волї слугѣю не вчинїлася, а глибоко самѣ въ себѣ входила и, поцѣро середъ лукавихъ людѣй стѣючи, своєї порї, своєї дѣлі мѣвчки ви-

глядала. Отъ же, якъ осіяла Квітку, зъ ёго простодушними творами, огнѣнная поезія Шевченкова, тоді розумно стало намъ, що Наумъ Дрогъ — той же Кішка Самійло народній, бо відержавъ вінъ пробу не меншу одъ Самійлової, живучи дома на чужині, и, вікъ за вікомъ бідуючи, не погнувся, не знизився духомъ твердимъ и високимъ.

Шевченко — нашъ поетъ и первий историкъ. Шевченко перше всіхъ запитавъ наші німі могили, що вони такѣ, и одному тільки ёму дали вони ясну, якъ Божѣ слово, одповідь. Шевченко перше всіхъ додумався, чимъ наша старосвіщина славна и за що проклянуть її грядущі роди. Такъ, якъ ёму самому пісня народня дала тонъ до високої рѣчи, такъ и вінъ давъ намъ усімъ праведний тонъ, якъ намъ своё слово стріити. Високо надъ нами піднявъ Шевченко поетичне світло своё — и стало видно по всій Україні, куди зъ насъ коженъ мусить простувати. При сёму світлі всякому стало розумно, який справді славетний та величний у своїй простоті той сільскій миръ, съ которого Квітка вибравъ свою Марусю зъ її семьею поетичною. При сёму світлі всяке побачило, що наші звичаї народні — та жъ сама исторія народнего духу нашого, що й народня пісня, що й народня дума, тільки не всякому, а височому, поетичному погляду одкривається їхъ краса и повага. Всяке розумне зрозуміло, що намъ у своїй словесності ні-за-кимъ слідомъ іти, якъ тільки за своїмъ гениємъ народнімъ, котрий мовчить у нашихъ панських та черпечихъ літписяхъ, нішкомъ живе въ звичаяхъ и голосно говорить тільки въ народній думі та пісні.

Бувъ на світі Кописький — и своєю *Исторією Руссовъ*, мовъ якою зависою малюваною, закривъ одъ насъ старосвіщину, ажъ поки Шевченко не розідравъ, не роспаніхавъ тій зависі. Прийшовъ слідомъ за нимъ Котлярѣвський — и своєю *Енеїдою* зробивъ зъ нашої простої жінзи зъ її звичаями розумними мовби якийся смітникъ за панськимъ задвіркомъ. Одвернулись одъ того смітника обидва наші поети и появили іншихъ Українцівъ зъ Українками въ *Марусі*, въ *Сердешній Оксані*, въ *Козирь-Дівці*, въ *Катерині*, *Наймциці* и въ іншихъ праведнихъ утворахъ поетичнихъ.

Квітка первий довівъ Українцівъ до слізъ мовою українською, и тимъ намъ показавъ, що ми ще не звелись ні на що: есть

бо въ насъ щó росказати по-своёму, есть надъ чимъ заплáкати. И великого, ма́бутъ, стоїть наро́дъ нашъ прóстий у своїхъ домогáннихъ свитiнахъ, коли, ввійшовши въ ёго сёмью, найрозумнiйший, найучёнiй зъ насъ мае собi ту сёмью за свою рiдну, — самiй могúчий и прослáвлений зъ насъ, самiй висóкий и чiстий дúхомъ не одцуравеь би Марúсю рiдною сестрою звати, и ii мáтирь — рiдною мáтирью, и ii бáтька — рiднимъ бáтькомъ. От-такимъ-то лóдомъ убóгимъ и смiрiннимъ Квiтка нашъ передъ усiмъ свiтомъ похвалiвся: чи е мовъ такiй дрúгий на всёмú свi-тi великому?

Скúпились ми коло Квiтки, скiлько насъ було тодi одни вiри, одного рóзуму. Мáло було насъ, бо iншихъ невiрна городяньска наўка зливечила, а тихъ нúжда до землi прихлiла; а все якъ почúли ми глiбоко въ сёрцi, що ми — ми, и справивъ се велике дiло Квiтка. Шевчénко заставъ насъ ужé готовими слúхами ёго дúми смутнiй, и до невеличкої громади нашої почáвъ землякiвъ зо всёго свiту склякати.

Озвáлись до кобзаря зъ рiднимъ вiтáннямъ на Кавкáзи, на Сибiри, за Бендэрами, за Слúччю ii за Дунаёмъ. Щó тiлько живе було зъ украинського рóду по всёмú свiтовi, все стрепенúлося, нашорóшило úши и въ сёрце прийняло благовiстувáння своєї народности. Шевчénко ставъ мовъ би висóкимъ коро́вómъ середъ роспорóшеного на тiсячахъ миль нашого лóду, и съ того чáсу веi въ насъ подiлились на живiхъ и на мёртвихъ, та ii довго ще дiлитимутця. Слово ёго животворяще стáлось ядрómъ но́вої сiли, про котóру не думали ii не гадáли за Котлярéвскаго найрозумнiйши зъ нашихъ землякiвъ, а та но́ва сiла — народнiсть. Вона насъ рóдичами помiжъ собою поробiла, у брáтню сёмью зъедиочила и наше украинське суть на вiки вiчнi утвердiла. Шевчénко чiстимъ подвигómъ словеснимъ докiнчáвъ дiло, за котóre гетьманi наши нечiстимъ сёрцемъ брáлися. Шевчénко, воздвiгши изъ упа́дку голоснú мóву украинську, назнаменáвъ ширóкi грянiнци нашому дúху народпёму. Тепёръ ужé не мечёмъ наше народне прáво на вражихъ твердiняхъ зарúбане, не шпáргáлами и печáтьми супротiвъ лукáвства людського ствёржене: у тiсячахъ вiрнихъ душъ украинськихъ воно на самому днi заховане и тiсячолiтними спóмниками запечáтане.

Слово, не щó iнше, якъ рiдне слово, верну́ло намъ повáгу

міжъ народами и нову підвалину підъ нашу жизнь историчню підкинуло. Взявъ бо Шевченко свою чудотворню річъ не зъ гордівъ великихъ, не зъ академіи самопрославленихъ, не зміжъ товаріства блискучого и всевлáднёго: все те минувъ вінъ, занебавъ и покинувъ, тільки хуторська й сільська мова ёму до ёго великого діла здалася; тільки по сéлахъ, по прѣстихъ хатахъ шукавъ вінъ для своїхъ поэмъ людéй духомъ великихъ, серцемъ чистихъ, поважнихъ, високихъ. Черезъ сихъ-то людéй, черезъ їхъ дѹши поэтичні, праведні, вся тайная въ старосвіщині нашіій ёму відкрилася; сі-то люде, забуті исторією панською, надалі ёму сіли дрéвні могіли розкривати и по скривáвленій землі, якъ по пергаментахъ, правду святѹ вичитувати. Ихъ самостáйнимъ духомъ вірісь вінъ до тихъ творівъ високихъ, що безъ друкарні по всёмѹ світу шірятця, що на всіхъ щірихъ серцяхъ українськихъ огнєвними словами надрукóвані. Вони дали ёму крила піднятись надъ землею якимсь óбразомъ не-сєговітнімъ, величнимъ и зъ вишшині всі людські дѹши оглядіти и оплákати. Вони—наша исторія живая, наші голосні литóписі—поставили передъ ёго очима й Прометєя, въ котóрого криваве серце щогодини вмірає и щогодини оживає. Ихъ нескілченно живі дѹши навчили ёго говорити и до мєртвихъ, и до неварождєнихъ.

Провівши нашу исторію черезъ прѣстий, здоровий рóзумъ народній, вінъ давъ їй новий óбразъ, — не той, що въ Коніського; а провівши нашъ народъ по ёго исторіі, не тимъ вінъ намъ ёго явивъ, що въ Котлярєвського. Очи́стивъ вінъ исторію одъ усякої омáни правдівимъ и високимъ духомъ народнімъ, и спóминками старосвітськими передъ розумними людми вповаживъ. Съ того часу нову жизнь почала Україна, и хто брався до рóботи громадської не сплнѹючи, той добре знавъ, зъ яко́го бóку вхопитись и куди простувати. Широ́кимъ хóдомъ пішло наше народне діло — не казавъ би то во імя всіхъ земляківъ, во імя всіхъ вірнихъ душъ українськихъ. Підъ корогвómъ Шевченковимъ ми ніби вернѹлись до домівки святої—съ чужої чужоземщини, и рідна словєсность сталась для насъ слѹжбою Господу правди. Після ёго величїєй, святої рєчи, Котлярєвщина зневагою святині нашої здалася, и благєнькі вірши нашихъ нуєтоцвїтківъ тільки той лепєтавъ, мовъ дитїна, комѹ не страшно дрібній свїй гóмїнь підімáти середъ народнєй молїтви. Замо́вкла була наша

словесність на якійся часть, прислухаючись до поважного благовістнування поезії Тарасової, и благодатна була тіша, середь которої поетъ дававъ намъ нові закони слова українського. Не мале творивъ вінъ діло тимъ благовістнуваннямъ: вінъ иззивавъ забутихъ у рідну сѣмтю, міжъ ті люде, которихъ ми праведно людми величаємо. Слово було пробою забутимъ, чи достойні вони такого товариства, чи воскреснуть изъ свого сну, которимъ вони мусили спати десятки и сотні роківъ. Слово було їхъ правомъ віковичнимъ на володіння тимъ, чого, мовлявъ, ніхто не добѣе и не розруйнує. Словомъ скріплївсь новий союзъ братерський, нова сѣмтя українська....

Ото жъ Шевченкове діло! ото місто Тарасове въ нашії народності. Поставивши собі за найвісчий взіръ творчества велику душу народню, назпаменававъ вінъ нашимъ письменнимъ людамъ дорόгу прόсту, ні въ кого не питаю. Теперъ ужé тільки той у насъ бѣде робітникъ не шкѣмний, хто йтїме впередъ великої народної громади, знаючи її нїжду дѣховну, маючи її смакъ чїстий, дївлячись її поглядомъ праведнимъ. Тимъ-то не хто, якъ хуторяне та селяне, знають и чѣють душею, чого стоївъ Шевченко. Вінъ їхъ вивївъ, наче Израїля, изъ кнїжкїї неволї, въ котору були городяне взяли всякий рόзумъ письменний; вінъ скїнувъ зъ нихъ гѣньбу всевітню, що вони люде — ні до чого; вінъ возвеличивъ їхъ образъ дѣховний и вїставивъ єго на взіръ передъ цивілізованимъ мїромъ: двїтєсь, зѣмлі и панствѣ просвїщенні: тїсячу рόківъ сеї людъ убогий себе памятає, и тїсячу рόківъ, у своїй темнотї и недостѣткахъ, тільки мѣжу громадському вінъ корївся; хто зъ єго вгору вибивався и панською пихою одъ людѣй одрїзнявся, вінъ єму не клѣнявся; вінъ єго, мовъ порчену кровъ, извергавъ изъ себе; вінъ тільки громаду величавъ «великимъ чоловікомъ». Се возвїстївъ я людамъ симъ прόстимъ и вбогимъ слово велике, праведне, во віки и віки непохїбне, и вони єго зрозумїли, гарячими слїзми своїми єго скропили-освятили, и слово моє станетця въ нихъ сїлою неоторїмою. Не збавить єму сїли нїяка сїла земная, и, поки свїту сонця, поти вопію не забѣдетця. Пійдуть колїсь въ непамять славі діла и триумфи великихъ городянь, що зъ високої високости на васъ, мої сиротїята, позирѣють, а вашъ образъ дѣховний черезъ моє слово ніколи не забѣдетця. Сотворївъ я вамъ словомъ своїмъ

вічную пам'ять, а саміхъ васъ учинивъ собі самому вічною пам'яттю міждо живими.

Такъ промовляє сумній душі нашої душа Тарасова. Їго смерть якъсь нову, свіжую силу надала єго поезіі, и въ насъ по хуторахъ и селахъ почали її заново читати. Усяке слово єго теперъ якимся новимъ світомъ сяє, и дивомъ намъ здається, що такий поетъ недавнічко ще живъ міжъ нами. Невелика книжка зъ єго писання вийде, а про ту книжку можна въ-десятеро більшу написати. Нехай же сю працю візьмуть на себе люде дотепніші, а зъ насъ буде й того, що ми, якъ думами, якъ серцемъ чули, такъ про Тараса попросту й написали. Слава тобі, Тарасе, поки на Україні хочъ одне дівчя рідну пісню співатиме, поки хочъ одна мати по-своєму дитину голубитиме, поки хочъ одинъ батько не чужимъ словомъ про давні могили сину говоритиме!

Х у т о р я н и н ь .

ДВѢ РУССКІЯ НАРОДНОСТИ.

(Письмо къ редактору.)

Явленіе *Основы* возбуждаетъ вопросъ, который, какъ кажется, долженъ быть однимъ изъ важнѣйшихъ, какіе подлежатъ разрѣшенію при современныхъ условіяхъ. Ваша *Основа* поднимаетъ знамя *русской* народности, но отличной отъ той русской, какой многими исключительно приведено это названіе. О ея существованіи не можетъ быть сомнѣнія, коль скоро она сама о себѣ заявляетъ. Итакъ тѣ, которые говорили: русская народность, и понимали подъ нею что-то единственное, самосущее, ошибались; они должны были говорить: русскія народности. Оказывается, что русская народность не едина; ихъ двѣ, а кто знаетъ, можетъ быть ихъ откроется и болѣе, и тѣмъ не менѣе онѣ — русскія.

Мы какъ будто возвращаемся вспять: выплываютъ наружу погребенные элементы давно-прошедшихъ временъ, когда слово *Русь* имѣло обширное и тѣсное значеніе, когда Русскій міръ составлялъ цѣль самобытныхъ, но внутренне связанныхъ частей; внутренняя жизнь разрываетъ внѣшнюю кору; тождество оказывается призрачнымъ. Кромѣ господствующей во внѣшнемъ мірѣ русской народности, является теперь другая, съ притязаніями на равныя гражданскія права въ области слова и мысли.

Въ чемъ же ихъ отличіе и въ чемъ ихъ сходство? Что даетъ поводы признавать не одну Русскую народность, и что побуждаетъ считать ихъ равно русскими?

Внѣшнія отличія найти не трудно. Стоить поставить изображенія Великороссіянина и Южнорусса рядомъ въ ихъ костюмѣ, съ ихъ поустыною, съ ихъ наружнымъ видомъ; потомъ описать образъ домашней жизни того и другого, ихъ домашнія обычаи, обряды, приемы хозяйства, нако-

нецъ изложить сущность ихъ нарѣчія. Но все это будетъ выраженіемъ того, что скрывается въ глубинѣ души; послѣднее служить источникомъ являемаго внѣшнимъ міромъ. Вотъ эту-то духовную сущность надобно намъ разъяснить и опредѣлить, ибо только она можетъ показать, чего слѣдуетъ намъ надѣяться отъ литературнаго развитія той русской народности, которая теперь вступаетъ въ права свои.

Безъ всякаго сомнѣнія, географическое положеніе было первымъ поводомъ различія народностей вообще. Чѣмъ народъ стоитъ на болѣе дѣтской степеніи цивилизаціи, тѣмъ болѣе и скорѣе географическія условія способствуютъ сообщенію ему своеобразнаго типа. Не имѣя твердыхъ началъ, народы легко измѣняются, переходятъ съ одного мѣста на другое, ибо запасъ воспитанія, полученнаго на прежнихъ жилищахъ, слишкомъ скуденъ, и развиваясь на новосельѣ, они принимаютъ и усваиваютъ легко новыя условія, какія сообщаются имъ характеромъ мѣстности и степеніемъ обстоятельствъ. Борьба можетъ быть тѣмъ незначительнѣе, чѣмъ менѣе въ народѣ того, на что можно опереться. Но тѣ, которые на прежней родинѣ успѣли получить что нибудь такое, что удовлетворяло ихъ, сознавалось полезнымъ или священнымъ, тѣ, и перемѣняя отечество, переносятъ въ него старыя зачатки и они для нихъ становятся точками опоры, когда условія новаго отечества начнутъ побуждать ихъ къ самоизмѣненію. Понятно, что Англичанинъ, переселившійся близко къ тропикамъ, долго будетъ сохранять свою цивилизацію, свои привычки и понятія, пріобрѣтенныя воспитаніемъ на своемъ сѣверномъ островѣ. Напротивъ, если бы перевести толпу американскихъ Индійцевъ въ Россію, то, при сообщеніи съ Русскими, они бы усвоили образъ господствующей туземной народности; если же бы оставить ихъ изолированными отъ сближенія съ сѣвальною образованностію, они, въ ближайшихъ поколѣніяхъ, измѣнились бы сообразно климату, почвѣ и мѣстности, и образовали бы сами изъ себя совершенно иную народность, въ которой только слабыми чертами отзывалось бы то, что напоминало ихъ прежнюю отдаленную родину. Въ глубокой древности, во времена юности народовъ, переходы ихъ изъ края въ край порождали всеобразные типы и образовали народности.

Но народы не измѣнялись и ихъ народности не формировались отъ однихъ переходовъ и вообще отъ географическихъ условій. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствовали жизненныя историческія обстоятельства. Переходя съ мѣста на мѣсто, они не оставались изолированными, но находились въ сношеніяхъ или въ столкновеніяхъ съ другими народами; отъ взаимнаго

твенія завсѣло ихъ развитіе и образованіе жизненныхъ формъ. Другіе подвергались измѣненіямъ, не перемѣняя жительства, отъ наплыва или вліянія сосѣдей и пришельцевъ; наконецъ, такіе или иные повороты ихъ общественнаго быта отпечатывались на народномъ существѣ и кладахъ, на будущія времена, особыя примѣты, не сходныя съ прежними, и такимъ образомъ мало по малу народъ въ теченіи временъ измѣнялся и становился уже не тотъ, чѣмъ былъ некогда. Все это составляетъ то, что можно однимъ словомъ назвать историческими обстоятельствами. Здѣсь болѣшая или меньшая степень развитости цивилизаціи способствуетъ скорѣйшему или медленному дѣйствию вліянія измѣняющихъ началъ. Все здѣсь происходитъ по тому же закону, какъ и тогда, когда измѣненія производятся географическими условіями. Народъ образованный крѣпче стоитъ за свое прежнее, упорнѣе хранитъ свои обычаи и память предковъ. Завоеванная Римомъ Греція покоряетъ потомъ Римъ своею образованностию, тогда какъ завоеванная тѣмъ же Римомъ Галлія теряетъ свой языкъ и народность, уступая болѣе образованнымъ и сильнымъ завоевателямъ. Встрѣча съ народомъ слабѣйшимъ укрѣпляетъ народность сильнѣйшаго, какъ встрѣча съ сильнѣйшимъ ослабляетъ.

Образованіе народности можетъ совершаться въ разныя эпохи человеческого развитія, — только это образованіе идетъ легче въ дѣтствѣ, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ духовной жизни человечества. Измѣненіе народности можетъ возникнуть отъ противоположныхъ причинъ: отъ потребности дальнѣйшей цивилизаціи и отъ оскуднѣнія прежней и паденія ея, отъ свѣжей, живой молодости народа и отъ дряхлой старости его. Съ другой стороны, почти такое же упорство народности можетъ истекать и отъ развитія цивилизаціи, когда народъ выработалъ въ своей жизни много такого, что ведетъ его къ дальнѣйшему духовному труду въ той же сферѣ; когда у него въ запасѣ много интересовъ для созиданія изъ нихъ новыхъ явленій образованности, и отъ недостатка виѣшнихъ побужденій къ дальнѣйшей обработкѣ запасенныхъ матеріаловъ образованности; когда народъ довольствуется усгашованнымъ строемъ и не подвигается далѣе. Последнее мы видимъ на тѣхъ народахъ, которые приходятъ въ столкновеніе съ такими, у которыхъ силы болѣе, чѣмъ обыкновенно: верхніе слои у этихъ народовъ усваиваютъ себѣ народность чужую, народность господствующую надъ ними, а масса остается съ прежнею народностию, потому что подавленное состояніе ея не дозволяетъ ни собраться побужденіями къ развитію тѣхъ началъ, какія у ней остались отъ прежняго времени, ни усваивать чуждую народность велѣдъ за верхними слоями.

Литература есть душа народной жизни, — есть самосознание народности. Безъ литературы послѣдняя — только страдательное явленіе, и потому чѣмъ богаче, чѣмъ удовлетворительнѣе у народа литература, тѣмъ прочтѣе его народность, тѣмъ болѣе ручательствъ, что оиъ упорнѣе охранитъ себя противъ враждебныхъ обстоятельствъ исторической жизни, тѣмъ самая сущность народности является осязательнѣе, яснѣе.

Въ чемъ же состоитъ эта сущность вообще? Выше мы сказали, что явленія внѣшней жизни, составляющія сумму отличій одной народности отъ другой, суть только наружные признаки, посредствомъ которыхъ выражаетъ себя то, что скрывается на днѣ души народной. Духовный составъ, степенъ чувствва, его пріемы или складъ ума, направленіе воли, взглядъ на жизнь духовную и общественную, все, что образуетъ нравъ и характеръ народа, — это сокровенныя внутреннія причины, его особенности, сообщающія дыханіе жизни и цѣлостность его тѣлу. Все, что входитъ въ кругъ этого духовнаго народнаго состава, не высказываетъ по одиначкѣ, отдѣльно одно отъ другаго, но вмѣстѣ, нераздѣльно, взаимно поддерживая одно другое, взаимно дополняя себя, и потому все вполне составляетъ единый стройный образъ народности.

Приложимъ эти общія черты къ нашему вопросу о различіи нашихъ русскихъ народностей.

Начало этого отличія теряется въ глубокой древности, какъ и вообще распадѣніе Славянскаго племени на отдѣльные народы. Съ тѣхъ поръ, какъ о Славянахъ явились извѣстія у греческихъ писателей, они уже были раздѣлены и стали извѣстны то подъ большими отдѣлами, то въ разнообразіи малыхъ вѣтвей, изъ которыхъ многія не знаешь куда пріютить. Такъ, по Прокосію, Славянское племя представляется раздѣленнымъ на двѣ большія вѣтви: Антовъ и Славовъ; по Юрнанду — на три: Славовъ, Антовъ и Венедовъ. Безъ сомнѣнія, каждая изъ большихъ вѣтвей дробилась на меньшія. Извѣстія Прокосія и Маврикія о томъ, что Славяне вели между собою безпрестанныя войны и жили разсѣянными группами, указываетъ на существованіе дробленія народныхъ отдѣловъ; ибо гдѣ вражда между группами народа, тамъ неизбѣжно черезъ то самое образуются этнографическія особенности и отличія. У Константина Порфиророднаго исчисляются уже разныя мелкія вѣтви Славянъ. У нашего первоначальнаго лѣтописца отдѣлъ собственно Русскихъ Славянъ изображается раздробленнымъ на нѣсколько вѣтвей, каждая съ отличіями отъ другой, со своими обычаями и нравами. Безъ сомнѣнія, между одними изъ нихъ болѣе взаимнаго сродства, чѣмъ между другими, и такимъ образомъ нѣ-

сколько этнографическихъ вѣтвей начали, въ болѣе обобщенномъ образѣ своихъ признаковъ, представлять одну народность, также какъ и всѣ вмѣстѣ русско-славянскія народности одну общую, Русскую, въ отношеніи другихъ славянскихъ племенъ на югѣ. Но есть ли въ древности слѣды существованія южно-русской народности, было ли внѣшнее соединеніе славянскихъ народовъ югозападнаго пространства нынѣшней Россіи въ такомъ видѣ, чтобъ они представляли одну этнографическую группу? Прямо объ этомъ въ лѣтописи не говорится; въ этомъ отношеніи счастливѣе Бѣлорусская народность, которая, подъ древнимъ именемъ Кривичей, обозначается ясно на томъ пространствѣ, которое она занимала впоследствии и занимаетъ въ настоящее время со своимъ раздѣломъ на двѣ половины: западную и восточную. На югѣ, въ древности, упоминаются только народы, и нѣтъ для нихъ общаго сознательно-одинакаго для всѣхъ названія. Но чего не договариваетъ лѣтописецъ въ своемъ этнографическомъ очеркѣ, то дополняется самой исторіей и аналогіей древняго этнографическаго развѣтвленія съ существующимъ въ настоящее время. Самое наглядное доказательство глубокой древности южнорусской народности, какъ одного изъ типовъ Славянскаго міра, слагающаго въ себѣ подраздѣлительные признаки частныхъ, — это поразительное сходство южнаго нарѣчія съ новгородскимъ, котораго нельзя не замѣтить и теперь, по совершеніи многихъ переворотовъ, способствовавшихъ къ тому, чтобы стереть и измѣнить его. Нельзя этого объяснить ни случайностью, ни присутствіемъ многихъ разлѣченныхъ чертъ южнорусскаго нарѣчія въ великорусскихъ областныхъ нарѣчіяхъ; если одинъ признакъ встрѣчается въ томъ или въ другомъ мѣстѣ и не можетъ служить самъ по себѣ доказательствомъ древняго сродства однихъ предпочтительно предъ другими, то собраніе множества признаковъ, составляющихъ характеръ южнаго нарѣчія, въ новгородскомъ, несомнѣнно указываетъ, что между древними Пльменскими Славянами и Южноруссами было гораздо болѣе сродство, чѣмъ между Южноруссами и другими славянскими племенами русскаго материка. Въ древности это сродство было нагляднѣе и оощутительнѣе. Оно прорывается и въ Новгородскихъ лѣтописяхъ и въ древнихъ письменныхъ памятникахъ. Это сродство не могло возникнуть иначе, какъ только въ глубокой древности, ибо эти отдаленные, перехваченные другими народностями, края, не имѣли такого живого народнаго сообщенія между собою, при которомъ бы могли перейти съ одного на другое сходные этнографическіе признаки. Только въ незапамятныхъ доисторическихъ временахъ скрывается его на-

чало и источникъ. Оно указываетъ, что часть южнорусскаго племени, оторванная силою неизвѣстныхъ намъ теперь обстоятельствъ, удалась на сѣверъ и тамъ водворилась со своимъ нарѣчьемъ и съ зачатками своей общественной жизни, выработанными еще на прежней родинѣ. Это сходство южнаго нарѣчья съ сѣвернымъ, по моему разумѣнію, представляетъ самое несомнѣнное доказательство древности и нарѣчья и народности Южной Руси. Разумѣется, было бы неосновательно воображать, что образъ, въ какомъ южнорусская народность съ ея признаками была въ древности, тотъ самый, въ какомъ мы ее встрѣчаемъ въ послѣдующія времена. Историческія обстоятельства не давали народу стоять на одномъ мѣстѣ и сохранять неизмѣнно одно положеніе, одну постать. Если мы, относясь къ древности, говоримъ о южнорусской народности, то разумѣемъ ее въ томъ видѣ, который былъ первообразомъ настоящаго, заключалъ въ себѣ главныя черты, составляющія неизмѣнные признаки, сущность, народнаго типа, общаго для всѣхъ временъ, способнаго упорно выстоять и отстоять себя противъ всѣхъ напоровъ враждебно-разрушительныхъ причинъ, а не тѣ измѣненія, которыя этотъ типъ то усваивалъ въ теченіи времени и перерабатывалъ подъ вліяніемъ главныхъ своихъ началъ, то принималъ случайно и терялъ, какъ временно наплывшее и несвойственное его природѣ.

Обращаясь къ Русской исторіи, можно прослѣдить, какъ не досказанное лѣтописцемъ въ его этнографическомъ очеркѣ о Южной Руси, само собою высказало себя въ цѣли обстоятельствъ, образовавшихъ историческую судьбу южно-русскаго народа. Если первоначальный этнографъ, нечисляя своихъ Полянъ, Древлянъ, Улучей, Вольшлянъ, Хорватовъ, не далъ имъ всѣмъ одного названія, отдѣльнаго отъ другихъ Славянъ русскаго материка, то имъ его дала вскорѣ исторія. Это названіе — Русь, названіе первоначально Порусско-варяжской горети, поселившейся среди одной изъ вѣтвей южно-русскаго народа и поглощенной ею вскорѣ. Уже въ XI вѣкѣ названіе это распространилось на Волынь и на нынѣшнюю Галицію, тогда какъ не переходило еще ни на Сѣверовостокъ, ни къ Кривичамъ, ни къ Новгородцамъ. Уже ослѣпленный Василько, исповѣдуясь въ своихъ намѣреніяхъ присланному къ нему Василю, говоритъ о планѣ мстить Ляхамъ за землю *русскую* и разрушить не Кіевъ, но ту страну, которая впоследствии усвоила себѣ названіе Червонной Руси. Въ XII вѣкѣ, въ Землѣ Ростовско-Суздальской, подъ Русью разумѣли вообще югозападъ нынѣшней Россіи въ собирательномъ смыслѣ. Это названіе, отличное отъ другихъ Славянскихъ частей, сдѣлалось этнографическимъ

названіемъ южно-русскаго народа; мелкія подраздѣленія, которыя исчислилъ лѣтописецъ въ своемъ введеніи, исчезли или отошли на третій планъ, въ тѣнь; онѣ были, какъ видно, не очень значительны, когда образовалось между ними соединеніе и выплыли наружу одни общіе, единые для нихъ признаки. Названіе Руси за нынѣшнимъ южно-русскимъ народомъ перешло и къ иностранцамъ, и все стали называть Русью не всю федерацію Славянскихъ племенъ материка нынѣшней Россіи, сложившуюся съ прибытія Варяговъ-Руси подъ верховнымъ первенствомъ Кіева и не исчезнувшую, въ духовномъ сознаніи, даже и при самыхъ враждебныхъ обстоятельствахъ, поколебавшихъ ея вышнюю связь, а собственно югозападъ Россіи, населенный тѣмъ отдѣломъ Славянскаго племени, за которымъ теперь усвоивается названіе Южно-русскаго или Малороссійскаго. Это названіе такъ перешло съ послѣдующихъ временъ. Когда толчекъ, данный вторичнымъ вливаніемъ Литовскаго племени въ судьбу Славянскихъ народовъ всей западной части русскаго материка, соединилъ ихъ въ одно политическое тѣло и сообщилъ имъ новое соединительное прозвище—Литва, это прозвище стало достояніемъ бѣлорусскаго края и бѣлорусской народности, а южно-русская осталась съ своимъ древнимъ привычнымъ названіемъ Руси.

Въ XV вѣкѣ различались на материкѣ нынѣшней Россіи четыре отдѣла восточно-славянскаго міра: Новгородъ, Московія, Литва и Русь; въ XVI и XVII, когда Новгородъ былъ стертъ, — Московія, Литва и Русь. На востокъ имя Руси принималось какъ принадлежность къ одной общей славянской семьѣ, развѣтвленной и раздробленной на части, на югозападѣ это было имя вѣтви этой семьи. Суздалецъ, Москвичъ, Смоленинъ — были русскіе по тѣмъ признакамъ, которые служили органами ихъ соединительности вмѣстѣ: по происхожденію, по вѣрѣ, по книжному языку и соединенной съ нимъ образованности; Кіевлянинъ, Вольшанъ, Червонорусъ — были Русскіе по своей мѣстности, по особенностямъ своего народнаго, общественнаго и домашняго, быта, по правамъ и обычаямъ; каждый былъ русскимъ въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ восточный Славянинъ былъ не русскій, но тверитянинъ, суздалецъ, москвичъ. Такъ какъ слитіе земель было дѣло общее, то древнее названіе, употребительное въ старину для обозначенія всей федераціи, сдѣлалось народнымъ и для Восточной Руси, коль скоро общія начала поглотили развитіе частныхъ: съ именемъ Руси для нихъ издревле соединялось общее, сравнивающее, соединительное. Когда изъ разныхъ земель составилось Московское государство, это государство легко назвалось Русскимъ, и народъ, его составлявшій, усвоилъ знакомое

прежде ему названіе и отъ признаковъ общихъ перенесъ его на болѣе мѣстные и частныя признаки. Имя Русскаго сдѣлалось и для сѣвера и для востока тѣмъ же, чѣмъ съ давнихъ лѣтъ оставалось какъ исключительное достояніе югозападнаго народа. Тогда послѣдній остался какъ бы безъ названія; его мѣстное частное имя, употреблявшееся другимъ народомъ только какъ общее, сдѣлалось для послѣдняго тѣмъ, чѣмъ прежде было для перваго. У южнорусскаго народа какъ будто было похищено его прозвище. Роль должна была переѣниться въ обратномъ видѣ. Такъ какъ въ старину Сѣверовосточная Русь называлась Русью только въ общемъ значеніи, въ своемъ же частномъ имѣла собствєнные наименованія, такъ теперь южнорусскій народъ могъ назваться русскимъ въ общемъ смыслѣ, но въ частномъ, своенародномъ, долженъ былъ найти себѣ другое названіе. На западѣ, въ Червонной Руси, гдѣ онъ сталъ въ сопротивленіе съ чуждыми народностями, естественно было удержать ему древнее названіе въ частномъ значеніи, и такъ Галицкій Червоноруссъ остался Русскимъ, Русиномъ, ибо имѣлъ столкновеніе съ Поляками, Нѣмцами, Уграми; въ его частной народности ярче всего высказывались черты, составлявшія признаки общей русской народности, являлась принадлежность его къ общему русскому міру, черты такія, какъ вѣра, книжный богослужебный языкъ и исторія, напомилавшая ему о древней связи съ общерусскимъ міромъ. Все это предохраняло его отъ усилій чуженародныхъ элементовъ, грозившихъ и грозившихъ стереть его. Но тамъ, гдѣ та же народность столкнулась съ сѣверно и восточно-русскою, тамъ названіе Русскаго, по отношенію къ частности, не имѣло смысла, ибо Южноруссу не предостояло охранять тѣхъ общихъ признаковъ своего бытія, которые не разнили, а соединяли его съ народомъ, увековившимъ имя русское. Тутъ названіе Русскаго необходимо должно быть замѣнено такимъ, которое бы означало признаки различія отъ Восточной Руси, а не сходства съ нею. Этѣхъ народныхъ названій являлось много, и, правду сказать, ни одного не было вполне удовлетворительнаго, можетъ быть потому, что сознаніе своенародности не вполне выработалось. Въ XVII вѣкѣ являлись названія: *Украина*, *Малороссія*, *Гетманщина*, — названія эти невольно сдѣлались теперь архаизмами, ибо нито, ни другое, ни третіе не обнимало сферы всего народа, а означало только мѣстныя и временныя явленія его исторіи. Выдуманное въ послѣднее время названіе *Южноруссовъ* остается пока книжнымъ, если не навсегда останется такимъ, потому-что, даже по своему сложному виду, какъ-то неусловительно для обыденной народной рѣчи, не слишкомъ любящей сложныя назва-

нія, на которыхъ всегда почти лежитъ отпечатокъ задуманности и, отчасти, ученой вычурности. Мимоходомъ замѣчу, что изъ всѣхъ названій, какія были выдумываемы для нашего народа, чтобъ отличить его отъ великорусскаго, болѣе всѣхъ какъ-то приняло полное значеніе названіе *Хохла*, не по своей этимологіи, а по привычкѣ, съ какою усвоили его Великоруссы. По крайней мѣрѣ, сказавши *Хохолъ*, Великоруссъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ дѣйствительно народный типъ. Хохолъ для Великорусса есть человѣкъ говорящій извѣстнымъ нарѣчіемъ, имѣющій извѣстные приемы домашней жизни и нравовъ, своеобразную народную физиономію. Странно было бы думать о возможности принятія этого насмѣшливаго прозвища за серьезное названіе народа, — все равно, какъ еслибы Англичанинъ прозвище Джона-Буля сдѣлалъ серьезнымъ именемъ своего племени. Но изъ всѣхъ существовавшихъ прозвищъ и названій, это едва ли не болѣе другихъ усвоилось въ смыслѣ народной особенности. Не только Великоруссы называютъ Южноруссовъ Хохлами, но и сами послѣдніе не рѣдко употребляютъ это названіе, не подозрѣвая уже въ немъ ничего насмѣшливаго; впрочемъ, это только въ восточномъ краѣ пространства, заселеннаго Южноруссами. Неусвоиваемость его всѣмъ южнорусскимъ народомъ, не менѣе его насмѣшливаго происхожденія, не дозволяетъ искать въ немъ приличнаго названія для народа.

Но я отклонился нѣсколько отъ своей цѣли. Дѣло въ томъ, что названіе Руси укрѣпилось издревле за южнорусскимъ народомъ. Названіе не возникаетъ безъ факта. Нельзя навязать народу ни съ того, ни съ сего какое-нибудь имя. Это могло придти въ голову только такимъ мудрецамъ, противъ которыхъ мы недавно писали⁽¹⁾ и которые намъ сообщили прекуръзную новость, какъ Екатерина II, высочайшимъ повелѣніемъ, даровала Московскому народу имя Русскаго и запретила ему употреблять древнее свое имя—Московитяне. Въмѣстѣ съ названіемъ развивалась и самобытная петорія жизни южнорусскаго народа. Извѣстно, въ какое непріятное положеніе поставляютъ насъ старыя наши лѣтописцы, коль-скоро мы захотимъ изслѣдовать судьбу старой народной жизни: насъ угощаютъ досыта княжескими междуособіями, извѣстіями о построеніи церквей, со щепетильною точностію сообщаютъ о дняхъ, даже о часахъ кончины князей и епископовъ, но какъ постучишься къ нимъ въ двери сокровищницы народной жизни—тутъ они пѣмы и глухи; и заброшены давно въ море забвенія ключи отъ этихъ завѣтныхъ дверей. Слабыя, неясныя

(1) См. февральскую книжку «Основы».

тѣни остались отъ далекаго прошедшаго. Но и этихъ тѣней пока достаточно, чтобъ видѣть, какъ рано Южная Русь пошла инымъ, своеобразнымъ путемъ возрастать отлично отъ Сѣвера. Однѣ и тѣ же общія начала на Югѣ устанавливались, утверждались, видоизмѣнялись инымъ образомъ, чѣмъ на сѣверѣ. До половины XII вѣка сѣверъ, а еще болѣе — сѣверовостокъ, намъ мало извѣстны. Лѣтописныя сказанія тѣхъ временъ вращаются только на Югѣ; новгородскія лѣтописи представляютъ какъ-будто какое-то оглавленіе утраченнаго лѣтописнаго повѣствованія; такъ коротки и отрывочны мѣстныя извѣстія, въ нихъ сохранившіяся, и признаюся какъ-то странно слышать проповѣдываемыя нѣкоторыми почтенными изслѣдователями и усвоенныя учителями въ школахъ глубокомысленныя наблюденія надъ развитіемъ новгородскихъ общественныхъ началъ соразмѣрно переворотамъ и движеніямъ удѣльнаго русскаго міра, — когда на самомъ дѣлѣ тутъ можно судить только о развитіи новгородскихъ лѣтописей, а никакъ не новгородской жизни. Но о судьбѣ Сѣверо-Восточнаго Русскаго міра этой Суздальско-Ростовско-Муромско-Рязанской страны въ раннія времена нашей исторіи не осталось даже и такого оглавленія, и это тѣмъ досаднѣе, когда знаешь, что именно тогда-то въ этомъ краѣ и образовалось зерно великорусской народности, и тогда-то цустила она первые ростки того, что впоследствии сдѣлалось рычагомъ соединенія и всего русскаго міра и залогомъ грядущаго обновленія всего славянскаго... Ея таинственное происхожденіе и дѣтство облечено непроницаемымъ туманомъ. При невозможности разсѣять его густые слои, остается или поддаться некушению и цуетиться въ безконечныя догадки и предположенія, либо, какъ нѣкогда дѣлали, успокоиться на утешающей всякое умственное волненіе мысли, что такъ угодно было верховному промыслу, и что причины — почему великорусская народность стала такою именно, какою явилась впоследствии, зависѣли отъ несповѣдливой воли. И тотъ и другой способъ мышленія не удовлетворяетъ нашей потребности. Догадки и предположенія не сдѣлаются сами собою истинами, если не подтвердятся или очевидными фактами, или несомнѣнной логической связью явленій. Мы не сомнѣваемся въ промыслѣ, но вѣримъ при этомъ, что все, что ни случается въ мірѣ, управляется тѣмъ же промысломъ — какъ извѣстное, такъ и неизвѣстное, а опираясь въ сужденіяхъ только на промыслъ, не останется ничего для самого сужденія. Дѣло исторіи — изслѣдовать причины частныхъ явленій, а не причину причинъ, недоступную человѣческому уму. Единственно что мы знаемъ о Сѣверо-востокѣ — это то, что тамъ было Славянское народонаселеніе посреди Финновъ и съ значи-

тельными перевѣсомъ надъ послѣдними, — что край этотъ имѣлъ тѣ же общіе зачатки, какіе были и въ другихъ земляхъ русскаго міра, но не знаемъ ни подробностей, ни способа примѣненія общихъ началъ къ частнымъ условіямъ. На югѣ между тѣмъ, весь народъ южнорусскій, въ началѣ XI вѣка, ощутительно обозначается единствомъ; не смотря на княжескія перегородки, онъ безпрестанно напоминаетъ о своемъ единствѣ событіями своей исторіи; онъ усваиваетъ одно имя Руси; у него одніе общія побужденія, одни главныя обстоятельства вращаютъ его; его части стремятся другъ къ другу, — тогда какъ земли другихъ вѣтвей общерусскаго Славянскаго племени, напримѣръ, Кривичи, обособляются своеобразными частями въ федеративной связи. Новгородъ, обособленный съ своею землею на сѣверѣ, постоянно стремится къ югу; онъ ближе къ Кіеву, чѣмъ къ Полоцку или Смоленску. И это, конечно, происходитъ отъ ближайшей этнографической его связи съ Югомъ.

Съ половины XII вѣка обозначается въ исторіи характеръ Восточной Руси Ростовско-Суздальско-Муромско-Рязанской земли. Явленія ея самобытной жизни, по древней нашей лѣтописи, начинаются съ тѣхъ поръ, какъ Андрей Юрьевичъ, въ 1157 году, былъ избранъ особымъ княземъ всей Земли Ростовско-Суздальской. Тогда-то явно выказывается своеобразный духъ, господствующій въ общественномъ строѣ этого края и складъ понятій объ общественной жизни, управлявшій событіями, — отличие этихъ понятій отъ тѣхъ, которые давали смыслъ явленіямъ въ Южной Руси и въ Новгородѣ. Эпоха эта чрезвычайно важна и представляетъ драгоценный предметъ для изслѣдователя нашего прошедшаго; тутъ открывается нарисованная, хотя не ясно, на подобіе изображеній въ нашихъ старыхъ рукописяхъ, картина дѣтства великорусскаго народа. Тутъ можно видѣть первые ростки тѣхъ свойствъ, которыя составляли впоследствии источникъ его силы, доблестей и слабостей. Словно вы читаете дѣтство великаго человѣка и ловите, въ его ребяческихъ движеніяхъ, зачатки будущихъ подвиговъ.

Что отличаетъ народъ великорусскій въ его дѣтствѣ отъ народа Южной Руси и другихъ земель русскихъ — это стремленіе дать прочность и формальность единству своей земли. Андрея избираютъ единымъ по всей землѣ, на все города. У него нѣсколько братьевъ и два племянника; ихъ изгоняютъ, дозволяютъ оставаться только двумъ: одному, который по болѣзни не можетъ быть никакимъ дѣятельнымъ членомъ земли, и другому, который не показываетъ никакихъ властолюбивыхъ наклонностей. Изгнаніе братьевъ не дѣло единаго Андрея, но дѣло цѣлой Земли. Лѣтопи-

сець края говорить, что тѣ же, которые поставили Андрея, тѣ же изгнали меньшихъ братьевъ. Это единство, къ которому явно стремились понятія, не могло однако сразу утвердиться и обратиться въ постоянный и привычный порядокъ; въ послѣдствіи земля снова имѣла разомъ нѣсколькихъ князей, но за то одинъ изъ нихъ былъ великій князь верховный всей земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ тогда уже является стремленіе подчинить своей землѣ другія Русскія земли. Такъ Муромская и Рязанская земли уже были подчинены съ своими князьями князю Ростовско-Суздальскому. Это не были личныя желанія однихъ князей, — напротивъ: князья, принадлежа къ роду, котораго значеніе связано было съ единствомъ всей Русской федераціи, сами заботились въ Восточно-Русской мѣстности это мѣстное стремленіе. Изъ нѣсколькихъ чертъ, сохранныхъ летописцемъ, при всей скупости послѣдняго на заявленіе народныхъ побужденій, видно, что князья въ дѣлахъ, обличавшихъ, по видимому, ихъ личное властолюбіе, дѣйствовали по внушенію народной воли, и то, что приписывалось имъ самовластію, надобно будетъ приписать самовластнымъ наклонностямъ тѣхъ, которые окружали князей. Когда Всеволодъ захотѣлъ отпустить пойманныхъ князей: своего племянника и Глѣба Рязанскаго, Владимірцы не допустили до этого и приговорили ослѣпить ихъ. Когда тотъ же Всеволодъ идетъ на Новгородъ и осаждаеть Торжокъ, онъ расположенъ къ миру и не хочетъ разорять волости, но дружина его требуетъ этого: оскорбленіе князю она считаетъ оскорбленіемъ себя. *Мы не цѣловать ихъ пришли*, говорятъ Владимірцы проиически. Такимъ образомъ стремленіе подчинить Новгородъ и вражда съ Новгородомъ истекала не изъ княжескихъ, а изъ народныхъ побужденій, и оттого-то Новгородцы, отбивъ Суздальцевъ отъ стѣнъ своего города, скоро сходились съ Суздальскими князьями и, напротивъ, неистово метили Суздальцамъ, продавая каждого Судальца по двѣ ногаты. Оттого съ такимъ ожесточеніемъ, съ такою надменностію ополчалась Суздальская земля противъ Новгородцевъ, вошедшихъ туда побѣдителями подъ знаменемъ Мстислава Удалого. Нѣсколько разъ можно замѣтить, какъ во время нападений князей Восточно-Русской Земли на Новгородъ прорывалась народная гордость этой земли, успѣвшая уже образовать предразсудокъ о превосходствѣ своего народа предъ Новгородцами и о правѣ своего первенства надъ ними. Элементы образованности, воспитанные на Кіевской почвѣ подъ православными понятіями, перешли въ Восточную Землю и тамъ приняли иного рода ростъ и явились въ иномъ образѣ. Вмѣсто Кіева южнаго, явился на востокъ другой Кіевъ—Влади-

міръ; по всему видно, — существовала мысль создать его другимъ Кіевомъ, перенести старый Кіевъ на новое мѣсто. Тамъ явилась патрональная церковь святой Богородицы Златоверхой и Золотыя Ворота, явились названія кіевскихъ урочищъ: Печерскій городъ, рѣка Лыбедь. Но нельзя было стараго Кіева оторвать отъ днѣпровскихъ горъ; тѣ же отропки подъ сѣверо-восточнымъ небомъ, на чуждой почвѣ, выросли иначе, инымъ деревомъ, — другіе плоды принесли.

Старыя Славянскія понятія объ общественномъ строѣ признавали за источникъ общей народнои правды волю народа, приговоръ вѣча, изъ кого-бы-то ни состоялъ этотъ народъ, какъ бы ни собиралось это вѣче, смотря по условіямъ; эти условія то расширяли, то суживали кругъ участвующихъ въ дѣлахъ, то давали вѣчу значеніе всенароднаго собранія, то ограничивали его толшою случайныхъ счастливцевъ въ игрѣ на общественномъ полѣ. При этомъ давно уже возникла и укоренилась въ понятіяхъ идея князя — правителя, третейскаго судьи, установителя порядка, охранителя отъ виѣшнихъ и внутреннихъ безпокойствъ; между вѣчевымъ и княжескимъ началомъ само собою должно было возникнуть противорѣчіе, но это противорѣчіе улегалось и примирялось признаніемъ народнои воли вѣча подъ правомъ князя.... Князь былъ необходимъ, но князь избирался и могъ быть изгнанъ, если не удовлетворялъ тѣмъ потребностямъ народа, для которыхъ былъ нуженъ, или же злоупотреблялъ свою власть и значеніе. Принципы этотъ въ XI, XII и XIII вѣкахъ вырабатывается вездѣ: и въ Кіевѣ, и въ Новгородѣ, и въ Полоцкѣ, и въ Ростовѣ и въ Галичѣ. Его явленіе сообразовалось съ различными историческими внутренними обстоятельствами и разными условіями, въ какія поставлены были судьбою русскія земли. Этотъ принципъ принималъ то болѣе единовластительнаго, то болѣе народо-правнаго духа; въ однихъ земляхъ князя выбирались постоянно изъ одной линіи и такимъ образомъ водвореніе ихъ приближалось къ наследственному праву, и если не совершенно образовалось последнее, то потому только, что не успѣло заглушиться выборное право, которое, по своему существу, умѣряло непреложность обычая; въ другихъ, — въ Новгородѣ, — при выборѣ князя народная воля не соблюдала вовсе никакихъ обычаевъ преемничества, кромѣ насущныхъ текущихъ условій края.

Въ Кіевѣ напрасно было бы искать какого нибудь опредѣленнаго права и порядка въ преемничествѣ князей. Существовала, правда, въ ихъ условіи, неясная идея старѣйшинства, но народное право избранія

стояло выше ея. Изяславъ Ярославичъ былъ изгнанъ Кіевлянами. Кіевляне избрали Полоцкаго князя, случайно сидѣвшаго въ Кіевской тюрьмѣ и ужъ ни по какому праву не ожидавшему такой чести. Изяславъ только съ помощію чужеземцевъ утвердился снова въ Кіевѣ. То былъ родъ чужеземнаго завоеванія и недаромъ, послѣ того, Поляки начали смотрѣть на Южную Русь, какъ на свою лenu. Черезъ нѣсколько времени, едва только Кіевскій князь избавилъ и себя и Кіевлянъ, отъ пособниковъ, какъ былъ снова изгнанъ. Князь Черниговскій вступилъ на Княженіе Кіевское. Изяславъ опять долженъ былъ бѣжать. Хотя, по этому поводу, въ лѣтописи и не говорится объ участіи Кіевлянъ по само собою разумѣется, что оно было: съ одной стороны, не могли Кіевляне любить князя, который приводилъ на нихъ чужеземцевъ и отдавалъ на казнь тѣхъ, кого подозрѣвалъ въ нерасположеніи и верховодствѣ надъ народомъ въ минуту своего изгнанія, съ другой — и Святославъ не могъ бы водвориться въ Кіевѣ и свободно имъ править четыре года, если бы встрѣтилъ оппозицію въ народѣ. Въ дальнѣйшей исторіи нѣсколько разъ у лѣтописца упоминается прямо, что князья водворялись по избранію и также прогонялись; что вѣче считало за собою право судить ихъ, прогонять и казнить установленныя ими второстепенныя власти, а иногда и ихъ самихъ. Мономахъ былъ избранъ и, въ то же время, постигъ народный судъ приближенныхъ прежняго князя. Всеволодъ, желая передать княженіе брату Игорю, не могъ этого сдѣлать иначе, какъ испросивъ согласіе вѣча; тоже вѣче низвергло Игоря и призвало Изяслава Мстиславича, и потомъ убило Игоря. Изяславъ Давидовичъ, Ростиславъ Мстиславичъ, Мстиславъ Изяславичъ, Романъ Ростиславичъ, Святославъ Всеволодовичъ, Романъ Мстиславичъ — обо всѣхъ этихъ князьяхъ есть черты, показывающія, что они были избраны волею Кіевлянъ. Мало по малу значеніе народа, руководящаго дѣлами, осталось за воишественною толпою дружинъ, шаекъ, составлявшихся изъ разныхъ удалцовъ; они-то возводили и низвергали князей, князья были какъ бы орудіемъ ихъ, и — какъ всегда бываетъ въ воишской державѣ — могли держаться только силою волп, умѣньемъ, а не значеніемъ, какое занимали въ своемъ родѣ.

Инородцы тюркекаго племени — Черные Клобуки, Торки, Берендѣи, играли здѣсь дѣятельную роль наравнѣ съ туземцами, такъ что масса, управлявшая дѣлами края, представляла неструю смѣсь племенъ. Таковъ былъ образъ быта Кіевской земли. Козачество уже возникло въ XII — XIII вѣкѣ. Въ Червоной Руси князья тоже избирались и

прогонялись. Князь до того былъ зависящъ отъ вѣча, что даже семейная его жизнь состояла подъ контролемъ Галичанъ. Въ Галицкой землѣ народная сила и значеніе сосредоточились въ рукахъ *боларъ*, — лицъ, которые силою обстоятельствъ выступали изъ массы и овладѣвали дѣлами края. Здѣсь уже прорывались начала того панства, которое, подъ Польскимъ владычествомъ, охватило страну и, противопоставивъ себя массѣ народа, вызвало наконецъ ее въ лицѣ Козаковъ. Читая исторію Южной Руси XII и XIII вѣка, можно видѣть юношескій возрастъ того общественнаго строя, который является въ возмужаломъ видѣ черезъ нѣсколько столѣтій. Развитие личнаго произвола, свобода, неопредѣлительность формъ — были отличительными чертами южно-русскаго общества въ древніе періоды, и такъ оно явилось въ послѣдствіи. Съ этимъ вмѣстѣ соединялось непостоянство, недостатокъ ясной цѣли, порывчатость движенія, стремленіе къ созданію и какое-то разложеніе недосозданнаго, все, что неминуемо вытекало изъ перевѣса личности надъ общиностью. Южная Русь отшодъ не теряла чувства своего народнаго единства, но не думала его поддерживать: напротивъ, самъ народъ, по видимому, шелъ къ разложенію и все таки не могъ разложиться. Въ Южной Руси не видно ни малѣйшаго стремленія къ подчиненію чужихъ, къ ассимилированію инородцевъ, поселившихся между ея коренными жителями; въ ней происходили споры и драки болѣе за оскорбленную честь или за временную добычу, а не съ цѣлію утвердить прочное вѣковое господство. Только на короткое время, когда пришельцы Варяги дали толчекъ Полянамъ, послѣдніе дѣлаются какъ бы завоевателями народовъ: является идея присоединенія земель, потребность центра, къ которому бы эти земли тянули; но и тогда не видно ни малѣйшихъ попытокъ плотно прикрѣпить эти земли. Кіевъ никакъ не годился быть столицею централизованнаго государства; онъ не искалъ этого, онъ даже не могъ удержать первенства надъ федерацией, потому что не сумѣлъ организовать ее. Въ натурѣ южно-русской не было ничего насилующаго, нивелирующаго, не было политики, не было холодной расчетливости, твердости на пути къ предназначенной цѣли. Тоже самое является на отдаленномъ сѣверѣ, въ Новгородѣ; суровое небо мало измѣнило тамъ главныя основы южнаго характера, и только неблагодарность природы развила болѣе промышленнаго духа, но не образовала характера расчета и купеческой политики. Торговая дѣятельность соединялась тамъ съ тою же удалью, съ тою же неопредѣленностью цѣли и нетвердостью способовъ къ ея достиженію, какъ и воинственное удалство южныхъ шаекъ. Новгородъ былъ всегда родной братъ

юга. Политики у него не было; онъ не думалъ утвердить за собою своихъ обширныхъ владѣній и сплотить разнородныя племена, которыя ихъ населяли, и ввести прочную связь и подчиненность частей, установить соотношеніе слоевъ народа; строй его правленія былъ всегда подъ вліяніемъ неожиданныхъ побужденій личной свободы. Обстоятельства давали ему чрезмѣрно важное торговое значеніе, но онъ не изыскивалъ средствъ обращать въ свою пользу эти условія и упрочить выгоды торговли для автономіи своего политическаго тѣла; оттого онъ, въ торговомъ отношеніи, пошалъ совершенно въ распоряженіе иностранцевъ. Въ Новгородѣ, какъ и на Югѣ, было много порывчатаго удалства, широкой отваги, поэтическаго увлеченія, но мало политической предпримчивости, еще менѣе выдержки. Часто горячо готовился онъ стоять за свои права, за свою свободу, но не умѣлъ соединить побужденій, стремившихся, повидимому, къ одной цѣли, но тотчасъ же расходившихся въ приложеніи; потому-то онъ всегда уступалъ политикѣ, отпачивался продуктами своей торговой дѣятельности и своихъ владѣній отъ покушеній Московскихъ князей даже и тогда, когда, казалось, могъ бы съ ними сладить; онъ не предпринималъ прочныхъ мѣръ къ поддержкѣ своего быта, которымъ дорожилъ, не шелъ впередъ, но и не стоялъ болотной водой, а вращался, кружился на одномъ мѣстѣ. Предъ глазами у него была цѣль, но неопредѣленная, и не сыскалъ онъ прямого пути къ ней. Онъ сознавалъ единство свое съ Русскою Землею, но не могъ сдѣлаться орудіемъ ея общаго единства; онъ хотѣлъ, въ тоже время, удержать въ этомъ единствѣ свою отдѣльность и не удержалъ ея. Новгородъ, — какъ и Южная Русь, — держался за федеративный строй даже тогда, когда противная буря уже сломила его недостроенное зданіе.

Точно такъ и Южная Русь сохраняла, въ теченіе вѣковъ, древній понятія; перешли онѣ въ кровь и плоть послѣдней, безсознательно для самаго народа; и Южная Русь, облекшись въ форму Козачества, — форму, зародившуюся собственно въ древности, — искала той же федераціи въ соединеніи съ Московіею, гдѣ уже давно не стало началъ этой древней федераціи.

Выше я замѣтилъ мимоходомъ, что Козачество началось въ XII—XIII вѣкѣ. Къ сожалѣнію, исторія Южной, Кіевской, Руси, какъ-будто проваливается послѣ Татаръ. Народная жизнь XIV и XV вѣковъ намъ мало извѣстна; но элементы, составлявшіе начало того, что явилось въ XVI вѣкѣ ощутительно, въ формѣ Козачества, не угасали, а развивались. Литовское владычество обновило одряхлѣвшій, разложившійся порядокъ,

такъ точно, какъ нѣкогда прибытіе Литовской Руси на берега Днѣпра обновило и поддержало увавшія силы, разложившіяся подъ напорами чуждыхъ народовъ. Но жизнь пошла по прежнему. Князьки не Рюрикова, но уже новаго, Гедимшинова дома, обрусѣвъ скоро, какъ и прежніе, стали, какъ эти прежніе, играть свою судьбою. До какой степени было здѣсь участіе народа, за скудостью источниковъ нельзя опредѣлительно сказать; несомнѣнно, что въ сущности было продолженіе прежняго: тѣ же дружины, тѣ же воинственныя толпы помогали князьямъ, возводили ихъ, вооружали однихъ противъ другихъ. Соединеніе съ Польшею собрало живучіе элементы Руси и дало имъ другое направленіе: изъ неосѣдлыхъ правителей, предводителей шаекъ, оно сдѣлало поземельныхъ владѣтелей; является направленіе замѣнить правомъ личныя побужденія, оставляя въ сущности прежнюю ея свободу — соединить съ гражданскими понятіями и умѣрить необузданность личности. Народъ, до того времени вращавшійся въ омутѣ всеобщаго произвола, то поработанный сильными, то, въ свою очередь, сбрасывающій этихъ сильныхъ для того, чтобъ возвести другихъ, теперь подчиняется и поработается правильно, то есть, съ признаніемъ до нѣкоторой степени законности, справедливости такого поработанія. Но тутъ старорусскіе элементы, развитые, до извѣстной степени, еще въ XII вѣкѣ и долго крившіеся въ народѣ, выступаютъ блестящимъ метеоромъ въ формѣ Козачества. Но это козачество, какъ возрожденіе стараго, носитъ въ себѣ уже зародышъ разрушенія. Оно обращается къ тѣмъ идеямъ, которыя уже не находили пищи въ современномъ ходѣ историческихъ судебъ. Козачество XVI и XVII и удѣльность въ XII и XIII вѣкѣ гораздо болѣе сходны между собою, чѣмъ сколько можно предположить: если черты сходства внѣшняго слабы въ сравненіи съ чертами внѣшняго несходства, за то существенно внутреннее сходство. Козачество тоже разнороднаго типа, какъ древнія кievскія дружины; также въ немъ есть примѣсь тюркскаго элемента, также въ немъ господствуетъ личный произволъ, тоже стремленіе къ извѣстной цѣли, само себя парализующее и уничтожающее, та же неопредѣлительность, то же неостоянство, то же возведеніе и низложеніе предводителей, тѣ же драки во имя ихъ. Можетъ быть важнымъ покажется то, что въ древности обращалось вниманіе на родъ предводителей, ихъ происхожденіе служило правомъ, а въ козачествѣ, напротивъ, предводители избирались изъ равныхъ. Но скоро уже козачество доходило до прежняго удѣльнаго порядка и конечно бы дошло, еслибы случайныя обстоятельства, чисто мимо всякихъ предпологавшихся законовъ поворачивающія ходъ жизненнаго теченія, не помѣ-

шали этому. Когда Хмельницкій успѣлъ заслужить славу и честь у козацкой братіи, она возводила въ предводители его сына, вовсе неспособнаго по личнымъ качествамъ. Выборы гетмановъ долго вращались около лицъ, соединенныхъ родствомъ съ Хмельницкимъ, и только прекращеніе его рода было поводомъ, что родовое княжеское начало древней удѣльности не воскресло снова.

На востокѣ, напротивъ, личная свобода сѣуживалась и, наконецъ, уничтожилась. Вѣчевое начало нѣкогда и тамъ существовало и проявлялось. Избраніе князей также было господствующимъ способомъ установленія власти, но тамъ понятіе объ общественномъ порядкѣ дало себѣ прочный залогъ твердости, а на помощь подошли православныя идеи. Въ этомъ дѣлѣ какъ нельзя болѣе высказывается различіе племенъ. Православіе было у насъ едино и пришло къ намъ чрезъ однихъ лицъ, изъ одного источника; классъ духовный составлялъ одну корпорацію, независимую отъ мѣстныхъ особенностей политическаго порядка: церковь уравнивала различія; и если что, то — именно стекавшее изъ церковной сферы должно было приниматься одинаково во всемъ русскомъ мірѣ. Не то, однако, вышло на дѣлѣ. Православіе внесло къ намъ идею монархизма, освященіе власти свыше, окружило понятія о ней лучами верховнаго міроуправленія; православіе указало, что въ нашемъ земномъ жизненномъ теченіи есть Промыслъ, руководящій нашими поступками, указывающій намъ будущность за гробомъ; породило мысль, что событія совершаются около насъ то съ благословенія Божія, то навлекаютъ на насъ гнѣвъ Божій; православіе заставило обращаться къ Богу при началѣ предпріятія и приписывать успѣхъ Божію изволенію. Такимъ образомъ не только въ непонятныхъ, необыкновенныхъ событіяхъ, но и въ обычныхъ, совершающихся въ кругѣ общественной дѣятельности, можно было видѣть чудо. Все это внесено было повсюду, повсюду принялось до извѣстной степени, примѣнилось къ историческому ходу, но нигдѣ не побѣдило до такой степени противоположныхъ старыхъ понятій, нигдѣ не выразилось съ такою приложимостью къ практической жизни, какъ въ Восточной Руси. При своей всеобщности, православіе давало однако нѣсколько простора и мѣстнымъ интересамъ: оно допускало мѣстную святыню, которая не переставала быть всеобщей, но оказывала свое покровительство особенно одной мѣстности. Такъ, во всѣхъ земляхъ русскихъ возникли патрональные храмы, въ Кіевѣ—Десятинная Богородица и Софія, въ Новгородѣ и Полоцкѣ—святая Софія, въ Черниговѣ и Твери—святый Спасъ, и такъ далѣе; вездѣ вѣрили въ благословеніе на весь край, исходящее изъ такого главнаго храма. Андрей во Вла-

димиръ построилъ церковь святой Богородицы златоверхую, помѣстивъ тамъ чудотворную икону, похищенную имъ изъ Вышгорода. Нигдѣ до такой степени святыня патрональнаго храма не являлась съ плодотворнымъ чудодѣйствующимъ значеніемъ, какъ тамъ. Въ лѣтописи Суздальской земли, каждая побѣда, каждый успѣхъ, чуть не каждое сколько нибудь замѣчательное событіе, случившееся въ краѣ, называется чудомъ этой Богородицы (сотвори чудо святая Богородица Владимірская).

Идея высшаго управленія событіями доходитъ до освященія успѣха самого по себѣ. Предпріятіе удастся, слѣдовательно — оно благословляется Богомъ, слѣдовательно оно хорошо. Возникаетъ споръ между старыми городами Ростовско-Суздальской земли и новымъ — Владиміромъ. Владиміръ успѣлъ въ спорѣ; онъ беретъ перевѣсъ: это — чудо пресвятой Богородицы. Замѣчательно мѣсто въ лѣтописи, когда послѣ признанія, что Ростовцы и Суздальцы, какъ старѣйшіе, дѣйствительно поступали по праву (*хотяще свою правду поставити*), послѣ того какъ дѣло этихъ городовъ подводится подъ обычай вѣсѣхъ земель русскихъ, лѣтописецъ говоритъ, что противясь Владиміру, они не хотѣли правды Божіей (*не хотяху створити правды божіи*) и противились Богородицѣ. Тѣ города хотѣли поставить своихъ избранныхъ землею князей, а Владиміръ поставилъ противъ нихъ Михаила, и лѣтописецъ говоритъ, что *сею же Михаила избра святая Богородица*. Такимъ образомъ Владиміръ требуетъ себѣ первенства въ Землѣ, на томъ основаніи, что въ немъ находилась святыня, которая творила чудеса и руководила успѣхомъ. Володимирцы, — разсуждаетъ тотъ же лѣтописецъ, — прославлены Богомъ по всей Землѣ, за ихъ правду Богъ имъ помогаетъ; при этомъ лѣтописецъ объясняетъ, почему Володимирцы такъ счастливы: *сложе бо человекъ проситъ у Бога всею сердцемъ, то Богъ его не лишитъ*. Такимъ образомъ, вмѣсто права общественнаго, вмѣсто обычая, освященнаго временемъ, является право предпріятія съ молитвою и божія соизволенія на успѣхъ предпріятія. Съ виду покажется, что здѣсь крайній мистичизмъ и отклоненіе отъ практической дѣятельности, но это только кажется: въ самой сущности здѣсь политическая практичность, здѣсь открывается путь къ устраненію всякаго страха предъ тѣмъ, что колеблетъ волю, здѣсь полный просторъ воли; здѣсь и надежда на свою силу, здѣсь умѣнье пользоваться обстоятельствами. Владиміръ, въ противоположность старымъ обычаямъ, древнему порядку земли, дѣлается верховнымъ городомъ, потому что Богородица покровительствуетъ ему, а ея покровительство видно изъ того, что онъ успѣваетъ. Онъ пользуется об-

стоятельствами; тогда какъ его противники держатся боярствомъ, избраннымъ высшимъ классомъ, Владиміръ поднимаетъ знамя массы, народа, слабыхъ противъ сильныхъ; князья, избранные имъ, являются защитниками правосудія въ пользу слабыхъ. О Всеволодѣ Юрьевичѣ летописецъ говоритъ: »судя судъ истиненъ и нелицемѣренъ, не обинуяся лице сильныхъ своихъ бояръ, обидящихъ меньшихъ и работающихъ сироты и насилье творящихъ«. Въмѣстѣ съ тѣмъ, право избранія, вѣчевое начало принимаетъ самый широкій размѣръ и тѣмъ подрываетъ и уничтожаетъ само себя. Князя Всеволода Юрьевича избираютъ Владиміры на вѣчѣ предъ своими Золотыми воротами не одного, но и дѣтей его. Такимъ образомъ вѣчевое право считаетъ возможнымъ простирать свои приговоры не только на живыхъ, но и на потомство, устанавливать твердый, прочный порядокъ на долгое время, если не навсегда, до перваго ума, который возможетъ найти иной поворотъ по новому пути и повести къ своей новой цѣли, возводя по прежнему въ апотеозъ успѣхъ предпріятія, освящая его благословеніемъ божіимъ.

Наконецъ самое возвышеніе новаго города Владиміра здѣсь имѣетъ свой особенный смыслъ и отпечатлѣвается характеромъ великороссійскимъ. Извѣстно, какъ ученые придавали у насъ значенія новымъ городамъ именно потому, что они новые. По нашему мнѣнію, новостъ городовъ, сама по себѣ, еще ничего не значить. Возвышеніе новыхъ городовъ не могло родить новыхъ понятій, выработать новаго порядка болѣе того, сколько бы все это могло произойти и въ старыхъ. Новые города населялись изъ старыхъ, слѣдовательно новопоселенцы невольно приносили съ собою тѣ понятія, тѣ возрѣнія, какія образовались у нихъ въ прежнее мѣстѣ жительства. Это въ особенности должно было произойти въ Россіи, гдѣ новые города не теряли связи со старыми. Если новый городъ хочетъ быть независимымъ, освободиться отъ власти стараго города, то все таки онъ по одному этому будетъ искать сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ старый, не болѣе. Для того, чтобы новый городъ зародилъ и воспиталъ въ себѣ новый порядокъ, нужно, чтобы или переселенцы изъ стараго, положившіе основаніе новому, вышли изъ прежняго вслѣдствіе какихъ нибудь такихъ движеній, которыя были противны массѣ стараго города, или чтобы они на новосельѣ отрѣзаны были отъ прикосновенія со старымъ порядкомъ и поставлены въ условія, способствующія развитію новаго. Переселенцы, какъ бы далеко они ни отбились отъ прежнихъ жилищъ, удерживаютъ старый бытъ и старыя коренныя понятія сколько возможно, на сколько не стираютъ ихъ новыя условія; из-

мѣняютъ ихъ только влѣдствіе неизбѣжности, при совершенной несовмѣстимости ихъ съ новосельемъ, и притомъ измѣняютъ нескоро: всегда съ успіями что нибудь оставить изъ стараго. Малороссіянне двигались въ своей колонизаціи на востокъ, дошли уже за Волгу и все таки они въ сущности тѣже Малороссіянне, что въ Кіевской губерніи, и если получили что-нибудь особенное въ словѣ и понятіяхъ и въ своей физиогноміи, то это произошло отъ условій, съ которыми судьба судила имъ сжитися на новомъ мѣстѣ, а не потому единственно, что они переселенцы. Тоже надобно сказать о Сибирскихъ Русскихъ переселенцахъ: они все Русскіе, и отличія ихъ зависятъ отъ тѣхъ неизбѣжныхъ причинъ, которыя понуждаютъ ихъ нѣсколько измѣниться, примѣняя условія климата, почвы, произведеній и соедѣства въ свою пользу. Новые города въ древней Россіи, возникая на разстояніи какихъ нибудь десятковъ верстъ отъ старыхъ, какъ Владиміръ отъ Суздаля и Ростова, не могли, по видимому, имѣть даже важныхъ географическихъ условій для развитія въ себѣ чего-нибудь совершенно новаго. Даже и тогда, когда новый городъ отстоялъ отъ стараго на сотни верстъ, главные однакожъ при на- ки географіи условливали ихъ сходство.

Въ XII вѣкѣ Владиміръ въ исторической жизни является зерномъ Великороссіи и вмѣстѣ съ тѣмъ Русскаго единоподержавнаго государства; — тѣ начала, которыя развили въ послѣдствіи цѣлость русскаго міра, составили въ зародышѣ отличительныя черты этого города, его силу и прочность. Сплоченіе частей, стремленіе къ присоединенію другихъ земель, предпринятое подъ знаменемъ религіи, успѣхъ, освящаемый идеею божія соизволенія, опора на массу, покорную силу, когда послѣдняя протягиваетъ къ ней руку, чтобъ ее охранять, пока нуждается въ ней, а впослѣдствіи отдача народнаго права въ руки своихъ избранныхъ — все это представляется въ образѣ молодого побѣга, который выросъ огромнымъ деревомъ подъ вліяніемъ послѣдующихъ событій, давшихъ своеобразный способъ его возрастанію. Татарское завоеваніе помогло ему. Безъ него, при вліяніи старыхъ началъ личной свободы, господствовавшихъ въ другихъ земляхъ, свойства восточной русской натуры произвели бы нныя явленія, но завоеватели дали новую цѣль соединенія раздѣленнымъ землямъ Руси.

Монголы не насиловали народнаго самоуправленія систематически и сознательно. Политическая ихъ образованность не достигла стремленія къ сплоченію массъ и централизаціи покоренныхъ частей. Побѣда знаменовалась для нихъ двумя способами: всеобщимъ разореніемъ и собира-

нием дани. И то и другое потерпѣла Россія. Но для собиранія дани необходимо было одно довѣренное лицо на всю Русь, одинъ приказчикъ хана: это единое лицо, этотъ приказчикъ приготовленъ былъ русскою исторіею заранѣе въ особѣ великаго князя, главы князей, и, слѣдовательно, управленія землями. И вотъ, глава федераціи сталъ довѣреннымъ лицомъ новаго господина. Право старшинства и происхожденія и право избранія, равнымъ образомъ — должны были подчиниться другому праву — волѣ государя всѣхъ земель, государя законнаго, ибо завоеваніе есть фактической законъ выше всякихъ правъ, не подлежащій разсужденію. Но ничего не было естественнѣе, какъ возникнуть этому ханскому приказчику въ той землѣ, гдѣ существовали готовыя сѣмена, которыя оставалось только поливать, чтобъ они созрѣли.

Знамя успѣха подъ покровительствомъ благословенія Божія поднято въ Москвѣ, на другомъ новосельѣ, также точно, тѣмъ же порядкомъ, какъ оно прежде было поднято во Владимірѣ. Пригородъ опять перевысиль старый городъ и опять помогаетъ здѣсь церковь, какъ помогала она во Владимірѣ. Надъ Москвою почиетъ благословеніе церкви: туда переѣзжаетъ митрополитъ Петръ; святой мужъ своими руками приготовляетъ себѣ тамъ могилу, долженствующую стать историческою святынею мѣстности; строится другой храмъ Богородицы, и вмѣсто права, освященнаго старинною, вмѣсто народнаго сознанія, парализованнаго теперь произволомъ завоеванія, беретъ верхъ и торжествуетъ идея Божія соизволенія къ успѣху. Здѣсь не мѣсто разрѣшать вопросъ важный: какія именно условія способствовали возвышенію Москвы предъ Владиміромъ; этотъ вопросъ относится уже спеціально къ исторіи Великороссіи, а у насъ идетъ дѣло единственно только о противоположности общихъ началъ въ народностяхъ. Замѣтимъ, однако, что Москва, точно какъ древній Римъ, имѣла сбродное населеніе и долго поддерживалась новыми приливами жителей съ разныхъ концовъ Русскаго міра. Въ особенности это можно замѣтить о высшемъ слоѣ народа, — боярахъ и въ то время многочисленныхъ дружинахъ. Они получали отъ великихъ князей земли въ Московскою Землѣ, слѣдовательно та же смѣсь населенія касалась не только города, но и земли, которая тянула къ нему непосредственно. При такой смѣси, различныя старыя начала, принесенныя переселенцами изъ прежнихъ мѣстъ жительства, сталкиваясь между собою на новосельѣ, естественно должны были произвести что-то новое, своеобразное, не похожее въ особенности ни на что, изъ чего оно составилось. Новгородецъ, Суздалецъ, Полочанинъ, Кіевлянинъ, Волянецъ, приходили въ Москву,

каждый со своими понятіями, съ преданіями своей мѣстной родины, общали ихъ другъ другу; но онѣ уже переставали быть тѣмъ, чѣмъ были и у перваго, и у втораго, и у третьяго, а стали тѣмъ, чѣмъ не были онѣ у каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. — Такое смѣшанное населеніе всегда скорѣе показываетъ склонность къ расширенію своей территоріи, къ пріобрѣтательности на чужой счетъ, къ поглоченію сосѣдей, къ хитрой политикѣ, къ завоеванію, и, положивъ зародышъ у себя въ тѣсной сферѣ, даетъ ему возрасти въ болѣе широкой, — той сферѣ дѣятельности, которая возникнетъ внослѣдствіи отъ расширенія предѣловъ. Такъ Римъ, бывши сначала сброднымъ мѣстомъ бѣглецовъ изъ всѣхъ краевъ разнородной Италіи, воспиталъ въ себѣ самобытное, хотя составленное изъ многого, но не похожее въ сущности на то или другое изъ этого многого, политическое тѣло съ характеромъ стремленія — расширяться болѣе и болѣе, покорять чужое, поглощать у себя разнородное, поработать то силою оружія, то силою коварства. Римъ сталъ насильственно главою Италіи и внослѣдствіи всю Италію сдѣлалъ Римомъ. Москва, относительно Россіи, имѣетъ много аналогіи съ Римомъ, по отношенію послѣдняго къ Италіи. Разительнымъ сходствомъ представляется вѣрнѣйшее средство, употребляемое одинаково и Римомъ и Москвою для соединенія первымъ — Италіи, второю — Россіи въ единое тѣло: это переселеніе жителей городовъ и даже цѣлыхъ волостей и размѣщеніе на покоренныхъ земляхъ военнаго сословія, долженствующаго служить орудіемъ ассимилированія мѣстныхъ народностей и сплоченія частей во едино. Такую политику показала рѣзко Москва при Иванѣ III и Василіѣ, его сынѣ, когда изъ Новгорода и его волости, изъ Пскова, изъ Вятки, изъ Рязани выводились жители и разводились по разнымъ другимъ Русскимъ, землямъ, а изъ другихъ переводимы были служилые люди и получали земли, оставшіяся послѣ тѣхъ, которые подверглись экспроприаціи. Москва возникла изъ смѣшенія Руско-славянскихъ народностей, и въ эпоху своего возрастанія поддерживала свое дѣло такимъ же народосмѣшеніемъ. Вѣроятно, подобной смѣси населенія одолженъ былъ нѣкогда Владиміръ и своимъ появленіемъ и особеннымъ направленіемъ, хотя, по скудости источниковъ, о Владимірѣ мы ограничиваемся однимъ предположеніемъ того, что о Москвѣ можно сказать съ большимъ правомъ исторической достовѣрности. Ихъ направленіе было сходно. Москва ли взяла верхъ, или другой городъ — все равно, это совершилось по одному и тому же принципу. Какъ нѣкогда Владиміръ стремился подчинять Муромскую и Рязанскую земли и первенствовать надъ дру-

гими землями Руси, такъ теперь Москва, по тому же пути, подчиняетъ себѣ земли и княжества, и не только подчиняетъ, но уже и поглощаетъ ихъ. Владиміру невозможно было достигнуть до того, до чего достигла Москва; тогда еще живучи были вѣчевыя и федеративныя начала; теперь, подъ вліяніемъ завоеванія и развитія въ народномъ духѣ уничтожающихъ ихъ противоположныхъ началъ, — первые задушены страхомъ вознесенной власти, вторые ослабѣли влѣдъ за первыми. Князья все болѣе и болѣе переставали завѣстѣть отъ избранія и не стали, влѣдствіе этого, переходить съ мѣста на мѣсто; утверждался на однихъ мѣстахъ, начали смотрѣть на себя какъ на владѣтелей, а не какъ на правителей, стали прикрѣпляться, такъ-сказать, къ землѣ и тѣмъ самымъ содѣйствовать прикрѣпленію народа къ землѣ. Москва, поработая ихъ и подчиняя себѣ, тѣмъ самымъ возражала идею общаго отечества, только уже въ другой формѣ, не въ прежней федеративной, а въ единодержавной. Такъ составила монархія Московская; такъ изъ нея образовалось государственное русское тѣло. Ея гражданственная стихія есть общинность, поглощеніе личности, такъ какъ въ южно-русскомъ элементѣ, какъ на югѣ, такъ и въ Новгородѣ, развитіе личности врывалось въ общинное начало и не давало ему сформироваться.

Съ церковью случилось въ велико-русскомъ мірѣ обратное тому, что было въ южно-русскомъ. Въ южнорусскомъ, хотя она имѣла нравственное могущество, но не довела своей силы до того, чтобъ бездоказательно освящать успѣхъ факта; на востокѣ она необходимо, въ лицѣ своихъ представителей — духовныхъ сановниковъ, должна была сдѣлаться органомъ верховнаго конечнаго суда; ибо для того, чтобъ дѣло приняло характеръ Божія соизволенія, необходимо было признаніе его такимъ отъ тѣхъ, кто обладалъ правомъ рѣшать это. Поэтому церковныя власти на востокѣ стояли несравненно выше надъ массою и имѣли гораздо болѣе возможности дѣйствовать самовластно. Уже въ XII вѣкѣ, именно во время дѣтства Великороссіи, встрѣчаемъ тамъ епископа Оеодора, который, добиваясь прознанія независимости своей епархіи, дѣлалъ разныя варварства и насилія. (Много бо пострадаша чловѣци отъ него въ держаньи его, и сель изпобывши и оружья и конь; друзи же и работъ добыша, заточенья же и грабленья не токмо простцемъ, но и мнихомъ, игуменомъ и ерѣемъ; безжалостивъ сый мучитель, другимъ чловѣкомъ головы порѣзывалъ и бороды, инымъ же очи выжигая и языкъ урѣзая, а иныя распиная на стѣнѣ и мучи немилостивѣ, хотя нехитити отъ всѣхъ имѣнне; имѣнья бо бѣ несутьъ яки адъ). Къ сожалѣнію, для насъ остается неиз-

вѣтнымъ, какими средствами и при какихъ условіяхъ достигъ епископъ возможности такъ поступать; но безъ сомнѣнія, онъ опирался здѣсь на свѣтскую власть Андрея Боголюбскаго, которой для освященія своихъ предпріятій нуждался въ особомъ независимомъ верховнымъ сановникѣ церковномъ Владимірской земли, отдѣльно отъ Кіевской митрополіи, и сильно домогался, чтобъ Патріархъ учредилъ независимаго епископа. Свѣтская власть опиралась на духовную, духовная — на свѣтскую. Въ то время невозможно было юнымъ началамъ, еще не окрѣпшимъ, часто не уступать старымъ, не потерявшимъ еще своей живучести; и потому Θεодоръ расплатился въ Кіевѣ за свою гордыню, какъ выдавшій его головою князь, чрезъ нѣсколько лѣтъ, тоже расплатился въ Боголюбовѣ. Ростовъ былъ, въ глазахъ Андрея и Θεодора, что-то другое, отличное отъ Владиміра, ибо Андрей дѣлаетъ епископа независимымъ отъ Ростова. Патріархъ на это не согласился, но посвятилъ Θεодора во епископы Ростову, предоставивъ ему жить во Владимірѣ. Вѣроятно злодѣянія, которыя допускалъ себѣ Θεодоръ, были вызваны оппозиціею, встрѣченною имъ въ Ростовѣ противъ своихъ намѣреній возвыситься во Владимірѣ и въ церковномъ отношеніи, какъ онъ возвысился надъ Ростовомъ въ мірскомъ. Но видно, исполняя сначала волю Андрея, Θεодоръ видно уже слишкомъ хотѣлъ показать, какъ важна власть епископа для самаго князя. Андрей предалъ его на погибель. Свѣтская власть князя, освящаемая духовною, не допускаетъ однако послѣдней подчинить себя, и коль скоро послѣдняя вступаетъ въ борьбу, даетъ ей ударъ. Такъ совершалось и впоследствии въ теченіи всей исторіи Великороссіи. Духовенство поддерживало князей въ ихъ стремленіи къ единовластію; князья также ласкали духовенство и содѣйствовали ему сильно; но при каждомъ случаѣ, когда духовная власть переставала итти рука объ руку съ единоподержавною свѣтскою, послѣдняя сейчасъ давала почувствовать духовной власти, что свѣтская необходима. Это взаимное противовѣсіе вело такъ успешно къ дѣлу. Власть свѣтская, подчинившись духовной, допустивши теократическій принципъ, не могла бы итти прямымъ путемъ, не могла бы пріобрѣтать освященія своимъ предпріятіямъ; тогда родилась бы сама собою права, которыя бы ее связывали. Но коль скоро духовная пользовалась могуществомъ, которое однако всегда могла отъ ней отнять свѣтская, тогда, для поддержанія себя, духовная должна, была итти рядомъ со свѣтскою и вести ее къ той цѣли, какую избираетъ послѣдняя. Поэтому, въ исторіи Великороссіи мы видимъ неоднократно примѣры, какъ первопрестольники церкви потворствовали свѣтскимъ монархамъ и

освящали ихъ дѣла, даже совершенно противныя уставамъ церкви. Такъ митрополитъ Даниилъ одобрилъ разводъ Василія съ Соломонією и заключеніе бѣдной великой княгини; а Іоанну IV^м разрѣшило духовенство четвертый бракъ, которымъ церковь издавна гнушалась. Съ другой стороны видимъ примѣры, какъ оппозиція духовной власти противъ государей была неудачна. Митрополитъ Флиппъ заплатилъ жизнь за обличеніе душегубствъ и кощунствъ того же Іоанна Грознаго; а царь Алексѣй Михайловичъ не затруднился пожертвовать любимцемъ Никономъ, когда тотъ поднялъ слишкомъ независимо голову, защищая самобытность и достоинство правителя церкви. За то при обоюдномъ согласіи властей, когда какъ свѣтская не требовала отъ духовной признанія явно противнаго церкви, такъ духовная не думала стать выше свѣтской, церковь фактически обладала всею жизнью — и политической и общественною, и власть была могущественна потому, что принимала посвященіе отъ церкви. Такъ-то философія Великорусская, сознавъ необходимость общетвеннаго единства и практическаго пожертвованія личностью, какъ условіемъ всякаго общаго дѣла, довѣрила волю народа волѣ своихъ избранныхъ, предоставила освященіе успѣха высшему выраженію мудрости, и такъ дошла она въ свое время до формулы: Богъ да царь во всемъ! знаменующей крайнее торжество господства общности надъ личностью.

Въ тотъ отдаленный отъ насъ періодъ, который мы назвали дѣтствомъ Великороссіи, въ религіозности великорусской является свойство, составляющее ея отличительную черту, и впоследствии — въ противорѣчій съ тѣмъ складомъ, какой религіозность пріобрѣла въ южнорусской стихіи. Это обращеніе къ обрядамъ, къ формуламъ, сосредоточенность во внѣшности. Такимъ образомъ, на сѣверовостокѣ поднимается толкъ о томъ, можно ли ѣсть въ праздники мясо и молочное. Это — толкъ, принадлежащій къ разряду множества расколовъ, существующихъ и въ наше время и опирающихся только на внѣшности.

На югѣ, въ древности, мы встрѣчаемъ два не волиѣ извѣстныхъ намъ уклоненія отъ православія, но не въ томъ духѣ, именно — Адриана и Димитрія: они касались существенныхъ уставовъ церкви и мнѣнія ихъ относились къ кругу ересей, то есть такихъ несправедливыхъ мнѣній, которыя, во всякомъ случаѣ, возникали отъ умственной работы надъ духовными вопросами; въ этомъ отношеніи, южнорусское племя и впоследствии не отличалось спорами о внѣшности, которыми такъ богатъ сѣверъ. Извѣстно, что въ теченіи самыхъ вѣковъ, какъ и теперь, у Малороссіянъ расколовъ и споровъ объ обрядахъ не было. На сѣверѣ, въ

Новгородѣ и Псковѣ, состязательство о вѣрности хотя коснулось умственного движенія въ духовныхъ вопросахъ въ извѣстномъ толкѣ о *субботѣ аллилуйя* и въ Новгородскомъ спорѣ о томъ, какъ слѣдуетъ произносить: *господи помилуй*, или: *о господи помилуй*, — но едва ли такіе толки въ древности дѣйствительно занимали умы на сѣверѣ, — ибо обстоятельства спора объ аллилуйяхъ, извѣстные изъ житія Евфросина, еще подвержены сомнѣнію, такъ что многіе считаютъ это сочиненіе, дошедшее до насъ не въ современныхъ спискахъ, составленнымъ, или по крайней мѣрѣ передѣланнымъ расколниками, старавшимся придать всевозможнѣйшую важность этому вопросу, который, какъ извѣстно, былъ одинъ изъ главныхъ, возбуждавшихъ старообрядство къ отпаденію отъ господствующаго тѣла русской церкви. Притомъ же въ самой повѣсти о Евфросинѣ изображается, что Псковѣ держался *треубой*, а не *суббой аллилуйя!*

Распространеніе и знаменательнѣе было другое еретическое умственное броженіе на сѣверѣ, проявившееся первый разъ въ Стригольникахъ, въ продолженіи вѣка тлѣвшее въ умахъ и потомъ разразившееся смѣсью различныхъ толковъ, сгруппированныхъ Іосифомъ Волоцкимъ, въ его «Провѣстителѣ» около жидовствующей ереси. Это броженіе, чисто Новгородскаго пошиба, перешло потомъ во всю Русь и долго подымалось въ различныхъ формахъ оппозиціею противъ авторитета мѣстной. Мы не скажемъ однако, чтобъ такое реформаціонное направленіе имѣло большой успѣхъ въ Новгородскомъ и Псковскомъ мѣрѣ; оно только показываетъ, что племя южнорусское, въ своихъ уклоненіяхъ отъ церкви, слѣдовало иному пути, чѣмъ великорусское. Въ южной Руси, послѣ мимоходныхъ явленій въ XI и XII вѣкѣ, не встрѣчается попытокъ къ оппозиціи противъ авторитета церковной науки, и только въ XVI вѣкѣ стало было кружить арианство, когда Симонъ Будный распустилъ свой катихизисъ на южнорусскомъ языкѣ и, по свидѣтельству униатовъ, нѣкоторые священники, по невѣжеству, не только не опровергали его, но, не подозрѣвая въ немъ ереси, еще и похваливали. Въ массѣ народа это явленіе не имѣло успѣха.

Единственное уклоненіе отъ православія, увлекавшее до извѣстной степени народъ, была унія съ римско-католическою церковью, по извѣстно, что она вводится была интригами и насиліемъ, при благопріятствующей помощи привлеченнаго къ католицизму дворянства; но въ народѣ пашла противъ себя упорную и кровавую оппозицію. Бѣлорусское племя, вообще болѣе кроткой и податливой природы, сильнѣе подчинялось гнетущимъ обстоятельствамъ и болѣе показало склонность, если не принять

унию добровольно, то по крайней мѣрѣ допустить ее, когда нельзя было не допустить ее иначе, какъ энергическимъ противодѣйствіемъ. Но въ южной Руси было не то. Тамъ народъ, чувствуя насиліе совѣсти, поднялся огромнымъ пластомъ на защиту своей старины и свободы убѣжденія, и въ послѣднее время, даже принявъ унию, гораздо охотнѣе отъ нея отсталъ, чѣмъ Бѣлоруссы. Такъ южнорусское племя, не давая духовенству права безусловнаго освященія факта, въ самой сущности пребыло вѣрнѣе самой церкви, чѣмъ великорусское, обнимая болѣе ее духъ, чѣмъ форму. Въ настоящее время расколъ изъ-за формы, обрядности, буквы, не мыслимъ въ южнорусскомъ народѣ; съ этимъ всеякъ согласится, кто сколько нибудь знаетъ этотъ народъ и присмотрѣлся къ его жизни и прислушался къ его кореннымъ понятіямъ.

Мы видѣли, какъ еще въ своемъ дѣтствѣ великорусская стихія, централизируясь во Владимирѣ, а потомъ въ эпоху юности — въ Москвѣ, показывала направленіе къ присоединенію, къ подчиненію и къ поглощенію самобытности частей. Въ религіозно-умственной сферѣ отразилось тоже. Образовалась нетерпимость къ чужимъ вѣрамъ, презрѣніе къ чужимъ народностямъ, высококомѣріе мнѣніе о себѣ. Все иностранцы, посѣщавшіе Московщину въ XV, XVI, XVII столѣтіяхъ, одногласно говорятъ, что Москвитяне презираютъ чужія вѣры и народности; сами цари, которые въ этомъ отношеніи стояли впереди массы, омывали свои руки послѣ прикосновенія иноземныхъ пословъ христіанскихъ вѣроповѣданій. Немцы, допущенные жить въ Москвѣ, подвергались презрѣнію отъ Русскихъ; духовенство вошло противъ общенія съ ними; патриархъ, неосторожно благословивши ихъ, требовалъ, чтобъ они отличались порѣзче отъ православныхъ наружнымъ видомъ, чтобъ впередъ не получить нечаянно благословенія. Латинская и лютерская, армянская и другая всякая вѣра, чуть только отличная отъ православной, считалась у великоруссовъ проклятою. Русскіе Московскіе считали себя единственнымъ избраннымъ народомъ въ вѣрѣ, и даже не вполне были расположены къ единовѣрнымъ народамъ — къ Грекамъ и Малороссіянамъ: чуть только что нибудь было несходно съ ихъ народностію, то заслуживало презрѣнія, считалось ересью; на все не-свое они смотрѣли свысока.

Образованію такого взгляда неизбежно способствовало татарское пораженіе. Долгое униженіе подъ властію чужевѣрцевъ и иноплемениковъ выражалось теперь высококомѣріемъ и униженіемъ другихъ. Освобожденный рабъ способнѣе всего отличать надменностію. Это-то и вынудило тѣ крутыя мѣры, то увлеченіе иноземщиною, которое со временъ

Петра является въ видѣ реформы. Крайность, естественно, вызываетъ противную крайность.

Въ южнорусскомъ племени этого не было. Издавна Кіевъ, потомъ Владиміръ Вольшскій, были сборнымъ пунктомъ мѣстопробыванія иноземцевъ разныхъ вѣръ и племенъ. Южноруссы съ незапамятныхъ временъ привыкли слышать у себя чуждую рѣчь и не дичиться людей съ другимъ обличьемъ и съ другими наклонностями. Уже въ X вѣкѣ, и вѣроятно древнѣе, изъ южной Руси ходили въ Грецію, одни занимались промыслами въ чужой землѣ, другіе служили въ войскѣ чужихъ государей. Послѣ принятія крещенія, перенесенная въ Южную Русь юная христіанская цивилизація привлекала туда еще болѣе чужеземной стихіи изъ разныхъ концовъ. Южноруссы, получивши новую вѣру отъ Грековъ, не усвоили образовавшейся въ Греціи непріязни къ западной церкви; архиепископы, будучи сами чужими, старались пересадить ее на дѣвственную почву, но не слишкомъ успѣвали: въ воображеніи южнорусскомъ католикъ не принималъ враждебнаго образа. Особы княжескаго рода сочетались бракомъ съ особами владѣтельныхъ домовъ католическаго исповѣданія; то же, вѣроятно, дѣлалось и въ народѣ. Въ городахъ южнорусскихъ Греки, Армяне, Жиды, Пѣмцы, Поляки, Угры, находили вольный пріютъ, ладили съ туземцами: Поляки, забравшись въ Кіевскую землю въ качествѣ посольщиковъ князя Изяслава, плѣнились веселостью жизни въ чужой землѣ. Этотъ духъ терпимости, отсутствіе національнаго высокомерія, перешелъ въ послѣдствіи въ характеръ козачества и остался въ народѣ до сихъ поръ. Въ козацкое общество могъ приходиться всякій; не спрашивали: кто онъ, какой вѣры, какой націи. Когда Поляки роптали, что козаки принимаютъ къ себѣ разныхъ бродягъ и, въ томъ числѣ, еретиковъ, убѣгавшихъ отъ преслѣдованій духовнаго суда, козаки отвѣчали, что у нихъ издавна такъ ведется, что каждый свободно можетъ прійти и уйти. Непріязненные поступки надъ католическою святынею во время козацкаго возстанія происходили не отъ ненависти къ католичеству, а съ досады за насиліе совѣсти и за принужденіе. Походы противъ Турокъ и Крымцовъ, съ одной стороны, имѣли побудительными причинами не слѣпой фанатизмъ противъ *неверныхъ*, но мщеніе за ихъ набѣги и за плѣнъ Русскихъ жителей, а съ другой—ими водилъ духъ удалства и страсть къ добычѣ, которая необходимо развивается во всякомъ воинственномъ обществѣ, въ какомъ бы племени и въ какой бы землѣ оно ни организовалось. Память о кровавыхъ временахъ вражды съ Поляками не изгладилась у народа до сихъ поръ, но вражды собственно къ Римско-

Католической вѣрѣ, безотносительно къ Польской народности, у него нѣтъ. Южноруссъ не метителенъ, хотя злопамятенъ ради осторожности. Ни католическій костѣль, ни жидовская синагога не представляются ему погаными мѣстами; онъ не побрезгуетъ ѣсть и пить, войти въ дружбу не только съ католикомъ или протестантомъ, но и съ Евреемъ, и съ Татаринномъ. Но неприязнь вспыхиваетъ у него еще сильнѣе, чѣмъ у Великорусса, если только Южноруссъ замѣтитъ, что иновѣрецъ или иноземецъ начинаетъ оскорблять его собственную святыню. Коль скоро предоставляется другимъ свобода и оказывается другимъ уваженіе, то естественно—требовать и для себя такой же свободы и взаимнаго уваженія.

Въ Новгородѣ мы видимъ тотъ же самый духъ терпимости. Иновѣрцы пользовались правомъ безопаснаго жительства и богослуженія; разницы въ отношеніи иновѣрныхъ христіанъ полагалось такъ мало, что въ Кириковыхъ вопросахъ указывается на такое явленіе, что матери носили дѣтей своихъ крестить вмѣсто православнаго въ римско-католическому (варяжскому) священнику. Построеніе варяжской церкви въ Новгородѣ произвело въ грядущихъ поколѣніяхъ духовенства легенду, въ которой показывается, какъ естественное стараніе нѣкоторыхъ духовныхъ фанатиковъ вооружить православныхъ туземцовъ противъ иновѣрцовъ было безуспѣшно. Множество инородцевъ-язычниковъ въ Новгородской волости не было обращено насильственно къ христіанству; Новгородцы были до того не энергическими распространителями вѣры, что въ Водской землѣ, еще въ XVI вѣкѣ, было язычество. Вѣра расходилась между ними не скоро, — за то мирнымъ путемъ. Принципы вѣротерпимости соблазняли сильно западное христіанство, когда Новгородъ, подавая помощь Чудскимъ народамъ противъ Нѣмцевъ и Шведовъ, хотѣвшихъ насиліемъ обратить ихъ къ истинной вѣрѣ, вступалъ въ неприязненныя отношенія къ Ордену и Швеціи. Папы въ своихъ буллахъ укоряли Новгородцовъ во враждѣ къ христіанству, въ защитѣ язычества и возбуждали противъ нихъ Крестовый походъ. Нѣмцы и Шведы, съ которыми приходилось Новгороду и Пскову воевать, были въ глазахъ послѣднихъ политическіе, а не религіозные враги; вражда доходила нѣсколько до религіознаго характера только тогда, когда съ противной стороны оказывалось прямое посягательство на святыню православной вѣры: тоже самое, что видимъ и въ южной Руси. Нехристіане не подвергались также въ Новгородѣ ненависти; доказательство, что Евреи, которые не смѣли появиться въ великой Руси, въ Новгородѣ до того могли находить пріютъ, что даже въ силахъ были завести еретическую секту и совращать въ нее

туземцевъ. Когда съ одной стороны Папы и западные духовные обвиняли В. Новгородъ въ пособіи язычникамъ противъ христіанства, съ другой православнымъ сановникамъ не правилась излишняя вѣротерпимость Новгородцевъ, духовные негодовали на нихъ за общеніе съ Латинами и усвоеніе чужихъ обычаевъ, они хотѣли поддерживать въ народѣ мысль о поганствѣ всѣхъ неправославныхъ, и съ этою цѣлю приказывали предавать церковному освященію съѣстные припасы, полученные изъ-за границы, прежде ихъ употребленія въ пищу.

Изъ этого короткаго историческаго обзора различія, возникшаго въ отдаленныя отъ насъ времена между двумя русскими народностями, можно заключить, что племя южно-русское имѣло отличительнымъ своимъ характеромъ перевѣсъ личной свободы, великорусское — перевѣсъ общинности. По коренному понятію первыхъ, связь людей основывается на взаимномъ согласіи, и можетъ распадаться по ихъ несогласію; вторые стремились установить необходимость и неразрывность разъ установленной связи и самую причину установленія отнести къ Божіей волѣ и, слѣдовательно, изъять отъ человѣческой критики. Въ одинакихъ стихіяхъ общественной жизни, первые усвоивали болѣе духъ, вторые стремились дать ему тѣло; въ политической сферѣ первые способны были создавать внутри себя добровольныя компаніи, связанныя на столько, на сколько къ тому побуждала насущная необходимость, и прочныя на столько, на сколько существованіе ихъ не мѣшало неизмѣнному праву личной свободы; вторые стремились образовать прочное общинное тѣло на вѣковыхъ началахъ, проникнутое единымъ духомъ. Первое вело къ федераціи, но не сѣмѣло вополнѣ образовать ее; второе повело къ единовластію и крѣпкому государству: довело до перваго, создало второе. Первое оказалось много разъ неспособнымъ къ единоподержавной государственной жизни. Въ древности оно было господствующимъ на русскомъ материкѣ, и когда пришла неизбѣжная пора или погибнуть, или сплотиться, должно было невольно сойти со сцены и уступить первенство другому. Въ великорусскомъ элементѣ есть что-то громадное, созидательное, духъ стройности, сознаніе единства, господство практическаго разсудка, умѣющаго выстоять трудныя обстоятельства, уловить время, когда слѣдуетъ дѣйствовать, и воспользоваться имъ на сколько нужно... Этого не показало наше южно-русское племя. Его свободная стихія приводила либо къ разложенію общественныхъ связей, либо къ водовороту побужденій, вращавшихъ бѣличьимъ колесомъ народную историческую жизнь. Такими показало намъ эти двѣ русскія народности наше прошедшее.

Въ своемъ стремленіи къ созданію прочнаго, ощущаемаго, осязательнаго тѣла для признанной разъ идеи, великорусское племя показывало всегда и теперь показываетъ наклонность къ матеріализму и уступаетъ южнорусскому въ духовной сторонѣ жизни, въ поэзіи, которая въ послѣднемъ развилась несравненно шире, живѣе и полнѣе. Прислушайтесь къ голосу пѣсень, присмотритесь къ образамъ, сотвореннымъ воображеніемъ того и другого племени, къ созданнымъ тѣмъ и другимъ народныхъ произведеніяхъ слова. Я не скажу, чтобы великорусскія пѣсни лишены были поэзіи; напротивъ, въ нихъ высоко-поэтической является именно сила воли, сфера дѣятельности, именно то, что такъ необходимо для свершенія задачи, для какой опредѣлилъ себя этотъ народъ въ историческомъ теченіи политической жизни. Лучшія великорусскія пѣсни тѣ, гдѣ изображаются моменты души, собирающей свои силы, или гдѣ представляется торжество ея или неудачи, не ломающія, однако, внутренняго могущества. Оттого такъ всемъ нравятся пѣсни разбойничьи: разбойникъ — герой, идущій бороться и съ обстоятельствами, и съ общественнымъ порядкомъ. Разрушеніе — его стихія, но разрушеніе неизбежно предполагаетъ воссозданіе. Последнее высказывается уже и въ составленіи разбойническихъ шашекъ, которыя представляютъ нѣкотораго рода общественное тѣло. И потому да не покажется страннымъ, если мы будемъ усматривать въ разбойничьихъ пѣсняхъ ту же стихію общности, тоже стремленіе къ воплощенію государственнаго тѣла, какое находимъ во всемъ проявленіи исторической жизни великорусскаго племени. Великорусскій народъ, практическій, матеріальной по преимуществу, восходитъ до поэзіи только тогда, когда выходитъ изъ сферы текущей жизни, надъ которою работаетъ, работаетъ не восторгаясь, не увлекаясь, примѣриваясь болѣе къ подробностямъ, къ частностямъ, и оттого упуская изъ виду образный идеалъ, составляющій сущность опозитивованья всякаго дѣла и предмета. Оттого поэзія Великорусская такъ часто стремится въ область необъятнаго, выходящаго изъ границъ природной возможности, также часто ниспадаетъ до простой забавы и развлеченія. Историческое воспоминаніе сейчасъ обращается въ эпосъ и превращается въ сказку; тогда какъ, напротивъ, въ пѣсняхъ южнорусскаго племени оно болѣе удерживаетъ дѣйствительности и часто не нуждается въ возведеніи этой дѣйствительности до эпоса для того, чтобы блистать силою роскошной поэзіи. Въ Великорусскихъ пѣсняхъ есть тоска, раздумье, но нѣтъ почти той мечтательности, которая такъ поэтически плѣняетъ насъ въ южно-русскихъ пѣсняхъ, уноситъ душу въ область

воображенія и согрѣваетъ сердце неземнымъ, не здѣшнимъ огнемъ. Участіе природы слабо въ великорусскихъ пѣсняхъ и чрезвычайно сильно въ нашихъ: южнорусская поэзія нераздѣльна отъ природы, она оживляетъ ее, дѣлаетъ ее участницею радости и горя человѣческой души; травы, деревья, птицы, животныя, небесныя свѣтила, утро и вечеръ, зной и снѣгъ — все дышетъ, мыслить, чувствуетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, все откликается къ нему чарующимъ голосомъ то участія, то надежды, то приговора. Любовное чувство, обыкновенно душа всякой народной поэзіи, въ Великорусской поэзіи рѣдко возвышается надъ матеріальностью; напротивъ, въ нашихъ оно достигаетъ высочайшаго одухотворенія, чистоты, высоты побужденія и граціи образовъ. Даже матеріальная сторона любви въ шуточныхъ пѣсняхъ изображается съ тою анакреонтическою граціею, которая скрадываетъ тривиальность и самую чувственность одухотворяетъ, облагораживаетъ. Женщина въ великорусскихъ пѣсняхъ рѣдко возвышается до своего человѣческаго идеала; рѣдко ея красота возносится надъ матеріею; рѣдко влюбленное чувство можетъ въ ней цѣнить что нибудь за предѣломъ тѣлесной формы; рѣдко выказывается доблесть и достоинство женской души. Южнорусская женщина въ поэзіи нашего народа, напротивъ, до того духовно-прекрасна, что и въ самомъ своемъ паденіи высказываетъ поэтически свою чистую натуру, и стыдится своего униженія. Въ пѣсняхъ игривыхъ, шуточныхъ, рѣзко выражается противоположность натуры того и другого племени. Въ южнорусскихъ пѣсняхъ этого рода вырабатывается прелесть слова и выраженія, доходить до истинной художественности: отдыхающая человѣческая природа не довольствуется простой забавой, но сознаетъ потребность дать ей изящную форму, не только развлекающую, но и возвышающую душу; веселіе хочетъ обнять ее стихіями прекраснаго, освятить мыслію. Напротивъ, великорусскія пѣсни такого разряда показываютъ не болѣе какъ стремленіе уставшаго отъ прозаической дѣятельности труда забыться на минуту какъ нибудь, не ломая головы, не трогая сердца и воображенія; пѣсня эта существуетъ не для себя самой, а для боковой декораціи другого, чисто матеріальнаго, удовольствія.

Въ жизни великорусской, и общественной и домашней, видно болѣе или менѣе отсутствіе того, что составляетъ поэзію южнорусской жизни, какъ и обратно — въ послѣдней мало того, что составляетъ сущность, силу и достоинство первой. Великоруссы мало любятъ природу; у поселянна вы очень рѣдко можете встрѣтить въ огородѣ цвѣты, которые

найдутся почти при каждомъ дворѣ у нашего земледѣльца. Этого мало, Великорусскіе питаютъ какую-то вражду къ произрастеніямъ. Я знаю примѣры, что хозяева рубили деревья возлѣ домовъ безобразно построенныхъ, думая, что деревья мѣшаютъ красотѣ вида. Въ казенныхъ селахъ, когда начальство начало побуждать разводить около домовъ ветлы, чрезвычайно трудно было заставить поливать и холить ихъ и предохранять отъ истребленія. Когда въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія по распоряженію правительства сажали деревья по дорогамъ, это показалось до такой степени народу обременительною повинностію, что до сихъ поръ жалобы и негодованія отразились въ народныхъ пѣняхъ, сложенныхъ до чрезвычайности тривіально. Въ Великороссіи много садовъ, но все почти плодовые, заводятся съ коммерческою цѣлію; рѣдко даютъ въ нихъ мѣсто лѣснымъ деревьямъ, какъ бесполезнымъ для матеріальной жизни. Рѣдко можно встрѣтить Великорусса, который бы сознавалъ и чувствовалъ прелесть мѣстоположенія, предался бы созерцанію небеснаго свода, вивался безотчетно глазами въ зеркало озера, освѣщеннаго солнцемъ или луною, или въ голубую даль лѣсовъ, заслушался бы хора весеннихъ птицъ. Но всему этому почти всегда чуждъ великорусскій человѣкъ, погруженный въ обыденные расчеты, въ мелкій омутъ матеріальныхъ потребностей. Даже въ образованномъ классѣ, сколько намъ случалось подмѣтить, остается та же холодность къ красотѣ природы, прикрытая, иногда очень неудачно и смѣшно, подражаніемъ западной иноземщинѣ, гдѣ, какъ извѣстно — однимъ по опыту, другимъ — по слуху, хорошій тонъ требуетъ показывать любовь и сочувствіе къ природѣ. Въ такомъ случаѣ Великорусскіе обращаютъ свое заимствованное природолюбіе на предметы рѣдкіе, выходящіе изъ общей сферы окружающихъ его явленій, и тѣшить свои глаза искусственно возвращенными камеліями, рододендронами, магноліями, никакъ не подозревая, что истинное чувство, способное дѣйствительно уловить и созерцать поэзію природы, именно въ этомъ-то не найдетъ ея, отвернется отъ нарядныхъ уродовъ къ соснамъ, березамъ нашихъ рощъ, погрузится въ созерцаніе безыскусственнаго, хотя бѣднаго, но живого, неспорченнаго, неподдѣльнаго міра твореній Божіихъ.

При скудости воображенія, у Великоруссовъ чрезвычайно мало суевѣрій, хотя зато чрезвычайно много предрасудковъ, и они держатся ихъ упорно. Южноруссы, напротивъ, съ перваго раза представляются въ высшей степени суевѣрнымъ народомъ; въ особенности на западѣ южнорусской земли это сказывается очень разительно (можетъ быть, по удален-

ности отъ великорусскаго вліянія). Чуть не въ каждомъ селѣ существуютъ поэтическіе рассказы о явленіяхъ мертвыхъ съ того свѣта въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, отъ трогательнаго разсказа о явленіи мертвой матери, обмывающей своихъ малютокъ, до страшнаго образа вампировъ, распинающихся вполночь на могильныхъ крестахъ и вопіющихъ дикимъ голосомъ: *мяса хочу!* — съ насыпями, разсыпанными въ такомъ изобиліи по богатой историческою жизни странѣ, соединяются преданія о давно-протекшихъ временахъ туманной старины, и въ этихъ преданіяхъ проглядываютъ сквозь нестро-цвѣтистую сѣть лучей народнаго вымысла, слѣды незаписанной писаными лѣтописями древности. Волшебство со своими причудливыми пріемами; міръ духовъ въ самыхъ разнообразныхъ образахъ и спрахахъ, подымающихъ на головѣ волосы, и возбуждающихъ смѣхъ до икоты... все это облекается въ стройные рассказы, въ изящныя картины. Народъ иногда самъ плохо вѣритъ въ дѣйствительность того, что рассказываетъ, но не разстанется съ этимъ разсказомъ, доколѣ въ немъ не погаснетъ чувство красоты, или пока старое не найдетъ обновленія своего поэтическаго содержанія въ новыхъ формахъ.

Совѣмъ не то въ Великороссіи. Тамъ, какъ мы сказали, одни предразсудки; Великорусъ вѣритъ въ чертей, домовыхъ, вѣдьмъ, потому что получилъ эту вѣру отъ предковъ; вѣритъ потому, что не сомнѣвается въ ихъ дѣйствительности, вѣритъ такъ, какъ бы вѣрилъ въ существованіе электричества или воздушнаго давленія; вѣритъ потому, что вѣра нужна для объясненія непонятныхъ явленій, а не для удовлетворенія стремленія возвыситься отъ плоской юдоли матеріальной жизни въ сферу свободнаго творчества. Вообще фантастическихъ разсказовъ у него мало. Черти, домовые очень матеріальны; сфера загробной жизни, духовный міръ мало занимаетъ Великорусса, и почти нѣтъ исторій о явленіяхъ души послѣ смерти; если же она встрѣчается, то замѣтованная изъ книгъ и новыхъ и старыхъ, и скорѣе въ церковной обработкѣ, а не въ народной. За то, по духу нетерпимости, Великорусъ гораздо упорнѣе въ своихъ предразсудкахъ. Я былъ свидѣтелемъ случая очень характеристическаго, когда одного господина обвиняли въ безбожій и богохульствѣ за то, что онъ отозвался съ пренебреженіемъ о вѣрѣ въ существованіе чертей.

Въ кругу грамотныхъ людей, только-что вступающихъ въ книжную сферу, вы можете наблюдать, какія книги особенно занимаютъ Великорусса и на что именно онъ обращаетъ вниманіе въ этихъ книгахъ. Сколько мнѣ удалось замѣтить — или серьезные книги, но только такія, ко-

*

торыя прямо относятся къ занятію читателя и даже только то изъ нихъ, что можетъ быть примѣнено къ ближайшему употребленію, или же легкое, забавное, служащее минутному развлеченію безъ созерцанія построения, безъ сознанія идеи; поэты читаются или съ цѣлію развлеченія (и въ этомъ случаѣ нравятся въ нихъ то, что можетъ слегка пробѣгать по чувствамъ своимъ разнообразіемъ или необыкновенностью положенія), или же для того, чтобъ показать, что читатель образованъ настолько, чтобъ понимать то, что считается хорошимъ. Часто можно встрѣчать лица, которыя даже восторгаются красотами поэзіи, но въ самомъ дѣлѣ, какъ хорошенько осязать ихъ душу, то увидишь, что здѣсь играетъ не истинное чувство, а только аффектація. Аффектація — признакъ отсутствія истиннаго пониманія поэзіи. Аффектація въ нашемъ образованномъ обществѣ — черта черезчуръ обычная; оттого-то, кажется, у насъ и замѣтно сочувствіе къ Французамъ преимущественно предъ другими народами, ибо это народъ заявившій себя мало поэтическимъ, народъ, у котораго литература и искусство и отчасти даже наука — на эффектахъ.

Если у Великоруссовъ былъ истинно великій, гениальный, самобытный поэтъ, то это одинъ Пушкинъ. Въ своемъ безсмертномъ, великомъ Евгеніи Онѣгинѣ, онъ выразилъ одну только половину великорусской народности — народности такъ называемаго образованнаго и свѣтскаго круга. Удачные описатели нравовъ и быта были, но это не творцы-поэты, которые бы заговорили языкомъ всей массы, сказали бы то и такъ, за что съ чувствомъ схватилась бы масса, какъ бы невольно долженъ былъ сказать каждый изъ этой массы, и сказать голосомъ поэзіи, а не прозы. Но, повторимъ, мы далеки отъ того, чтобы отрицать въ великорусскомъ народѣ поэтической элементъ; мы говоримъ только, что въ немъ нѣтъ тѣхъ пріемовъ поэзіи, какіе есть у насъ и какіе до сихъ поръ прозывались искусствомъ. Пѣсни великорусскія, за отсутствіемъ всего этого, представляютъ однако оригинальнѣйшую поэзію, которая какъ будто говоритъ, что народъ, творившій эти пѣсни, хранить на дѣхъ своей природы такія новыя стороны поэтической стихіи, которая нѣкогда блеснетъ новымъ, неожиданнымъ блескомъ. Не смотря на близость и историческую и племенную насъ, Южноруссовъ, къ Великоруссамъ, замѣчательно, что въ мірѣ литературы имъ часто нравятся то, что намъ никакъ не можетъ нравиться. Напримѣръ, я видалъ многихъ Великоруссовъ, приходившихъ въ восторгъ отъ стиховъ Некрасова, и, признаюсь, не видалъ Южноруссовъ, на которыхъ бы онъ дѣйствовалъ поэтической сторуною.

Въ сферѣ религіозности мы уже показали рѣзкое отличіе южно-русской народности отъ великорусской въ совершенномъ непричастіи первой къ расколамъ и отпаденіямъ отъ церкви изъ-за обрядовъ и формулъ. Любопытно разрѣшить вопросъ, откуда въ Великороссіи возникло это оригинальное настроеніе, это стремленіе спорить за букву, придавать догматическую важность тому, что составляетъ часто не болѣе, какъ грамматическій вопросъ или дѣло обрядословія? Кажется, что это происходитъ отъ того же практическаго, матеріальнаго характера, которымъ вообще отличается сущность великорусской природы. Въ самомъ дѣлѣ, наблюдая надъ великорусскимъ народомъ во всѣхъ слояхъ общества, мы встрѣтимъ нерѣдко людей истинно христіанской нравственности, которыхъ религіозность обращена къ практическому осуществленію христіанскаго добра, но въ нихъ мало внутренняго благочестія, пѣтизма; мы встрѣчаемъ ханжей, изувѣровъ, строгихъ исполнителей внѣшнихъ правилъ и обрядовъ, но также безъ внутренняго благочестія, большею частью хладнокровныхъ къ дѣлу религіи, исполняющихъ внѣшнюю ея сторону по привычкѣ, мало отдающихъ себѣ отчета, почему это дѣлается, и наконецъ въ высшемъ, такъ называемомъ образованномъ классѣ, лицъ мало вѣрующихъ, или и совсѣмъ не вѣрующихъ, не въ слѣдствіе какогонибудь мысленнаго труда и боренія, а по увлеченію, потому что имъ кажется невѣріе признакомъ просвѣщенія. Истинно благочестивыя природы составляютъ исключеніе, и благочестіе, духовная созерцательность у нихъ—признаки не народности, не общаго натурѣ народнои, а ихъ собственной индивидуальной особенности. Между Южноруссами мы встрѣтимъ совсѣмъ обратное въ характерѣ. У этого народа много именно того, чего недостаетъ у Великоруссовъ; у нихъ сильно чувство всеприсутствія Божія, душевное умиленіе, внутреннее обращеніе къ Богу, тайное размышленіе о Промыслѣ, надъ собою, с рдечное влеченіе къ духовному, неизвѣстному, непредставляемому воображеніемъ, таинственному, но отрадному міру. Южноруссы исполняютъ обряды, уважаютъ формулы, но не подвергаютъ ихъ критикѣ; въ голову не войдетъ никакъ, нужно ли два или три раза пѣть аллилуіа, тѣми или другими пальцами слѣдуетъ дѣлать крестное знаменіе; и если бы возникъ подобный вопросъ, то для разрѣшенія его достаточно объясненія священника, что такъ постановила церковь. Если бы понадобились какіенибудь измѣненія въ наружныхъ сторонахъ богослуженія или переводъ книгъ св. писанія, Южноруссы никогда не возстали бы противъ этого, имъ бы не взошла мысль подозрѣвать какогонибудь искаженія святыни. Они понимаютъ, что внѣшность уста-

навливается церковью, изображаемую видимо въ ея руководящихъ членахъ, и что эти члены постановять, не извращая сущности, міряне безпрекосовно этому должны слѣдовать; ибо коль-скоро та или другая виѣшность выражаетъ одну и ту же сущность, то самая виѣшность не представляетъ и такой важности, чтобъ можно сдѣлать ее предметомъ спора. Намъ случалось говорить съ религіозными людьми и той и другой народности; Великорусскіе проявляютъ свою набожность въ словоизвѣтіяхъ надъ толкованіемъ виѣшности, буквы, принимаетъ въ этомъ важное участіе; если онъ строго православный, то православіе его состоитъ преимущественно во виѣшной сторонѣ; Южнорусскіе станеть изливать свое религіозно-нравственное чувство; не будетъ толковать о богослуженіи, объ обрядахъ, праздникахъ, а скажетъ свое благочестивое впечатлѣніе, производимое на него богослуженіемъ, торжественностію обряда, высокимъ значеніемъ праздника и т. д. Зато у насъ и образованный классъ не такъ легко поколебать въ вѣрѣ, какъ Великоруссовъ; заблужденіе, невѣріе виѣдряется въ нашей душѣ только влѣдствіе долгой, глубокой борьбы; напротивъ, къ сожалѣнію, мы видѣли великорусскихъ юношей, воспитанныхъ, какъ видно, съ дѣтства въ строгой набожности, въ исполненіи предписанныхъ церковныхъ правилъ; но они при первомъ легкомъ нападении, а нерѣдко влѣдствіе нѣсколькихъ остроумныхъ выраженій, покидаютъ знамя религіи, забываютъ внушенія дѣтства и безъ борьбы, безъ постепенности, переходить къ крайнему безвѣрію и материализму. Народъ южнорусскій — глубоко религіозный народъ, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова; такъ или иначе поставили бы его обстоятельства, то или другое воспитаніе было бы имъ усвоено, до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать еумма главныхъ признаковъ, составляющихъ его народность, онъ всегда сохранитъ въ себѣ начало религіи: это неизбѣжно при томъ поэтическомъ настроеніи, которымъ отличается его духовный складъ. Гдѣ поэзія, тамъ религія; одно безъ другого не мыслимо; вѣру въ душѣ убиваетъ анализъ; но поэзія противоположна анализу; поэтическая способность состоитъ въ соединеніи того, что анализъ разрываетъ по частямъ, въ созданіи цѣльнаго образа, который анализъ разлагая уничтожаетъ. Съ поэзіей неизбѣжна вѣра въ прекрасное, а прекрасное не подлежитъ анализу, ибо оно духовно; можно анализировать только матеріалъ, въ которомъ появляется прекрасное, можно разложить по частямъ музыкальный инструментъ и изслѣдовать эти части самымъ подробнымъ образомъ; можно съ другой стороны изслѣдовать законы звука, способъ передачи его чрезъ воздухъ нашему слуху, но нельзя

уловить и подвергнуть мелкому изслѣдованію цѣльность впечатлѣнія, производимаго сочетаніемъ звуковъ: оно цѣло, недѣлимо, духовно. Попытки матеріалистовъ добраться путемъ анализа явленій до сущности впечатлѣнія, производимаго изящнымъ на душу нашу, оставались и всегда останутся безуспѣшными и будутъ обличать собственную неспособность чувствовать и понимать красоту въ тѣхъ, которые на это рѣшались. Французы, народъ, какъ мы замѣтили, глубоко непоэтический, еще въ прошломъ столѣтіи возвѣщали теорію изящнаго, основанную на признакахъ его сущности, въ простомъ подражаніи природѣ. Эта мысль по душѣ Великобританцамъ и въ наше время была высказываема, и искренно, тѣми, у которыхъ доставало искренности говорить то, что они дѣйствительно ощущаютъ и, конечно, раздѣлялась многими, увидѣвшими отраженіе того, что давно таилось въ ихъ сердцахъ. Въ комъ есть живая струна поэзіи, того ничѣмъ нельзя разубѣдить въ присутствіи духовной творческой силы въ произведеніяхъ искусства, нельзя потому, что онъ ее ощущаетъ. Такъ точно нельзя никакими доводами матеріализма убѣдить въ несуществованіи духовнаго начала того, кто чувствуетъ его въ себѣ, и потому не нуждается ни въ доказательствахъ, ни въ опроверженіяхъ, какъ не нуждаемся мы ни въ какихъ словопреніяхъ о томъ, въ холодномъ или тепломъ мы воздухѣ, когда тѣло наше это сказывается намъ.

Съ присущностью поэзіи въ душѣ, съ чувствомъ красоты и способностью — уразумѣть ее, тѣсно соединено сознаніе нравственности, добра. Матеріалистъ неспособенъ понимать и любить добро, матеріалистъ понимаетъ одну только пользу. Если онъ добръ отъ природы, онъ выражаетъ свою доброту только тѣмъ, что готовъ дѣлать другимъ то, что считаетъ полезнымъ; самое высокое проявленіе его доброты состоитъ въ томъ, когда онъ готовъ дѣлать для другого то, въ чемъ, по своему положенію, не ощущаетъ полезности, но что другой считаетъ для себя полезнымъ. Но преимущественно добродѣтель его основывается на такомъ силлогизмѣ: если другому буду дѣлать добро, то и мнѣ станутъ его дѣлать. Совеѣмъ не то у человѣка, въ которомъ есть даръ и привычка ощущать въ себѣ живую душу и видѣть ее внутреннимъ зрѣніемъ, въ оболочкѣ вѣшнихъ для него явленій. Онъ не анализируетъ добра, которое и нельзя анализировать, какъ прекрасное; онъ созерцаетъ его въ его цѣльности и воспринимаетъ его всеѣмъ духовнымъ существомъ своимъ. Добро, облеченное въ фактъ въ матеріальномъ бытѣ, можетъ отразиться посредствомъ того, что называется пользою и что всегда такъ будетъ, но творящій доброе дѣло не думаетъ о пользѣ, а ви-

дѣлать предъ собою одно добро въ его нравственномъ совершенствѣ. Кто дѣлаетъ, имѣя въ виду пользу, тотъ необходимо при своемъ дѣйствіи задаетъ себѣ вопросъ, полезно ли то, что онъ намѣренъ творить; но кто думаетъ о добрѣ безотносительно къ пользѣ, тому не нужно разсужденія: онъ творитъ по внушенію чувства и разумнаго созерцанія красоты добра, дѣйствующей неотразимо на его волю.

Въ общественныхъ понятіяхъ, исторія напечатлѣла, на двухъ нашихъ народностяхъ, свои слѣды и установила въ нихъ понятія совершенно противоположныя. Стремленіе къ тѣсному слитію частей, уничтоженіе личныхъ побужденій подъ властію общихъ, ненарушимая законность общей воли, выраженная какъ бы смысломъ тяжелой судьбы, совпадаетъ, въ великорусскомъ народѣ, съ единствомъ семейнаго быта и съ поглощеніемъ личной свободы идеєю *мира*, выразились въ народномъ бытѣ недѣлимостію семей, общинною собственностію, тяглою посадовъ и селъ въ старину, гдѣ невинный отвѣчалъ за виновнаго, трудолюбивый работалъ за лѣниваго. Какъ глубоко лежитъ это въ душѣ Великорусса, показываетъ то, что по поводу устройства крестьянъ въ наше время, заговорили въ пользу этого Великоруссы съ разныхъ точекъ зрѣнія, подъ вліяніемъ и заоздалаго Московскаго Славянофильства, и новомоднаго французскаго социализма. Для Южнорусса нѣтъ ничего тяжеле и противнѣе такого порядка, и семья южнорусскія дѣлается и дробится, какъ только у членовъ ихъ является сознаніе о потребности самобытной жизни. Опека родителей надъ взрослыми дѣтьми кажется для южнорусса несноснымъ деспотизмомъ. Претензіи старшихъ братьевъ надъ меньшими, какъ дядей надъ племянниками, возбуждаютъ неистовую вражду между ними. Кровная связь и родство мало располагаютъ у насъ людей къ согласію и взаимной любви; напротивъ очень часто люди прिवѣтливые, кроткіе, мирные и уживчивые находятъ въ непримиримой враждѣ со своими кровными. Ссоры между родными — явленіе самобытно-вещное и въ низшемъ и въ высшемъ классѣ. Напротивъ, у Великоруссовъ, кровная связь заставляетъ человѣка перѣдко быть къ другому дружелюбнѣе, справедливѣе, снисходительнѣе, даже когда онъ вообще не отличается этими качествами въ отношеніи къ чужимъ. Въ Южной Руси, чтобъ сохранить любовь и согласіе между близкими родственниками, надобно имъ разойтись и какъ можно меньше имѣть общаго. Взаимный долгъ, основанный не на свободномъ соглашеніи, а на роковой необходимости, тягостенъ для Южнорусса, тогда какъ Великорусса онъ болѣе всего успокаиваетъ и умиряетъ его личные побужденія. Велико-руссы изъ покорности долгу готовы принудить себя любить своихъ ближ-

нихъ по крови, хотя бы они ему не по душѣ, снисходить къ нимъ, потому что они ему сродни, чего бы онъ не сдѣлалъ по убѣжденію, онъ готовъ для нихъ на личное пожертвованіе, сознавая, что они того не стоятъ, но что они все таки *свои кровь*. Южнорусъ, напротивъ, готовъ, кажется, разлюбить ближняго за то, что онъ его кровный, менѣе снисходителенъ къ его слабостямъ, чѣмъ къ чужому, и вообще родство ведетъ его не къ утверженію добраго расположенія, а скорѣе къ его ослабленію. Нѣкоторые Великоруссы, пріобрѣвшіе себѣ въ Южной Руси имѣнія, затѣвали иногда вводить въ малорусскія семьи великорусскую плотность и недѣлимость, и плодомъ этого были отвратительныя сцены: не только родные братья готовы были поминутно завести драку, но сыновья вытаскивали отцовъ своихъ за волосы черезъ пороги дома. Чѣмъ болѣе принципъ семейной власти и прочной кровной связи виѣдряется въ жизнь, тѣмъ презрѣннѣе онъ на нее дѣйствуетъ. Южнорусъ тогда почтительный сынъ, когда родители оставляютъ ему полную свободу и сами на старости лѣтъ подчиняются его волѣ; тогда добрый братъ, когда съ братомъ живетъ какъ сосѣдъ, какъ товарищъ, не имѣя ничего общаго, нераздѣльнаго. Правило: *каждому свое*, соблюдается въ семействахъ; не только взрослые члены семьи не надѣваютъ одежды другого, даже у дѣтей у каждаго свое; у Великоруссовъ, въ крестьянскомъ быту, часто двѣ сестры не знаютъ, кому изъ нихъ принадлежитъ тотъ или другой тулузъ, а объ отдѣльной принадлежности у дѣтей не бываетъ и помина.

Обязательная общинность земская и отвѣтственность личности міру для Южноруса есть въ высшей степени неносимѣйшее рабство и вопиющая несправедливость. Не смѣть назвать ничего своимъ, быть батракомъ какого-то отвлеченнаго понятія о *міръ*, отвѣчать за другого безъ собственнаго желанія — ко всему этому не расположила народъ южнорусскій его прошедшая жизнь. *Громада* по южнорусскому понятію совѣтъ не то, что *міръ* по великорусскому. Громада есть добровольная сходка людей; кто хочетъ — въ ней участвуетъ, кто не хочетъ — выходитъ, такъ какъ въ Запорожьѣ — кто хотѣлъ — приходилъ, кто хотѣлъ — выходилъ оттуда добровольно. По народному понятію, каждый членъ громады есть самъ по себѣ независимая личность, самобытный собственникъ; обязанность его къ громадѣ только въ сферѣ тѣхъ отношеній, которыя устанавливаютъ связь мажду ея членами для взаимной безопасности и выгодъ каждаго, — тогда-какъ, по великорусскому понятію, міръ есть какъ бы отвлеченное выраженіе общей воли, поглощающей личную самобытность каждаго. Главное различіе здѣсь, конечно, истекаетъ отъ по-

земельной общинности. Коль скоро членъ міра не можетъ назвать своею собственностію участокъ земли, который онъ обрабатываетъ, онъ уже не свободный человѣкъ. Мірское устройство великорусское есть стѣсненіе, и потому форма послѣдняго, введенная властію, приняла въ себя духъ и смыслъ, господствующій въ Великороссіи; корень его лежалъ уже въ глубинѣ народной жизни: оно истекло нравственно изъ того же стремленія къ тѣсному сплоченію, къ единству общественному и государственному, которое составляетъ, какъ мы показали, отличительный признакъ великорусскаго характера. Частная поземельная собственность выводится такимъ легальнымъ путемъ изъ великорусской общественной философіи. Все общество отдастъ свою судьбу лицетворенію своей власти, тому лицу, которое поставляетъ надъ обществомъ Богъ, и, слѣдовательно, все обязано ему повиновеніемъ. Такимъ образомъ, все принадлежитъ ему безусловно, какъ намѣстнику Божію; отсюда понятіе, что все Божье да царское. И предъ царемъ, какъ и предъ Богомъ, всѣ равны. Но какъ Богъ одного возвышаетъ, награждаетъ, а другого караетъ, унижаетъ, такъ поступаетъ и царь, исполняющій на землѣ божественную волю. Это выражается прекрасно пословицею: воля Божья, судъ царевъ. Отсюда народъ безропотно сносилъ даже и то, что казалось превоеходило мѣры человѣческаго терпѣнія, какъ, на примѣръ, душегубства Іоанна Грознаго. Царь дѣлалъ несправедливо, жестоко, но тѣмъ не менѣе онъ былъ орудіемъ Божіей воли. Противиться царю, хотя бы и несправедному, значитъ противиться Богу: и грѣшно и бесполезно, потому что Богъ пошлетъ еще худшія бѣды. Имѣя безусловную власть надъ обществомъ, царь есть *государь*, то есть, полный владѣтель собственникъ всего государства. Слово *государь* именно означало собственника, имѣющаго право безусловно, по своему усмотрѣнію, распорядиться всѣмъ, что есть въ его государствѣ, какъ своими вещами. Оттого-то древніе Новгородцы, воспитавшіе себя подъ иными началами, различные притомъ отъ Великоруссовъ по народности, такъ взволновались, когда Иванъ III задумалъ измѣнить древній титулъ *господина* на титулъ *государя*. Понятіе о господинѣ выражало лицо, облеченное властію и уваженіемъ; господь могло быть много: и владыка былъ господинъ, и посадникъ — господинъ; но государь былъ лицо, о власти котораго не могло быть и разсужденія: онъ былъ единъ, какъ единъ собственникъ вещи; Иванъ домогался быть государемъ въ Новгородѣ, хотѣлъ замѣнить собою Великій Новгородъ, который былъ до того времени государемъ; также точно какъ въ Великороссіи великій князь замѣнилъ обществен-

ную волю всей націи. Будучи самодержавнымъ творцомъ общественныхъ условій, государь дѣлалъ все и, между прочимъ, жаловалъ за службу себѣ землями. Такимъ образомъ земля принадлежала, по первоначальному понятію, міру, то есть, всему обществу; по передачѣ этого права — лицу государя, давалась отъ послѣдняго въ пользованіе отдѣльнымъ лицамъ, которыхъ угодно было государю возвысить и надѣлать. Мы говоримъ *пользованіе*, ибо въ точномъ значеніи *собственникововъ* не было. То, что давалось отъ царя, всегда могло быть отнято и отдано другому, что безпрестанно и случалось. Коль скоро образовалось отношеніе рабочихъ къ такому землевладѣльцу, то землевладѣлецъ, естественнымъ порядкомъ, получилъ значеніе олицетвореннаго міра, также какъ царь въ значеніи олицетворенной націи. Крѣпостной человекъ соединялъ свою судьбу съ достоинствомъ господина: воля барина стала для него замѣнять собственную волю, точно также, какъ тамъ, гдѣ не было барина, эту собственную личную волю поглощала міръ. У помѣщичьихъ крестьянъ земля принадлежитъ барину, который даетъ ее лицамъ, земледѣльцамъ, по своему усмотрѣнію; такъ и у казенныхъ крестьянъ: земля отдана міру въ пользованіе, а міръ, по своему усмотрѣнію, даетъ ее отдѣльнымъ лицамъ въ пользованіе. Въ Южной Руси, которой историческая жизнь текла иначе, не составилось такого понятія о мірѣ. Тамъ прежнія древнія удѣльно-вѣчевыя понятія продолжали развиваться и встрѣтились съ польскими, которыя, въ основѣ своей, имѣли много общаго съ первыми и если измѣнились, то влѣдствіе западно-европейскихъ понятій. Древнее право личной свободы не было поглощено перевѣсомъ общественнаго могущества и понятіе объ общей поземельной собственности не выработалось. Польскія идеи произвели въ старорусскихъ только тотъ переворотъ, что регулировали послѣднія. Каждый земледѣлецъ былъ независимымъ собственникомъ своего достоянія; польское вліяніе только обезопасило его отъ произвола народной воли, и прежде выражавшагося самодѣйствіемъ общества въ смыслѣ соединенія свободныхъ личностей, и облекло его владѣніе *de facto* правомъ. Такимъ образомъ, оно возвысило богатыхъ и вліятельныхъ, образовало высшій классъ, а массу бѣднаго народа повергло въ порабощеніе. Но тамъ магнаты владѣлецъ не представлялъ собою выраженія царской, а чрезъ нее и барской, воли: онъ владѣлъ *по праву*; въ переводѣ на болѣе простой языкъ — право это выражало силу, торжество обстоятельствъ и давность происхожденія. Тамъ крестьянинъ не могъ дать своему господину никакого значенія священной воли, ибо онъ отвлеченнаго права не понималъ, потому что самъ

имъ пользовался, а олицетворенія онъ не видалъ, ибо его господинъ былъ свободный человекъ. Естественно, и рабъ, при первой возможности, желалъ сдѣлаться свободнымъ; тогда какъ въ Великороссіи онъ не могъ этого желать, ибо находилъ своего господина завистливымъ отъ другой высшей воли, такъ же какъ онъ самъ завистелъ отъ него. У Южноруссовъ рѣдко были случаи, чтобъ крѣпостной былъ искренно расположенъ къ своему господину, чтобъ такъ былъ связанъ съ нимъ безкорыстною, будто сыновнею, любовью, какъ это не рѣдко мы видѣли въ мірѣ отношеній господъ къ крестьянамъ и слугамъ въ Великороссіи. У Велико-россиянъ встрѣчаются примѣры трогательной привязанности такого рода. Крѣпостной человекъ, слуга, рабъ, нерѣдко преданъ своему барину вполне, душою и сердцемъ, даже и тогда, когда баринъ не цѣнитъ этого. Онъ хранитъ барское добро, какъ свое; радуется, когда честолюбивый баринъ его получаетъ почетъ. Намъ случалось видѣть господскихъ слугъ, которымъ повѣрялось завѣдывать какимъ нибудь интересомъ. Самы довѣренныя были естественныя плуты, и надували всякаго въ пользу своего барина, но въ отношеніи послѣдняго были аристократически честны и прямодушны. Напротивъ, Малороссы оправдываютъ собою пословицу: волка сколько ни корми, все въ дѣсь смотреть. Если крѣпостной слуга не обманетъ господина, то потому, что никого не обманываетъ; но если ужъ искусился на обманъ, то обманетъ прежде своего барина. Какъ часто случалось слышать жалобы на Малороссиянъ отъ тѣхъ владѣльцевъ, которые, будучи Великоруссами по происхожденію, приобрѣли себѣ населенныя имѣнія въ Южнорусскомъ краѣ. Напрасно добрымъ обращеніемъ и справедливостью старались они привязать къ себѣ подданныхъ; барскія работы исполнялись всегда безъ желанія, и оттого-то между высшимъ классомъ у насъ распространилось убѣжденіе, что Малороссіяне — народъ лѣнивый. Ни искренности, ни привязанности. Страхъ дѣйствуетъ на нихъ успѣшнѣе, и потому добрые господа дѣлались суровыми. Обыкновенно старались окружить свою особу Великоруссами, а съ малоросійскими крестьянами находились въ далекихъ отношеніяхъ, какъ бы къ чуждому народу. Тоже самое и еще хуже для Малорусса—*міръ* въ великорусскомъ смыслѣ этого слова. Что касается до укора, дѣлаемаго обыкновенно Малороссиянамъ въ лѣни, то они дѣлаются такими подъ условіями чуждыхъ имъ общественныхъ началъ крѣпостнаго или мірскаго права: послѣднее выражается для Малороссиянъ (которые не скованы узами общинной собственности), связью различныхъ условій, ограничивающихъ ихъ свободное распоряженіе со-

бою и своимъ достоинствомъ, приближающихся къ мірекому устройству. Вообще же упрекъ въ лѣности несправедливъ; даже можно замѣтить, что Малорусскій по своей природѣ трудолюбивѣе Великорусскій и всегда такимъ показываетъ себя, коль скоро находитъ свободный исходъ своей дѣятельности.

Очень можетъ быть, что я во многомъ ошибся, представляя такія понятія о различіи двухъ русскихъ народностей, составившіяся изъ наблюдений надъ исторіей и настоящей ихъ жизнью. Дѣло другихъ будетъ обличать меня и исправить. По разумѣя такимъ образомъ это различіе, я думаю, что задачей вашей *Основы* будетъ: выразить въ литературѣ то вліяніе, какое должны имѣть на общее наше образованіе своеобразные признаки южнорусской народности. Это вліяніе должно не разрушать, а дополнять и умѣрять то коренное начало великорусское, которое ведетъ къ сплоченію, къ слитію, къ строгой государственной и общинной формѣ, поглощающей личность, и стремленію къ практической дѣятельности, впадающей въ матеріальность, лишенную поэзіи. Южнорусскій элементъ долженъ давать нашей общей жизни растворяющее, оживляющее, одухотворяющее начало. Южнорусское племя, въ прошедшей исторіи, доказало неспособность свою къ государственной жизни. Оно справедливо должно было уступить именно великорусскому, примкнуть къ нему, когда задачей общей русской исторіи было составленіе государства. Но государственная жизнь сформировалась, развила и окрѣпла. Теперь естественно, если народность съ другимъ противоположнымъ основаніемъ и характеромъ вступитъ въ сферу самобытнаго развитія и окажетъ воздѣйствіе на великорусскую.

Совсѣмъ другое отношеніе южно-русской народности къ польской. Если южно-русскій народъ дальше отъ польскаго, чѣмъ отъ великорусскаго, по составу языка, то за то гораздо ближе къ нему по народнымъ свойствамъ и основамъ народнаго характера. Такой или подобной противоположности, какую мы замѣтили между Великоруссами и Южноруссами, не существуетъ между Поляками и Южноруссами ни во внутренней, ни во вѣтшной сторонѣ быта; напротивъ, если бы пришлось найти коренные признаки различія Поляковъ отъ Великоруссовъ, то во многомъ пришлось бы повторить тоже, что сказано о Южноруссахъ. Но за то, при такой близости, есть бездна, раздѣляющая эти два народа и притомъ — бездна, черезъ которую построить мостъ не видно возможности. Поляки и Южноруссы — это какъ бы двѣ близкія вѣтви, развившіяся совершенно противно: одна воспитали въ себѣ и утвердили начала пан-

ства, другіе — мужицтва, или выражаясь словами общепринятыми, одинъ народъ — глубоко аристократическій, другой — глубоко демократическій. Но эти термины не вполне подходятъ подъ условія нашей исторіи и нашего быта; ибо какъ польская аристократія слишкомъ демократическая, такъ наоборотъ аристократична южнорусская демократія. Тамъ панство ищетъ уравненія въ своемъ сословіи; здѣсь народъ, равный по праву и положенію, выпускаетъ изъ своей массы обособляющіяся личности и потомъ стремится поглотить ихъ въ своей массѣ. Въ польской аристократіи не могло никакъ принятъся феодальное устройство; шляхетство не допускало, чтобъ изъ его сословія одни были по правамъ выше другихъ. Съ своей стороны, южнорусскій народъ, устанавливая свое общество на началахъ полнѣйшаго равенства, не могъ удержать его и утвердить такъ, чтобъ не выступали лица и семьи, стремившіяся сдѣлаться родами съ правомъ преимущества и власти надъ массою народа. Въ свою очередь масса возставала противъ нихъ то глухимъ негодованіемъ, то открытымъ противодействіемъ. Вглядитесь въ исторію Новгородъ на сѣверѣ и въ исторію Гетманщины на югѣ. Демократическій принципъ народнаго равенства служитъ подкладкою; но на ней безпрестанно приподнимаются изъ народа высшіе слои, и масса волнуется и принуждаетъ ихъ уложиться снова. Тамъ нѣсколько разъ толпа черни, подъ возбуждательные звуки вѣчеваго колокола, разоряетъ и сожигаетъ до-тла Прусскую улицу — гнѣздо боярское; тутъ нѣсколько разъ *черная* или *чернецкая рада* истребляетъ *значныхъ кармазинниковъ*; и не исчезаетъ однако Прусская улица въ Великомъ Новгородѣ, не переводятся *значные* въ Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра. И тамъ и здѣсь эта борьба губитъ общественное зданіе и отдаетъ его въ добычу болѣе спокойной, яснѣе сознающей необходимость прочной общины, народности.

Замѣчательно, какъ народъ долго и вездѣ сохраняетъ завѣтныя привычки и свойства своихъ прародителей: въ Черноморьѣ, на Запорожскомъ новосельѣ по разрушеніи Сѣчи, совершалось тоже, что нѣкогда въ Малороссіи. Изъ общинъ, составлявшихъ курени, выдѣлились личности, заводившія себѣ особыя хутора. Въ южнорусскомъ сельскомъ быту совершается почти подобное въ своей сферѣ. Зажиточныя семьи возвышаются надъ массою и ищутъ надъ нею преимущества, и за то масса ихъ ненавидитъ; но у массы нѣтъ понятія, чтобъ человѣкъ лишился самодѣятельности, нѣтъ началъ поглощенія личности общинностию. Каждый ненавидитъ богача, знатнаго, не потому чтобъ онъ имѣлъ въ головѣ какую

нибудь утопію о равенствѣ, а, завидуя ему, досадуетъ, почему онъ самъ не таковъ.

Судьба южнорусскаго племени устроилась такъ, что тѣ, которые выдвигались изъ массы, обыкновенно теряли и народность; въ старину они дѣлались Поляками, теперь дѣлаются Великороссіянами: народность южнорусская постоянно была и теперь остается достояніемъ простой массы. Если же судьба оставитъ выдвинувшихся въ сферѣ прадѣдовской народности, то она какъ-то ихъ поглощаетъ снова въ массу и лишаетъ пріобрѣтенныхъ преимуществъ.

Съ польскою народностію совершилось обратное: тамъ личности, выдвинувшіяся изъ массы, если они были Поляки, не мѣняютъ своей народности, не идутъ назадъ, но образуютъ твердое сословіе. Исторія связала Поляковъ съ Южноруссами такъ, что значительная часть польской шляхты есть не что иное, какъ переродившіяся Южноруссы, именно тѣ, которые силою счастливыхъ для нихъ обстоятельствъ выдвинулись изъ массы. Оттого и образовалось въ отношеніяхъ этихъ народностей такое понятіе, что польская есть панская, господская, а южнорусская холонская, мужицкая. Понятіе это остается и до сихъ поръ, и проявляется во всѣхъ попыткахъ Поляковъ на такъ называемое сближеніе ихъ съ нами. Поляки, толкующіе о братствѣ, о равенствѣ, въ отношеніи насъ высказываютъ себя панами. Подъ различными способами выраженія они говорятъ намъ: будьте Поляками; мы хотимъ васъ, мужиковъ, сдѣлать панами. И тѣ, въ либеральныя и честныя намѣренія которыхъ мы вѣримъ, говорятъ въ сущности тоже: если не идетъ дѣло о господствѣ и подавленіи нашего народа матеріально, то неоспоримо и явно ихъ желаніе подавить и уничтожить насъ духовно, сдѣлать насъ Поляками, лишить насъ своего языка, своего склада понятій, всей нашей народности, заключивъ ее въ польскую, что такъ ясно проявляется въ Галиціи.

Отъ этого-то, въ настоящее время, между нами и Поляками не можетъ быть такой обмѣны, такого соединенія и братства, какъ съ Великоруссами. Последніе по характеру противоположны намъ, но именно это и служитъ ручательствомъ необходимости этой связи: у Великоруссовъ есть то, чего у насъ нѣтъ, а мы съ своей стороны можемъ наполнить пробѣлы въ ихъ народности. Малоруссы сознавали и сознаютъ неизбѣжность и неразрывность связи съ Великоруссами, потому что последніе способны столько же, сколько мы неспособны, къ организаціи, къ поддержкѣ общественнаго тѣла и правильности его отправления; съ своей стороны мы не останемся лишними для нравственной цивилизаціи Великоруссовъ; до-

казательствомъ можетъ служить то, что добрый Великоруссъ какъ только заѣдетъ къ нашему народу, непременно насъ полюбитъ и получитъ симпатію къ малорусскому народу; онъ найдетъ въ немъ тѣ живительныя начала поэзіи, которыя мало судили развить Великороссамъ крутыя обстоятельства прежней ихъ исторіи. Поляки ничего отъ насъ не получаютъ, ибо ихъ коренныя свойства одинаковы съ нашими, но мы также не можемъ ничего отъ нихъ заимствовать, кромѣ панства, а это панство — убиваетъ нашу народность. . . .

Н. К о с т о м а р о в ъ .

ГАЛИЦКО-РУССКАЯ ГАЗЕТА «СЛОВО».

Мы получили объявление объ изданіи, съ января текущаго года, во Львовѣ, »Руської Политичної Часописи«, при слѣдующемъ письмѣ:

»Щиро-братское поздравленье! Зачинаемъ зъ Богомъ нову Часопись — если ласка Ваша пособитъ своими дописями. — Навчѣть насъ, якимъ чиномъ можна бы Вамъ пересылати нашу Газету, — а если можна, постарайтесь; чи не доставали бы мы який небудь журналъ русекій въ замѣну.

Здорови ся оставайте,
За братій не забувайте.»

Всѣмъ сердцемъ привѣтствуемъ начало народной журналистики въ близкой намъ южнорусской Галиціи. Политическая газета: »Слово« будетъ преимущественно посвящена отечественной, Русинской жизни и намѣрена быть вполнѣ *Словомъ Руськимъ*. Редакція »Слова« призываетъ идущихъ съ нею по одному пути — служить соединенными силами »святій справѣ Руського народу.«

»Слово« начинаетъ тѣмъ, что будетъ печататься *гражданкою*, а не польскими и не церковно-славянскими буквами, какъ домогались того — съ одной стороны Поляки, съ другой — Австрійцы. Мы увѣрены, что »Слово« достойнымъ образомъ исполнитъ свое дѣло и не смотря двойной иноплеменный гнетъ — пребудетъ вѣрнымъ и непоколебимымъ слугою Русинской народности, и до конца не измѣнитъ народному желанію, превосходно высказанному почтеннымъ Я. О. Головацкимъ. — Доказывая право Русинскаго народа на охраненіе и развитіе своей народности, — онъ выразился такъ на счетъ всѣхъ препятствій и противодействій: »насъ можно сломать, но — не согнуть«. Мы въ этомъ увѣрены, видя оживленіе Русиновъ, видя готовность ихъ — приносить сильныя жертвы для всякаго дѣла, полезное народному просвѣщенію и благосостоянію.

Еще разъ братски привѣтствуемъ Русинское »Слово«. Но не утаимъ отъ него нашего глубокаго убѣжденія, которое, быть можетъ, раздѣляетъ уже съ нами редакція: »Слово« тогда будетъ имѣть успѣхъ, тогда достигнетъ цѣли, когда сдѣлается народнымъ не только по своему намѣренію, не только по мысли, но и по языку. »Лѣтче своё лѣтане, шѣжъ чужее хвѣтане, лѣтче своё лѣхматне, шѣжъ чужее прѣхатне.« Этого народнаго языка слѣдуетъ искать не въ книгахъ, а въ живомъ словѣ народа: оно должно быть главнымъ источникомъ и основой письменной словесности; изъ него, какъ изъ корня, она должна развиваться и расцвѣтать. Пользуясь безъ разбора другими языками, что мы безпрестанно замѣчаемъ у Галицкихъ Русинскихъ писателей, »Слово« можетъ достигать постороннихъ цѣлей, но — не главной, и никогда не сдѣлается живымъ органомъ народной мысли и чувства, никогда не будетъ душею народной жизни.

Сообщаемъ нашимъ читателямъ объявленіе о »Словѣ«, въ подлинникѣ:

ЗАПРОШЕНІЕ КЪ ПРЕДЛАТЬ

НА РУСКУ ПОЛИТИЧНУЮ ЧАСОПИСЬ

»СЛОВО«,

ИЗДАВАЕМУ ВЪ ЛЬВОВѢ 1861.

Высылаемъ сіе запрошеніе въ русскій міръ тотчасъ послѣ полученія концессіи на издаваніе нашего »Слова«, увѣрены будучи, що скорымъ объявленіемъ возрадуемъ многихъ, которые будь письменнио, будь устно не перестаютъ допрошивати насъ, коли уже разъ станемъ рѣдною рускою часописію бесѣдовати о справахъ домашнихъ та заграничныхъ съ любимыми Родимцами.

Концессію получили мы $\frac{3}{15}$ Сѣчня с. г., и подаемъ слѣдующій существенный уступъ ей до общей вѣдомости: »Высокое ц. к. Министерство Полиціи удѣлило Вамъ рѣшеніемъ зъ дня 7 т. м. Ч. 68 концессію на выдаваніе кавціональной временописи, котора мае по предложенному Вами програму въ языцѣ рускомъ подъ названіемъ »Слово« що тыждня два разы во Львовѣ выходити и въ печатны Института Ставропигійско-го Вашимъ власнымъ накладомъ печататися.«

Мы починили соотвѣтныя кроки относительно кавціи, и надѣемся на сихъ дняхъ вручити ю принадлежащимъ властямъ. Взглядомъ же програму объявляемъ тутъ коротко, що стаемъ на основаніи цѣсарского Диплома зъ 20 Октоврія 1860 года, принимаючи его лояльно въ такомъ смыслѣ, въ якомъ ростолкованный онъ за свѣжа извѣстнымъ Окружнымъ Послаіемъ нового Державного Министра, Рыцаря А. Шмерлинга. Точнѣйшее розвитье и близшое опредѣленье нашего политического вѣроисповѣданія оставляемъ до первого числа нашей времепописи, примѣчая вышѣ толькo то, що намѣрены мы головную и наибольшу часть нашего »Слова« посвятити справамъ рускимъ, домашнимъ, стараючися усильно, абы сіе »Слово« въ полномъ смыслѣ было — *русское*.

Тожъ засылаючи дружеское поздравленіе нашимъ Родимцямъ-Шитателямъ, ббльшую частію объявившимъ уже свою готовость насъ прилѣжнымъ сотрудіемъ венерати, взываемъ такъ Ихъ, якъ и всякого, кому благо нашего народа лежитъ на сердци, абы изволили они хотьбы *уже отъ нынѣ* смѣло и отверто дописывати къ намъ преимущественно въ справахъ Руси домашнихъ. Оразъ же запрашаемъ такъ Почт. Родимцѣвъ нашихъ Галицкихъ, якъ и Братей-Русиновъ за-Карпатскихъ до всевозможно численного соучастія въ предплатѣ, изъявляючи мимоходомъ то, що впрочемъ всѣмъ извѣстно, яко существованье нашей времепописи исключно и едино отъ того Ихъ соучастія зависятъ.

Ведля затверженного концессією програму помѣщати буде наша времепопись: *вступныи артикулы*, имѣющіи на цѣли роесправляти о вопросахъ политичныхъ, соціальныхъ и религіиныхъ; *дописи* содержания розличного; *пересмотръ часописей* краевыхъ и заграничныхъ; *извѣстїи* зъ краевъ коронныхъ Австрїи и зъ чужины; *справозданья* и донесенія о дѣлательности благополезныхъ рускихъ обществъ, яко: Матицы русской, Комиссіи Народного Дому, Братства Ставропигійского и пр.; *посланїя* и рѣшенія рускихъ *Ординаріатовъ* и Консесторїи, именно тїи, которы дотычатъ справъ Духовенства и дѣлъ школьныхъ; *новинки* щоденныи; обвѣщенїя урядовыи, — *курсъ* грошей, — *цѣны* земледельцъ, — *инсераты*. Кромѣ того долѣшнюю часть »Слова« займе *фелетонъ*, который своимъ преимущественно науковымъ и изьящно-литературнымъ содержаниемъ составляти буде иѣяко особную часопись въ часописи.

Уже зъ другой половины с. м. — числячи по нашему рускому Мѣсяцеслову — стане выходити наше »Слово« на аркуши великого формата по два *раза на тыждень*, именно що Середы и Суботы. Намѣрая искреннее согласіе сохранять съ заслужившимся отъ давна для Ру-

си »Вѣстникомъ« Вѣдѣньскимъ, оно здоровить его днесъ по братнѣму и предлагае: служити соединенными силами *святой справы руского народа* — взаимнымъ дополненіемъ.

»Слово« буде печататися *гражданкою*, котора власнѣ теперь свѣжо для него выливаеся, и чейже до первого числа буде уже готова. Пренумерата выноситъ на *цѣлый рокъ* вразъ съ почтовою пересылкою 8 р. а. в., на *полъ року* 4, на *четвертьрочіе* 2 р. н. Въ мѣстци дозволяеся и на 1 мѣсяць по 67 кр. пренумеровати.

Бюро Редактора есть на головной Лычаковской улицѣ подъ ч. 100^{1/4}; — экспедиція же умѣстится отъ дня появленія »Слова« въ Народномъ Домѣ, куда изволятъ ти Г. Пренумеранты, которые на мѣстци предплатити желають, отповѣдну належитость на руки нашего Сотрудника, тамъ же обыгающого, ласкаво отсылати.

Богданъ А. Дѣдицкій,
отвѣчательный редакторъ »Слова«.

Львовъ, въ навечеріе С. Богоявленія 1861.

БИБЛІОГРАФІЯ

ВПРОСА ОБЪ УЛУЧШЕНІИ БЫТА ПОМЪЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ

ВЪ ЮЖНОРУССКОМЪ КРАЪ.

Съ 1857 — 1860.

I. Исторія крестьянскаго вопроса.

КРЕСТЬЯНЕ въ Юго-Западной Руси XVI в. *Д. Мордовцевъ. Архивъ Н. Калачева.* 1859, 3. (3-я часть серіи, прежде издав. Архива г. Калачева), 49 — 47 стр.

Статья помѣщена подъ рубрикою: *Приготовительный свѣдѣній для словаря историко-юридическаго собственныхъ именъ и техническихъ терминовъ*, встречающихся въ древнихъ русскихъ памятникахъ. — Содержаніе: крестьяне: а) королевскіе, частныхъ владѣльцевъ, вольные нахожіе, б) тяглые, огородники, подеусѣдки, вольники, осадники, бояре путные, конные, земляне. Инвентари. Арендные листы.

НАШИ въ бѣгахъ. *Аванасьевъ. Южный Сборникъ*; 6, стр. 51 — 60.

Разсказъ о томъ, какъ крестьяне, вълѣдствіе распространившагося слуха о раздачѣ даромъ земель въ Крыму и на Кавказѣ, поднялись на переселеніе.

ОБЪ ОТКРЫТІИ Черниговскаго комитета по крестьянскому дѣлу и о закрытіи засѣданій онаго. *Ө. Павловъ. Черниговскія пубернскія вѣдомости.* 1859; 9, 10 стр.

Открытие проиходило 22 июня 1858 г., закрытие-же 22 февраля 1859 г. Въ статьѣ помѣщены рѣчи: Начальника губерніи, г.г. А. И. Покорскаго—Жоравко, Н. П. Бороздны, В. И. Лизогуба; стихи: А. И. Ханенко; рѣчи: В. О. Подысоцкаго, П. А. Васильчикова, Г. И. Галагана, А. И. Лизогуба и В. Д. Дунинъ—Барковекаго.

ХАРЬКОВСКІЙ ГУБЕРНСКІЙ КОМИТЕТЪ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. *Як... Прибавленія къ Харьковскимъ губерскимъ вѣдомостямъ*. 1859; 33 и 34 и *Русскій Дневникъ*; 1859, 8 стр.

Здѣсь помѣщены: 1) Рѣчи П. И. Лялина, 2) Д. А. Хрущова, 3) стихи Н. К. Гарцевича, 4) рѣчь М. Г. Гаршина, 5) Н. С. Краевского, 6) А. Н. Бахметева, 7) П. И. Нахимова, 8) г. Войтенко и 9) Г. П. Данилевскаго.

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ быта крестьянъ въ Галиціи. *Е. Карновичъ. Отечественныя Записки*. 1858; 3, стр. 34.

Историческое изложеніе устройства крестьянскаго быта въ Галиціи, начавшееся въ 1774-мъ году уничтоженіемъ, Австрійскимъ кодексомъ, крѣпостнаго права, какъ начала юридическаго и продолжающееся и по нынѣ опредѣленіемъ панщины. Въ концѣ статьи авторъ задаетъ себѣ 3 вопроса: 1) Своевременно и не рано ли послѣдовало въ Галиціи измѣненіе въ отношеніяхъ помѣщика къ крестьянину? 2) Справедливо ли было произвести это измѣненіе? 3) Нужно ли было сдѣлать вознагражденіе тѣмъ, которые потерпѣли убытокъ влѣдствіе введенія новаго государственнаго порядка?

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ быта крестьянъ въ Галиціи. *Журналъ Землевладельцевъ*. 1858; 7, 6 стр.

Разборъ статьи Е. Карновича, помѣщенной въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1858 г., № 3.

ОБЪ УЛУЧШЕНІИ быта сельскаго населенія Австріи. *К. Фогель*. Ст. I и II. *Сынъ Отечества*. 1858; 22 и 29. —

Тутъ же говорится и о Галиціи.

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ земледѣльческаго сословія въ Австріи. *Н. Рунъ*. *Русская Бесѣда*. 1857; 1, стр. 103—136.

ЗАМѢТКИ о заселеніи земель и о владѣніи ими въ Константиноградъ

скомъ уѣздѣ. *И. Дьяковъ. Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ.* 1860; 8, стр. 56—70.

Представляя мои бѣглыя замѣтки, говоритъ авторъ, о заселеніи и владѣніи землями на частичкѣ мѣстности Новороссійскаго края, основанныя на преданіяхъ и семейныхъ документахъ, я имѣлъ въ виду только сообщить нѣсколько матеріаловъ для исторіи Новороссійскаго края, начало которой положено г. Скальковскимъ въ его »Хронологическомъ обзорѣніи Новороссійскаго края.«

Старозаимочныя земли Харьковской губерніи. *Т. Селивановъ. Харьковскія губерискія вѣдомости.* 1860; 5, 6 стр.

Статья эта написана по поводу предстоящихъ преобразований быта помѣщичьихъ крестьянъ, когда дѣлается необходима исторія землевладѣнія. Подъ словомъ «старозаимочныя земли» подразумѣваются такія земли, которыя еще во время царя Алексѣя Михайловича, 1699 г., были розданы украинскимъ полкамъ, въ видахъ образованія населенія, которое своимъ заселеніемъ пустыхъ мѣстъ между Россією и Крымомъ, заслонили бы отечество наше отъ опустошительныхъ набѣговъ Крымскихъ Татаръ (слово *заимка* выражаетъ свободное занятіе).

О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи. *И. Пванишевъ. Русская Бесѣда.* 1857; 3, стр. 1—57.

Въ этой статьѣ, на основаніи актовыхъ книгъ Луцкихъ, Владимірскихъ и Житомирскихъ изложены: составъ юго-западной сельской общины, устройство сельскихъ народныхъ собраній и юридическіе обычаи, по которымъ производились слѣдствія и постановленія судебныхъ рѣшеній.

По поводу предъидущей статьи. *Б. Русская Бесѣда.* 1857; 3, стр. 58—63.

Авторъ указываетъ на связь сельскихъ общинъ юго-западной Россіи, въ XVI и XVII ст. съ древними русскими общинами, заевидѣтельствоваанными Русскою Правдою и лѣтописями. *Русская Бесѣда.* Тамъ-же и о томъ-же, стр. 63—64.

Мнѣніе одного украинскаго помѣщика, выраженное послѣ бесѣды съ своими собратіями объ указѣ 23-го мая 1816 г. и объ Эстл.

постановленіяхъ. *В. Каразинъ. Чтенія въ И. Общ. Исторіи и Древностей Рос.* 1860; 2, стр. 218—227.

II Источники для разрѣшенія крестьянскаго вопроса.

Вздорожаніе земель въ Новороссійскомъ краѣ. *Одесскій Вѣстникъ.* 1860; 133, I ст.

Вольно-наемные рабочие въ Новороссійскомъ краѣ. *Одесскій Вѣстникъ.* 1860; 128, I ст.

Продажныя цѣны на земли въ Полтавской губерніи. *Д. Бутовскій. Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.* 1860; 1, стр. 1—8.

Эта статья написана по поводу: «*Свѣдѣній о продажныхъ цѣнахъ на земли, составленныхъ по купчимъ крѣпостямъ, предъявленнымъ ко вводу во владѣніе въ уѣздные суды, за послѣдніе 5 лѣтъ.* *Г. Бутовскій* доказываетъ, что эти цѣны невѣрны, ибо многіе помѣщики, во избѣжаніе большихъ издержекъ по купчимъ крѣпостямъ, уменьшаютъ въ 6, 7 и болѣе разъ покушную цѣну, чему обыкновенно содѣйствуютъ законныя власти ради пріязни, родства и знакомства. Не будетъ ли лучше, говоритъ авторъ, сумму десятилѣтняго дохода съ поземельныхъ угодій принять за цѣну земли?

Земледѣльческій сѣздъ въ Елисаветградѣ, 20, 21 и 22 апрѣля, 1860 года. *Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ.* 1860; 9, стр. 63—110.

Подробное извлеченіе изъ отчета, представленнаго Предсѣдателемъ сѣзда *О. Н. Гулакомъ* въ Ученый Комитетъ Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Отчетъ о земледѣльческомъ сѣздѣ, бывшемъ въ Елисаветградѣ, 20, 21 и 22 апрѣля, 1860 г. *О. Н. Гулакъ. Записки И. Общ. Сельскаго Хозяйства Южной Россіи.* За 2-ю и 3-ю трети 1860 г., стр. 1—108.

Содержаніе: Программа земледѣльческаго сѣзда. Земскіе банки, статья *Д. Н. Струкова*—Земскіе банки, мнѣніе землевладѣльцевъ. Нужды и желанія землевладѣльцевъ, ст. *О. Гулака*. Теорія и практика, ст. г. *Палипсестова*. Вопросъ относительно приложенія къ хозяйству вольнаго тру-

да ст. *О. Гулака*. Миѣнія землевладѣльцевъ: 1) О грамотности поселянъ, 2) о вольнонаемныхъ рабочихъ. (Кромѣ того помѣщено много статей по сельскому хозяйству). Въ статьѣ г. Струкова изложены главныя обязательныя условія будущихъ земскихъ кред. обществъ.

Е л и с а в е т г р а д с к і й с ѣ з д ъ землевладѣльцевъ. Д.
Струковъ. Сельское Хозяйство. 1860, 7, стр. 87—99.

Имѣя въ виду предстоящія преобразованія въ отношеніяхъ крестьянъ къ землевладѣльцамъ, помѣщики Елисаветградскаго и Александрійскаго уѣздовъ, рѣшили съѣзжаться ежегодно въ Елисаветградъ для разрѣшенія вопросовъ, близко—касающихся къ будущему измѣненію быта, какъ крестьянскаго, такъ и ихъ собственнаго. На 1-мъ съездѣ, бывшемъ подъ предѣдательствомъ г. Гулака, которому принадлежитъ и самая мысль о съездахъ, болѣе всего разсуждали о земскихъ банкахъ, о распространеніи грамотности и о сельскохозяйственныхъ предметахъ. Касательно земскихъ банковъ, помѣщики того миѣнія, что приложеніе началъ, на которыхъ основанъ кредитъ земскихъ банковъ, къ Новороссійскому краю, едва ли возможно въ настоящее время, какъ по причинѣ отечества общественаго довѣрія, такъ и по причинѣ недостатка и цѣнности капиталовъ. Также, помѣщики не считаютъ возможнымъ воспользоваться предложеніемъ о временномъ учрежденіи кредитныхъ отдѣленій при Приказахъ Общественнаго Призрѣнія, какъ потому, что въ случаѣ отдѣленія крестьянскихъ земель отъ помѣщичьихъ, перезалогъ оставшихся у помѣщика земель въ большинствѣ не будетъ представлять достаточнаго обезпеченія для займовъ, доселѣ выдававшихся по числу душъ, такъ и потому, что финансовая опытность непремѣнныхъ членовъ Приказовъ весьма ограничена. Во избѣжаніе подобныхъ неблагопріятныхъ послѣдствій, помѣщики ходатайствуютъ у Правительства продолженія, хотя бы на 5 или на 6 лѣтъ, прежняго дѣйствія государственныхъ кредитныхъ учреждений по ссудамъ подъ залогъ земель, съ выпускомъ закладныхъ листовъ на закладываемыя имѣнія, на основаніяхъ, изложенныхъ въ проектѣ положенія о земскихъ банкахъ.

Ч и с л о помѣщичьихъ крестьянъ въ Полтавской губерніи, по послед-

ней ревизіи. *Полтавскія губерискіи вѣдомости*. 1860; 3, 2 стр.

Число этихъ крестьянъ простирается до 326,404 лицъ мужскаго пола; въ этомъ числѣ находится 40,787 людей дворовыхъ.

ХАРЬКОВСКІЙ ПОМѢЩИКЪ въ настоящее время. Письма: 4, 2 и 3. *Г. Данилевскій. Журналъ Землевладельцевъ*. 1858; 3, 7 и 13, 48 стр.

Статистическія данныя по Харьковской губерніи.

ХАРЬКОВСКІЙ ПОМѢЩИКЪ въ настоящее время. *А. Розалионъ-Сошальскій. Журналъ Землевладельцевъ*. 1858; 8, 14 стр.

Опроверженіе предъидущей статьи съ цѣлью защитить помѣщичье сословіе.

О ЖАТВЕННОЙ МАШИНѢ. Вопросъ г. Данилевскому. *Н. Жихаревъ. Журналъ Землевладельцевъ*. 1859; 19, 1 стр.

По поводу предъидущей статьи.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ ДАННЫЯ для проекта положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Полтавской губерніи. *Дм. Бутовскій. Сельское Благоустройство*. 1858; 4 и 10, стр. 3—14 и 7—14.

Данныя эти относятся: 1) къ землѣ, 2) къ цѣнности произведеній съ земли, 3) къ задѣльной платѣ, 4) къ быту помѣщичьихъ крестьянъ до 1858 г., 5) къ сельскимъ обществамъ помѣщичьихъ крестьянъ и 6) къ усадебной осѣдлости помѣщичьихъ крестьянъ.

ЗАМѢЧАНІЯ на статью г. Бутовскаго: «Статистическія данныя для проекта положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Полтавской губерніи». *Павелъ Трегубовъ. Сельское Благоустройство*. 1858; 9, стр. 297—306.

Замѣчанія г. Трегубова относятся ко 2-му и 3-му пунктамъ предъидущей статьи.

О КРЕСТЬЯНАХЪ Подольской губерніи. *Русская Газета*. 1859, (39) 7, 4 ст.

Сначала, для уясненія вопроса о преобразованіи участи крестьянъ, въ статьѣ своей, авторъ говоритъ о прошлой судьбѣ ихъ; потомъ знакомитъ съ настоящими средствами, какъ нравственными такъ и матеріальными, и оцѣниваетъ то влія-

ніе, какое оказываютъ на ихъ быть, съ одной стороны инвентарныя положенія, а съ другой стороны, переводъ многихъ изъ нихъ на оброки. (Статья не окончена по случаю прекращенія «Русской Газеты».

Иностранцы земледѣльцы, поселившіеся въ Россіи на помѣщичьихъ земляхъ. *Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ*. 1860; 3, стр. 47—51.

Здѣсь помѣщена копія (въ переводѣ съ французскаго) съ договора, формально заключеннаго во Франціи, года 1¹/₂ тому назадъ, между г. Феликсомъ д'Эскудье-де Виллестаномъ, капиталистомъ изъ Тулузы, съ одной стороны, и нѣсколькими французскими земледѣльческими семьями — съ другой, относительно ихъ переселенія въ Россію и работъ на помѣщика (г.г. Зиро и Энглези, — въ Поворос. краѣ), на земляхъ котораго они должны были быть поселены.

О помѣщичьихъ имѣніяхъ въ Крыму. *У. Шатиловъ. Сельское Благоустройство*. 1858; 4, стр. 1—16.

Говоря о богатствахъ, которыми природа такъ щедро надѣлила Крымъ, авторъ замѣчаетъ, что большая часть этихъ богатствъ остается необработанною по причинѣ лѣности, коренныхъ обитателей полуострова, — Татаръ, отъ которой страждутъ интересы какъ помѣщиковъ такъ и крестьянъ. Чтобы помочь горю авторъ предлагаетъ слѣдующія мѣры: 1) установленіе постоянныхъ условій съ Татарами и вмѣстѣ съ тѣмъ — работы урочной, 2) увеличеніе народонаселенія русскаго и 3) поощреніе колонизаціи Болгаръ.

Сѣверная и Южная Россія. *Г. Никифоровъ. Журналъ Землевладѣльцевъ*. 1858; 3.

Сѣв. и Юж. Россія въ настоящей ст. разсматривается въ сельско-хозяйственномъ отношеніи.

Сѣверная и Южная Россія. *А. Розаліонъ-Сошальскій. Журналъ Землевладѣльцевъ*. 1858; 8, 14 стр.

Опроверженіе предыдущей статьи.

Отвѣтъ гг. Тернеру и Розаліону-Сошальскому. *Н. Никифоровъ. Журналъ Землевладѣльцевъ*. 1858; 13, 9 стр.

Г. Тернеръ разбираетъ въ 8-мъ № «Библиотеки для Чтенія» статью *г. Никифорова: Сѣверная и Южная Россія, помѣщенную въ № 3 «Журнала Землевладѣльцевъ»* Въ 8-мъ

- № «Журнала Землевладельцев» г. *Розаліонъ - Сошальскій* дѣлаетъ замѣчанія на статью *г. Никифорова*. Въ настоящемъ отвѣтѣ *г. Никифоровъ* представляетъ свои возраженія *и. Тернеру* и *Розаліону-Сошальскому*.
- О х о з я й с т в ѣ** Полтавской губерніи (письмо къ Редактору Э. У). *А. Чужбинскій. Экономическій Указатель*. 1858; 45, 6 $\frac{1}{2}$ столбцовъ.
- О р а б о ч и х ъ** въ степной части Крыма. *Фр. Домбровский. Записки Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи*. 1859; 3, стр. 105—125.
- Жалобы на недостатокъ рабочихъ рукъ въ Крыму.
- П а р а л л е л ь** рабочихъ силъ въ Херсонской губерніи, по отношенію къ сельской промышленности. *Г. Кузьменко. Одесскій Вѣстникъ*. 1860; 27, 12— $\frac{1}{2}$ стр.
- Н ѣ с к о л ь к о** словъ о наймѣ рабочихъ. *К. Русская Газета*. 1859; 17, 2 стр.
- Авторъ говоритъ о наймѣ, въ Новороссійскихъ губерніяхъ, рабочихъ, черезъ посредство волостнаго головы, безъ всякаго спроса на то самихъ крестьянъ и о притѣсненіи послѣднихъ помѣщиками.
- Б ы т ь** помѣщичьихъ крестьянъ на Подолѣ, Волинѣ и Украинѣ. Историческое описаніе до введенія общихъ инвентарей въ западномъ краѣ. Составилъ по польскимъ источникамъ *Д. Т. Кіевъ*. Въ типографіи И. и А. Давиденко, (быв. Вальнера.) 1859. Въ 16-ю д. л. XII, 56 и I стр.
- Оглавленіе: Бытъ русскаго сельскаго населенія до присоединенія западнаго края къ Россіи, 30 стр.—Развитіе духа крестьянъ подъ русскимъ правленіемъ, стр. 34—39 и—Экономическое положеніе быта крестьянъ до введенія общихъ инвентарей, стр. 39—56.
- Цѣль автора, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи, заключается въ томъ, чтобы указать тѣ обстоятельства, которыя могутъ укрѣпить внутреннее убѣжденіе, что существующій порядокъ взялъ перевѣсъ не по одной матеріальной силѣ, но и по моральной возвышенности своей.
- С п о л ь щ и к и**. *Тарасенко-Отръшковъ. Указатель Политико—Экономическій*. 1860; 18, 2 стр.
- Спольщики это — тѣже половники въ Малороссіи.

- КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ** и землевладѣніе въ Новороссіи. *А. Скальковскій. Русскій Дневникъ*. 1859; 56 и 57, 14— $\frac{1}{2}$ ст.
Бѣглый очеркъ настоящаго и будущаго владѣнія земель въ Повороссіи.
- РАБОТА БАРЩИНСКАЯ** въ Херсонской губерніи. *В. Шостаковъ. Записки Общ. Южной Россіи*. 1848; и *Земледѣльческая Газета*. 1849, 57, 5 стр.
- МНѢНІЕ** Харьковскаго помѣщика. *М. Гартинъ. Журналъ Землевладельцевъ*. 1858; 7, 2 стр.
Объ отмѣнѣ барщины, введеніи наемной работы и установленіи денежнаго оброка.
- ПРИЛОЖЕНІЕ** наемнаго труда въ хозяйствѣ южной полосы Россіи. *А. Тимковскій. Земледѣльческая Газета*. 1859; 98 и 99, 5 стр.
- ЦѢНА** земли и вольнаго труда въ Екатеринославской губерніи. *И. Рачинскій. Земледѣльческая Газета*. 1859; 30, 3 стр.
- ГОЛОСЪ** изъ юго-западной Руси. Кіевъ. Типографія *И. и А. Давиденко*. 1860. Въ 8-ю д. л. 22 стр.
Объ улучшеніи нравственнаго быта югозападныхъ крестьянъ.

III. Собственно крестьянскій вопросъ, т е. статьи, въ которыхъ обсуживаются мѣры и способы разрѣшенія крестьянскаго вопроса.

НѢСКОЛЬКО данныхъ, на основаніи которыхъ можно улучшить положеніе крестьянъ въ южной Руси. *Илья Капнистъ. Журналъ Землевладельцевъ*. 1858; 7, 10 стр.

Основываясь на статьяхъ 1016 и 965 Св. Законовъ, Т. IX, изд. 1842 г., авторъ полагаетъ, что крестьянамъ слѣдуетъ отдѣлить на ревизскую душу по $2\frac{1}{4}$ десятины, что составитъ на тягло по $6\frac{3}{4}$ десятины (по разсчету 3 душъ на тягло). Онъ распредѣляетъ это количество такъ: $\frac{3}{4}$ десятины подъ усадьбу и огородъ, 3 десятины подъ посѣвъ, $1\frac{1}{2}$ десятины подъ паръ, т. е. толоку и $1\frac{1}{2}$ десятины подъ лугъ. На счетъ крестьянскихъ повинностей г. Капнистъ полагаетъ такъ: общество за каждую выдѣленную ему десятину должно дать

одного работника въ продолженіи 30 дней въ годъ. Работу слѣдуетъ распределить на уроки, опредѣливъ мѣру ихъ одинъ разъ навсегда, и раздѣлить на четыре времени года

О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ВОПРОСѢ въ Малороссіи. *Н. А. Ригельманъ. Сельское Благоустройство.* 1859; 1, стр. 23—39.

При разрѣшеніи вопроса преобразованія крестьянскаго быта, говоритъ авторъ, должно руководствоваться преимущественно тремя соображеніями: 1) — произвести эту перемѣну наименѣе убыточнымъ образомъ для помѣщиковъ; 2) — создать для крестьянъ положеніе сколько-нибудь прочное; 3) — въ возможно — скорѣйшемъ времени прекратить обязательныя отношенія между тѣми и другими. Г. Ригельманъ, недоказывая важности этихъ трехъ задачъ, прямо переходитъ къ ихъ разрѣшенію. По его мнѣнію, наилучшее средство было бы: выкупъ крестьянскихъ усадебъ и небольшого количества земли (размѣръ зависить отъ мѣстности) въ собственность крестьянъ, посредствомъ процентныхъ облигацій, такъ какъ это было сдѣлано въ иностранныхъ государствахъ. Сверхъ сего г. Ригельманъ, въ своей статьѣ, касается всѣхъ сторонъ крестьянскаго вопроса.

Мысли о примѣненіи основныхъ началъ къ дѣйствительному улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ Новороссійскаго края. *К. Роцаковскій. Журналъ Землевладельцевъ.* 1858; 6, 28 стр.

Статья г. *Роцаковскаго* обнимаетъ собою всѣ вопросы по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. Между прочимъ онъ говоритъ о необходимости барщины, о невмѣшательствѣ постороннихъ въ крестьянскія дѣла, о предоставленіи права покупать помѣщичьи населенныя земли людямъ другихъ сословій, и пр. Вообще вся статья написана въ духѣ помѣщиковъ.

Замѣтка на статью г. Роцаковскаго: »Мысли о примѣненіи, и пр. *Бэль. Журналъ Землевладельцевъ.* 1858; 10, 11 стр.

Замѣчанія автора относятся къ вопросу о выкупѣ крестьянами ихъ строеній. Доказывая несправедливость этой мѣры, г. Бэль говоритъ, что нѣтъ возможности оцѣнить то, что именно принадлежитъ помѣщику, даже и въ томъ случаѣ, когда помѣщикъ снабжалъ крестьянъ своимъ лѣсомъ, ибо эти мате-

ріалы срублены, вывезены и выдѣланы, или трудомъ, или деньгами самого крестьянина.

О т в ѣ т ь г. Бялю. *К. Роцаковскій. Журналъ Землевладельцевъ.* 1858; 13, 5 стр.

О б ъ у л у ч ш е н и и быта помѣщичьихъ крестьянъ Полтавской губерніи. *Полтавскій помѣщикъ Отечественныя Записки.* 1858; 10, 16 стр.

Авторъ доказываетъ, что помѣщичьи крестьяне живутъ не хуже государственныхъ крестьянъ, что они трудолюбивѣе и нравственнѣе ихъ; далѣе онъ изъясняетъ опасеніе, что помѣщичьи крестьяне, лишеныя пособія и надзора со стороны своихъ владѣльцевъ, будутъ впродъ не въ лучшемъ, а худшемъ состояніи. Между прочимъ онъ изъясняетъ сожалѣніе, что законъ воспрещаетъ помѣщикамъ продавать крестьянъ на съездъ.

П о п о в о д у статьи Полтавскаго помѣщика объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Полтавской губерніи. *А. Кришталовичъ. Спб. Вѣдомости.* 1859; 102.

М н ѣ н і е о способахъ къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ Харьковскаго уѣзда. *Сельское Благоустройство.* 1858; 9, стр. 271—282.

За нормальную величину надѣла на работника или тягло, въ этомъ мѣрѣ, предполагается принять: $1\frac{1}{2}$ десятины пахати въ каждомъ изъ трехъ клиповъ, $\frac{1}{2}$ десятины сѣнокоса и $\frac{1}{4}$ десятины подъ усадьбу и огороды. — Выгонъ полагается, для избѣжанія неприятныхъ столкновеній, оставить въ общемъ пользованіи. — Нормальный надѣлъ усадьбы долженъ быть $\frac{1}{4}$ десятины на тягло. — Цѣна ей полагается двойная противъ пахатной земли, т. е. $\frac{1}{4}$ десятины надобно считать за $\frac{1}{2}$ десятины, во всякомъ случаѣ она не должна превышать 300 р. за десятину.

Усадьба, однажды отмежеванная, остается въ полномъ владѣніи общины. Помѣщики уступая ее крестьянамъ, могутъ не требовать выкупа, но съ тѣмъ, чтобы общество отбывало повинности за нее, равно какъ и за пахатную землю. — Усадьба остается неотъемлемою и потомственной принадлежностью крестьянской земли, со всѣми постройками на ней находящимися, но въ случаѣ выселенія крестьянской семьи, у-

садба переходить въ распоряженіе общины и отдается новому жильцу, инаиначе, какъ съ разрѣшенія помѣщика. — Переменная усадебъ можетъ быть дозволена только съ обоюднаго согласія и съ тѣмъ, чтобъ помѣщикъ далъ опредѣленное пособіе на переселеніе. Общество обязано отбывать повинности троякимъ образомъ: а) платою, б) работами, в) сельскими продуктами. Мѣра вознагражденія по расчету должна состоять: деньгами въ 28-ми руб. сер., или въ работѣ въ двухъ дняхъ въ недѣлю. Для правильнѣйшаго выполненія барщины слѣдуетъ начертать урочное положеніе и оцѣнить каждую работу. — Помѣщикъ имѣетъ дѣло съ общиною, а не съ каждымъ работникомъ. — Въ заключеніе немѣшаетъ сказать, что это мнѣніе, какъ полагаетъ г. *Кошелевъ*, пользуется въ Харьковскомъ уѣздѣ общимъ одобреніемъ.

П о п о в о д у статьи: «Мнѣніе о способахъ къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ Харьковскаго уѣзда» *Д.* (Сельское Благоустройство, № 9). *Земледѣльческая Газета*. 1858; 83, 4 столб.

Здѣсь выставляется неправильность нѣкоторыхъ положеній и преувеличеніе въ оцѣнкѣ крестьянскихъ повинностей, содержащихся въ вышеупомянутомъ мнѣніи.

Д в о р о в ы е л ю д и въ Новороссіи. *А. З. Спб. Вѣдомости*. 1859. 42; 2 1/2 ст.

Будутъ ли надѣлены усадебною осадлостью и нужнымъ количествомъ земли дворовые люди въ Новороссіи?, спрашиваетъ авторъ, и отвѣчаетъ, что эти дворовые люди, отличающаясь отъ дворовыхъ людей другихъ губерній, тѣмъ, что будучи взяты во дворъ помѣщика и получая скудное содержаніе и жалованіе и употребляемые ежедневно на полевые и другія работы, по справедливости должны быть освобождены на общихъ условіяхъ.

С о о б р а ж е н і я объ устройствѣ крестьянъ въ Черниговской губерніи. *Н. Волковъ. Журналъ Землевладѣльцевъ*. 1858; 13, 7 стр.

Г. Волковъ объявляетъ себя за выкупъ, находя, что всякое неполное разрѣшеніе задачи не удовлетворитъ крестьянъ, не успокоитъ помѣщиковъ и будетъ только поводомъ къ частнымъ и грустнымъ столкновеніямъ. Въ своемъ проектѣ выкупа цѣнности того, что отходитъ отъ помѣщика, авторъ

имѣть въ виду выпускъ облигацій; для ускоренія же выкупа онъ предлагаетъ разныя мѣры.

ТАВРИЧЕСКІЙ ЗЕМСКІЙ БАНКЪ. *Изв. Шм—ковъ. Одесскій Вѣстникъ.* 1860; 100, 1 ст.

Этотъ банкъ предполагается открытъ по поводу переселенія Татаръ, отъ котораго сильно страдаетъ земледѣліе въ Таврической губерніи.

МЫСЛИ по поводу надѣла помѣщичьихъ крестьянъ землею въ Екатеринославской губерніи. *В. Вѣльгорскій. Земледѣльческая Газета.* 1859; 60 и 61, стр. 473—479 и 481—484.

О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ПОЗЕМЕЛЬНОМЪ НАДѢЛѢ. Помѣщикъ Полтавской губерніи *К. Трощина. Сельское Благоустройство.* 1858; 44, стр. 167—174.

Улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ, говоритъ авторъ, должно необходимо состоять: во 1-хъ, въ надѣлѣ крестьянъ землею, въ количествѣ, достаточно ихъ обезпечивающемъ; во 2-хъ, въ установленіи правильнаго соотвѣтствія между трудомъ крестьянъ и предоставляемымъ имъ за него вознагражденіемъ, и въ 3-хъ, въ предоставленіи имъ болѣе свободнаго времени для собственныхъ работъ. — Въ отношеніи перваго пункта, г. Трощина полагаетъ, что надѣлъ въ двѣ десятины на ревизскую душу, по всей справедливости, можетъ быть признанъ достигающимъ цѣли улучшенія быта крестьянъ и обезпечивающимъ выполненіе ихъ обязанностей предъ правительствомъ—Въ выноскѣ г. Кошелевъ считаетъ необходимымъ прибавить еще $\frac{1}{2}$ десятины на усадебную землю и луга.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ. Помѣщикъ Кіевской губерніи. *Указатель Экономическій.* 1860; 22, 4 стр.

Отвѣтъ на статью помѣщенную въ 167 № Указателя Экономическаго: »Должно ли, при опредѣленіи размѣра крестьянскаго надѣла, принять въ основаніе расчетъ по душамъ или по тягламъ?«

Въ своемъ отвѣтѣ авторъ совѣтуетъ произвести надѣлъ не по тягламъ и не по числу душъ, а по семействамъ, либо хозяйскимъ отдѣльнымъ дворамъ, и непремѣнно въ равномъ количествѣ каждому семейству. Норму для надѣла онъ полагаетъ взять семейство, состоящее изъ 3 человекъ.

С Е Л Ъ С К А Я полицейская власть въ Бессарабіи. *К. Х. Южный Сборникъ*. 1859; 6, стр. 61—69.

З а м ѣ т к а для составленія проекта положенія о переходахъ крестьянъ Полтавской губерніи. *Д. Бутовскій. Сельское Благоустройство*. 1858; 12, стр. 161—162.

Чтобы остановить обезлюденіе нѣкоторыхъ мѣстностей, по случаю перехода получившихъ свободу помѣщичьихъ крестьянъ, и тѣмъ предупредить разстройство помѣщичьихъ хозяйствъ, авторъ полагаетъ необходимымъ: во 1-хъ, ограничить выселеніе крестьянъ въ другіе уѣзды извѣстнымъ числомъ ревизскихъ душъ, которое окажется излишнимъ, и во 2-хъ, постановить, въ видахъ предупрежденія скопленія въ столицахъ и городахъ пролетаріевъ, чтобы каждое семейство или лицо могло быть приписано къ городскимъ сословіямъ тогда только, когда оно приобрѣтетъ домъ, по оцѣнкѣ, въ уѣздномъ городѣ — въ 300 р., въ губернскомъ — въ 500 р., а въ столицахъ — въ 1,000 р., или представить такую же сумму денегъ, и пр.

Составилъ В. Л. Межовъ.

ОБЪ ОТКРЫТІИ СТУДЕНТСКОЙ БИБЛІОТЕКИ

ВЪ ХАРЬКОВѢ.

Изъ документовъ Студентской Библіотеки (1) видно, что въ 1828 году профессора и студенты Университета, равно какъ и частныя лица, пожертвовали нѣсколько книгъ для казеннокоштныхъ воспитанниковъ Университета. Такимъ образомъ положено первое основаніе Библіотеки для казеннокоштныхъ студентовъ, а въ 1829 году Правленіемъ Университета передано въ оную, изъ Университетской Библіотеки, нѣсколько дублетовъ. Потомъ приобретаемы были руководства и нѣкоторыя сочиненія частію покупкой, частію пожертвованіями (наприм., профессоръ Е. С. Гордѣшко пожертвовалъ много юридическихъ книгъ, оставшихся послѣ смерти брата его Гавріила С. Г., бывшаго здѣсь профессоромъ уголовного права).

Но съ выпускомъ казеннокоштныхъ студентовъ, по распоряженію начальства, на частныя квартиры, пользованіе этими книгами сдѣлалось неудобно. Часто случалось, что студентъ, пришедшій взять книгу, не застаивалъ того лица, которое завѣдывало книгами, ибо оно было занято исполненіемъ своей должности въ другомъ мѣстѣ. Поэтому студенты просили о передачѣ этой Библіотеки въ общее пользованіе всѣхъ студентовъ Университета.

Начальство охотно удовлетворило эту просьбу, но съ тѣмъ условіемъ, что они должны избрать изъ своихъ товарищей: завѣдывателей Библіотеки, принять на себя отвѣтственность за цѣлость казеннаго имущества и распорядиться сами, подъ руководствомъ одного профессора-наблюдателя, всею Библіотекою.

Что студенты приняли съ живѣйшею благодарностью такое предложеніе — объ этомъ и говорить нечего. Они сознаютъ необходимость са-

(1) К. К. Фойгтъ, Историко-статистич. Записки о Харьковскомъ Университетѣ и его заведеніяхъ. Харьковъ, 1859.

мостоятельнаго труда, какъ жизненную потребность образованнаго чело­вѣка.

Затѣмъ Правленіе Университета, составивъ комисію изъ трехъ профессоровъ, поручило оной обревизовать Библіотеку, и, приведши въ новый порядокъ, составить два инвентарныхъ каталога, два подвижныхъ, и оцѣнить всѣ книги по ихъ достоинству, исключивъ негодныя къ упо­требленію.

Порученіе это исполнено. Въ настоящее время Студентская Библіо­тека, за исключеніемъ книгъ находящихся у студентовъ и недоставлен­ныхъ во время ревизіи, состоитъ 1) изъ 1,022 названій, въ 2,892 во­люмахъ, цѣною на 2,448 руб. 98 коп., по предметамъ юридическаго и историко - филологическаго факультетовъ; 2) изъ 446 названій, заключа­ющихъ 1,435 волюмовъ, цѣною на 1,713 руб. по медицинскимъ, есте­ственнымъ и математическимъ наукамъ.

Очевидно, что такое количество книгъ далеко не соотвѣтствуетъ той полнотѣ, какая требуется даже отъ небольшихъ современныхъ книгохра­нилищъ.

Для пополненія этого существеннаго недостатка, необходимы мате­риальныя средства, а ихъ слишкомъ мало у большей части студентовъ. Правда, они дали два спектакля, въ декабрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года, и часть денегъ отложили на выписку книгъ. Потомъ каждый изъ нихъ при­несъ свою ленту въ общую кассу; но всего сбора оказалось недостаточ­но для пріобрѣтенія самыхъ необходимыхъ книгъ.

Остается одна надежда, что прежніе воспитанники нашего Универ­ситета, ревнители о просвѣщеніи, редакторы и издатели газетъ, журна­ловъ и книгъ, примутъ участіе въ этомъ благомъ дѣлѣ, и выразятъ со­чувствіе къ нему: словомъ и дѣломъ.

На основаніи § 2 правилъ Студентской Библіотеки, нижеподписав­шейся избранъ студентами въ качествѣ наблюдателя и посредника меж­ду ними и Правленіемъ Университета по дѣламъ, касающимся Библіотеки.

Объявляя объ открытіи Студентской Библіотеки въ Харьковѣ, дол­гомъ считаю присвокупить, что книги, географическія атласы и другія пособія, адресованныя: *въ Харьковъ, въ Правленіе Университета,* съ надписью: *для Студентской Библіотеки,* — будутъ приняты съ искреннею благодарностью.

О. ПРОФЕССОРЪ И. СВИРИДОВЪ.

Февраль, 1861.
Харьковъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 3-й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Авжежъ—разумѣтся.
Бадѣрїстїй—бодрый, бодрящїйся.
Бачъ—видишь, вишь.
Безбачченко — незаконпорожденный.
Бѣхпуги—звукоподражательный глаголѣ, выражающїй моментъ тяжелаго паденїя, удара и т. п.
Бїлшъ—болше.
Благати—упрашивать.
Благенькій — слабовькій, плохенькій.
Бовты! — выражаетъ звукъ сильно всплеснутой воды.
Божїйкъ—полка, гдѣ стоятъ въ хатѣ иконы, кїотъ.
Болячѣ—больно.
Боязко—страшно опасно.
Бра—зват. падежъ. сокращ. братъ.
Браицеъ—плѣшникъ.
Брївки—ум. брови.
Брїзнути—звякнуть; зазвенѣть.
Бувалець—бывалый человѣкъ.
Бурўлька—сосулька, и т. п. Москѣвська бурулька—пишъ.
Буть—(растенїе.)
Бўча—драка; шумъ.
Вада—вредъ, помѣха.
Варуватись—беречься; сомнѣваться.
Вбачати—усматривать, примѣчать.
Вгамоватись—утишиться, успокоиться.
Вгода—угожденїе.
Вгонобитї—удовольствовать.
Вдѣржати—удержать; выдержать.
Вдїяти—сдѣлать, исполнить.
Веремїя крутити—нападать въ разсыпную.

Верховодити — предводительствовать, первенствовать.
Вжахнўтися — испугаться, вздрогнуть.
Вздовжъ—вдоль.
Взїръ—образецъ; видъ.
Вїбачити—извищить.
Вїделка—вилка.
Вїзволити—освободить.
Вїконати—исполнять.
Вїляяти—выбранить.
Вїлупити банькї — выгаращить глаза.
Вїпростатися—выпрямиться.
Вїпуренути—ускользнуть, вырваться.
Вїрзний—выразительный.
Вїрнути—вышнурить.
Вїруговувати—изгонять.
Вїтнути—вырубить, выполнить.
Вїшнячдкъ—вишневый садикъ.
Вївдя—Евдокїи.
Вїдгукнўтися—откликнуться.
Вїдмувать — заниматься колдовствомъ.
Вїршомазъ—стихоплетъ.
Вїршувати—ходить для поздравленїя съ праздникомъ съ виршами или стихами; слагать стихи.
Вїтаннїя—привѣтъ; прїемъ гостей.
Вїпнутися—предстать; предаться.
Вїкладатися—укладываться спать.
Влўчень—мѣтокъ.
Вовтўзитися—войти около чего.
Володїння—обладанїе.
Володїти—владѣть.
Волосїй, волосїнь — копскїе волосы.
Вонпити — колебаться въ душѣ; трусить.
Ворбжа—ворожея.
Ворунїтися—шевелиться.

Впартый—упрямый.
Впёрти—втащить, вдвинуть.
Впийнати—удерживать.
Врѳда—красота.
Вступіе—плата при вступленіи въ какое нибудь общество, пользующеся особыми правами.
Втерѳбити—втащить.
Втѳрти—утереть; смолоть.
Втручати́ся—вмѳшиваться; вязываться.
Втямкú— въ примѳтку.
Вхойтися—схватиться, взяться.
Вчащати—часто приходитъ, являться.
Вязѳния — арестъ, заключеніе въ тюрьму.
Герготати—говорить на не повятномъ языкѳ.
Гúлий—о рогатомъ скотѳ: безрогіи.
Гáвкати—лаять.
Гáдка—мысль; забота.
Гадючий—змѳиный.
Гáля—уменьшит. Аша.
Гамувáти—удерживать.
Ганьбувáти—порочить; издѳваться.
Гачѳкъ—крючекъ.
Гиря—плѳшная голова.
Гілечка—вѳточка.
Гладкій—толстый, жирный.
Глайшенъкѳ—глубже.
Глúпа нічъ—глубокая и непроглядная почъ.
Гндтикъ—свѳтильня у свѳчи, почника и проч.
Голдувати—признавать надъ собою власть, повиноваться; уважать.
Голѳбля—оглобля.
Голубъя—голубокъ—дѳтенышъ.
Гоцювати—плясать гопакá.
Господіня—хозяйка.
Гоцáкъ — танецъ въ присядку съ прыжками.
Грасувáти—разгуливать и топтать (о толпѳ людей).
Гребінець—гребешокъ.
Гребінка—гребень, употребляемый при пряденіи для расчесыванія пряжи.
Грѳбля—плотина.
Гривнѳка — (увеліч.) мѳдная монета въ 10 копѳекъ; 10 копѳекъ.
Гринджѳли — особаго устройства простыя сани.
Грузъ—щѳбень.
Грюкати — стучать; гремѳть; стрѳлять.
Гулькѳ!—глядь!
Дазъ—бі—Богъ—дасть; нѳтъ.
Дакъ—вмѳсто—такъ.

Дѳйко!—цу-ко.
Дѳ-коли—кой когда, иногда.
Де-не-де-то тамъ, то сямъ; кое гдѳ.
Держáвецъ—помѳщикъ.
Деркáчъ—голикъ.
Десь—гдѳ-то; словно, какъ будто.
Дѳякий—иной, нѳкоторый.
Джерелѳ—бьющій ручей.
Давініця—колокольня.
Дзвінка—масть бубны (въ картахъ)
Дзйгликъ—табуретъ, стулъ.
Дівонька—(ум. ласк.) дѳвушка.
Дівча—дѳвочка.
Дівчинка—дѳвушка.
Діжá—квашнй.
Ділініця—часть, доля.
Дмухати—дуть; раздувать.
Довбáти, или
Довбті—долбить.
Довідуватися—узнавать.
Доглядати—присматривать, беречь.
Додѳму—домой.
Дозѳрця—надсмотрщикъ; управляющій.
Дѳка—Евдокія.
Домівка—своя родина, свой домъ.
До-пáри—подъ стать, подъ пару.
Допевнѳтися—допомогать.
Дорáдець—совѳтникъ.
Досвѳчана мáти—хозяйка, у которой собираются на дѳсвѳтки—родъ посидѳлокъ до разсвѳта.
До-снагі—до послѳдней возможности; сколько хватило силъ и умѳня.
Дотклівнй — чувствительный, колкій, шекотливый.
До-хрѳна—очень много (въ шуточномъ тонѳ).
Дошкулѳти—донимать (объ удачахъ).
Дошкулѳти—допить.
До-щѳнту—до остатка, до конца.
Дригати—болтать ногами.
Дригъ—выражаетъ быстрое движеніе ногою.
Дрѳбѳнькѳ—мѳшко.
Дрѳбъ—дрѳбъ—выражаетъ скорую и частую походку.
Друкáрня—типографія.
Дрючїна—большая дубина.
Дрючѳкъ—дубина, — большая палка.
Дúда или дúдекъ—данъ при крещеніи младенцевъ.
Дúжченъкѳ—немного сильѳе.
Дúка—богачъ и знатный чѳловѳкъ.
Дúля—родъ продолговатыхъ грушъ; шишъ, кукишъ.
Дурнѳнький—глупенький.
Духи—отверстія во льду, для ловли вьюновъ и проч.

Дяконёнко—сынъ діакона.
 Дякошка—жена діакона.
 Дякопча—дѣтя діакона.
Еднoсть—единеніе, согласіе.
Жадець—ни одинъ.
 Жакувати—расхватать, грабить.
 Жартовливый—шутливый.
 Жахну́тися—слегка испугаться.
 Жіно́цтво—женскій полъ, родъ.
 Жовніръ—жоліѣръ, польскій сол-
 дагъ.
 Жолпіръ—см. жовніръ.
 Жорна—ручная мельница.
Забазікати́ся—заболтаться, погово-
 риться.
 Завбільшки—величиной.
 Завійття—горячность, упорство.
 Заволочіти—пройти бороной по
 засіянной півѣ.
 Загавкати—залаять.
 Загад́атися—задуматься.
 Задвірокъ—задній дворъ.
 Зазира́ути—заглянуть.
 Зази́ати—помнить давнее событіе,
 или лицо.
 Закликати—завать, призвать, при-
 гласить.
 Загрундую́ати—затянуть (узель);
 закрѣпить.
 Замі́сть или
 Замі́ць—вмѣсто.
 Занедба́ти—оставить безъ вниманія.
 Занеджу́ати—заболѣть.
 Занепа́сти—ослабѣть отъ болѣзни.
 Заниша́тися—возгордиться.
 Заплю́щитися—зажмуриться.
 Запобі́гати—заискивать; предупре-
 ждать.
 Заподіати—сдѣлать.
 Запрацюва́ти—пріобрѣсть тяжелою
 работою.
 Заправто́рити—забросить, запрятать.
 Зара́дитися—помочь себѣ обез-
 печить себя, въ чемъ.
 Засі́къ—закромъ.
 Засту́кати—застучать; захватить въ
 тѣло мѣтъ.
 Засягну́ти—занимать, захватывать.
 Зачі́пений—притворенный.
 Зачі́пка—прищѣпка, привязка.
 Збагну́ти—проникнуть до глубины,
 уразумѣть.
 Збі́гъ—бѣглець.
 Звадли́во—обидно, досадно.
 Звакова́ти—сдѣлать промахъ.
 Звѣсти́ся—поднятися; обѣднѣть, за-
 хирѣть.
 Зві́кти—привыкнуть.

Звичайне́цько—въжливенько, какъ
 слѣдуетъ.
 Звідкі́ля—откуда.
 Звідті́ль—оттуда.
 Зві́чати—обвѣщать.
 Зві́сно—извѣстно.
 Звоюва́ти—разорить войною.
 Зга́ти—замедлить, промедлить.
 Зго́да—согласіе, миръ.
 Здобу́ти—пріобрѣсть, добыть.
 Здола́ти—одолеѣть; получить силу
 что-нибудь сдѣлать.
 Здріма́ти—уснуть немощно.
 Зду́рити—сойти съ ума.
 Зелене́ць—въ незрѣломъ, въ зеле-
 номъ видѣ.
 Зі́пхну́ти—столкнуть.
 Зі́ходити—всходить.
 Змале́чку—съ малолѣтства.
 Змо́вчати—замолчать; ничего не
 сказать.
 Змо́гті—смочь.
 Зму́сити—принудить.
 Знависні́ти—взбѣситься.
 Зна́чий—зватный.
 Знепа́чка—печально.
 Зни́зитися—унизиться.
 Зни́вчати—испортить, обратити ни
 во что.
 Знититися—уничжиться;—ока-
 зывать подобострастіе.
 Зомлі́ти—обомлѣть.
 Зпідь—изъ—подъ.
 Зрабува́ти—ограбить.
 Зраді́ти—обрадоваться.
 Зра́дний или зрадли́вий—измѣн-
 чивый, перемѣнчивый измѣнчивскій.
 Зра́дникъ—измѣнникъ.
 Зре́ктися, отречься; отказаться отъ
 чего или отъ кого.
 Зу́дрити—печально завидѣть.
 Зъеди́чити—соединить.
 Знече́вья—ни съ того ни съ сего.
Игеть—то—довольно—таки; ужъ и бу-
 деть съ него.
 Иззива́ти—созывать.
 Изі́йти—взойти.
 Измі́ждо—изъ, промежъ.
 Импетъ—внезапность, внезапное,
 мгновенное дѣйствіе.
 Инді́къ—индюкъ.
 Ище́—еще.
Ивга—имя Евгенія.
 І́жакъ—сѣкъ.
Каверзница—проказница.
 Кагане́ць—шомка, жирникъ.
 Каза́нокъ—чугунный котелокъ.
 Калацті́ръ—караштинъ.

Карлючка—крючекъ.
 Качка—утка.
 Квапитись—стремиться желаніемъ,
 походитья.
 Кватирка—форточка въ окнѣ.
 Кдзевути—ударить по рожѣ.
 Кликати—звать.
 Клямка—шеколда.
 Кляспути—хлопнуть.
 Клятий—бранн. слово: проклятый.
 Ковалѣха—жена кузнеца.
 Ковинька—клюка.
 Козельци—растение со съдобными
 стеблями.
 Козинятко—козленокъ.
 Колѣска—колыбель.
 Колода—круглое бревно.
 Колошкати—безпокоить разстрои-
 вать.
 Комора—кладовая, лавка, амбаръ,
 Компонувати—сочинять.
 Корки—подборы въ обуви.
 Короговъ—хоругвь.
 Коромбли—крамоль.
 Коромлувати—крамольничать.
 Костуръ—клюка.
 Котити—катить.
 Котрий—который.
 Коханячко—умен. любовь.
 Кохъ—корзина, коробка.
 Крадѣць—портной.
 Крадькома—воровски, изподти-
 шкѣ.
 Крамарство—торговля красными
 товарами.
 Крамий—лавочный.
 Крамниця—лавка съ товаромъ.
 Крейда—мѣль.
 Крокъ—шагъ.
 Кругляти—пить круговую.
 Крузь—сквозь.
 Кудись—куда-то.
 Кудшн—бедро.
 Купувати—покупать.
 Куницемъ—толною, роємъ.
 Курчя—цыпленокъ.
 Күряча—слинотѣ—растение *Syn-
 lossum officinale* и др.
 Күхоль—кружка.
 Кучугура—насынь, куча.
 Куширь—мелкія водорасли.
 Куширъ—кожевникъ.
 Лавникъ—членъ мѣщанскаго суда,
 магистрата.
 Ладивийця—ладунка.
 Лазил—баия.
 Ламати—домать.
 Лавцюгъ—цѣпъ.
 Ласенький—лакомый.

Латѣтѣ—кувшинникъ, *Nymphaea*.
 Лѣментъ—воплъ.
 Либонь—чуть ли не.
 Липовѣтися—лѣзнися.
 Листувѣтися—пересызаться пиль-
 мами.
 Лишка—печетное число (въ игрѣ,
 гдѣ надо угадывать четность или не-
 четность чиселъ).
 Лопатки—маленькіе незрѣлые струч-
 ки или бобы.
 Лузати—шелкать съмечки.
 Лунѣ—эхо, отголосокъ.
 Лупъ—хлопъ (глазами).
 Лускирь—название рыбы.
 Лютувати—пылать гнѣвомъ, бѣ-
 ситься звѣрствовать.
 Лягтѣ—лечь.
 Лякъ—испугъ; страхъ; изъ ляку-
 состраху.
 Ляспути—хлопнуть.

Маглевѣать—дурико рисовать, пи-
 сать.

Маѣтки—имущество.
 Маѣтностъ—имѣние.
 Мариити—увядать (о лицѣ).
 Махати—махать, быстро бѣжать.
 Мачишка—маковое зернышко.
 Мѣкнути—заблѣять (о козахъ).
 Мѣщати—уменьшаться.
 Мѣтель—и уменьшительное.—
 Метѣликъ—мотылекъ.
 Мѣто—плата за товары на заста-
 вахъ, отъ воза.
 Мѣський—городовой.
 Мовчанъ—молчанка.
 Мовчязий—молчаливый.
 Муравѣишя—муравейникъ.
 Мьясвици—мясофѣль.

Набѣзграти—навалить.
 Набути—пріобрѣсть.
 Навзиръ—по образцу.
 Навперемѣнки—поперемѣнно.
 Навпростѣць—пряникомъ.
 Нагадѣти—вспомнить; припомнить
 другому.

Нагарбати—нахватить, набрать.
 Нагукати—накликать.
 Надити—приманивать.
 Накѣзувати—заповѣдывать.
 Налагодитися—приготовиться,
 снарядиться.
 Налѣпати—нащупать.
 Намѣйшкурити—надрать (уши и
 т. п.)
 Наповоротнѣ—возвращаясь.
 Наполегати—налегать, усиливаться.
 Паригувати—нацарапать неуклюжо.

Нарізувати — паръзывать (о музыкѣ).
Насамоті — наединѣ.
Пáхідь — пашествіе.
Пáче — будто, словно.
Паялозити — намазать жиромъ.
Не-абі-який — не какойнибудь.
Невіра — невѣрный; (бранное слово.)
Невиспуща — (имя сущ.) бессонница.
Невиспущий — неусыпный.
Неговіркий — неразговорчивый, молчаливый.
Недбáлость — нестарательность, беззаботность.
Недóглядь — недосмотръ.
Недоріка — картавый.
Незабаромъ — немедленно, вскорѣ.
Не похібний — неуклошный, не порѣшительный.
Неприродѣнна вѣдма — такая вѣдма, которая сдѣлалась вѣдмой чрезъ науку, а не родилась ею.
Нероблящій — пеработажій.
Нѣтри — непроходимыя заросли.
Ніби, ніби-то — какъ будто, словно.
Ніякий — никакой.
Нудно — тошно.
Обіра́ти — избирать.
Облогій — неспасханная земля.
Обміркува́ти — обсудить.
Обо́йко — уменьшен. ласк. — обое.
Обора — огорожа; загонъ для скота.
Обрадовáнна — въ проищескомъ смыслѣ радость, подъ которою разумѣется бѣда.
Обскубти — обдергать, оборвать.
Обфáто — изобильно.
Овва! — эва!
Огирь — жеребецъ.
Огúломъ — вообще.
Одйнецъ — единственныи сынъ.
Одяски — отголосокъ хлонушья.
Одмінокъ — перемежа. отъѣва. выродокъ.
Одновідь — отвѣтъ.
Одрáзу — сразу.
Одрізня́тися — отдѣляться.
Одтáги — отрѣзать.
Одцурáтисл — отрѣчься, отказаться.
Окрімъ — кромѣ, исключая.
Окріць — кипятокъ.
Окуко́бити — сдѣлать уютнымъ.
Окульбáчити — осѣдлать.
Олія — постное масло.
Оманá — заблужденіе, обманъ.
Опанувáти — овладѣть.
Оперезáти — ударить, опоясать паятью.
Опісля — послѣ.

Опічокъ — выдающееся мѣсто у печи для каганці (см.).
Оповідь — рассказъ.
Оса́да — усадьба (въ гбсп. смыслѣ); заселенное мѣсто.
Осінь — дань съ зер.
Осмугніти — сдѣлать я. невеселымъ.
Остогідити — опостылять.
Острахъ — боязнь.
Осягті — занять, взять во владѣніе.
Оттáкеньки — уменьш. вотъ-такъ.
Очерётъ — камышъ.
Очіці — глаза.
Ошукáти — обмануть.

Падлю́ка — бран. слово: падалъ.
Пам'ятáти — помнить.
Панімáтка — матушка; хозяйка.
Панотѣ — почетный титулъ старыхъ и достойныхъ уваженія людей: священника и т. д.
Панотцівъ, цѣва, цѣве — отцовскій, ая, ое.
Пáнькати, ся — ухаживать за гѣмъ.
Пáнщина — барщина.
Папѣрникъ — бумажный фабрикантъ.
Пáплюга — бранное слово къ жещищъ.
Паркáтъ — частоконъ въ укрѣпленіи; прочная изгородь досчатый заборъ.
Парубкувáти — быть не женатымъ молодымъ человѣкомъ.
Пáска — куличъ.
Пастóвникъ — мѣсто для пастбы скота.
Патѣка — см. потѣка.
Пахтítъ — слегка пахнеть.
Пеленá — передняя часть рубахи.
Пѣлька — горло (въ проищескомъ смыслѣ).
Перебѣндывати — вести тары-да-бары.
Перевертень — отступникъ, измѣнщикъ своей народности.
Переимáти — преслѣдуя опережать и перехватывать дорогу.
Перекувѣджений — приведенный въ безпорядокъ.
Перелігъ, род. лóгу — почва лежавшая нѣсколько лѣтъ ме вспаханною.
Перепѣрти — переташить, передвинутьъ.
Пересѣрдя — размолвка.
Перестрѣти — встрѣтить на перегъ пути.
Перехилігтися — перегнувшись, пагнуться.
Пері́на — перышко.
Печѣне — жарное.

Пилієнько—приспально, вниматель-
но споро.

Пірхнути—приснуть отъ смѣха и
т. п.

Півникъ—пѣтушокъ.

Пів-ліха—полбѣды.

Підвечіркувати—ѣсть послѣ пол-
дника, заѣвсколька времени передъ ужин-
омъ.

Підгорніти—повергнути, покорить.

Піддурити—обмануть.

Підтикатисл—подобрать платье.

Підти́тарий—помощникъ церковна-
го старосты.

Підупасти—ослабѣть, обѣднѣть.

Піклува́тисл—заботиться, стараться.

Пісьмо—грамотность.

Платтяниця—та, что ходитъ въ ш-
меккомъ платьѣ.

Плідъ—плодъ, произведеііе.

Пліточка—плотичка, плотва (рыба).

Плюндрува́ти—грабить; разорить.

Пляшечка—стекляная фляшка.

Побачити—увидѣть.

Пова́га—уваженіе; важность, солид-
ность.

Повиволіка́ти—повытаскивать.

Повіть—уѣздъ.

Поволо́вшина—дань отъ скота.

Поворотъ—возвращеніе.

Повтіка́ти—всѣмъ уйти, убѣжать.

Поголо́ска—слухи, вѣсти.

Погорі́ти—сгорѣть.

Погу́кувати—покрикивать.

Подзві́нне — плата звонарю за по-
хорошный звонъ.

Поді́тисл—дѣваться.

Поєді́тисл—соединиться.

Пожéжа—пожаръ.

Пожовкдй—пожелтѣвшій.

Позайма́ти—занять, овладѣть всѣмъ.

Позахарчо́ваний—захирѣвшій.
тошій отъ плохого корму.

Позива́ти—судиться, звать къ суду.

Позира́ти—взглядывать.

Позича́ти—занимать; ссужать, одо-
лжать.

Показі́тисл—взбѣситься. (о мно-
гихъ лицахъ).

Покало́шкати—растренать, потре-
вожить.

Покоха́тисл—влюбиться другъ въ
друга.

Полéгкость—облегченіе.

Полові́ти—переходить изъ зеленого
цвѣта въ блѣдно-желтый (о ржи и пше-
ниці на нивѣ).

Поло́хати—тревожить, пугать.

Помéншати—сдѣлаться меньше.

Помі́чати—примѣчать.

Понабудовувати—понастроить, со-
орудить.

Поня́ти віри—повѣрить.

Понита́ти—спросить.

Понлѣ́натисл—поплестить, побре-
сти, тихошко пойти.

Поплі́чникъ—подручный человѣкъ.

Попожу́ритисл—потосковать таки
довольно.

Попрошэ́чуватисл—провиниться.

Попускъ—потачка.

Попха́тисл—поташиться потихонь-
ку.

Попиху́ти—толкнуть.

Порозни́цею—по частямъ, по оди-
ночкѣ.

Посадо́вити—посадить (о многихъ).

Посварі́тисл—погрозить; разо-
риться.

Посило́къ—военная помощь, отрядъ
посылаемый кому нибудь на помощь.

Поспі́льство—простой, сельскій на-
родъ.

Постере́гти — примѣтить, подмѣ-
тить.

Поступа́ти—снабжать, давать.

Посхо́дити—сойти; о растеніяхъ—
взойти.

Пóгай—скрытно.

Пóти—до тѣхъ поръ.

Потре́ба—битва; сраженіе; дѣло.

Потре́бизна—потребность.

Поту́га—сила (военная).

Потягті́—потянуть; пойти; ударить
чѣмъ нибудь тяжелымъ.

Похму́рий—невеселый, сумрачный.

Поцу́пити—потачить.

Пóчасту—частенько таки.

Прéдсй—прежій, давнишій.

Приго́да—несчастіе, горе, несчаст-
ный случай.

Придивля́тисл—присматриваться.

Прилі́бця — шлемъ; часть шлема,
защищающая лобъ.

Прилуча́тисл — присоединиться;
приключиться.

Прилю́дне—всенародно, при лю-
дяхъ.

Прислу́хатисл—прислушиваться.

Присма́ки—лакомства.

Присі́гти—притти въ самую пору.

Притаку́ватисл—приладиться.

Притама́ний — истый; присущій;
собственный.

Приторки́ути сл—прикоснуться.

Приту́локъ—пристанце.

Притьо́мъ—непремѣнно.

Прихила́тисл—нагицаться, скла-
няться.

Пришелéповатий—съ придурыю.

Прі́са—уменьшит. имя Евфросини.

Проблукати—прошляться.
Прокáзувати—(школьное) учить как читать.
Прóмити—плата на заставах съ товаровъ натурою, вмѣсто денегъ.
Пропітувати—разспрашивать.
Прóбий—прямой.
Простроміти—проткнуть.
Прохворостіти—посѣчь хворостинной.
Прóща—богомолье.
Прóйма—неестественное явленіе; выскочка.
Псáльми—верши духовнаго содержания.
Пúжка—плетка.
Пустізна—выморочное имущество, или брошенное хозяиномъ.
Рабувати—грабить.
Раденькій—радехоцькь.
Рáйця—членъ мѣщанскаго суда ра-туша.
Рáчки—на корачкахъ, ползкомъ.
Рейментарювати—предводительствовать, начальствовать полками.
Реймѣнтъ—начальствованіе.
Репьáхъ—репейникъ.
Речникъ—адвокатъ, ходатай по дѣламъ.
Рибáлочка—заск. рыбацькь.
Ривчáкъ—канавка, прорытая водою, съ ручьемъ.
Рідь—семейство; родъ; родня.
Різанипа—рѣзня.
Рідзвó—праздникъ Рождества Христова.
Різка—розга.
Різунъ—охотникъ до рѣзня.
Річъ—слово, дѣло, вещь.
Рожéвий—розовый.
Розважати—утѣшать, успокоивать.
Розжартуватися—разшутиться.
Роззівá—раззівá.
Розмóва—разговоръ.
Розмовляти—разговаривать.
Розруйнувати—разрушить.
Роспанáхати—разорвать, сильно разрѣзать.
Роспорóшений—разсыпанный, какъ пыль вѣтромъ.
Ротий—ротикъ.
Рудій—рыжий.
Рúлка—край; горлышко.
Румсати—см. рюмсати.
Рухóмість—движимость.
Рúчий—ловкій.
Рюмсати—рюмить, плакать.
Рябó—кличка сабаки, по рябой или пестрой шерсти.

Сáме—именно.
Самохитъ—по собственной волѣ, хотѣнію; самовольно.
Сви́уги—появиться разевѣту.
Свиріпа—сурѣпица (растеніе).
Себелі—названіе рыбы.
Сеймувати—отправлять сеймъ.
Сикáтися—лѣзь къ кому, бросаться, привязываться.
Сипáтка—плахта сипяго цвѣта (ролъ нижняго женскаго платья).
Сиротá—сиротка.
Сідало—набѣсть.
Сіпнути—быстро дернуть.
Скаженіти—бснговаться.
Скаляти—запачкать.
Скарбóвил—казначейство.
Скарбъ—сокровище, казна, казначейство.
Скаржитися—жаловаться.
Скаучати—визжать (о собакахъ).
Скѣля—скала.
Скинчѣтися—окончиться; скончаться; умереть.
Скірѣнь—скорь.
Склястиел—сложиться.
Скланцювати, накланцювати—набить стѣны клинушками.
Скóбитися—сдѣлаться, случиться.
Скопѣлити нѣсь, гúбу—загнуть, поднять носъ и пр.
Скомпонувати—сочинить, составить.
Скуби́уги—дернуть, рвануть за волосы.
Скупердѣга—скрлжище.
Ску́нитися—соединиться.
Славѣтний—славный.
Слебзувати—медленно высказывать.
Слóвонько—словечко.
Словúтний—славный, знаменитый.
Слухúтний—послушный.
Смакъ—вкусъ.
Смáлець—птичій жиръ.
Смачнѣнько—вкусно.
Смашнѣше—вкусише.
Смѣкати—дергать.
Смѣтникъ—сорная куча.
Сбняшникъ—подсолнечникъ.
Спáдокъ, наслѣдство.
Спáтоньки—уменьшит. форма глагола спати.
Спѣршу—сперва, сначала.
Сниити—остановить удержать.
Співѣць—пѣвецъ.
Спільний—общій; совмѣстный.
Спѣткати—встрѣтить.
Спóминка—воспоминаніе.
Справдѣшний—настоящій.

Спромогтіся—собраться съ силами, со средствами; получить возможность.

Спусти́ти—опустѣть.

Ставо́чокъ—ум. отъ ставъ—прудь.

Станъ—состояніе, сословіе.

Ста́ція—сборъ на содержаніе войскъ.

Стѣля—потолокъ.

Степа́ничокъ—зайчикъ.

Сторчъ—стремглавъ.

Стрепену́ти—встрихнуть.

Стриміти—торчать.

Струнькій—стройный тонкій.

Стру́шувати—стрихать.

Стукотіти—часто стучать.

Стурбува́ти—встревожить; возбудить.

Супли́ка—письменная просьба.

Суеу́ль—въ Черниговск. нарѣчій, вмѣсто суєль—выражаетъ моментъ нежданнаго появленія: шашь.

Сухоперіи́й—о платѣ: вымытый напросто, безъ бученья.

Схопі́тися—вдругъ подняться, вскочить.

Схилі́ти—нагнуть, склонить.

Схоті́ти—захотѣть.

Счерво́ніти—покрасіть.

Счисува́ти—расчесывать.

Та́боръ или Та́буръ—обозъ (военный).

Тадже́жъ—да вѣдь же.

Темпо́та—тьма.

Тѣхъ!—корень глагола тѣхнути.

Ти́ша—тишина.

Тіка́ти—уходить.

Тіточка—тетенька.

То́рба—небольшой мѣшокъ, сумъ, котомка.

Торі́къ—въ прошломъ году.

Трѣ́съ—выражаетъ моментъ треска, и удара.

Троїча́тій—тройной.

Троївъ—родъ танца.

Тубо́лецъ, тубилецъ—туземецъ.

Тужъ—тужъ—вотъ, вотъ; скоро, скоро.

Туду́бъ—торсъ; трупъ.

Тюхті́й—неживой, непиворотливый тяжелый на подъемъ.

Тягті́—тянуть.

Ула́ча—характеръ, свойство (живаго лица).

Уідли́вий—неотвязно—заой.

Укла́стися—уложиться, улечься.

Уку́пці—уменьш., ласка вмѣстѣ.

Умкну́ти—быстро уйти.

Умо́ва—уговоръ, условіе.

Упові́и—вполювъ.

Урівень—наровівъ.

Ускубу́ти—легонько дернуть (за волосы и т. п.).

Утісо́къ—притѣсненіе.

Ухля́нкъ—гвоздикъ для подковъ.

Ухожа́й—угодья.

Хай—пусть, пускай.

Хапъ—хватъ!

Хвилі́ночка—минуточка, мгнове́ніе.

Хви́ськати—хлестать (бить).

Хворо́ба—болѣзнь, повѣтріе.

Хі́ба—заблужденіе, погрѣшность, ошибка

Хіба́-що—развѣ только.

Хі́жа—чулакъ.

Хилі́тися—клониться.

Хі́рїти—хворать.

Хі́рїи́й—хворый, слабый.

Хі́вря—Февронья.

Хі́дія—хожденье.

Хі́пъ—хватъ!

Хі́ть—желаніе.

Хлю́постаті́ся—плескаться въ водѣ.

Хлю́пъ—выражаетъ плесканье воды.

Хлю́ща—что-либо мокрое изъ чего течетъ вода.

Хо́да—походка.

Хоро́ба—см. хвороба.

Хреще́на ма́ти—крѣстная мать.

Ху́тко—скоро.

Цвахова́и́й—убитый гвоздями.

Цібу́ля—лукъ (растеніе).

Ціть, см. цїтьте! — ть! молчать молчите!

Цу́пити—тащить.

Часла́вецъ—часословъ.

Части́ца—частица, отрывокъ.

Чепці́—монахи.

Чимало́—довольно таки.

Чиншъ—дань за право владѣнія землей.

Чіть—четное число (въ игрѣ, гдѣ надо угадывать числа).

Чміль—шмель.

Чобі́токъ—сапожекъ.

Чого́сь—(нарѣч.) чего-то, почему-то; зачѣмъ-то.

Чу́тко—слышно

Чу́тїи́й—слышнїй.

Шано́ба—выраженіе уваженія, почтенія.

Шарпа́ти—рвать, разорять.

Шведі́яти—бродить, слоняться.

Швецъ—сапожникъ.

Швидчъ, е—скорѣй.

Шепета́ти—громко шептать.

Шурхнути—произвестъ шорохъ.
Школярство — школьничество; (собир.) школьники.

Шо—что.

Шпарко—быстро, проворно.

Шпичка—спина, остріе.

Шнурляти—бросать на далекомъ разстояніи.

Шпурнути—швырнуть.

Штовхати—толкаться, толкать.

Штрикати—тыкать остріемъ.

Шубовсть!—выражаетъ сильное паденіе въ воду.

Шумувати—пѣниться.

Шупити—понимать кое-что.

Щадокъ—отдаленный потомокъ.

Щитітися—заслоняться, защищаться.

Що-вѣтірка—каждаго вторника.

Юшити—сильно течъ (о крови).

Юшка—супъ; жижа.

Язь, ізъ—перегородка въ рѣкѣ, для задержанія рыбы.

Якось—какъ-то.

Ядзитися—пачкаться.

Ярепудовий — бранное шуточное слово.

Ярмаркувати—продавать или покупать на ярмаркѣ, быть на ней.

Ятеръ—снарядъ для ловли рыбы.

Ящурка—ящерица.

ОБЪ ИЗДАНИИ

РУССКАГО ПЕРЕВОДА

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

МАКОЛЕЯ.

До настоящаго времени вышелъ 1-й томъ *Полнаго Собранія*, который содержитъ въ себѣ «*Критическіе и историческіе опыты*» (1825 — 1831 г.), *портретъ автора* и подробную статью профессора *Вызинскаго* о жизни и сочиненіяхъ лорда Маколея.

Цѣна этому тому 2 р. с.; цѣна остальныхъ томовъ изданія будетъ по 1 р. 50 коп. за каждый.

Изданіе «Опытовъ» (Essays) и «Исторіи Англіи» будетъ идти параллельно и до мая 1861 г. выйдетъ *три тома* (*).

Каждый томъ изданія будетъ продаваться отдѣльно; для желающихъ же подписаться на 3 тома цѣна:

Въ Петербургѣ и Москвѣ 4 р. 40 к.

Съ пересылкою во всѣ города Имперіи 5 » —

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С. Петербургѣ: у книгопродавца Як. Ал. Исакова, въ гостинномъ дворѣ, № 24.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. М. Щепкина и К^о.

Отъ г.г. иногородныхъ: *исключительно* въ конторѣ типографіи Николая Тиблена и К^о, на Васильевскомъ Ост., въ 8 линіи, № 25.

(*) Второй томъ выйдетъ въ 1-хъ числахъ апрѣля.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

Ө-ру Ө-чу В-р-и-су, въ Новомиргородѣ. Ваша статья можетъ быть напечатана съ сокращеніями.

Б. Ө. Г-ж-д-у, въ Куртинцы. Очень рады предложенію съ нетерпѣніемъ и ожидаемъ исполненія.

И-ну А-чу З-т-р-к-с-чу, въ Орелѣ. Отчетъ о вашихъ замѣчательныхъ стихотвореніяхъ вы получите въ особомъ письмѣ.

В. К-с-ц-су, въ Ситорѣ. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ обѣщанныхъ вами статей.—Редакція совершенно согласна съ вами на счетъ оцѣнки нѣкоторыхъ нашихъ писателей.

А-ру Я-чу К-и-скому и В-ю С-чу К-л-ку, съ Полтаву, В. М-л-ю, въ Козаль и А-ру А-чу П-вр-цк-му, въ Телмиръ-Ханъ-Шуру. Стихотворенія ваши будутъ, по возможности, печататься.

И-ю Д-чу М-ко, въ Карабиновку. Ваше письмо будетъ напечатано. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ обѣщанныхъ трудовъ.

М-ру Ол-к-вичу, въ Козелецѣ. Вашъ рассказъ и повѣсть будутъ напечатаны.

О-т-н-и-с-ку, въ Петербургѣ. Отчетъ о рассказахъ: «Сонъ и діло» и проч., будетъ сообщенъ въ слѣдующей книжкѣ.

П-р-х-д-вцу, въ Полтаву. Проектъ и вѣсти ваши будутъ напечатаны, если не встрѣтятся особенныхъ препятствій.

О. П. Тр-цкому, въ Бѣлую Церковь. Весьма вамъ благодарны и, по возможности, постараемся воспользоваться вашимъ почтеннымъ трудомъ.

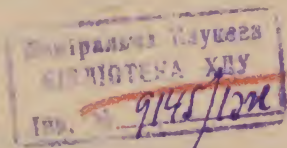
А-ру Т-ш-скому, въ Глуховѣ. Вашъ рассказъ можетъ быть напечатанъ съ сокращеніями.

М-му Ч-р-му, въ Кіевѣ. Ваши статьи, которыми весьма дорожимъ, будутъ напечатаны, если не встрѣтятся препятствій.

К. Шв-к-скому, въ Кіевѣ. Принятіе вашихъ условій можетъ

состояться по разсмотрѣнн вашихъ сочиненій, если они будутъ присланы.

М-му В-р-въ и Г-ри-скому, въ Кишиневъ, О. К-цову, въ Таганрогъ, П-ну Ст-ц-ку, въ Гродно,—Г-ю А-т-ву, въ Кромовецъ,—А. С-в-чу, въ Москву,—А. С. К-в-л-скому, въ Петербургъ,—А. А-др-ку, В. П-т-р-к-ж-ха и М-лу Ал-чу М-л-ш-ку, въ Кіевъ,—В. Д-б-к-му, въ Соснишу, Н. Т-х-рскому, въ Петербургъ, Ф. Б-ч-ку, въ Станицу Надежную, А. З-му К-н-к-му, въ Петербургъ, А-ру А-чу Ост-н-ку Б-л-ку, въ Апаньевъ, В-ю М-въ, въ Харьковъ, А-ю Сл-цкому, въ Переяславъ, П. Н. П-т-ну, въ Градижскъ и А. Е. Зв-н-г-скому, въ Кременчугъ. Отчетъ о вашихъ сочиненіяхъ будетъ помѣщенъ въ слѣдующей книжкѣ.

K-107

168968

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

ВЪ ФЕВРАЛЬСКОЙ КНИЖКѢ ОСНОВЫ.

<i>Стр.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
36	8	сверху	прильнѣ
42	8	—	квітѣкъ
42	9	—	дѣтокъ
54	20	—	и симъ

ВЪ МАРТОВСКОЙ КНИЖКѢ.

I отд.	12	2	сверху	Грама ^т вкѣ	Грама ^т кѣ
—	—	25	—	галу ^ш нки	галу ^ш кѣ
—	20	12	снизу	замлѣли	зомлѣли
—	80	27	сверху	имъ его	имя его
—	88	29	—	Гума ^к	Гула ^к
—	93	7	—	было странно бы	было бы странно
—	—	8	—	перепечаемъ	перепечатаемъ
II отд.	15	9	—	Бруховѣчнина	Бруховѣщина

THE HISTORY OF THE

REIGN OF

CHARLES

THE SECOND
BY
JOHN BURNET
BISHOP OF SALISBURY
AND
OF THE CHURCH OF ENGLAND
IN PARLIAMENT ASSEMBLED
BY THE COMMONS
IN THE YEAR 1689